

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

СЕКЦИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ РАН

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

№ 31

Издаётся с 1993 г.

**МОСКВА
2012**

ББК 83
Л 64

Главный редактор –

А.Н. Николюкин – д-р филол. наук

Редакция:

Е.А. Цурганова – канд. филол. наук,

Т.Г. Юрченко (ответственный секретарь)

Редакционный совет:

В.В. Агеносов – д-р филол. наук, *М.А. Айвазян* – канд. филол. наук, *В.Н. Аношина* – д-р филол. наук, *П.П. Апрышко* – канд. филос. наук, *И.Л. Волгин* – д-р филол. наук, *И.Л. Галинская* – д-р филол. наук, *Н.В. Королёва* – д-р филол. наук, *О.А. Коростелёв* – канд. филол. наук, *Т.Н. Красавченко* – д-р филол. наук, *Б.А. Ланин* – д-р филол. наук, *А.Е. Махов* – д-р филол. наук, *А.Н. Сенкевич* – д-р филол. наук, *Л.В. Скворцов* – д-р филос. наук, *В.М. Толмачёв* – д-р филол. наук, *А.И. Чагин* – д-р филол. наук, *Е.П. Челышев* – академик РАН

Л 64 **Литературоведческий журнал № 31:** Науч. журн. / РАН. Отд-ние ист.-филол. наук. Секция языка и лит., ИИОН; Гл. ред. Николюкин А.Н. – М.: ИИОН, 2012. – 344 с. – ISSN 2073-5561

В журнале публикуются научные статьи по истории отечественной и зарубежной литературы, по теории литературы, а также хроника литературной жизни и библиография по литературоведению.

Рукописи представляются в редакцию в печатном и электронном виде. К тексту статьи прилагаются: краткая аннотация на русском и английском языках и список ключевых слов, а также справка об авторе с указанием ученой степени, должности, места работы и контактной информации. Публикующиеся рукописи рецензируются. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

The Journal of Literary History publishes articles and essays on the history of Russian and foreign literature, theory of poetry, as well as literary chronicle and bibliography.

The manuscripts are reviewed. The articles by post-graduates are published gratis.

Выпуск журнала, приуроченный к 300-летнему юбилею Ж.-Ж. Руссо (1712–1778), включает статьи известных отечественных исследователей по проблемам, связанным с осмыслиением эстетических взглядов французского мыслителя, его места в истории французской литературы, а также влияния на развитие литературы других стран, в том числе России.

Для литературоведов, философов, преподавателей вузов.

Журнал входит в систему elibrary.ru

ББК 83

© Литературоведческий журнал, 2012. Научное издание

© ИИОН РАН, 2012

ISSN 2073-5561

СОДЕРЖАНИЕ

Ж.-Ж. Руссо: К 300-летию рождения

<i>А.В. Голубков.</i> Читатель в «Исповеди» Ж.-Ж Руссо: Риторические основы автобиографического романа.....	4
<i>А.Е. Махов.</i> Подражание против гармонии: «Музыкальный словарь» Руссо в контексте поэтики	21
<i>В.Л. Коровин.</i> К истории русских переводов Ж.-Ж. Руссо: «Ефраимский левит» в переводах П.А. Пельского и В.А. Жуковского	39
<i>К.А. Чекалов.</i> Жак-Анри Бернарден де Сен-Пьер о Ж.-Ж. Руссо	54

К 80-летию Института мировой литературы им. М.А. Горького РАН

<i>А.С. Курилов.</i> Из истории Института: (А.М. Горький и ИМЛИ; Первые положения об Институте и планы научной работы)	72
<i>А.С. Курилов.</i> ИМЛИ и академическое литературоведение	140

Публикации

Дневник Сергея Платоновича Каблукова. Год 1909-й / Вступит. статья, публикация и комментарии Е.М. Криволаповой	178
Коротко об авторах	343

Ж.-Ж. РУССО: К 300-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ

Без Руссо не было бы революции.
Наполеон I

А.В. Голубков

ЧИТАТЕЛЬ В «ИСПОВЕДИ» Ж.-Ж. РУССО: РИТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА

Аннотация

Статья посвящена интерпретации «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо с точки зрения взаимоотношения автора и читателя. Высказывается предположение, что Руссо, тонкий знаток западной риторической традиции, использует традиционные категории «этос» и «патос» для того, чтобы изначально наделить читателя полночиями носителя «здравого смысла», а впоследствии дискредитировать их. Если начало автобиографии традиционно увязывается с поэтикой плутовского романа, то в ходе развития повествования «Исповедь» становится пропагандой методов воспитания и своего рода иллюстрацией трактата «Эмиль, или О воспитании».

Ключевые слова: Руссо, риторика, плутовской роман, автобиография, Аристотель, этос, патос.

Golubkov A.V. The reader in «The confessions» by J.-J. Rousseau: The rhetorical tenets of the autobiographic novel

Summary. The article deals with the relationships between the author and the reader in «The confessions» by J.-J. Rousseau. It is argued that Rousseau uses the traditional rhetorical categories of «ethos» and «pathos» in order to endue the reader the possession of «common sense» and then discredits it. Being connected from the very beginning with the poetics of picaresque novel «The confessions» gradually transforms to the tractate on education.

Передавая эти подробности, очаровательные для меня, но часто утомительные для читателя, я соблюдаю, однако, умеренность, о которой он и не подозревал бы, если бы я не сообщил ему об этом.
(Ж.-Ж. Руссо, Исповедь, часть 1, книга 6).

По меткому замечанию Эмиля Бенвениста¹, тот, кто занят чтением автобиографии, сам оказывается имплицирован в акте нарратории и в конечном итоге составляет вместе с говорящим единый сюжет рассказывания. В случае с автобиографическими произведениями Жан-Жака Руссо это наблюдение французского лингвиста оказывается в высшей степени справедливым, о чем обстоятельно писал женевский профессор Жан Старобинский в фундаментальном исследовании творчества своего именитого соотечественника. Старобинский обращает внимание на поразительную транспарентность, которую сознательно выстраивал Руссо в своей жизни, идеях и письме, и транспарентность эта наиболее очевидно явлена в автобиографических трудах: «Автобиографические сочинения затрагивают тему не познания самого себя в подлинном смысле этого слова, но потребность признания Жан-Жака со стороны других. Фокус проблематики в его глазах оказывается не в простом осознании самим самого себя – на первый план выходит перевод сознания самого себя в признание, идущее извне»². И это внешнее понимание, идущее от мира, и оказывается лежащей на поверхности целью «Исповеди».

Беглого поверхностного взгляда достаточно, чтобы найти следы постоянной коммуникации Руссо с читателем на страницах «Исповеди». «Я» испытывает желание общаться с «ты» или «вы», Руссо призывает своего слушателя участвовать в рассказывании; читатель постоянно присутствует в рассуждениях Руссо, который предчувствует, прогнозирует его реакции. Повествование разворачивается с уже обозначенными аффектами читателя, а часто даже как будто на фоне их: эти аффекты не просто порождены произведением, но оказываются буквально его частью. Можно сказать, что читатель буквально участвует в создании композиции текста, выстраивании его архитектоники, ибо от его предполагаемой реакции зависит течение нарратории.

Естественно, что при современном литературоведческом анализе текста Руссо необходимо различать как минимум два типа читателя.

Первый тип – назовем его *реальный читатель* – часть той обширной публики, которая буквально взахлеб читала «Исповедь», восторгаясь и негодуя³. Напомним, что «Исповедь», написанная в 1765–1770 гг., публиковалась посмертно в 1782 и 1789 гг., т.е. буквально накануне Революции.

Второй – продукт воображения автора, т.е. читатель, «расположенный» в тексте, созданный автором молчаливый адресат многочисленных обращенных к нему реплик и неизбежно выстроенный в соответствии с замыслом Руссо. Это фактически герой текста, и именно его аффекты задают тон повествованию Руссо. Именно о нем постоянно думает рассказчик, его он имеет в виду, к нему обращается и прогнозирует его реакцию на рассказываемое. С ним и связана цель Руссо, эксплицированная в finale 4-й книги: «Если бы я взял на себя труд сделать вывод и сказал бы читателю: «Вот каков мой характер», он мог бы подумать, что если даже я его не обманываю, то во всяком случае сам заблуждаюсь. Тогда как, излагая подробно со всей простотой все, что со мной было, все, что я делал, все, что думал, все, что чувствовал, я не могу ввести его в заблуждение, если только не стану намеренно добиваться этого; но даже намеренно мне таким путем не легко было бы его обмануть. Его дело – собрать воедино все элементы и определить, каково существо, которое они составляют; вывод должен быть сделан им самим; и если он тут ошибется, это будет всецело его вина. Итак, недостаточно, чтобы повествование мое было правдиво: нужно еще, чтоб оно было точно. Не мне судить о значительности фактов; я обязан отметить их все и предоставить читателю в них разобраться. Вот что я стремился до сих пор осуществить, прилагая к этому все свои силы, и в дальнейшем не отступлю от этого. Но воспоминания о зрелом возрасте всегда менее ярки, чем о ранней молодости. Я начал с того, что постарался воспользоваться последними как можно лучше. Если остальные вернутся ко мне с той же силой, иные нетерпеливые читатели, может быть, найдут их скучными, но что касается меня – я не останусь недовольным своей работой. Одного только приходится мне опасаться

при выполнении задуманного: не того, что я скажу слишком много или солгу, а того, что не скажу всего и умолчу об истине»⁴.

К какому же *воображаемому читателю* (назовем его так) апеллирует и адресуется Руссо? Само название текста отсылает, безусловно, к «Исповеди» Святого Августина; естественно, что первый такой воображаемый читатель – Бог, но сразу же, на первых страницах своего текста, Руссо рисует и другого (других) слушателей: «Пусть трубный глас Страшного суда раздастся когда угодно, – я предстану пред Верховным судией с этой книгой в руках. Я громко скажу: «Вот что я делал, что думал, чем был. С одинаковой откровенностью рассказал я о хорошем и о дурном. Дурного ничего не утаил, хорошего ничего не прибавил; и если что-либо слегка приукрасил, то лишь для того, чтобы заполнить пробелы моей памяти. Может быть, мне случилось выдавать за правду то, что мне казалось правдой, но никогда не выдавал я за правду заведомую ложь. Я показал себя таким, каким был в действительности: презренным и низким, когда им был, добрым, благородным, возвышенным, когда был им. Я обнажил всю свою душу и показал ее такою, какою ты видел ее сам, всемогущий. Собери вокруг меня неисчислимую толпу подобных мне: пусть они слушают мою исповедь, пусть краснеют за мою низость, пусть сокрушаются о моих злополучиях. Пусть каждый из них у подножия твоего престола в свою очередь с такой же искренностью раскроет сердце свое, и пусть потом хоть один из них, если осмелится, скажет тебе: «Я был лучше этого человека»»⁵.

Заявленная названием отсылка к Богу, таким образом, всего лишь «апелляция к Авторитету», разговаривать Руссо собирается отнюдь не с ним, но с «подобными себе», т.е. с теми, кто жаждет быть «равным» Руссо с онтологической точки зрения. Речь не идет о превосходстве Руссо над остальными, скорее Руссо хочет добиться, чтобы было такое превосходство над ним (свидетельством чему являются последние слова в приведенном выше отрывке). Воображаемый читатель⁶ – не чистая выдумка Руссо. К моменту создания «Исповеди» он уже издал большую часть своих произведений и отдавал себе отчет в том, какой отклик находят изложенные в них идеи. В связи с этим образ читателя был выстроен в его сознании весьма четко, и он действительно досконально знал тех, к кому обращался. Другой вопрос, зачем он к ним обращался и

зачем он наделил их (или создал иллюзию, что наделил) полномочиями священника-исповедника (или Бога), активно реагирующего на рассказываемые события? Так ли наивен Руссо, каким хочет казаться и так ли он запросто раскрывает свои секреты?

Общеизвестно, что «реальные читатели» Руссо в XVIII столетии и в последующий век, за крайне незначительными исключениями⁷, не воспринимали руссоистскую «Исповедь» как текст и находили в ней самого Жан-Жака. Эта особенность отношения к руссоистскому наследию связана, в большей степени, с настоящей «канонизацией» Руссо как классика во время Французской революции. С началом же научной интерпретации руссоистской «Исповеди» в XX в. неоднократно отмечалось⁸, что первая часть произведения *выстроена* по всем правилам хорошего плутовского романа, в традициях, восходящих к «Жизни Ласарильо с Тормеса» и продолженных как испанскими, так и французскими образцами вроде «Жиля Блаза» Лесажа.

Напомним, что плутовской (или пикарский) роман – одно из главных достижений испанской ренессансной литературы – представляет собой в идеальном изводе рассказ от первого лица, фактически исповедь главного героя (или антигероя), который вспоминает свою юность, постоянные страдания от нищеты и голода, из-за которых он был вынужден совершать разнообразные плутни (ловко обманывать, мошенничать, совершать кражи и т.п.). «Игрушка в руках фортуны», он в высшей степени «подвижен», часто меняет хозяев, место жительства и, описывая свои похождения, дает меткие ироничные характеристики всему виденному и слышанному. Свидетельств «плутовской» подоплеки первой части «Исповеди» (в большей степени первых двух глав в ней) множество, приведем наиболее впечатляющие: «Когда я обошел всех, поглядывая одним глазом на жаркое, имевшее такой заманчивый вид и такой вкусный запах, я не мог удержаться, чтобы не попрощаться и с ним, и сказал ему жалобным тоном: “Прощай, жаркое!” Эта наивная выходка показалась всем такой забавной, что меня оставили ужинать. Может быть, она имела бы успех и у моего хозяина, но, уж конечно, здесь она не пришла бы мне в голову, а если бы и пришла, я не решился бы привести ее в исполнение. Вот так привык я таить свои желания, скрываться, притворствовать, лгать и, наконец, красть – склонность, раньше не свойственная мне, но от

которой с тех пор я не мог полностью излечиться. Желание и невозможность его удовлетворить всегда ведут к этому. Вот почему все лакеи – воры, и все ремесленные ученики тоже вынуждены воровать; но последние, вырастая, оказавшись в положении равенства и спокойствия, при котором всё, что они видят, доступно им, теряют эту постыдную склонность. Не достигнув подобного благополучия, я не мог извлечь из него и эту пользу»⁹.

О воровстве, этом типичном атрибуте плута, Руссо рассказывает неоднократно: «Проделки эти продолжались несколько дней, и ни разу мне не пришло в голову обокрасть вора – взыскать десятину с доходов г-на Верра от спаржи. Я был необыкновенно честным жуликом; единственным моим побуждением было услужить тому, кто заставлял меня это делать. Между тем, если б меня поймали, сколько побоев, сколько оскорблений, какое жестокое обращение пришлось бы мне перенести; тогда как негодяю, отрешился он от меня, поверил бы на слово, и я был бы наказан вдвойне за то, что осмелился его обвинять, ибо он был компаньоном, а я только учеником. Вот как во всех состояниях за сильного всегда отвечает бессильный. Так я узнал, что воровать совсем не столь ужасно, как мне казалось, и вскоре так хорошо воспользовался этим знанием, что все, чего бы я ни пожелал, будучи мне доступным, не было в безопасности»¹⁰.

Исподволь Руссо нагромождением подобных сцен приводит читателя к выводу, что среда почти сформировала его как плута: «От браны, побоев, чтения украдкой и без разбора я сделался молчаливым и угрюмым; рассудок мой начал мутиться, и я стал жить, как настоящий бирюк. Однако если пристрастие к чтению не уберегло меня от пошлых и безвкусных книг, то счастье уберегло от книг грязных и непристойных»¹¹. Такие разбросанные в тексте подробности позволяют прочитать «Исповедь» (по крайней мере ее начало) как довольно ироническую хронику жизни пикаро. В то же время важно отметить, что пикарский характер отличает не только эпизодических героев, но и очевиден в перипетиях жизни самого главного героя. Несмотря на то что он отнюдь не сын вора или колдуны, наш герой – выходец из средней женевской буржуазии. Вспомним также, что мать его умерла родами, он был что называется «оставлен» отцом, выброшенный на обочину социальной и культурной жизни, практически самоучка. Во время пребывания

в Женеве он не мальчик из высшего общества, а «ребенок Святого Жерве». Предоставленный самому себе в возрасте 16 лет, он меняет одно ремесло за другим, «слуга многих хозяев», с апреля 1730 по октябрь 1731 г. герой «сменил» в качестве места жительства как минимум 10 городов.

В то же время можно с уверенностью утверждать, что между автобиографией Руссо и пикарской есть разница. Руссоистский текст представляет собой ретроспективный рассказ, в котором автор пытается выстроить генезис своей личности, что в пикарске отсутствовало. В то время как Руссо родился хорошим в этот мир, герой испанской пикарски изначально имеет злую натуру. Руссо с ностальгией обращается к своему детству, этакому «золотому веку», в то время как пикаро вспоминает о своем с отвращением, замаскированным цинизмом и черным юмором. Руссо даже заключает своеобразный «пакт» с читателем, прося у него разрешения рассказать о своих шалостях: «Я хорошо понимаю, что читателю не очень нужно все это знать, но мне-то очень нужно рассказать ему об этом. Отчего мне не решиться поведать все маленькие проишествия того счастливого возраста, заставляющие меня еще и сейчас вздрагивать от радости, когда я вспоминаю их. Среди них есть пять или шесть, о которых мне особенно хотелось бы упомянуть. Договоримся. Я избавлю вас от пяти, но хочу сообщить об одном-единственном – при условии, что мне позволят рассказывать как можно дольше, чтобы продлить мое удовольствие. Если бы я думал только о вашем удовольствии, я мог бы выбрать проишествия с мадемуазель Ламберсье, зад которой, вследствие ее неудачного падения на покатом лугу, предстал во всей красе перед сардинским королем во время его проезда; но проишествие с ореховым деревом на площадке для меня более занимательно, так как тут я был действующим лицом, а при падении мадемуазель Ламберсье – только зрителем; и, признаться, мне ничуть не хотелось смеяться над этим случаем, хотя и комичным самим по себе, но огорчившим меня, так как он произошел с особой, которую я любил как мать, а может быть, и больше»¹².

Налицо общая структурная особенность пикарски и «Исповеди» Руссо – наличие взаимоотношений между рассказчиком в старости с героем (не равным самому себе настоящему) в молодости. Но у Руссо мы можем заметить не только иронию, но и иногда

весьма жесткую отповедь по отношению к тем «преступлениям», которые совершают его молодой прототип, кроме этого он призывает в качестве «резонера» читателя, прогнозируя, что ему не понравятся «пикареские» сцены: «Прежде чем продолжать повествование, я должен извиниться и оправдаться перед читателем, ибо я вошел в мелочные подробности, в которые буду входить и в дальнейшем, хотя они не представляют для него никакого интереса. Чтобы осуществить задуманное мной, т.е. показать людям все-го себя целиком, надо сделать так, чтобы ничто, меня касающееся, не осталось для читателя неясным или скрытым. Надо, чтобы я беспрестанно был у него перед глазами, чтобы он следовал за мной во всех заблуждениях моего сердца, проникал во все закоулки моей жизни, чтобы он ни на минуту не терял меня из виду; в противном случае я боюсь, что, найдя в моем рассказе малейший пропуск, малейший пробел и спрашивая себя: «Что же он делал в это время?» – читатель станет обвинять меня, будто я не хотел говорить все. Я дал человеческому коварству довольно пиши своими рассказами, чтобы еще увеличивать ее своим молчанием»¹³.

Случайны ли пикареские детали в руссоистском тексте? Мы уже говорили, что долгое время «Исповедь» Руссо рассматривалась почти исключительно как автобиографический текст, наряду с его «Диалогами» и «Прогулками», в отрыве от собственно философских сочинений гражданина Женевы. Ситуация, на наш взгляд, кардинально поменялась после выхода в свет обстоятельной монографии Кристофера Келли¹⁴, в которой «Исповедь» рассматривается не как биографический текст, но как довольно замысловато устроенный текст философский, в основе которого прежде всего заложены руссоистские антропологические взгляды. Руссо, по мнению Келли, не столько рассказал серию событий, относящихся к своей жизни, сколько представил ее реконструкцию согласно своим взглядам на человека.

В связи с этим Келли весьма продуктивно сблизил два поздних сочинения Руссо – собственно «Исповедь» и «Эмиль, или О воспитании», вышедших в свет в 1762 г., т.е. практически во время создания автобиографии, которая, по мнению ученого, оказалась своего рода иллюстрацией практик воспитания, изложенных в трактате. Согласно мнению Келли, жизнь Жан-Жака становится своего рода отрицательным аватаром Эмиля и должна была

стать примером деградации человеческой жизни в условиях социума, однако на каком-то этапе Руссо модифицировал свой замысел и представил в назидание публике рассказ о человеке, который сумел переломить свое существование и «вынырнуть», избежать деградации. Герой Руссо – человек, который был воспитан в обществе и неизбежно набрался от него различных пороков, но он сумел переустроить свою жизнь в соответствии с естественными принципами, в связи с чем жизнь Жан-Жака оказывается стимулом и примером для испорченных людей подвергнуть ревизии свое существование¹⁵. Келли, кстати, предполагает, что выбор автобиографической формы отвечал цели книги, которая оказывается исключительно воспитательной: показать средство преодоления своего самолюбия.

Выводы Келли для нас очень важны, ибо они напрямую касаются статуса читателя руссоистского произведения. При рассматривании «Исповеди» как дидактического текста, призванного наставлять в вопросах философии и морали, мы неизбежно начинаем воспринимать *реального читателя* как объект, сферу приложения дидактики: он, читатель, должен получить урок, который предлагает ему учитель. Мы можем далее рассматривать «Исповедь» как произведение, созданное в соответствии со стратегическим замыслом, который, собственно, укоренен в самой основе руссоистской образовательной доктрины. «Исповедь» создана для имитации, воспроизведения обрисованной в ней модели поведения, причем сделано это по весьма формальным риторическим принципам; Руссо пишет не столько «исповедь», сколько проповедь, и апелляция к *воображаемому читателю*, с которым реальный должен идентифицироваться, в ней насквозь риторична.

Красноречие, качества прекрасного оратора – то, что отмечалось очень многими современниками Руссо, как его сторонниками, так и недоброжелателями; одними он воспринимался как проповедник истины, другими – распутства. Но и те и другие обыкновенно сходились во мнении о его мастерстве. Работ, затрагивающих риторические и ораторские основы руссоистского творчества, на удивление, весьма немного, на что, кстати, обращает внимание Ж. Старобинский в одной из самых примечательных из них¹⁶. Заметим, что проблема риторической основы творчества Руссо поставлена (Старобинский в этой связи говорит, что все

творчество Руссо за исключением его «Музыкального словаря», может быть рассмотрено как воплощение риторических техник, как манифестация ораторской практики»¹⁷), но в должной степени не освещена как следует, тогда как классическая риторика, долгое время составлявшая основу образования и естественным образом сформировавшая Руссо, буквально «прошивает изнутри» все его творчество.

Важнейшая черта, которая «прививается» Руссо «воображеному читателю», – сострадание, которое играет основополагающую роль в воспитании. Вспомним, что в «Эмиле» (часть 4)¹⁸ моральное воспитание начинается, когда человек оказывается способен открыть свое сердце другим. Это этап, когда человек взрослеет, открытие сердца сопровождается изменениями гумора, просыпается сексуальность. И в этот самый момент, по мысли Руссо, необходимо взрослеющему человеку привить сострадание, которое поможет ему не увязнуть в сладострастии, но выработать в себе чувство дружбы и человечности. Сострадание должно появиться затем, чтобы помешать сексуальному влечению полностью захватить человека; согласно естественному воспитанию, сострадание предшествует сознанию и формирует ядро морали, а также закладывает основы рефлексии и воображения (мы изучаем обстоятельства несчастий других и примеряем их к своему сердцу, дабы познать истинный масштаб страдания). Именно сострадание, которое в «Эмиле» было заявлено в качестве решающего фактора формирования личности, оказывается тем чувством, которое пытается укоренить в своих реальных читателях Руссо.

Вспомним, что основополагающая роль сострадания выражена в виде трех правил, приведенных в 4-й книге «Эмиля»:

1. «Сердцу человеческому свойственно ставить себя на место не тех людей, которые счастливее нас, но только тех, которые больше нас заслуживают жалости».

2. «Жалость возбуждают в нас только те чужие беды, от которых мы не считаем сами себя избавленными».

3. «Жалость, внушаемая нам горем другого, измеряется нами не количеством этого горя, а тем чувствованием, которое мы предполагаем в людях страдающих»¹⁹.

«Исповедь» с самого начала наполнена рассказами о несчастиях главного героя, само рождение героя их инициирует:

«Я стоил жизни моей матери, и мое рождение было первым из моих несчастий²⁰. «Ах! Не будем предвосхищать несчастий моей жизни; и без того слишком много буду я занимать читателей этой грустной темой»²¹. «Когда я показывался из своей комнаты, я похож был на выходца из могилы, и, продолжай я подобный образ жизни, мне недолго пришлось бы бродить по земле. Читатели согласятся, что с такой головой, да еще в молодости, очень трудно сохранить здоровье»²².

Призывы к состраданию иногда ощутимо связаны с легкой иронией, позволяющей лишний раз продемонстрировать рациональное превосходство резонера над юным героем «Исповеди»: «О вы, читатели, жаждущие услышать великую повесть об ореховом дереве на площадке, выслушайте эту ужасную трагедию без содрогания, если можете! Затратив немало ловкости и времени, я все-таки разрезал яблоко, надеясь, что вытяну один кусок за другим; но как только яблоко распалось на половинки, обе они упали в кладовую. Сострадательный читатель, посочувствуйте моей скорби»²³.

Руссо намеревается наставить читателей с помощью собственного же метода – с помощью сострадания. Для этого он показывает себя как *жертву страстей*, а своего читателя – как резонера: «У меня очень пылкие страсти, и если они волнуют меня, ничто не может сравниться с моей горячностью: тогда для меня не существует ни осторожности, ни уважения, ни страха, ни приличия; я становлюсь циничным, наглым, неистовым, неустршимым; стыд не останавливает меня, опасность не пугает; кроме предмета, который меня увлекает, весь мир для меня ничто»²⁴.

Руссо демонстрирует внутренние терзания героя, т.е. то, что трогает всего сильней, согласно 3-й максиме «Эмиля». Лучшими иллюстрациями страстей являются, конечно, любовные переживания, которые щедро снабжены авторскими ремарками, обращенными к читателю, слабость такого рода, возможно, одно из самых эффективных средств овладения читательским сознанием, возбуждения в нем сострадания и создания предпосылок для морального воспитания. Итак, важнейшая черта *воображаемого читателя* – сострадание, которую намеренно прививает Руссо в соответствии с принципами, изложенными в «Эмиле».

Решительный перелом в отношении к читателю наступает во 2-й части «Исповеди». Пикареска заканчивается, в самом начале

второй части Руссо по-прежнему утверждает, что читатель сам делает выводы о том, что ему рассказывает исповедующийся: «После двух лет терпеливого молчания я, несмотря на свое решение, снова берусь за перо. Читатель, отложите свое суждение о причинах, вынуждающих меня к этому: вы сможете судить о них, только прочитав то, что я напишу. Я показал, как протекла моя молодость, – тихо, ровно и довольно приятно, без больших потрясений и больших успехов. Это посредственное существование было в значительной степени следствием моего характера – пылкого, но слабого, более склонного к унынию, чем к предприимчивости, порывами переходящего от безделья к какому-нибудь занятию и охотно возвращающегося к праздности после первого же утомления, – характера, чуждого больших добродетелей и еще более чуждого больших пороков, постоянно возвращавшего меня к жизни беззаботной и спокойной, для которой я чувствовал себя рожденным, и никогда не позволившего мне устремиться к чему-нибудь великому как в добре, так и в зле. Какую несходную с прежней картину предстоит мне вскоре развернуть! Судьба, тридцать лет покровительствовавшая моим склонностям, в течение следующих тридцати шла им наперекор; читатель увидит, как из этого постоянного противоречия между моим положением и наклонностями возникли огромные ошибки, неслыханные несчастья и все добродетели (кроме силы), какие только могут возвысить угнетенного».

И в который раз Руссо повторяет, что все решает читатель: «Я обещал написать исповедь, а не самооправдание. Поэтому ограничусь сказанным. Мое дело – говорить правду, дело читателя – быть справедливым. Я больше ничего не требую от него»²⁵.

Однако уже очень быстро Руссо сообщает, что умозаключения читателя могут не соответствовать истине, апофеозом служит ремарка исповедующегося: «Терпение, мой читатель! Приближается роковой момент, когда вам придется слишком ясно убедиться в своей ошибке»²⁶.

Руссоистский автобиографический текст предстает искусно сделанным риторическим посланием, экспериментом, который ставит своей целью *соблазнить* того читателя, которого мы назвали «реальным». Для этого, на наш взгляд, Руссо прибегает к интересному приему, который, по вероятности, был результатом усвоения Аристотеля и Квинтилиана. Прием этот, за неимением

более адекватной характеристики, мы бы назвали так – инверсивная игра с этосом и патосом.

Изначально риторический этос, согласно Аристотелю, состоял в искусстве убеждения слушателя с помощью апелляции к моральной безуокизненности оратора, которому слушатель должен был полностью довериться, патос в этой связи – та эмоция, которая должна была возникнуть у слушателя, который «разрешает» себя убедить. Вот как размышления Аристотеля выглядят в русском переводе: «Что касается способов убеждения, доставляемых речью, то их три вида: одни из них находятся в зависимости от характера говорящего, другие – от того или другого настроения слушателя, трети – от самой речи. Эти последние заключаются в действительном или кажущемся доказывании. [Доказательство достигается] с помощью нравственного характера [говорящего] в том случае, когда речь произносится так, что внушает доверие к человеку, ее произносящему, потому что вообще мы более и скорее верим людям хорошим; в тех же случаях, где нет ничего ясного и где есть место колебанию, – и подавно; и это должно быть не следствием ранее сложившегося убеждения, что говорящий обладает известными нравственными качествами, но следствием самой речи, так как несправедливо думать, как это делают некоторые из людей, занимающихся этим предметом, что в искусстве заключается и честность оратора, как будто она представляет собой, так сказать, самые веские доказательства»²⁷.

Квинтилиан уточняет аристотелевское понимание этоса и патоса; этос описывается как спокойное духовное состояние оратора, а патос – состояние гнева, ненависти, страха, зависти, которыми оратор должен «заразить» публику²⁸. Хороший оратор должен, по мысли Квинтилиана, контролировать свой патос, оратор должен использовать воображение, но сам оставаться спокойным, т.е. сохранять этос. Собственно, греческий «этос» стоит у истоков многочисленных понятий, самое известное из которых – этика; патос в свою очередь станет обозначением страстей.

Руссо предпринимает интересную попытку представить самого себя как одержимого страстями, тогда как роль носителя здравого смысла изначально приписана читателю. В результате такой игры читатель неминуемо попадал в некоторую ловушку – он изначально *не мог* идентифицироваться с главным героем и не-

избежно идентифицировался с воображаемым читателем, т.е. фактически вторым главным героем текста, собеседником исповедующегося. Изначально это было нетрудно, однако во второй части произведения обозначился кризис – рассказчик стал лучше своего слушателя, т.е. воображаемого, а следовательно и реального читателя. Герой деградировал, погрузился в ту культуру «здравого смысла», частью которой был воображаемый читатель, чтобы затем оттолкнуться от нее. Воображаемый читатель, таким образом, мог либо пытаться имитировать путь Руссо (собственно, реализуя на практике воспитательные доктрины самого Руссо), либо обиженно усмехаться и сетовать на то, как Руссо сумел дискредитировать весь его здравый смысл.

---

¹ Benveniste E. *L'homme dans la langue* // Benveniste E. *Problèmes de linguistique générale*. – Р., 1966. – Р. 231.

² Starobinski J. *La transparence et l'obstacle*. – Paris, 1975. – Р. 218. Вспомним в этой связи декларированные цели Руссо, которые позволяют также диагностировать логику «расследования» и возведения события к истокам, присущую Руссо: «Эти длинные подробности о моей ранней юности, верно, покажутся ребяческими, и это жаль: несмотря на то что в некоторых отношениях я от рождения был взрослым, во многих других я очень долго оставался ребенком, а в иных остаюсь им до сих пор. Я не обещал читателям изобразить великого человека, – я обещал описать себя таким, каков я есть; а чтобы знать меня в зрелом возрасте, надо хорошо знать меня в молодости. Сами предметы обычно производят на меня меньше впечатления, чем воспоминание о них; все мои мысли не что иное, как образы; первые штрихи, запечатлевшиеся у меня в памяти, остались там навсегда; те же, которые появились впоследствии, скорее длились с первыми, чем изгладили их. Есть известная преемственность душевных движений и мыслей: они последовательно видоизменяют друг друга, и это необходимо знать, чтобы правильно судить о них. Я стараюсь повсюду раскрыть первопричины, чтобы дать почувствовать связь последствий. Я хотел бы сделать свою душу *прозрачной* для взгляда читателей и с этой целью стремлюсь ее показать со всех точек зрения, осветить ее со всех сторон, достигнуть того, чтобы в ней не совершилось ни одного движения, им не замеченного, чтобы он мог сам судить о порождающем их начале». (Руссо Ж.-Ж. Исповедь. Пер. М.Н. Розанова и Д.А. Горбова. Часть 1. Книга 4. – М., Терра, 1996. – С. 143–144).

³ «Реальный читатель» Руссо неоднократно становился предметом изучения историков литературы и социологов. Данной проблематике, связанной с изданием, циркуляцией, рецепцией книг Руссо, посвящены многочисленные ис-

следования, среди которых упомянем следующие: Lecerle J.-L. Rousseau et ses publics // Jean-Jacques Rousseau et son œuvre. – Paris, 1964; Gagnebin B. L'étrange accueil fait aux Confessions de Rousseau au 18e siècle // Annales de la société de Jean-Jacques Rousseau, t. XXXVIII, – Paris, 1971; Roche D. Les primitifs du Rousseauïsme. Une analyse sociologique et quantitative de la correspondance de J.-J. Rousseau // Annales, Economies, Société, Civilisation, janvier-février 1971; Roussel J. La réception des Confessions entre 1795 et 1830 // Œuvres et critique. – Paris, 1978; Darnton R. Le courrier des lecteurs de Rousseau: la construction de la sensibilité remanesque // Darnton R. Le grand massacre des chats. – P., 1985 (см. рус. пер.: Дарnton Р. Читатели Руссо откликаются: Создание романтической чувствительности // Дарnton Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. – М., 2002. – С. 250–300), а также более общую работу: Chartier R. Lectures et lecteurs dans la France d'Ancien Régime. – Paris, 1987.

⁴ Руссо. Исповедь. Часть 1. Книга 4. Цит. изд. С. 144.

⁵ Руссо. Часть 1. Книга 1. Цит. изд. С. 7.

⁶ Работ, посвященных этому типу читателя, гораздо меньше, чем «реальному». Собственно, можно с уверенностью утверждать, что эта проблематика оказалась в центре внимания исследователей после доклада на коллоквиуме и публикации весьма короткой, но концептуальной статьи Ж. Вуазена: Voisine J. Le dialogue avec le lecteur dans les Confessions // Jean-Jacques Rousseau et son œuvre. – Paris, 1964. Вуазен, анализируя фразы, которыми Руссо явно или же имплицитно обращается к своему читателю, говорит о «попытке диалога» с ним, а также оказывается своего рода жертвой моды – общеизвестно, что диалог (особенно часто использованный и фактически инициированный Д. Дидро) был одной из центральных нарративных матриц в литературе XVIII столетия. В то же время, согласно Вуазену, Руссо в значительной степени выбивается из дидеротовской традиции, где диалог, собственно, представлял собой в значительной степени монолог, в котором для говорящего аффекты слушателя не имели никакой ценности. Руссо же претендует на то, что окончательные смыслы должны быть сформулированы читателем. В работе американского историка литературы Роберта Эльриха (Ellrich R.J. Rousseau and his reader; the rhetorical situation of the major works. Chaple Hill, 1969) предпринята попытка проследить эволюцию взаимоотношений Руссо со своим читателем по мере развития всего творчества; в связи с чем он не рассматривал додескалии Руссо как реплики диалога с читателем, но воспринимал как реальное отражение полемики с публикой, в связи с чем пришел к заключению, что Руссо стремится выстроить в своей автобиографии максимально неконфликтные взаимоотношения с читателем. Самого же читателя Эльрих называет «автоматом» и не приписывает ему каких-либо активных функций в руссоистском автобиографическом дискурсе. Эту идею Ульриха, в сущности, было бы легко опровергнуть хотя бы приведенным выше пассажем из 4-й книги «Исповеди», где напрямую говорится об активности читателя при «потреблении» руссоистского текста. Однако не будем торопиться и вернемся к этой идеи еще раз

позже. Еще одна важная работа – исследование Кэтрин Бодри (Beaudry C.A. *The role of Reader in Rousseau's Confessions*, New York, 1991), методологически восходящее с постмодернистской литературоведческой традиции, тесно связанной с лингвистикой. Анализируя руссоистские обращения к читателю, Бодри показывает, как читатель оказывается, что называется, «зоной порождения смысла», а сам текст Руссо – поистине «новационным», так как Руссо, по ее мнению, конструирует несколько (в потенциале – бесконечное множество) разных читателей, и в этой связи семантика его текста оказывается поистине неисчерпаемой. Особенную ценность для нас представляет работа японской исследовательницы Атсуко Одэйши (Odeishi A. *Le lecteur dans les Confessions de Jean-Jacques Rousseau*. Lausanne, 2002), которая усматривает два уровня «воображаемого диалога» в «Исповеди»: с одной стороны, между Руссо и созданным им в своем тексте читателем и, с другой стороны, между «реальным читателем» и Руссо, возникающим в тексте.

⁷ Об исключении, едва ли не единственном, упоминает Ж. Вуазен. Он приводит фразу из «Письма о романе» Ф. Шлегеля, относящуюся к 1800 г.: «На мой взгляд, «Исповедь» Руссо – исключительно примечательный роман».

⁸ У истоков такого сопоставления, очевидно, стоял Бернар Бувье, который показал параллелизм сцен руссоистской «Исповеди» и лесажева «Жиль Блаза». См.: Bouvier B. *Les Confessions de Jean-Jacques Rousseau et l'artiste littéraire au 19e siècle* // Bibliothèque universitaire et revue suisse. 1912. Т. 66. Р. 449–477. Андре Мальро безапелляционно заметил в предисловии к текстам Руссо: «*Исповедь* Руссо – лучший из плутовских романов. В нем присутствуют все элементы: подросток, предоставленный самому себе, большое разнообразие ситуаций, характеров и мест, любовных похождений и путешествий... Было из чего создать сентиментального Жиль Блаза, и Руссо не упустил такого случая» // Rousseau, *Confessions*, Paris, 1949. Среди поздних работ отметим исследование Люси Пикар из университета Нанси: Picard L. *Le picaresque dans les six premiers livres des Confessions de Rousseau // Le génie de la forme. Mélanges de langue et littérature offerts à Jean Mourot*. – Nancy, 1982. – Р. 319–329. Пикар тонко замечает: «Руссо в долгу перед пикарским романом, будь то испанским или французским, который он в свою очередь трансформирует, обогащает и обновляет, продуцируя пикаро-поэта и интерриоризированную пикареску». (Op. cit. – Р. 327).

⁹ Руссо. Книга 1. Цит. изд. С. 29.

¹⁰ Руссо. Книга 1. Цит. изд. С. 30.

¹¹ Руссо. Книга 1. Цит. изд. С. 35.

¹² Руссо. Книга 1. Цит. изд. С. 20.

¹³ Руссо. Книга 1. Цит. изд. С. 51.

¹⁴ Kelly Ch. Rousseau's exemplary life. The Confessions as Political Philosophy. – New York, 1987.

¹⁵ Заметим, что схожие мысли высказывал и французский философ Алексис Филоненко, который напрямую указал на взаимосвязь «Исповеди» и «Эмиля», которые стали выражением взглядов «позднего» Руссо на воспитание.

Филоненко удачно определяет функцию «Исповеди» – «терапевтическая». См.: Philonenko A. *Essai sur la signification des Confessions de J.-J. Rousseau // Revue de Métaphysique et de Morale*. N. 1. – Paris, 1974. В развитие этих идей см.: Philonenko A. *Jean-Jacques Rousseau et la pensée du malheur*. – Paris, 1984.

¹⁶ См.: Starobinski J. *Rousseau et l'éloquence // Rousseau after two hundred years. Proceeding of the Cambridge Bicentennial Colloquium*. – Cambridge, London, New York, Melbourn, Sydney, 1982. – Р. 185. Кроме этой статьи внимания заслуживают также некоторые выводы из уже упоминавшейся выше монографии Р. Эльриха. Старобинский и Эльрих демонстрируют, кроме прочего, наличие риторических фигур, связок и прочих ораторских приемов в текстах Руссо.

¹⁷ Starobinski J. Op. cit. – Р. 186. Старобинский замечает, что современниками Руссо обыкновенно оценивался либо как *vir bonus dicendi peritus* цицероновской традиции, либо как болтливый и аморальный софист. В любом случае его риторические способности не ставились под сомнение.

¹⁸ Атсуко Одэиши рассматривает «Исповедь» Руссо как развернутую «практическую» иллюстрацию к «Эмилю», текст которого является ключом к пониманию руссоистской автобиографии. Жизнь Эмиля подразделяется на пять этапов: детство (до 2 лет, 1 часть), «период чистоты» (с 2 до 12 лет, 2 часть), «период возмужания» (с 12 до 15 лет, 3 часть), «период разума и страстей» (15–20 лет, 4 книга) и «период мудрости и брака» (20–25 лет, 5 книга). Этим этапам соответствует и жизнь Руссо: три первых возраста являются предметом анализа в 1-й книге «Исповеди» (до 16-летия), книги 2–4 посвящены периоду «разума и страстей» (16–21 год), книги 5–6, в свою очередь, – периоду «мудрости и брака» (21–30 лет). Последние книги (7–12), повествующие о второй половине жизни Руссо, которые, возможно, являются иллюстрацией к ненаписанной части «Эмиля»: согласно первоначальному замыслу, в ней должна была идти речь о том, что Эмиль и София переезжают в Париж, который их разворачивает. Период деградации в «Исповеди» описан в книгах 7–8, а последние книги (9–12) посвящены постепенному восхождению к счастью. См. подробнее: Odeishi A. Op. cit. – Р. 47–48.

¹⁹ Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. – М., 1981. – С. 261–263.

²⁰ Руссо. Книга 1. Цит. изд. С. 5.

²¹ Руссо. Книга 1. Цит. изд. С. 38.

²² Руссо. Книга 6. С. 192.

²³ Руссо. Книга 1. Цит. изд. С. 21.

²⁴ Руссо. Книга 1. Цит. изд. С. 32.

²⁵ Руссо. Книга 8. Цит. изд. С. 309.

²⁶ Руссо. Книга 9. С. 358.

²⁷ Аристотель, Риторика, 1, 2. (1356а). Цитируется в переводе Н. Платоновой по кн.: Античные риторики. – М., 1978.

²⁸ См.: Квинтилиан. Обучение оратора. 6, 2, 9.

А.Е. Махов

ПОДРАЖАНИЕ ПРОТИВ ГАРМОНИИ: «МУЗЫКАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ» РУССО В КОНТЕКСТЕ ПОЭТИКИ

Аннотация

Оппозиция мелодии и гармонии, центральная в музыкальной теории Руссо, рассмотрена в широком, эстетическом и поэзологическом, контексте. Связь мелодии с идеей подражания (согласно Руссо, мелодия подражает интонациям человеческой речи) позволяет увидеть в вышеупомянутой оппозиции глубинное противопоставление подражания и гармонии, которое восходит к «Поэтике» Аристотеля, где подражание и гармония названы в качестве природных начал творчества. В истории поэтики принципы подражания и гармонии репрезентируют две разных концепции произведения (как отражения чего-то иного – и как самодостаточного целого, основанного на внутренней числовой пропорциональности). Таким образом, в контексте поэтики теория Руссо предстает эпизодом из многовекового диалога (а порой и спора) этих двух концепций.

Ключевые слова: подражание, гармония, мелодия, выражение, ритм, голос, поэтика, диалогизм.

Makhov A.E. Imitation versus Harmony: Rousseau's «Dictionary of Music» from the Viewpoint of the Poetics

Summary. The opposition of melody and harmony – the central point of Rousseau's music theory – can be seen in a wider, aesthetic or rather poetological, perspective. Given that the melody is closely associated with the idea of imitation (for Rousseau, melody imitates the intonations of human voice) opposition «melody – harmony» can be considered as rooted in the old Aristotelian juxtaposition of mimesis and harmony («Poetics», 1448b20). In the history of the poetics the principle of the mimesis and that of the harmony represents two different concepts of artistic work (it is a reflection of something else – or a self-sufficient whole, based upon the inner numerical proportionality). Thus, from the viewpoint of the poetics Rousseau's theory appeared to be a moment in the centuries-old dialogue (sometimes being turned into quarrel) between these two concepts.

«Музыкальный словарь» Жан-Жака Руссо (далее МС)¹ относится к числу памятников музыказнания, по своей проблематике далеко выходящих за рамки данной науки. В этом смысле его можно сопоставить, например, с трактатом Августина «О музыке», в котором стихотворная речь трактована как область музыки, так что поэтика и музыказнание оказываются тесно связанны². И у Руссо музыка осмыслена в тесной связи со словом, хотя совсем иначе, чем у Августина. Теперь музыка представлена неким расширением области словесного: музыка образует единый континуум с речью («Использование песен, похоже, представляет собой естественное следствие использования слова и является не менее общим: ведь повсюду, где говорят, там и поют» – статья «Песня – Chanson»), продлевает и развивает те языковые интонации, которые определяют звуковую особость человека («нужно рассматривать музыку в ее отношениях к акцентам человеческого голоса» – статья «Композиция»³), а также и народа, выступающего у Руссо носителем музыкальной характерности («именно акцент языков определяет мелодию каждого народа» – статья «Мелодия»).

К сущности музыки у Руссо ведет линия, образуемая понятиями «голос – язык – человек – народ». Музыка – неизбежное и обязательное завершение этой линии; одна из антропологических констант, без которых человека вообще нельзя понять. Этот антропологический и гуманистический пафос руссоистского учения о музыке давно замечен и осмыслен; Руссо-музыковеду приписана решающая роль в «присоединении музыказнания к наукам о человеке (sciences humaines)»⁴. Нельзя отрицать, во всяком случае, что руссоистская теория музыки имеет черты гуманистической междисциплинарности, пересекаясь с областями таких нарождающихся дисциплин, как этнография, антропология, эстетика. В той (и весьма значительной) мере, в какой МС трактует музыку как следствие выразительности слова, мы вправе говорить о МС в контексте еще одной науки – поэтики. На наш взгляд, именно в этом контексте получает свой истинный смысл то противопоставление мелодии и гармонии, которое является ключевым в концепции Руссо, но с точки зрения истории и теории музыки выглядит курьезным заблуждением.

«Две музыки»

Противопоставление мелодии и гармонии – странное для эпохи блестящего расцвета музыки, которая, казалось бы, достигла к середине XVIII в. равновесия этих начал! – проходит через весь МС и достигает кульминации в программной статье «Единство мелодии», где Руссо говорит о гармонии и мелодии не просто как о двух разных принципах, но как о двух разных музыках (*deux musiques*): одна представляет собой «не что иное, как последовательность аккордов (*suite d'accords*), а другая – последовательность пения (*suite de chant*)». Первая, даже в лучших своих проявлениях, быстро надоедает; вторая всегда вызывает живой интерес, потому что «говорит сердцу».

Этим противопоставление далеко не исчерпывается. Оно проведено по нескольким критериям. Собирая высказывания из разных статей МС, попробуем кратко изложить основные пункты противопоставления.

1. **Происхождение.** Мелодия представляет собой подражание «акценту» речи – но не столько грамматическому или логическому (или рациональному), сколько «акценту патетическому или ораторскому». Этот акцент, «посредством различных изгибов (*inflexion*) голоса, повышения или понижения тона, убыстрения или замедления речи, выражает (*exprime*) чувства, которыми возбужден говорящий и которые он передает (*communique*) тем, кто его слушает». Понятие акцента (*accent*), обоснованное в одноименной вышецитированной статье МС, – центральное в музыкоологии Руссо. Под акцентом понимается все выразительное в речи: все виды ударения, интонационный рисунок (возможно, слово «*accent*» было бы правильнее переводить как «интонация»), высота, тембр, темп и т.п. Акцент у Руссо индивидуализирован – в большей степени применительно к народу (каждый язык имеет свой акцент), чем к личности. Музыка основана на мелодии, мелодия обладает «непосредственной связью с грамматическим и ораторским акцентом» данного языка (статья «Выражение»); поэтому каждый народ имеет «свою мелодию».

В древних языках⁵ акценты могли быть настолько музыкальными, что в речи возникали точные музыкальные интервалы и речь становилась настоящей мелодией. По крайней мере, это ут-

верждается о декламации в древнегреческой драме (статья «Опера»): в языке греков «акценты были таковы, что изгибы речи в выдержанной декламации образовывали между собой определимые (appréciables) музыкальные интервалы».

Гармония – достояние северных народов, чьи языки немузыкальны и чей «грубый слух» не восприимчив к «нежности акцентов и к мелодии изгибов [речи]». За пределами Европы многоголосная гармоническая музыка неизвестна, и это – лишнее доказательство того, что «вся наша гармония не более чем средневековое, варварское изобретение (invention gothique et barbare)» (статья «Гармония»). Мотивируя изобретательность «варваров» природной бедностью, Руссо не проявляет особой оригинальности: незадолго до него этот аргументативный ход был применен в поэтике И.К. Готшедом, который сходным образом объяснил появление рифмы. Греки обладали тонким слухом и потому находили прелесть в чередовании долгих и кратких слогов; немцы «любили петь, но не обладали тонким слухом», им нравилась более грубая акустическая игра – ставить сходные звуки на концах строк. Так появилась рифма: «древние немцы научили Европу рифмовать»⁶.

Как видим, и мелодия, и гармония трактованы Руссо как компенсация. Мелодия – компенсация утраты языками изначальной музыкальности; гармония – компенсация «грубого слуха» северян, позволяющая им все-таки иметь какую-никакую, но музыку. Однако если мелодия и в самом деле возвращает в культуру утраченную музыкальную выразительность речи, то гармония ведет в тупик. Она – ложное подобие музыки, пустая забава, способная лишь тешить «грубый слух». И здесь мы подходим ко второму критерию противопоставления мелодии и гармонии.

2. Воздействие. Что способны «делать» мелодия и гармония? Область «действий» первой весьма обширна, их упоминания разбросаны по всему МС. К счастью, мы находим у Руссо фразу (в статье «Музыка»), где, пожалуй, все эти действия собраны вместе. Мелодическая музыка «посредством живых, исполненных акцентов и как бы говорящих (parlantes) интонаций (inflexions) выражает (exprime) все страсти, рисует (peint) все картины, представляет (tend) все предметы, подчиняет всю природу своим ученым подражаниям (ses savantes imitations) и таким образом доносит до

сердца человека чувства, способные его взволновать (*émoi-voir*)). Мелодическая музыка оказывается здесь метафорическим средоточием многих искусств: она говорит, как поэзия; рисует, как живопись; представляет, как театральное действие; волнует (возбуждает, «двигает»), как риторическое слово (*émoi-voir* – конечно, рефлекс риторического *move-re*). А вдобавок – подражает (к этому понятию нам предстоит вернуться), выражает (относительно новое слово, утвердившееся в эстетическом лексиконе лишь в XVIII в.).

На этом фоне гармоническая музыка выглядит незавидно: она «может лишь вызывать более или менее приятные ощущения» (статья «Музыка»), доставлять «удовольствие слуху» (статья «Композиция»).

Столь фатальное несходство обусловлено сущностным различием двух музык.

3. Сущность. Мелодическая музыка коренится в самой природе человека, в его потребности передавать свои чувства себе подобным: поэтому она моральна (с ней связано «моральное удовольствие от подражания» – статья «Выражение») и вместе с тем естественна (мелодическая «музыка истинно естественная», «la musique vraiment naturelle» – статья «Гармония»). В гармонической музыке «композитор в качестве предмета (*pour sujet*) имеет лишь звук в его физическом аспекте (*le son physiquement considéré*)» (статья «Композиция»); она доставляет лишь «физическое удовольствие».

Любопытно, что понятия естественное (*naturel*) и физическое (*physique*) в МС часто противопоставлены, хотя в основе обоих лежит понятие природы. Под «*naturel*» Руссо чаще имеет в виду человеческую природу, поэтому естественное сопоставлено с моральным: мелодическая музыка, вытекающая из моральной природы человека, естественна. Музыка, «ограниченная одной лишь физикой звуков», внemоральна хотя бы уже потому, что не имеет отношения к человеческому естеству.

Таковы основные пункты противопоставления мелодии и гармонии (за исключением одного, о котором речь пойдет ниже). К ним примыкают некоторые другие оппозиции. Мелодия коренится в природе человека («истинные красоты музыки восходят к природе» – статья «Гармония») – гармония «изобретена» (*invention*) и «произвольна» (*arbitraires*, как сказано о правилах гармонии

в одноименной статье), а это означает, что гармонию следует исключить из области «естественных знаков» – той области, к которой Ж.-Б. Дюбо отнес всю музыку, оперирующую «знаками страсти, установленными самой природой» (в отличие от языка, где «артикулированные слова» – «лишь произвольные [arbitraires] знаки страсти»)⁷. Мелодическую музыку отличают энергия, сила (energie, force – любимые определения эстетического качества у Руссо, заставляющие вспомнить о сходной лексике штюмеров и Гердера) – гармоническая музыка представляет собой просто «красивые звуки», «beaux sons» (статья «Композиция»). Наконец, мелодическая музыка понятна всем, а гармоническая – только ученым знатокам.

Мелодия – подражание интонациям речи

В идеальной музыке, по Руссо, гармония допустима, но лишь для того, чтобы наилучшим образом выявить выразительность мелодии: собственной выразительностью гармония не обладает.

И здесь мы вправе задаться вопросом: что, собственно, подвигает Руссо на столь экстравагантное расчленение единой европейской музыки на «две музыки» – истинную и неистинную? Ведь он вполне бы мог и гармонию укоренить в человеке – как это делают, спустя полвека, романтики, интериоризируя гармонию, описывая в ее терминах человеческую душу⁸, – и тогда ничто не помешало бы ему наделить и гармонию силой выразительности.

Однако в мышлении Руссо мелодию и гармонию в самом деле разделяет непреодолимая граница. Чтобы понять причину этой непреодолимости, нам следует обратиться к еще одному из критерииев, по которым Руссо проводит оппозицию «мелодия – гармония»: мелодия подражает, гармония – нет.

Но сначала нам следует уяснить, что, собственно, понимает Руссо под музыкальным подражанием.

В середине XVIII в., в эпоху рождения эстетики, теоретики были заняты поиском общих начал искусства, наиболее очевидным из которыхказалось подражание – модернизированный аристотелевский мимесис: Шарль Баттэ в 1746 г. сводит все искусства «к единому принципу» подражания. Руссо согласен с ним, о

чем свидетельствует статья «Подражание (imitation)»: «...с этим общим принципом соотносятся все изящные искусства, как то показал господин Баттё».

Это означает, что Руссо остался чужд проявившейся в середине века новой тенденции ограничивать сферу подражания, выводя за ее пределы прежде всего такие роды искусства, как музыка и лирика. Так, в 1744 г. англичанин Джеймс Харрис находит «силу» музыки «не в подражании», но «в вызывании чувств»⁹. В Германии против применения к поэзии принципа подражания протes-тует Фридрих Клопшток (1759): «Требовать от поэта одного лишь подражания – значит превращать его в актера... И, наконец, тот, кто описывает собственную скорбь! Он подражает сам себе?»¹⁰

Лирик и музыкант не подражают чувству, а выражают его – к этой идее движется эстетическая мысль эпохи; принципы подражания и выражения все острее воспринимаются как враждебные, однако у Руссо они мирно уживаются, а глаголы *imiter* и *exprimer* кажутся едва ли не тождественными. Почему?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно прежде всего понять, чему, собственно, подражает мелодическая музыка у Руссо. Об этом в МС говорится неоднократно: мелодия «должна подражать речи», «музыка, подражая разнообразию акцентов и тонов, должна, таким образом, подражать также напряжениям и ослаблениям речи и говорить то тихо, то громко, то вполголоса...» (статья «Форте-пиано»); если музыкант сумеет подражать разнообразию интонаций, присущих итальянской речи, «то одному этому разнообразию он будет обязан энергией и изяществом своего пения» (статья «Акцент»).

Мелодическая музыка подражает интонациям речи. Однако это не значит, что она «плетется» за речью, уступая ей в выразительности: ведь не будем забывать, что истинно музыкальная речь – в прошлом человечества (и даже столь любимый Руссо итальянский язык не может создать то идеальное единство речи и музыки, какой обладал древнегреческий). Скорее мелодия, заимствуя у речи интонации, возводит их на новую ступень выразительности. Поэтому музыка не только способна, как мы уже видели, «говорить», – она превосходит в своей выразительности речь, о чем ясно сказано в другой работе Руссо «Опыте о происхождении языков» (опубл. 1781): мелодия «не просто подражает, она говорит, и ее

язык, неартикулированный, но живой, горячий, страстный обладает в сотню раз большей энергией, чем само слово»¹¹.

Руссо удалось примирить подражание и выражение благодаря тому, что подражание речевым интонациям понято у него как обязательная часть выразительности музыки: музыка выразительнее речи – но только потому, что она, подражая речи, сумела ее превзойти.

Мы уже видели, что иные современники Руссо, обосновывая принцип выразительности (музыки или лирики), вообще отбросили понятие подражания. Не нужно оно и Гердеру, который в трактате «О происхождении речи» (1770) развивает, казалось бы, близкую Руссо концепцию музыкальности человеческого прайзыка. Однако между концепциями Руссо и Гердера существует тонкое различие, которое позволяет нам еще глубже уяснить, почему Руссо сохраняет в своем учении о музыке идею подражания, казалось бы, уже дискредитированную английскими и немецкими теоретиками.

И для Гердера, и для Руссо прапречь музыкальна – но, по Гердеру, эта речь-музыка древнего человека была своего рода ответом на пение природы, его отголоском: «Вся природа пела и звучала перед ним, и пение человека было концертом из всех этих голосов»; первоначальная речь-песня «выражала языки всех тварей средствами естественного звукоряда человеческого голоса»¹². Для Гердера человеческая речь возникает из «пения природы» – но эта «концепция звучащей природы, из звукового инвентаря которой человек формирует собственную речь» (К. Тевинкель)¹³, была глубоко чужда Руссо с его принципиальным «антропологизмом»: природа петь не может, поет только человек. Глубина расхождения Руссо с Гердером (как и с немецким романтизмом) особенно очевидна в пассаже из статьи «Пение» (МС):

«Пение, как кажется, не дано человеку от природы (ne semble pas naturel à l'homme). Хотя дикии Америки поют, потому что говорят, истинный (т.е. не умеющий говорить. – А.М.) дикарь никогда не поет (...). Дети кричат, плачут, но вовсе не поют. Первичные естественные выражения (les premières expressions de la nature) не имеют в себе ничего ни мелодичного, ни звучного (sonore), и они [дети] учатся петь, как и говорить, на нашем примере. Мелодическое пение с отчетливой звуковысотностью

(appréciable) – лишь спокойное и искусственное (paisible et artificielle) подражание акцентам говорящего или страстного голоса. Когда кричат и плачут – не поют; однако в пении подражают крикам и плачам. И подобно тому как из всех подражаний самое интересное – то, где подражают человеческим страстям, так из всех способов подражания (de toutes les manières d’imiter) самое приятное – пение».

Петь не может не только природа, но и человек «внесоциальный», не владеющий языком, не обучившийся общению с себе подобными – дикарь, ребенок. С этим не согласился бы не только Гердер, но даже Готшед, уже в 1730 г. писавший о том, что «природа учит нас выражать наши движения души посредством определенных тонов речи» и что уже «плач ребенка – не что иное, как жалобная песня»¹⁴.

Если для Гердера пение и речь возникают как-то вместе, одновременно (хотя «пение природы» возникает еще раньше, до человека!), то для Руссо принципиально важна последовательность: сначала – речь (а значит, и «социальный» человек), и лишь потом – пение. Музыка – осознанное, искусное и искусственное подражание речевым интонациям; т.е., по сути, еще одна форма общения с себе подобными.

Подражание – гармония: Основополагающая оппозиция?

Связь мелодии с принципом подражания настолько важна для Руссо, что порой он просто именует мелодическую музыку подражательной или говорит о подражании как о главном признаком «истинной» музыки.

Вследствие этого во многих местах МС возникает отчетливая оппозиция подражания и гармонии: «...гармония [в отличие от мелодии] не предоставляет (fournit) никакого принципа подражания...» (статья «Гармония»); «Я сказал о слове “Гармония”, что из него нельзя извлечь никакого принципа, который вел бы к музыкальному подражанию, потому что нет никакой связи между аккордами и предметами, которые [музыкант] желает нарисовать, или страстями, которые он желает выразить» (статья «Подражание»); «Если музыка рисует лишь посредством мелодии и из нее

извлекает всю свою силу, то из этого следует, что любая музыка, которая не поет, какой бы гармоничной она ни была, не является подражательной музыкой...» (статья «Мелодия»); «быть чисто гармонической для музыки мало: чтобы постоянно нравиться и не допускать скуки, она должна подняться до ранга подражательных искусств» (статья «Соната»). При правильном использовании гармонии «физическое удовольствие, вытекающее из гармонии, усиливает моральное удовольствие от подражания (*le plaisir moral de l'imitation*)» (статья «Выражение»). Наконец, в одном месте из статьи «Музыка» Руссо предлагает делить музыку еще на два класса – естественную и подражательную (*naturelle et imitative*); однако это деление практически совпадает с оппозицией «гармоническое – мелодическое». Слово «*naturelle*» в данном контексте синонимично «*physique*», как это и видно из определения «естественной» музыки: она, «будучи ограничена физической стороной звука (*physique des sons*)», доставляет лишь «более или менее приятные ощущения». К ней, как нетрудно догадаться, «относится вся чисто гармоническая музыка (*toute musique qui n'est qu'harmonieuse*)». Вторая, подражательная, музыка определена вышеупомянутой (в разделе «Две музыки») фразой.

Получается, что специфически музыкальная оппозиция «мелодия – гармония» основана на более глубокой, эстетической (и скорее даже, как мы покажем, поэтологической) оппозиции «подражание – гармония». Эта оппозиция, на первый взгляд, кажется странной: почему, в самом деле, столь разнокачественные, разноплановые понятия не только вступили в противопоставление, но вообще оказались рядом?

Следует, однако, вспомнить, что соположение подражания и гармонии глубоко укоренено в европейской поэтологической традиции: оно имеет место уже в «Поэтике» Аристотеля, где говорится, что «подражание (*mimeisthai*) свойственно нам по природе, <не менее, чем> гармония (*harmonia*) и ритм» (1448b20; перевод М.Л. Гаспарова)¹⁵.

Заменяя, вслед за самим Руссо, оппозицию мелодии и гармонии оппозицией «подражание – гармония», мы переходим из области музыказнания в область поэтики, переносим обсуждение «двух музык» в поэтологический контекст (который, конечно, всегда был тесно связан с музико-ведческим). Два начала, к которым

восходит, по Аристотелю, поэзия, – подражание, с одной стороны, и гармония (а также ритм, о котором мы скажем ниже) – с другой, стали определяющими для европейских представлений о сущности творчества и словесного (но также и музыкального) произведения. Однако каждая эпоха по-своему структурировала их соотношение. Подражание и гармония воспринимались то как взаимодополняющие (так, для Аристотеля гармония – одно из средств подражания – «Поэтика», 1447a20), то как враждебные начала; порой одно из них выдвигалось как главенствующее, а другое подавлялось, даже исчезало из теоретической рефлексии.

Пожалуй, впервые подражание и гармония были осмыслены как альтернатива, требующая выбора, в уже упомянутом трактате Августина «О музыке» (ок. 387). Августин уничтожительно отзывается о подражании (к которому способны и животные и которое не может быть основой «науки», коей является музыка) и выдвигает на первый план числовые начала, определяющие музыкальное и поэтическое произведение: «числа», скрытые в нем, прекрасны сами по себе; именно их созерцает душа, чтобы через них подняться к числовой гармонии космоса. Числовая гармония (в терминологии Августина – *numerus, numerositas*; греческим словом *harmonia* он не пользуется), заключенная в ритме, метре, стопе и других стиховых элементах поэзии, и есть ее подлинное содержание.

Эту линию продолжили ренессансные поэтики, видевшие в поэзии отблеск небесной (и, конечно же, числовой) гармонии: поэзия – «инструмент, заключающий в себе небесную гармонию» (Колуччо Салутати, ок. 1383¹⁶); «Мир создан в соответствии с симметрией и пропорцией, в этом смысле его можно сравнить с музыкой, а музыку – с поэзией» (Томас Кэмпион, 1602)¹⁷, и т.д.

За каждым из этих начал – подражания и гармонии – стоит особое представление о творчестве и строении произведения. Подражание направляет творческую волю вовне (произведение – зеркало иного), стремится к индивидуализации отражения (будь то отражение внешнего мира или души); гармония заставляет сосредоточиться на имманентной структуре произведения, на внутреннем «ритме соотношений» (по выражению С. Малларме¹⁸) автономной имперсональной «красоте» (в противовес характерности, индивидуальности, ценимых в подражании).

Гармония предполагает интеллектуальный подъем к безличному, но «прекрасному» сверхчувственному; подражание – «спуск» к чувственному в его конкретности, характерности. Несудивительно, что Ренессанс, увлекавшийся числовой гармонией, нередко с пренебрежением отзывался о принципе подражания¹⁹.

МС свидетельствует о мощном движении поэтического маятника в противоположную сторону: гармония отброшена, подражание главенствует – но это совсем не риторико-классицистическое подражание общезначимым образцовым текстам или всеобщему и «должному» в природе. Руссо, оставаясь в границах древней поэтической оппозиции, дает ее полюсам новое осмысление.

Отбрасывая гармонию, Руссо, конечно, прежде всего имеет в виду учение о гармонии композитора и теоретика Жана Филиппа Рамо, главного адресата руссоистской критики. В рационалистической теории Рамо гармония – основа музыки (в том числе и мелодии, которая производна от гармонии) именно в силу своей общеизначимости. Гармония – универсальный, укорененный в природе (собственно, в физической природе музыкального звука) язык, понятный всем людям: словно бы именно в музыке человеку дано было осуществить великую лейбницевскую утопию «универсального языка». Для Рамо «каждой гармонической структуре» соответствует «определенное выразительное качество»²⁰, всем понятое и всеми разделяемое: определенные универсальные гармонии вызывают в нас определенные универсальные чувства потому, что «музыка присуща нам от природы (*la musique nous est naturelle*) и мы лишь чистому инстинкту (*pur instinct*) обязаны тем приятным чувством, которое она заставляет нас испытать»²¹.

Для Руссо в этой универсальности – главный недостаток гармонии. Ему свойственно общее эстетическое предпочтение индивидуализированного, характерного – универсальному; язык искусства должен говорить о частном, личном, характерном. Универсализм коренится в единообразной «физической» природе; индивидуализация же возможна лишь там, где человеческая природа уже явила себя во всем разнообразии. Значит, язык музыки (да и искусства вообще) нужно выводить не из «физической» природы, а из «культурного» человека, национально и социально дифференциированного.

Вот почему, споря с Рамо, Руссо говорит, что пение «не дано человеку от природы». От природы данная «выразительность» может быть только механистически универсальной (все люди при звучании определенного аккорда испытывают одинаковое чувство) – а рационалистическая грэза об «универсальном языке» как раз и является полным антиподом руссоистской теории искусства.

В статье «Акцент» Руссо допускает, что досоциальный человек, не имевший языка, в самом деле был во власти некоего «универсального акцента природы»; но одно дело этот универсальный акцент, «вырывавший у человека неартикулированные крики, и другое дело – акцент языка, который у каждого народа порождает особенную мелодию. Одно лишь различие в воображении и чувствительности, которое отмечают у разных народов, должно ввести бесконечность в идиоматику акцентов (*l'idiome accentué*)...».

Итак, на доязыковом, досоциальном, природном уровне человек «универсален»; универсален и «акцент» крика, которым он выражает страсти. Музыка не может существовать на этом уровне. С появлением языков развивается индивидуальность народа, которая выражает себя в акцентах (интонациях) языка. Музыка – сознательное, искусное подражание этим акцентам, которое усиливает их выразительность (либо утраченную – в случае древних языков; либо исконно недостаточную – у «северных народов» с их грубым слухом).

В музыковедческом плане, в споре с Рамо, Руссо, по замечанию Самюэля Бо-Бови, оказался прав, справедливо заключив, что «гармоническая музыка Европы не является универсальным языком»²². Но следует иметь в виду, что на эту правильную критику его подвигли не столько историко-музыковедческие соображения, сколько общее неприятие идеи «универсального» (и тем самым безличного) языка, воплощением которого и является гармония в понимании Рамо.

Что же касается подражания, то причина приверженности Руссо этому принципу – в противовес отвергаемой гармонии – вполне понятна. В языковых интонациях музыка имеет, выражаясь классицистическим языком, свой «образец»: если индивидуальный характер народа дан в этих интонациях, то музыке остается им только подражать – но подражать так, что образец оказывается превзойден в выразительности, характерности, живости, энергии

и т.п. Сколь своеобразной ни была бы эта руссоистская концепция, мы не можем не заметить в ней рефлекс древней поэтической идеи подражания как соперничества (*aemulatio*)²³, в котором образец (в данном случае язык) оказывается превзойден.

Нам осталось рассмотреть частный вопрос о руссоистской трактовке последнего элемента аристотелевской «триады».

На чьей стороне ритм?

Говоря о восходящем к «Поэтике» Аристотеля сопоставлении подражания и гармонии, мы оставляли в стороне третье упомянутое им в той же фразе начало – ритм. У Аристотеля он стоит на третьем месте, будучи отделен от подражания гармонией; естественно предположить, что он сгруппирован с гармонией, как то и подчеркнуто в вышецитированном переводе М.Л. Гаспарова.

Руссо (в статье «Ритм») совершает перегруппировку триады, «перетягивая» ритм на сторону подражания. «Ритм – существенная часть музыки, и в особенности подражательной; без него мелодия была бы ничем...». Ритм подражает – причем в двух планах. С одной стороны, «подобно тому как мелодия извлекает свой характер из акцентов языка, ритм извлекает свой – из характера пропсодии, и тем самым он воздействует как образ слова (*image de la parole*)». С другой стороны, музыкальный ритм подражает некоему естественному ритму страсти: «...Некоторые страсти от природы обладают ритмическим характером, как и характером мелодическим, абсолютным, независимым от языка, как печаль, которая движется равными и медленными длительностями (*qui marche par temps égaux et lents*)... радость – длительностями неровными и быстрыми...».

Идея истолковать ритм искусственный (музыкальный или поэтический) как подражание неким естественным ритмам не оригинальна. Незадолго до Руссо ее высказал Ш. Баттё: «Всякая вещь в мире имеет свою манеру движения, походку (*marche*). Некоторые движения серьезны и торжественны, некоторые – живы и быстры; есть и такие, что просты и нежны. Так и поэзия обладает своими различными манерами движения, чтобы подражать этим движениям...»²⁴.

Любопытно, однако, что Руссо определяет эту подражательную выразительность ритма как «абсолютную, независимую от языка» (резкое отличие от выразительности мелодии!), укорененную в природе, солидаризуясь здесь с универсалистским подходом Рамо и Баттё.

Заключение: Минута романтизма

На рубеже XVIII–XIX вв. в романтических текстах о музыке формируется представление об инструментальном произведении как автономном целом, обладающим собственным, самостоятельным значением. Это представление легло в основу концепции «абсолютной музыки», которая определила всю музыкальную эстетику XIX в.²⁵

Руссо ни в коей мере не предвосхищает эту тенденцию: инструментальная музыка признается им лишь в той степени, в какой она служит голосу, пению и, в конечном итоге, слову. «Посредством слова музыка чаще всего определяет тот предмет, образ которого она нам дает; и посредством трогательных звуков человеческого голоса этот образ пробуждает в глубине сердца то чувство, который он [образ] должен вызвать. И кто не замечал, насколько чистая симфония (la pure symphonie), в которой есть лишь стремление заставить блеснуть инструменты, далека от этой энергии?» (статья «Соната»). Хороша лишь та симфония, которая «научилась говорить без помощи слов» (статья «Опера»).

Руссо заранее отвергает абсолютную музыку (слова «абсолютный», «чистый» нередко встречаются у него применительно к негативно оцениваемой гармонической музыке), которую романтики объявили высказыванием, написанным на тайном языке природы.

Но музыка, по Руссо, к тайнам природы никакого отношения не имеет; она – событие общения, возможного только между людьми: «Птицы свистят, один лишь человек поет; и нельзя понять ни пения, ни симфонии, не сказав себе: здесь присутствует другое чувствующее существо (un autre être sensible est ici)»²⁶.

Неудивительно, что в МС всплывают два популярных в эту эпоху поэтических топоса, описывающих эстетическое восприятие как «сочувственную» коммуникацию. Один из них восхо-

дит к совету, который Гораций дает трагику, имея в виду, однако, не сочинение трагедии, а ее исполнение: «...если хочешь, чтобы я плакал, то и сам будь печален» («Искусство поэзии», 102–103). В середине XVIII в. эта сентенция была взята на вооружение сторонниками представления о лирике как самовыражении. Руссо обращается к ней, когда (в статье «Акцент») говорит о невозможности «хладнокровно» научиться «языку чувств»: «Это старая истина – о том, что нужно быть растроганным, чтобы растрогать других».

Другой топос – «от сердца к сердцу»²⁷ – звучит в МС намного более настойчиво: истинное искусство в том, чтобы «зажечь в своем собственном сердце огонь, который ты желаешь нести в сердца других» (статья «Акцент»); удовольствие от мелодии (в отличие от наслаждения гармонией) – «это удовольствие интереса и чувства, которое говорит сердцу» (статья «Единство мелодии») и т.п.

Р. Кур справедливо пишет о подражании у Руссо как о своего рода «диалогическом обмене», при котором «сама природа оказывается внедренной в отношение к другому...»²⁸. Полностью вписывая музыку в ситуацию общения, в «отношение к другому», Руссо минует фазу романтической философии музыки (с ее идеей природы, говорящей музыкальным языком), вступая в контакт с диалогизмом XX века.

¹ В выходных данных МС указан 1768 г., однако тираж начал распространяться с 26 ноября 1767 г. В словарь включены (в переработанном виде) многие статьи, написанные Руссо для «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера в 1749 г. Об истории создания словаря см. в предисловии к критическому изданию текста: *Le «Dictionnaire de musique» de Jean-Jacques Rousseau: une édition critique / ed. Cl. Dauphin.* – Bern: Peter Lang, 2008.

² О поэзии Августина см.: Махов А.Е. Трактат Августина «О музыке» как факт истории поэтики // Школа теоретической поэтики: Сб. науч. трудов к 70-летию Н.Д. Тамарченко / Ред.-сост. В.И. Тюпа, О.В. Федунина. – М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2010. – С. 239–248.

³ Здесь и далее МС цитируется по электронной публикации, осуществленной «Центром истории музыкальной теории и литературы» («Center for the History of Music Theory and Literature») университета Индианы (<http://www.chmtl.indiana.edu>). Публикацию подготовил Дэвид Шнейдер (Schneider) на основе издания: *Oeuvres complètes de J.J. Rousseau... in 26 vols.* – Paris: P. Dupont, 1824. Учтено также вышеуказанное критическое издание. Рус. перевод фраг-

ментов в кн.: Музыкальная эстетика Западной Европы XVII–XVIII вв. – М.: Музыка, 1971. – С. 433–443.

⁴ Dauphin Cl. La taxinomie musicale de Rousseau au fondement d'une musicologie triangulaire: theorie, esthetique, ethique // Le «Dictionnaire de musique» de J.-J. Rousseau: une édition critique (см. сн. 1). P. 21.

⁵ Древние языки, как сказано у Руссо в «Опыте о происхождении языков», были «певучими и страстными», «chantantes et passionnées...» (гл. 2).

⁶ Versuch einer Critischen Dichtkunst vor die Deutschen // Gottsched J. Chr. Schriften zur Literatur. – Stuttgart: Reclam, 1989. – S. 18–19.

⁷ Дюбо Ж.-Б. Критические размышления о поэзии и живописи / Перев. Ю.Н. Стефанова. – М.: Искусство, 1976. – С. 247.

⁸ См. об этом: Махов А.Е. *Musica literaria. Идея словесной музыки в европейской поэтике*. – М.: Intrada, 2005. – С. 135–139.

⁹ Harris J. Three Treatises. The first concerning Art. The second concerning Music, Painting and Poetry. The Third concerning Happiness. – L., 1744. – P. 99.

¹⁰ Klopstock F.G. Gedanken über die Natur der Poesie (1759) // Texte zur Geschichte der Poetik in Deutschland / Hrsg. von H.G. Rötzer. – Darmstadt, 1982. – S. 284.

¹¹ Essai sur l'origine des langues. Ch. XIV // Rousseau J.J. Oeuvres complètes. – P., 1835. – Т. 3. – P. 515.

¹² Herder J.G. Über den Ursprung der Sprache // Herder J.G. Werke in 5 Bde. – B.; Weimar: Aufbau-Verlag, 1978. – Bd 2. – S. 133.

¹³ Tewinkel Ch. Vom Rauschen singen: Robert Schumanns Liederkreis op. 39 nach Gedichten von Joseph von Eichendorff. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2003. – S. 63.

¹⁴ Versuch einer Critischen Dichtkunst vor die Deutschen // Ed. cit. – S. 13.

¹⁵ О различных научных интерпретациях этого места см.: Гринцер Н.П. Античная поэтика // Европейская поэтика от Античности до эпохи Просвещения. – М.: Издательство Кулагиной – Intrada, 2010. – С. 77.

¹⁶ Colucci Salutati. De laboribus Herculis / Ed. B.L. Ullman. – Zürich, 1951. – Bd 1. – S. 23. (lib. 1, cap. 5).

¹⁷ Campion Th. Observations in the Art of English Poesie // Campion Th. Works / Ed. by W.R. Davis. – L., 1969. – P. 293.

¹⁸ Малларме С. Письмо к Э. Госсу // Цит. по: Bernard S. Mallarmé et la musique. – Р: Librairie Nizet, 1959. – Р. 75.

¹⁹ См. об этом: Махов А.Е. Европейская поэтика: Темы и вариации // Европейская поэтика от Античности до эпохи Просвещения. (см. сн. 15). С. 35–36.

²⁰ Court R. L'esthetique musicale de Rousseau // Le «Dictionnaire de musique» de Jean-Jacques Rousseau: une édition critique (см. сн. 1). P. 62.

²¹ Rameau J.-Ph. Observations sur notre instinct pour la musique, et sur son principe (1754). Цит. по публикации «Центра истории музыкальной теории и литературы» университета Индианы: http://www.chmli.indiana.edu/tfm/18th/RAMOBS_TEXT.html

²² Baud-Bovy S. Rousseau et la musique. – Neuchatel, 1988. – P. 84.

²³ Об этой идее см.: Лозинская Е.В. Подражание // Европейская поэтика от Античности до эпохи Просвещения. (см. сн. 15). С. 375–378.

²⁴ Batteux Ch. *Les beaux arts réduits a un même principe.* – P., 1746. – P. 173.

²⁵ См.: Dahlhaus K. *Die Idee der absoluten Musik.* – Leipzig, 1979.

²⁶ *Essai sur l'origine des langues.* Ch. XVI // Ed. cit. – P. 518.

²⁷ См. о нем: Махов А.Е. Европейская поэтика: Темы и вариации // Цит. изд. С. 54–56.

²⁸ Court R. Op. cit. – P. 55.

В.Л. Коровин

**К ИСТОРИИ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ
Ж.-Ж. РУССО: «ЕФРАИМСКИЙ ЛЕВИТ»
В ПЕРЕВОДАХ П.А. ПЕЛЬСКОГО
И В.А. ЖУКОВСКОГО**

Аннотация

«Ефраимский левит» («Le lévite d’Ephraim», 1762; опубл. 1781) – «маленькая поэма в прозе», парафраза библейского рассказа (Суд 19–21), иллюстрирующая основные положения теории Руссо. На русский язык поэму переводили П.А. Пельский (1802) и В.А. Жуковский (1806). Перевод Пельского более точен; стиль архаизирован с целью передать присущую оригиналу «древнюю простоту». Библейские имена и названия Пельский транслитерирует с французского, что свидетельствует если не о небрежности, то о плохом знакомстве с Библией, и подтверждает его репутацию вольтерьянца. Перевод Жуковского свободен от архаизмов, поскольку он в поэме воспринял прежде всего ее «пасторальный наивный стиль». Он вольнее обращается с оригиналом: поправляет его в случаях, когда что-то ему кажется неприемлемым, и акцентирует близкие для себя мотивы. Анализ перевода Жуковского позволяет уточнить его отношение к разным аспектам учения Руссо.

Ключевые слова: русские переводы Руссо, парафразы Библии, поэма в прозе, пастораль, естественный человек, общественный договор, ономастика.

Korovin V.L. To the history of the first translations of J.-J. Rousseau: «Le lévite d’Ephraim» in the translations of V.A. Zhukovsky and P.A. Pelsky

Summary. «The Levite of Efraim» («Le lévite d’Ephraim», 1762, published in 1781) is «a little poem in prose», a paraphrase of the biblical story (Judges 19–21), which illustrates the basic tenets of Rousseau’s theory. The poem was translated into Russian by P.A. Pelsky (1802) and V.A. Zhukovsky (1806). The translation of Pelsky is more accurate, he used more archaic style to convey the «ancient simplicity» of the original. Pelsky transliterates the Biblical names from French, that indicates his negligence or the poor acquaintance with the Bible and confirms his reputation of

Voltairean. The Zhukovsky's translation is free from archaisms, since the first thing he saw in the poem was its «bucolic naive style». He treats the original more freely, correcting it when something seems inappropriate to him, and emphasizing motives that were close for him. The analysis of Zhukovsky's translation allows us to define more precisely his attitude to different aspects of Rousseau's doctrine.

Поэма «Ефраимский левит» (*«Le lévite d'Ephraïm»*)¹, которую Руссо в «Исповеди» назвал «самым любимым» (*«le plus chéri»*) из своих сочинений², в России никогда не пользовалась большой известностью. На русский язык эта, по определению автора, «маленькая поэма в прозе» (*«espèce de petit poème en prose»*) была переведена дважды в начале XIX в., но в печати в свое время появился лишь один перевод. Он принадлежал сентиментальному стихотворцу Петру Афанасьевичу Пельскому (1763 или 1765–1803), приятелю Н.М. Карамзина, был издан анонимно отдельной брошюкой в 1802 г.³ и, насколько известно, не вызвал никаких откликов. Второй перевод мог стать более заметным событием. Он был сделан В.А. Жуковским в 1806 г. и предназначался для задуманного им сборника «Избранных сочинений Жан-Жака Руссо»⁴. Издание это, однако, не состоялось. Фрагменты переведенной им поэмы впервые были опубликованы в 1916 г. В.И. Резановым⁵, полный текст – только в 2001 г.⁶ Других переводов «Ефраимского левита» на русский язык не было, как и значимых упоминаний его у русских писателей.

На фоне постоянного интереса к Руссо в XVIII в. и на протяжении всего XIX в.⁷ такое, по сути, равнодушие русской публики к «самому любимому» его сочинению кажется странным, но оно вполне объяснимо: «Ефраимский левит» не воспринимался как вполне оригинальное произведение. Действительно, на первый взгляд – это не более чем литературное упражнение на библейскую тему, парафраза заключительных глав «Книги Судей» (гл. 19–21). Руссо в целом адекватно и без упущений (но с некоторыми добавлениями) пересказывает историю о левите с горы Ефремовой, разрезавшем на двенадцать частей тело своей умершей наложницы, над которой надругались жители Гивы Вениаминовой: он разослал их «во все пределы Израилевы», вслед за чем последовала война с коленом Вениаминовым, едва не закончившаяся полным его истреблением. Это один из самых тяжелых ветхозаветных рассказов, напоминающий историю Содома и Гоморры.

Руссо подчеркивал, что избранный им сюжет – «страшный и, в сущности, отвратительный» («l'horreur du sujet, qui dans le fond est abominable»), но обработал его «в духе Геснера» («à la manière de Gessner») – в «пасторальном наивном стиле» («ce style champêtre et naïf»), и не без оснований гордился «заслугой преодоления трудности» («le mérite de la difficulté vaincue»): «Я уверен, что за всю свою жизнь не написал ничего, что было бы проникнуто более умилительной нежностью нравов, отличалось бы более свежим колоритом, более наивным рисунком, большей верностью эпохе, более античной простотой во всем...»⁸

«Ефраимский левит» был написан в исключительных обстоятельствах, о которых рассказано в XI книге «Исповеди», – в дороге, во время бегства из Франции после осуждения «Эмиля» Парижским парламентом в июне 1762 г. Не исключено, что Руссо усматривал аналогию между заговором, который, как он считал, против него составился, с покушением на левита развращенных жителей Гивы, но важней для него было сознание, что в результате как писатель он возвысился над сиюминутными личными переживаниями: «Соберите всех великих философов, обнаруживающих в своих книгах такую стойкость против бедствий, которых они никогда не испытывали; поставьте их в положение, сходное с моим, и предложите им в первую минуту негодования за поруганную честь написать подобное сочинение: вы увидите, как они спрятятся с этим»⁹.

«Ефраимский левит» стал чем-то вроде художественного аргумента в защиту «системы» Руссо, к этому времени уже сложившейся и изложенной в только что опубликованных сочинениях («Юлия, или Новая Элоиза», 1761; «Об общественном договоре, или Принципы политического права», 1762; «Эмиль, или О воспитании», 1762), своего рода иллюстрацией к ней – тем более убедительной, что поэма основывалась не на вымысле, а на историческом, к тому же библейском сюжете. Обвиненный в безбожии, Руссо апеллировал к авторитету Священного Писания.

Эпоха Судей, когда «не было царя у Израиля» и «каждый делал то, что ему казалось справедливым» (Суд 21:25;ср. у Руссо: «Dans les jours de liberté ou nul ne régnoit sur le peuple du Seigneur <...> ou chacun <...> faisoit tout ce qui lui sembloit bon» – п. 165), очевидно, по Руссо, была временем естественного состояния чело-

века, до возникновения «общественного договора», и люди еще не были развращены науками и искусствами. Однако мрачная история, пересказанная в поэме, случилась именно в те времена, что, казалось бы, свидетельствовало против руссоистской концепции «естественного человека» и оправдывало современную цивилизацию. Это не преминул заметить Н.М. Карамзин, полемизировавший с известным трактатом Руссо в статье «Нечто о науках, искусствах и просвещении» (1794): «Самые отдаленнейшие времена, освещаемые факелом истории, – времена, в которые искусства и науки были еще, так сказать, в бессловесном младенчестве, – не представляют ли нам пороков и злодеяний? Сам ты, о Руссо! животворною своею кистью изобразил одно из сих страшных проишествий древности, которые возмущают всякое чувство и показывают, что сердце человеческое осквернилось тогда самым гнуснейшим развратом»¹⁰.

Руссо, однако, «изобразил» не только «пороки и злодеяния», но и жестокое возмездие, мысль о справедливости и необходимости которого – одна из главных в поэме, начинающейся с призыва «святого гнева добродетели» («Sainte colère de la vertu, viens animer ma voix...» – р. 165). Выступление всего Израиля против покрывавших преступников вениамитян, решение о котором было принято на общем собрании, есть уже гражданское действие народа-суверена, согласное с идеями трактата «Об общественном договоре». По сути, в четырех песнях поэмы показан путь от перво-бытной невинности и свободы (I), через преступление (II) и войну (III), к созданию общественного договора (IV). Руссо как бы указывает на исторический прецедент идеального общественного устройства, засвидетельствованный Священным Писанием. В частности, скорый суд народного собрания по делу левита и однозначный приговор, вынесенный преступникам, Руссо считал образцовыми, противопоставляя их современному цивилизованному правосудию: «В наши дни подобное дело затянулось бы надолго, обрастая речами адвокатов, спорами, а может быть и шутками, и в конце концов ужаснейшее преступление осталось бы безнаказанным»¹¹.

В «Ефраимском левите» есть несколько не находящих соответствия в «Книге Судей» эпизодов и домысленных деталей. Меньше всего их во II и III песнях, посвященных преступлению и

наказанию (войне): здесь Руссо присочинил только смерть левита после выступления перед народом и погребение его вместе с возлюбленной. Гораздо существенней вставки в первой и заключительной песнях, имеющих, по сути, программный характер: если во второй песни преимущественно имитируется «библейский» стиль, в третьей – стиль героического эпоса, то в первой и четвертой преобладает пасторальный стиль, наиболее адекватный идеологии руссоизма или, по крайне мере, расхожим о ней представлениям. Эти наименее «библейские» песни несли наиболее актуальную для читателей эпохи сентиментализма информацию и должны были вызывать наибольший их интерес. Неудивительно, например, что в переводе Жуковского именно в этих песнях больше всего характерных отклонений от оригинала.

В начале I песни показана отнюдь не библейская картина отношений левита («молодого», как уточняет Руссо) и его возлюбленной (нигде, конечно, не названной наложницей). Здесь очевидно прямое влияние идиллий Соломона Геснера¹². Это чистая любовная утопия, идейный пафос которой в апологии естественного и свободного чувства, поставленного выше любого закона, а значит безгрешного. Именно к свободному сожительству, чуждому всякого принуждения, призывает левит девушку:

«...je ne puis t'épouser selon la loi du Seigneur. Mais mon cœur, est à toi; viens avec moi, vivons ensemble; nous serons unis et libres; tu seras mon bonheur, et je serai le tien» (p. 165).

Ср. в переводе Пельского: «...я не могу сочетаться с тобою по закону Господнему; но сердце мое тебе отдалось; ступай со мною, мы соединимся и будем вольны; ты соделаешь мое щастие, а я твое» (с. 6–7).

Принципиальный характер предложения левита не укрылся от русских переводчиков, что видно из сравнения текста Пельского с переводом Жуковского:

«...я не могу быть супругом твоим по закону Божию. Но мое сердце принадлежит тебе; приди в дом мой; живи со мною; будем свободны в своем союзе и счастливы друг с другом» (с. 397).

Из двух фраз левита («*viens avec moi, vivons ensemble*») Пельский опустил вторую, выдвинув, таким образом, идею взаимной независимости любящих (просто «ступай со мной»), а Жуков-

ский, наоборот, заменил первую: вместо нейтрального «иди со мной» («viens avec moi») у него более обязывающее «приди в дом мой». Ему дорога мысль о супружестве, освящаемом не законом, а взаимной любовью. Идея свободных отношений гораздо меньше его занимает, поэтому и выражение «будем соединены и свободны» («nous serons unis et libres»), в которой есть определенная диалектика и равновесие, у Жуковского передано как «будем свободны в своем союзе» («союз» здесь, конечно, первичен). Переводчики по-разному расставили акценты, но оба сочли нужным скорректировать Руссо в соответствии со своими вкусами (несомненно, по крайней мере, что Жуковский сделал это сознательно).

Во второй половине I песни любовная идиллия сменяется патриархальной. В «Книге Судей» говорится лишь об отце наложницы левита, а в поэме у нее появляются также мать и сестры. Руссо это понадобилось для полноты картины: он изображал счастливую семью простых поселян, живущих в согласии с природой и хранящих обычай гостеприимства (с этой пасторалью разительно контрастирует развращенность и непомерная злоба горожан – жителей Гивы, в которой левит и его несчастная подруга окажутся во II песни). Это апология семейной жизни, столь же нетребовательной и свободной, как отношения молодых любовников, поскольку в обоих случаях мы имеем дело с первобытной, внушенной самой природой моралью. Левит убеждает отца девушки отпустить ее с ним двумя простейшими и «естественными» аргументами:

«...rendez-moi ma compagne; rendez-la moi pour l'amour d'elle; pourquoi vivroît-elle seule et délaissée? Quel autre que moi peut honorer comme sa femme celle que j'ai reçu vierge? (p. 167).

Пельский перевел это дословно:

«...отдай мне мою подругу; отдай мне ее из любви к ней; на что ей жить одной? Кто более меня почитать может женой ту, кою получил он девой?» (с. 14–15).

Жуковский же вновь заострил бесхитростные выражения левита – в этот раз насчет горечи разлуки и единственности любовных уз:

«Возврати мне мою подругу, из любви к ней возврати ее! Как жить ей одной и оставленной? Мне она отдала цвет невинности! Один я могу называть ее именем супруги» (с. 398).

Заканчивается поэма полностью вымыщенным Руссо эпизодом с пасторальными персонажами. Юная Акса расстается с возлюбленным Эльмасином, чтобы исполнить волю своего народа: на общем собрании было решено дать невест остатку вениамитянам, и она добровольно идет замуж без любви, подавая пример высокой самоотверженности другим девам. Это иллюстрация одного из положений трактата «Об общественном договоре», что при справедливом общественном устройстве каждый обязан подчиняться требованиям большинства, даже если они идут вразрез с его желаниями. Непокорные общенародным решениям подлежат наказанию, а в случае их потенциальной опасности – истреблению (что и произошло с вениамитянами, не пожелавшими выдать единокровных жителей Гивы, и с теми, кто не выступил вместе со всеми войной против них). Акса и Эльмасин без принуждения подчиняются общей воле, подавляя личные чувства ради общего блага. В итоге поэма получает логичное и полностью вписывающееся в «систему» Руссо завершение: начинавшаяся с апологии свободного чувства «человека» заканчивается она утверждением принципа добровольного самоограничения «гражданина» (подобное построение Руссо уже использовал в «Новой Элоизе», как известно, аналогичным образом распадающейся на две половины¹³). От начала к концу поэмы совершается переход от «естественного состояния» к «гражданскому», которое, по словам Руссо, «...производит в человеке весьма приметную перемену, заменяя в его поведении инстинкт справедливостью и придавая его действиям тот нравственный характер, которого они ранее были лишены»¹⁴. Поэма с «отвратительным сюжетом» заканчивается в оптимистическом ключе:

«Vierges d'Ephraim, par vous Benjamin va renaître. Béni soit le Dieu de nos pères: il est encore des vertus en Israel» (p. 187).

Ср. перевод Жуковского: «Девы Эфраимские, вами оживится погибший род Вениамина, благословение Богу отцов наших; есть еще добродетельные в Израиле» (с. 405).

«Ефраимский левит», при его небольшом объеме, «синтетически» представляет политические, исторические и моральные взгляды Руссо¹⁵. Переводчик, не являющийся сторонником буквализма (а именно таким, даже в прозе, был Жуковский, вопреки его известному афоризму: «Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник»¹⁶), не мог не обнаружить свое отношение к разным аспектам «системы» Руссо, а через это – и собственное мировоззрение. Так оно и произошло с переводами Пельского и Жуковского, сравнение которых дает, на наш взгляд, интересные результаты.

Все крупные переводы Пельского вышли из печати в 1802–1803 гг. Это «Эрмитажный театр Великия Екатерины» (Ч. 1–2. М., 1802), роман А.-М.-Э. Суза «Адель де Сенанж, или Письма лорда Сиденгама» (М., 1803) и, наконец, антиклерикальный роман А.-Ж. Дюлорана «Кум Матвей, или Превратности человеческого ума» (Ч. 1–4. М., 1803), вызвавший в Москве крупный скандал, который, как говорили, и свел Пельского в могилу. Тогда же вышел и его перевод «Ефраимского левита». Такая необычайная плодовитость в короткие сроки, скорее всего, объясняется стремлением выпутаться из материальных затруднений. О бедственном положении Пельского Н.М. Карамзин сообщал И.И. Дмитриеву в письме от 12 февраля 1802 г.: «Жена его умерла родами. Он со всех сторон несчастлив и всякий день должен бояться своих заимодавцев»¹⁷. По убедительному предположению исследователя, часть этих переводов была сделана в предшествовавшие годы¹⁸. Возможно, это относится и к переводу «Ефраимского левита», но вероятнее, что он был выполнен по заказу, причем довольно спешно. Такой вывод можно сделать, поскольку в переводе есть разнобой в написании имен собственных (например, «Аха» передается то как *Акса*, то как *Аксия*; «Elmacin» же и вовсе превращается в *Елиасина*, а потом в *Еллиасина*), в одном месте перепутан порядок абзацев (см. с. 27–28) и есть также два-три предложения, которые трудно не признать невразумительными¹⁹.

Главный и сразу бросающийся в глаза недостаток перевода – это способ передачи библейских имен и названий, даже многократно встречающихся в поэме. Пельский просто транслитерирует их французского, причем также непоследовательно, и путает иногда сами реалии: «город Жебус» и «Жебузандов» (вместо «город

Иевуса» и «иевусеян»), «Жабес Галаадская» (вместо «Явес Галаадский»), «устами Финея» (вместо «Финееса»), «от Менуи» (вместо «Менухи»), «Сило», «Силло» и даже «в Силе» (вместо «в Силоме»), «близ Гвидона» (вместо «Гидома»), «гора Хебальская» (вместо гора «Гебал»), «вениаминты» (вместо «вениамитяне»), «хананесца» (вместо «хананеянина»), «назархена» (вместо «назареянина») и др. Совсем уж труднообъяснимо, почему Гиву Вениаминову (у Руссо, пользовавшегося Вульгатой или католической Библией де Саси, – «Gabaa») Пельский везде называет «Гебус», а иногда вдруг «Гебар» или «Гебур» (Жуковский использует церковно-славянский вариант – «Гаваон»). Все это свидетельствует не столько о спешке или небрежности, сколько о слабом знакомстве с Библией, если не о полном равнодушии к ней. Во всяком случае, Пельский проигнорировал церковно-славянский текст, в отличие от Жуковского, который все библейские имена дал в славянской редакции и не допустил ни одной ошибки²⁰. Пельский пользовался репутацией человека легкомысленного и «вольтерианца»²¹. Наблюдения над библейской ономастикой в его переводе «Ефраимского левита» по меньшей мере ей не противоречат.

Указанные изъяны не должны, впрочем, заслонять существующих достоинств перевода Пельского. Во-первых, он очень точный (местами даже буквальный), и в этом отношении превосходит перевод Жуковского. Во-вторых, в нем, в общем-то, последовательно реализован определенный принцип. Перевод Пельского сознательно, как кажется, архаизирован с целью передать присущий оригиналу колорит «древности», и не только за счет славянизации лексики (*младой*, *дицеръ* и т.п.) и других элементов высокого стиля (*святый* вместо *святой*, *три дни* вместо *три дня*, форма местоимения *кои* и др.), но и благодаря использованию древнерусских слов (*бирючи*, т.е. посланники; *сыты*, т.е. мед) и неологизмов (*препоручено снабдевать* и др.). Слог перевода цветист, экспрессивен и не чужд простонародной грубости: там, где у Жуковского «несчастная собирает последние силы, влечется к хижине старца...» (с. 400), у Пельского она «...истощает остатки сил своих, **тащится** к дому старца...» (с. 36) (ср. в оригинале: «l'infortunée use le reste de sa force à se traîner jusqu'au logis du vieillard» – р. 174). На фоне выполненного в основном средним карамзинским слогом перевода Жуковского (даже в батальных сценах) архаизи-

рованный перевод Пельского (нужно признать, все-таки не везде удачный) звучит разнообразно и торжественно, хоть и уступает первому в изяществе и простоте. Ср.:

Пельский: «Они приготовляются смиренно к бою и идут на оный не как беснующиеся, но как люди рассудительные, кои умеют побеждать без лютости и умирать без отчаяния» (с. 54–55).

Жуковский: «...не спеша готовятся они к сражению, идут в порядке, без исступления, желая победы, не ужасаясь смерти» (с. 402).

Пельский: «Престав стенать о зле, кое учинили они в гневе своем, чада Израиля искали способа пособить урону, причиненному отрасли Иакова» (с. 63).

Жуковский: «Сыны Израиля, оплакав зло, причиненное их гневом, по-думали о том, как бы опять восстановить потомство Иакова в совершенной целости» (с. 403).

Жуковский воспринял в поэме Руссо прежде всего ее «пасторальный наивный стиль» и выдержал свой перевод, в соответствии с авторским указанием, «в духе Геснера». Как в большинстве русских идиллий и эклог XVIII в. и, в частности, в переводах Карамзина из Геснера, Жуковский допускает элементы высокого стиля, но принципиально избегает просторечий – вообще всего, что могло бы сообщить переводу русскую национальную окраску, в том числе идиоматических выражений. Так, фразу «*moissonné par la flamme et par le fer*», переведенную Пельским как «истребленная огнем и мечем» (с. 60), Жуковский переводит как «пожата мечом и пламенем» (с. 403).

Исследователи уже отмечали имеющиеся в его переводе отступления от подлинника, но лишь направленные на умножение психологических подробностей²². Интересней другие отступления, а по сути сознательные искажения, обнаруживающие несогласие переводчика с автором в принципиальных вопросах. Вот самый наглядный пример:

«*Dans les jours de liberté ou nul ne régnoit sur le peuple du Seigneur, il fut un tems de licence ou chacun, sans reconnoître ni magistrat ni juge, etoit seul son propre maître et faisoit tout ce qui lui sembloit bon. Israel, alors épars dans les champs, avoit peu de grandes villes, et la simplicité de ses mœurs rendoit superflu l'empire des loix. Mais tous les cœurs n'étoient pas*

également purs, et les mechans trouvoient l'impunité du vice dans la sécurité de la vertu» (p. 165).

Жуковский: «Во дни свободы, когда не имел царя народ израильский, было время смятений и безназначия, не знали покорности. Противились верховной власти, внимали собственным страстям необузданным. Израиль, обитавший рассеянно по полям цветущим, не имел городов просторных и пышных, простой обычаями и нравами, не чувствовал нужды в законах. Но чистота невинности не всем была драгоценна; под кровом добродетели мирной и беспечной порок находил убежище» (с. 396).

Ср. в точном переводе Пельского: «Во дни вольности, когда никто не управлял народом Господним, было время безназначия, где никто не признавал ни судьи, ни высшей власти; делал все, что ему хорошим казалось; тогда рассеянный по полям Израиль имел мало великих городов, и простота нравов делала законы ненужными; но не все сердца равно были чисты, и злые обретали ненаказанность порока в безопасности добродетели» (с. 5–6).

Жуковский в этом фрагменте не просто смещает акценты, а меняет его смысл на диаметрально противоположный. Руссо говорит о естественном свободном состоянии человека, о золотом веке, когда не было собственности и городов, а значит не было необходимости ни в законах, ни правительстве. Жуковский же руссоистский золотой век представляет как время смятений, беззакония и «войны всех против всех». Это не Руссо, а Гоббс, это обоснование необходимости для общества твердой центральной власти, спасительности самодержавия. Жуковский считает, что не сама по себе городская цивилизация развращает людей, а лишь ее избыточная роскошь, поэтому нейтральные «большие города» у него названы «просторными и пышными». Руссо говорит, что в естественном состоянии, при отсутствии всякой власти, никому не угрожало ее насилие, в том числе и уже развратившимся людям, потому-то они и оставались ненаказанными. А Жуковский говорит совсем о другом – о том, что добродетельные люди по природе своей беспечны и снисходительны: они не видят зла и невольно покрывают или прощают его. Дело здесь не в словах, не в стилистических нюансах, а в том, что он изначально не принимает мысль Руссо, подменяя ее собственной. Не случайно она присутствует и в отвергнутых вариантах перевода: «(Порок находил свою безопасность, не боялся наказания посреди добродетельных, спокойный.) Под кровом добродетели (тихой, мирной и неподозрительной, кроткой и

безмятежной) мирной и беспечной порок находил убежище»²³. Она подчеркнута и в одной из первых фраз поэмы, где Жуковский искал уже не только дух, но и букву оригинала:

«O vous, hommes débonnaires, ennemis de toute inhumanité; vous qui, de peur d'envisager les crimes de vos frères, aimez mieux les laisser impunis, quel tableau viens-je offrir à vos yeux?» (p. 163).

Жуковский: «Какое зрелище представлю вам, друзья добродетели, врачи бесчеловечных, вам, которые, **ужасаясь одного вида злодеев, братия, оставляете их без наказания, какое зрелище?**» (с. 396).

Ср. в переводе Пельского: «О вы, благодетельные люди! неприятели всякого бесчеловечия! Вы, которые лучше оставляете без наказания преступление братьев своих, дабы оного не видеть; какую картину представлю я глазам вашим!» (с. 2–3).

Менее заметны, но не менее принципиальны для Жуковского случаи, где он, купирая эпитеты, смягчает, а точнее затушевывает мысль Руссо. Например:

«Hélas! La mort, la mort barbare fut le prix **de leur injuste pitié**» (p. 182).

Жуковский: «Увы! Смерть, ужасная смерть была наградою сих сострадательных» (с. 403).

Ср. у Пельского: «Увы! Смерть, жестокая смерть была возмездием **несправедливой их жалости**» (с. 65).

«Несправедливую жалость», снисходительность к злодеям, Руссо считает если и не заслуживающей наказания, то неизбежно навлекающей его на тех, кто имел слабость ее проявить. Жуковскому эта мысль неприятна, как и вообще ему не импонирует суровая сторона учения Руссо. Поэтому он изымаet эпитет «несправедливая», представляя дело так, что «сострадательных» якобы постиг слепой и злой рок.

Таким образом, Жуковский, который, по известному выражению Н.В. Гоголя, в своих переводах «сквозь личности всех поэтов» пронес «собственную личность»²⁴, и в переводе «Ефраимского левита» был верен себе: акцентируя близкие себе идеи Руссо и купирая или подменяя своими мыслями то, что было для него неприемлемо, Жуковский обнаружил основы собственного мировоззрения. Сравнение его «Левита Ефраимского» с более точным (хоть и менее умелым и добросовестным) переводом Пельского,

дает возможность уточнить отношение молодого Жуковского к разным аспектам учения великого парадоксалиста Руссо²⁵.

---

¹ Поэма была написана в 1762 г., а опубликована уже после смерти Руссо в кн.: *Oeuvres posthumes de Jean-Jaques Rousseau, ou Recueil de pieces manuscrites, pour servir de supplement aux éditions publiée pendant sa vie*. Genève, 1781. – Т. 1. – Р. 111–154. О современном состоянии изучения поэмы можно составить представление по ее новейшему комментированному изданию: *Le lévite d'Ephraim / Éd. Frédéric S. Eigeldinger*. – Paris, 1999. – 156 р. (Age des lumières. Т. 9). Далее оригинальный текст поэмы цитируется по изданию, которым пользовался В.А. Жуковский: *Collection complète des oeuvres de Jean-Jaques Rousseau*. – Geneva, 1782. – V. 7. – Р. 163–186 (ссылки на страницы в статье).

² См.: *Руссо Ж.-Ж. Исповедь / Пер. М.Н. Розанова и Д.Б. Горбова // Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: В 3 т. – М., 1961. – Т. 3. – С. 509*. Здесь, как и в большинстве русскоязычных сочинений XX в., где упоминается эта поэма Руссо, название ее переводится как «Левит с горы Ефремовой». В заглавие нашей статьи вынесен вариант, который считали правильным интересующие нас переводчики начала XIX в.

³ Ефраимской Левит, поэма Ж.-Ж. Руссо. Перевод с французского. – М.: В Сенатской типографии, у Селивановского, 1802. – 82 с. (далее ссылки на это издание в тексте). Имя переводчика раскрыто в «Биографии» Пельского, опубликованной без подписи в «Московском вестнике» (1809. – Ч. 1. – № 21–22. – С. 335–338; здесь – № 21. – С. 336). См. о нем: *Гордон Л.С. Забытый поэт и переводчик Петр Афанасьевич Пельский (1765–1803) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки*. – 1963. – № 2. – С. 117–127; *Кочеткова Н.Д. Пельский Петр Афанасьевич // Словарь русских писателей XVIII в.* – Вып. 2. – СПб., 1999. – С. 416–417.

⁴ Об этом замысле Жуковского и его переводах из Руссо см. работы И.А. Айзиковой: В.А. Жуковский – переводчик Ж.-Ж. Руссо (Статья первая) // Проблемы метода и жанра. – Вып. 12. Томск, 1986. – С. 50–68; То же (Статья вторая) // Там же. – Вып. 13. – Томск, 1986. – С. 25–38; В.А. Жуковский – переводчик «Избранных сочинений» Ж.-Ж. Руссо // *Russian studies*. Ежеквартальник русской филологии и культуры. – 2000. – Т. 3. – № 2. – С. 186–198. О многочисленных пометах Жуковского в принадлежавшем ему полном собрании сочинений Руссо см. исследование Ф.З. Кануновой в кн.: Библиотека В.А. Жуковского в Томске. – Ч. 2. – Томск, 1984. – С. 229–336; Ч. 3. – Томск, 1988. – С. 17–182.

⁵ См.: *Резанов В.И. Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского*. – Вып. 2. – Пг., 1916. – С. 570–577.

⁶ <Руссо Ж.-Ж.> Левит Ефраимский / <Пер. В.А. Жуковского> // *Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского роман-*

тизма и религия (1820–1840). – Новосибирск, 2001. – С. 260–274 (Приложение). Переизд. в кн.: Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – Т. 8. Проза 1797–1806 гг. – М., 2011. – С. 396–405. Далее перевод Жуковского цитируется по последнему изданию (ссылки на страницы в тексте). К сожалению, в обеих этих публикациях отсутствуют варианты перевода (имеющиеся, например, в отрывках, опубликованных В.И. Резановым) и встречаются ошибочные прочтения (см. ниже, прим. 20).

⁷ Подборку материалов на этот счет см. в кн.: Ж.-Ж. Руссо: *Pro et contra. Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752–1917). Антология* / Сост. А.А. Златопольская. – СПб., 2005. См. также: Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX в. // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М., 1969. – С. 555–604. К 1826 г. только переводов из Руссо, опубликованных в России, насчитывалось не менее 106 (см.: Златопольская А.А. Жан-Жак Руссо в России XVIII – первой четверти XIX в.: (Библиографический список произведений Жан-Жака Руссо и литературы о нем на русском языке) // Петербург на философской карте мира. – Вып. 2. – СПб., 2003. – С. 209–239).

⁸ Руссо Ж.-Ж. Исповедь. – С. 509.

⁹ Там же.

¹⁰ Карамзин Н.М. Соч.: В 2 т. – Л., 1984. – С. 50–51.

¹¹ Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании // Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: В 3 т. – М., 1961. – Т. 1. – С. 223.

¹² Идиллии Геснера Руссо читал во французском переводе Михаэля Хубера в 1762 г., непосредственно перед бегством из Монморанси и написанием «Ефраимского левита». Собственно, по словам Руссо, поэма и родилась из мысли «обработать в духе Геснера сюжет “Левита с горы Ефремовой”» (Руссо Ж.-Ж. Исповедь. – С. 509).

¹³ См., напр., замечание Ю.М. Лотмана: «Юлия, идущая в первой половине романа навстречу любви, – права, потому что она человек. <...> Юлия, обуздывающая любовь долгом во второй половине романа, также права, ибо она гражданин» (Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб., 2002. – С. 443).

¹⁴ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М., 1969. – С. 164.

¹⁵ См.: *Kavanakh Th. Rousseau's «The Levit of Efraim»: synthesis within a «Minor» work* // The Cambridge Companion to Rousseau / Ed. Patrick Riley. – Cambridge, 2001. – Р. 397–417.

¹⁶ Жуковский В.А. О басне и баснях Крылова // Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: В 20 т. – Т. 12. Эстетика и критика. – М., 2012. – С. 208.

¹⁷ Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. – СПб., 1866. – С. 123–124.

¹⁸ См.: Гордон Л.С. Указ. соч. – С. 122.

¹⁹ См., напр.: «Пол, порабощенный всегда тиранству, коего несправедливый мужчина всегда угнетает и обожает и коего щастия не может составить, ниже сам быть таков, если его не сравняет с собою» (с. 69). Ср. в переводе Жуков-

ского: «Пол прелестный, всегда лишенный свободы или самовластный, всегда боготворимый либо утесненный, совершенное равенство есть залог твоего и нашего счастья» (с. 404).

²⁰ В единственном полном издании его «Левита Ефраимского» есть две ошибки, но принадлежат они не Жуковскому, а публикатору, это просто неверное прочтение рукописи. Вместо «дочерям Сакнаидовым» (с. 397) следует читать «дочерям Салпаадовым», а вместо «города Зевула» (с. 398, 399) – «города Иевуса». Эти слова были верно прочитаны еще В.И. Резановым (см.: Резанов В.И. Указ. соч. – С. 572, 574–575).

²¹ «<...> он имел удивительно пылкий разум: доказательством тому все сочинения его. Он был предприимчив, смел, отважен; но, к сожалению, иногда легкомыслен, причиню чего полагали излишнюю доверчивость его к себе. <...> Начитанность Вольтера и других последователей оного была отчасти для него гибелью. Наружно он почти во всем следовал правилам общим, но в душе был вольтерианец» (Биография // Московский вестник. – 1809. – Ч. 1. – № 21. – С. 336).

²² См.: Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Указ. соч. – С. 50–53. Здесь идет речь об эпизоде с Аксой и Эльмасином.

²³ Резанов В.И. Указ. соч. – С. 571–572.

²⁴ Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. – Т. 8. – [М.; Л.], 1952. – С. 377.

²⁵ Пельский и Жуковский как переводчики Руссо еще раз соприкоснулись в «Письмах к Саре». Перевод Пельского вышел в посмертном сборнике его сочинений: Письма к Саре. Сочинение Жан Жака Руссо. Пер. // Пельский П.А. Мое кое-что, или Сборник мелких сочинений и переводов в стихах и прозе. – М., 1803. – С. 125–160. Перевод Жуковского, сделанный в то же время, что и его перевод «Ефраимского левита», см. в кн.: Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – Т. 8. Проза 1797–1806 гг. – М., 2011. – С. 405–409. Впервые полностью он был опубликован в статье И.А. Айзиковой в 2000 г. (см. прим.4).

К.А. Чекалов

**ЖАК-АНРИ БЕРНАРДЕН ДЕ СЕН-ПЬЕР
О Ж.-Ж. РУССО**

Аннотация

Публикация фрагмента незавершенного очерка известного писателя, автора повести «Поль и Виргиния» Ж.-А. Бернардена де Сен-Пьера «La Vie et les ouvrages de Jean-Jacques Rousseau» (опубл. 1820). Перевод снабжен небольшим вступительным текстом и примечаниями.

Ключевые слова: Руссо, Париж, кофе, вино, болезнь, природа, прогулки, ипохондрия.

Tchekalov K.A. J.-H. Bernardin de Saint-Pierre on J.-J. Rousseau

Summary. This publication of the fragment from the book «The life and works of J.-J. Rousseau» by J.-H. Bernardin de Saint-Pierre is the first translation of it in Russian.

Ближайшим учеником, другом (на протяжении около восьми лет) и последователем Руссо был Жак-Анри Бернарден де Сен-Пьер, посвятивший ему немало интересных строк. После кончины Жан-Жака именно автор «Поля и Виргинии» воспринимался «республикой словесности» как ведущий знаток его творчества и продолжатель его духовных традиций; удрученные утратой своего кумира поклонники потянулись именно к Сен-Пьеру. Опыт общения двух писателей отразился в отчасти навеянной «Приключениями Телемака» Фенелона (а отчасти – «Астreeей» Оноре Д'Юрфе) незавершенной «поэме в прозе» Сен-Пьера «Аркадия» (1781), замысел которой был во многом подсказан именно Руссо. Автор приводит ряд деталей касательно их совместных прогулок (включая красноречивые и даже несколько плакатные примеры

народной любви к Руссо), а также некоторые характерологические особенности Жан-Жака (замедленность рефлексии; простота и непосредственность, как у юной девственницы). Кроме того, «Аркадия» содержит ценный материал по поводу утопической составляющей философии Руссо; так, практически настроенный Сен-Пьер упрекает Жан-Жака за то, что тот не предпринял никаких социальных экспериментов и не устроил утопию на отдельно взятом острове; в ответ Руссо возразил, что является теоретиком, а не практиком.

В «Этюдах о природе», одном из наиболее масштабных сочинений Бернардена де Сен-Пьера (1773–1782), сильно выражено влияние «Эмиля» и «Прогулок одинокого мечтателя» (особенно седьмой из них). Тем не менее есть все основания говорить о сознательной полемике Сен-Пьера с идеями Руссо¹. В целом же, по мнению современных исследователей, Бернарден де Сен-Пьер и Руссо одновременно были и чрезвычайно близки, и чрезвычайно далеки², встречи же двух писателей протекали, по мнению М. Делона, «скорее под знаком музыки и ботаники», нежели литературы³.

Первый визит Сен-Пьера к Руссо, о котором идет речь в приводимом нами отрывке, состоялся несколько недель спустя после прибытия писателя в Париж, в июле 1771 г. (сам Сен-Пьер ошибочно датирует это событие 1772 г.). К тому времени имя Сен-Пьера – успевшего немало попутешествовать по свету, включая Россию, – еще не было известно широкой публике: его книга «Путешествие на Иль-де-Франс» вышла только в 1773 г. и не имела успеха.

К работе над очерком «Жизнь и творчество Жан-Жака Руссо» Бернарден де Сен-Пьер приступил в 1778 г., но так и не довел ее до конца. Рукопись – включавшая в себя также подготовленную вскоре после кончины Вольтера и написанную в духе обычного для Французской академии жанра сопоставительных очерков о различных представителях словесности «Параллель Вольтера и Руссо» – представляет собой подборку отдельных заметок, черновиков, «анекдотов, размышлений и суждений относительно характера, поведения, образа мыслей, вкусах»⁴ Жан-Жака. Быть может, одной из причин отказа Сен-Пьера продолжать работу стал выход в свет в апреле 1782 г. «Исповеди» (которую автор

«Поля и Виргинии», впрочем, не читал, но эпизоды из которой автор ему пересказывал). Первая публикация незавершенного очерка Сен-Пьера была осуществлена известным литератором Луи Эме-Мартеном (1782–1847) в ноябре 1820 г., причем публикатор снабдил текст собственным очерком «Сопоставление Бернардена и Руссо». Как отмечают современные исследователи, публикатор (а именно с ним сочеталась браком после кончины Сен-Пьера вторая жена писателя) не во всем верен тексту рукописи⁵. В начале XX в. Морис Сурьо, основываясь на хранившейся в Гаврской библиотеке рукописи, выпустил свободное от вольных трансформаций Эме-Мартена издание⁶. Последнее на сегодняшний день издание книги, подготовленное профессором Брюссельского университета Р. Труссоном, вышло в свет в 2009 г.⁷; при всех его очевидных достоинствах назвать его в полной мере академическим нельзя.

В очерке Бернардена де Сен-Пьера имеется целый ряд фактических неточностей (они касаются не только даты первой встречи писателей; например, годом рождения Руссо автор очерка считает 1708), но в целом он является важным и живым документом, связанным с личностью Жан-Жака. При отборе текста для перевода мы руководствовались следующими соображениями: во-первых, хотелось предложить вниманию читателей более или связный фрагмент, который бы давал представление не только о личности Руссо, но и об особенностях писательской манеры Жака-Анри Бернардена де Сен-Пьера; во-вторых, мы сделали акцент не на литературных и эстетических пристрастиях Жан-Жака, а на его бытовом поведении (о котором отечественный читатель осведомлен гораздо менее).

В июне 1772 г. один из моих друзей⁸ предложил свести меня к Жан-Жаку Руссо. Он привел меня к дому, стоявшему на улице Платриер⁹, почти что насупротив здания почты. Мы поднялись на пятый этаж; постучались в двери, и нам открыла госпожа Руссо¹⁰. «Заходите, господа, мой супруг немедля примет вас», – сказала она¹¹. Мы оказались в чрезвычайно тесной передней, где была аккуратно расставлена всевозможная кухонная утварь, а оттуда прошли в кабинет¹², где сидел г-н Руссо, облаченный в редингот и белый чепец; он был погружен в переписывание нот¹³. Он поднялся с

радостной улыбкой и предложил нам стулья; затем вернулся к своей работе, одновременно поддерживая с нами беседу.

Сложение он был худощавого, росту среднего; одно плечо у него казалось выше другого, то ли вследствие какого-либо природного изъяна, то ли из-за неудобной позы, в которой ему приходилось работать; возможно, наконец, что причиной всему был возраст, ведь в ту пору ему стукнуло 64 года. В остальном же он отличался стройностью. Смуглый цвет кожи оттенял румянец на щеках; изящный рот, весьма благородно очерченный нос, круглый выпуклый лоб, горящие глаза. Те складки, которые обыкновенно спускаются от ноздрей к уголкам рта и придают особую приметность лицу, выказывали его величайшую чувствительность и даже придавали несколько страдальческое выражение. Благодаря глубоко посаженным глазам и опущенным ресницам в лице его читалась некоторая меланхолия; резкие морщины на лбу выражали мировую скорбь, зато множество мелких морщинок вокруг глаз, напротив, сообщали его лицу веселость и даже некоторую едкость; когда он смеялся, глаза совершенно утопали во впадинах. Различные страсти поочередно отображались на лице его в зависимости от темы разговора, оказывавшей то или иное воздействие на его душу; но и в спокойном состоянии лик его хранил печать всех этих переживаний, и в выражении его было что-то неизъяснимо любезное и одновременно утонченное, трогательное, побуждающее как к состраданию, так и к почтению.

Рядом с ним стоял шпинет¹⁴, и он то и дело наигрывал на нем различные мотивы. Всю обстановку комнаты составляли две узкие постели, обтянутые, как и стены, грубой бумажной материей в бело-голубую полоску; комод, столик и несколько стульев. На стенах висел план леса и парка Монморанси¹⁵, где он проживал, а также картина с изображением английского короля, в прошлом его благодетеля¹⁶. Супруга его сидела и пошивала белье¹⁷; в подвешенной к потолку клетке распевал чиж; воробы прилетали клевать хлебные крошки с подоконников растворенных на улицу окон; что касается окон передней, то на них громоздились ящики и горшки с растениями, но не культурными, а дикими. Царившие в доме чистота, умиротворенность и простота доставляли неподдельную радость.

Он стал рассказывать мне о своих путешествиях, а затем разговор перешел к свежим новостям; засим он зачитал мне свой ответ на письмо г-на маркиза де Мирабо¹⁸, который втянул его в политический спор. В ответном письме он умолял Мирабо не заставлять его более участвовать в литературных распрах. Я завел с ним разговор об его сочинениях и заметил, что предпочитаю всем остальным «Деревенского колдуна»¹⁹. Мне показалось, что мое мнение весьма обрадовало его. «Я также предпочитаю это свое сочинение всем прочим», – сказал он. Вслед за этим Руссо показал мне собранную им коллекцию всевозможных семян, которую он разместил во множестве мелких коробочек. Я не смог удержаться, чтобы не заметить, что никогда в жизни не встречал человека, который сумел бы собрать столь обширную коллекцию семян и одновременно располагал бы столь скромными земельными угодьями²⁰. Это мое замечание рассмешило его. Когда мы собирались уходить, он проводил нас до лестничной площадки.

Несколько дней спустя он явился ко мне с ответным визитом. На нем был круглый, обильно напудренный и завитый парик, нанковое платье²¹; под мышкой он держал шляпу, в руке – небольшую тросточку. Из-за докучавших ему мозолей на ботинках имелись разрезы в форме звездочек. Весь облик его казался воплощением скромности, но и чистоплотности – говорят, именно таким представлял перед окружающими Сократ²². Дабы пополнить его коллекцию семян, я предложил ему орех морского кокоса²³; он благосклонно принял его. Пред тем, как выйти на улицу, я повел его в одно из помещений своего дома и показал великолепный образец бессмертника вонючего, цветки которого напоминают клубничины, а листья – лоскуты серого драпа²⁴. Руссо нашел его восхитительным, но я уже обещал растение другому и не мог им распоряжаться. Когда мы с ним пересекали квартал Тюильри²⁵, он почувствовал запах кофе. «Вот аромат, который мне чрезвычайно по душе», – сказал он. «Когда на нашей лестнице кто-то жарит кофе²⁶, иные из соседей притворяют двери, а я так напротив, распахиваю свою». «Стало быть, вы часто пьете кофе, коли вам так нравится его запах?», – спросил я. «Да, – ответил он, – изо всех деликатесов я отдаю предпочтение только двум – мороженому и кофе». Поскольку я привез с острова Бурбон²⁷ большой тюк с кофе, я упаковал его в несколько свертков и раздавал их своим

друзьям. Один из этих свертков я послал на следующий день Руссо, приложив к нему записку; в ней я сообщил, что, зная об его пристрастии к заморским семенам, я покорнейше прошу принять этот подарок. В ответ я получил от него чрезвычайно учтивую записку, где он благодарил меня за проявленное мною внимание.

Однако уже вечером того же дня я получил от него новое послание, выдержанное совсем в ином тоне. Вот его содержание:

Пятница, 3 августа 1771 г.

Поскольку сверток от вас, сударь, прибыл в тот момент, когда я принимал гостей, а кроме того, в силу моей уверенности, что речь и впрямь идет о заморских семенах, я не стал открывать его тотчас же и ограничился краткой благодарственной запиской. Развернув же сверток, я уверился в том, что в нем содержится кофе. Сударь, до сей поры мы встречались с вами лишь единожды, а вы уже начинаете приносить мне дары; ваш поступок представляется мне несколько скоропалительным. Коль скоро у меня нет возможности дарить кому бы то ни было подарки, то я взял себе в привычку, дабы избежать неравных знакомств и неловкости, таковыми порождаемой, не видеться с людьми, приносящими мне дары. Предоставляю вам самому решить, оставите ли вы у меня кофе или же пришлете слугу забрать его. Если вы изберете первый путь, соблаговолите принять мою благодарность, и на этом расстанемся.

Примите, сударь, мои уверения в совершеннейшем к вам почтении.

Ж.-Ж. Руссо²⁸.

Я ответил ему, что, коль скоро я побывал в стране, где произрастает кофе, размер и качество моего подарка не кажутся столь значительными; что, впрочем, я оставляю ему полную свободу выбора одного из двух предложенных им вариантов. Эта небольшая размолвка была разрешена выдвинутым им ко мне условием: принять в качестве дара корень женьшена²⁹ и книгу по ихтиологии, которую ему прислали из Монпелье³⁰. Он пригласил меня на следующий день к себе отобедать. Я пришел к нему в одиннадцать утра; мы беседовали до половины первого. Затем супруга его расстелила скатерть. Он достал бутылку вина, и, ставя ее на стол, спросил меня, хватит ли нам ее и вообще, склонен ли я к спиртным

напиткам³¹. «А сколько нас будет за столом?» – спросил я. «Тroe, – ответил он, – вы, моя жена и я». «Когда я пью вино в одиночку, – сказал я, – у меня уходит более половины бутылки; в компании друзей я выпиваю больше». «Стало быть, – заметил он, – одной бутылки нам не хватит; мне следует спуститься в погреб». Он принес оттуда вторую бутылку. Жена принесла два блюда: одно с пирожками, другое же было накрыто крышкой³². Руссо сказал мне, указывая на первое блюдо: «Вот ваша порция, а другая – моя». «Вообще-то я редко кушаю выпечку, – сказал я, – но вашу отведаю охотно». «О! – воскликнул он, – оба блюда – самая обыкновенная еда, но как раз вторым многие пренебрегают; это швейцарское блюдо – рагу из бараньего сала, овощей и каштанов»³³. Блюдо оказалось отменным³⁴. Далее были поданы нарезанные кусочки говядины, затем сухарики и сыр. После этого супруга Руссо подала кофе. «Ликера я вам не предлагаю, – сказал он мне, – потому что у меня его нет; я прямо как тот монах, который читал проповедь против прелюбодеяния – предпочитаю выпить бутылку вина, нежели стаканчик ликера»³⁵.

Во время обеда мы беседовали об Индии, греках и римлянах. После еды он сходил и принес мне несколько рукописей, о которых я скажу, когда пойдет речь о его сочинениях. Он зачитал мне продолжение «Эмиля», несколько писем на ботанические темы, небольшое стихотворение в прозе о левите, у которого сыны Вениаминовы подвергли бесчестью жену³⁶, а также чудесные фрагменты из Тассо в его переводе³⁷. – «Рассчитываете ли вы опубликовать эти переводы?» «О нет, Боже упаси! – сказал он, – ведь я делал их для собственного удовольствия, чтобы было о чем поговорить вечером с женой». «Да, да, как всё это трогательно! – подхватила госпожа Руссо, – о, несчастная Софрония! Как горько я плакала, когда муж прочитал мне это место». Наконец она предупредила меня, что уже девять вечера; выходит, десять часов пронеслись как одно мгновение (...)³⁸

От короткого обзора жизненного пути Руссо перейдем теперь к его физическому сложению. В большинстве путешествий своих он предпочитал ходить пешком, однако же, несмотря на это, так никогда и не приучился гулять по мостовым – ступни его отличались чрезвычайной чувствительностью. «Смерти я не боюсь, – говорил Руссо, – я боли боюсь». Между тем он обладал

большой физической силой: в 70 лет он имел обыкновение после обеда гулять по лугу Сен-Жерве³⁹ или же обходить весь Булонский лес⁴⁰, и при этом к концу прогулки не выказывал никаких признаков усталости. Он страдал флюсами, от которых потерял часть зубов. Чтобы успокоить боль, он набирал в рот ледяной воды. Он заметил, что горячая пища вызывает зубную боль, а у животных, которые питаются холодной пищей и пьют холодную воду, зубы всегда чрезвычайно здоровые. Я имел возможность проверить действенность этого метода и оценил по достоинству его наблюдательность; ведь народы Севера, и среди них голландцы, почти все имеют испорченные зубы вследствие того, что пьют чересчур горячий чай, зато крестьяне из моих родных мест могут похвастаться здоровыми зубами. В молодые годы у него бывали столь сильные сердцебиения, что из соседней комнаты можно было слышать удары⁴¹. «Я был в ту пору влюблён», – рассказывал он мне. – «В Монпелье я отправился к знаменитому врачу Фитце⁴², тот, смеясь, взглянул на меня и сказал, хлопнув по плечу: “Дружище, вам следует время от времени выпивать добрый стаканчик вина”». «Болезнью счастливых людей» он именовал приступы тоски, вапёры. «Любовные вапёры сладостны, – возразил я ему, – но если б вы одновременно с ними испытали приступы тоски от уязвленного честолюбия, у вас, возможно, сложилось бы иное мнение». Тем не менее время от времени былая ипохондрия давала о себе знать. Он рассказывал мне, что не так давно едва не умер от страха, находясь в тупике Дофен и не имея возможности оттуда выйти⁴³, поскольку ворота Тюильри только что заперли, а въезд в улицу преграждали кареты; но как только путь оказался свободен, его тревога тут же рассеялась. К этому недугу он применил одно средство, которое годится от любого недомогания: он устранил его причины. Он избегал напряженного раздумья, чтения и крепких напитков. Физические упражнения, душевное расслабление и отвлечение мыслей еще более улучшали его состояние. Долгое время он страдал от грыжи и запора мочи⁴⁴, что побуждало его носить бандажи и зонд. Поскольку, находясь за пределами Парижа, он обыкновенно жил уединенно, он придумал себе длиннополый, подбитый мехом наряд, чтобы скрыть свой недуг. А коль скоро в таком состоянии парик был ему неудобен, он стал носить чепец⁴⁵. С другой стороны, наряд сей казался диковинным детворе и зевакам, которые

неотступно следовали за ним, и в конце концов ему пришлось от него отказаться. Так что необходимость облачаться в якобы армянский костюм, который, по мнению многих, он носил оригинальности ради, на самом деле объяснялась его недугами⁴⁶.

В конце концов он излечился от своих недугов, отказавшись от помощи лекарей и лекарского искусства. Даже когда с ним приключались какие-либо непредвиденные происшествия, он не обращался к медикам. Как-то раз, осенним вечером 1770 г.⁴⁷, он шел по Менильмонтанскому спуску⁴⁸ и на него наскочил один из тех огромных датских псов, коих тщеславие их богатых хозяев заставляет бежать впереди карет – на беду пешеходов⁴⁹. Пёс столь резко толкнул его на мостовую, что Руссо упал без чувств; какие-то милосердные прохожие подняли его; верхняя губа его была рассечена, мизинец левой руки разодран; он пришел в себя; хотели было послать за коляской, но Руссо отказался, опасаясь, что его там разберет холод. Домой он вернулся пешком; прибежал лекарь, Руссо поблагодарил его за участие, но отказался от помощи и довольствовался промыванием ран, которые несколько дней спустя полностью затянулись. «Лечит сама природа, а не люди», – говорил он.

Если же его одолевал какой-либо внутренний недуг, он садился на диету и уединялся, утверждая при этом, что отдохновение и одиночество столь же необходимы для недужного тела, сколь и для души.

Его здоровый образ жизни позволил ему сохранить свежесть, силу и веселый нрав до конца. Летом он поднимался с постели в пять утра и до семи с половиной переписывал ноты, после чего завтракал. Одновременно с завтраком он раскладывал на бумаге растения, собранные им накануне вечером⁵⁰; откушав, вновь принимался за ноты; в половине первого обедал. В половине второго частенько отправлялся выпить кофе в кафе на Елисейских полях⁵¹, где мы с ним назначали встречу. Кафе это находилось в небольшом павильоне, что стоял в саду герцогини Бурбонской⁵² – прежде там обычно принимала ванну госпожа маркиза де Помпадур. Затем он отправлялся за город собирать растения для гербариев, причем даже на открытом солнце, в сильную жару предпочитал держать шляпу под мышкой, утверждая при этом, что солнечные лучи действуют на него благотворно. Я же со своей

стороны говорил ему, что представители всех южных народов носят головные уборы, тем более высокие, чем ближе они живут к экватору; я приводил ему в пример турецкие и персидские тюрбаны, длинные заостренные чепцы китайцев и сиамцев, а также высокие, на манер епископских митр, шапки арабов. Все эти народы стремятся к тому, чтобы между головой и головным убором имелся солидный воздушный зазор, в то время как народы Севера обходятся плоскими шапочками; к этому я добавлял, что природа устраивает дело таким образом, чтобы в жарких странах произрастили широколиственные деревья, призванные предоставить животным и людям густую тень⁵³. Наконец, я напоминал ему о природном инстинкте зверей, которые стремятся укрыться от жары в тени; однако же все эти доводы не производили на него никакого впечатления – он ссыпался на свои привычки и опыт. Между тем приключившийся с ним летом 1777 г. недуг я приписываю как раз действию прогулок⁵⁴; то было разлитие желчи, сопровождавшееся тошнотой и столь резкими судорогами⁵⁵, что, по его собственному утверждению, он никогда прежде не испытывал подобных страданий. Возможно, что и его последняя болезнь, сразившая его на следующий год в тот же сезон, после подобных же прогулок, могла быть связана с той же причиной⁵⁶. Сколь сильно он любил солнце, столь же крепко недолюбливал дождь. В дождливую погоду он неизменно сидел дома. «Я, – со смехом говорил он, – представляю собой полную противоположность человечку со швейцарского барометра – когда он прячется, я иду гулять, а когда вылезает наружу, я возвращаюсь домой»⁵⁷. С прогулки он возвращался незадолго до заката солнца; затем ужинал и ложился спать в девять с половиной часов. Таков был распорядок его жизни. Вкусы у него были немудреные и почти что природные. Питался он всем подряд⁵⁸, кроме спаржи, утверждая, что она дурно влияет на мочевую пузырь⁵⁹. Недозрелые фасоль и горох, молодые артишоки он почитал менее здоровой и менее приятной на вкус пищей, нежели те, что достигли зрелости. В этом смысле он не проводил разграничения между первым урожаем овощей и первым урожаем фруктов. Ему очень нравилась стручковая фасоль⁶⁰, когда стручок достигал естественной величины, но при этом бобы сохраняли свою нежность. По его рассказам, в начале своего пребывания в Париже весь его вечерний рацион составляло печенье; в ту пору в Пале-

Рояле работали два именитых кондитера, к которым многие парижане захаживали, чтобы купить себе что-нибудь на ужин. Один из них добавлял в печенье лимон⁶¹, а другой нет; изделиям первого все отдавали предпочтение. «Прежде, — говорил Руссо, — мы с женой выпивали за ужином четверть бутылки вина, затем пол-бутылки; теперь мы перешли на целую бутылку; это нас согревает».

Ему нравилось предаваться воспоминаниям о превосходных молочных продуктах, которые он едал в Швейцарии, особенно же о тех, которые изготавливают в некоторых селениях вокруг Женевского озера. Тамошние сливки в летний период имеют розовый цвет, поскольку коровы жуют землянику, которая произрастает на горных лугах⁶². «Мне бы не хотелось ежедневно наедаться до отвала, — говорил он, — но поесть я люблю». «Как-то раз, когда я направлялся в Монпелье в карете, за несколько верст до прибытия в город, нам подали в трактире великолепный обед из дичи, рыбы и фруктов; мы решили, что он нам дорого обойдется, но с нас взяли всего по тридцать су с каждого. Дешевизна обеда, приятное общество, чудесный пейзаж и приятное время года — всё это, вместе взятое, побудило нас отпустить карету и задержаться в этом месте на три дня; всё это время нас кормили на славу, никогда еще мне не доводилось так вкусно питаться⁶³. По-настоящему наслаждаться жизнью можно лишь в тех странах, где не развита коммерция; в прочих же местах стремление обратить всё в золото приводит, напротив, к лишениям». (...) В наших совместных прогулках именно я предлагал ему откушать; он соглашался лишь при условии, что половину расходов возьмет на себя; если же тайком от него я рассчитывался с хозяином, он на несколько недель отказывался от совместных прогулок.

¹ См. об этом нашу статью: Чекалов К.А. «Его философия — бред...» «Этюды о природе» Бернардена де Сен-Пьера // XVIII век: Литература как философия, философия как литература. — М., Экон-информ, 2010. — С. 249–258.

² Ngendahimana A. J.-J. Rousseau et Bernardin de Saint-Pierre // Rousseau visité, Rousseau visiteur: les dernières années (1770–1778). Annales de la société Jean-Jacques Rousseau, t. 42 Geneve, Droz, 1999. P. 330. (http://books.google.fr/books?id=Fv7RJICbk5AC&pg=PA331&lpg=PA331&dq=rousseau+ichtyologie&source=bl&ots=3ck39r52ku&sig=mEProtPYC7M9DlcX_JZBzG7u99c&hl=fr&ei=tFLDTuTI)

MZHLsgb-io36Cw&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=3&ved=0CCoQ6AEwAg#v=onepage&q=rousseau%20ichtyologie&f=false).

³ Delon M. *Bernardin de Saint-Pierre* // *Dictionnaire de Jean-Jacques Rousseau*. – P., Champion, 1996. – P. 75.

⁴ Trousson R. *Introduction* // *Bernardin de Saint-Pierre J.-H. La Vie et les ouvrages de Jean-Jacques Rousseau*. Édition présentée et annotée par R. Trousson. – P., Champion, 2009. – P. 15.

⁵ Wiedemeier K. *La religion de Bernardin de Saint-Pierre*. – P., 1986. – P. 77.

⁶ *Bernardin de Saint-Pierre J.-H. La Vie et les ouvrages de Jean-Jacques Rousseau*. Édition critique publiée avec de nombreux fragments inédits par M. Souriau. – P., Cornély, 1907. При подготовке настоящего перевода мы пользовались электронной версией этого издания, представленной на сайте «Gallica»: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k426060>

⁷ См. сноска 4.

⁸ Речь идет об историке, дипломате и поэте, члене Французской академии с 1787 г. Клоде-Карломане де Рюльере (1735–1791). Он интересен для нас тем, что в начале 1760-х годов находился в Санкт-Петербурге в качестве секретаря французского посольства и стал таким образом свидетелем дворцового переворота 1762 г. Эти события нашли свое отражение в книге Рюльера «История революции в России», рукопись которой снискала огромную популярность; неполную публикацию удалось осуществить лишь в 1797 г. С Руссо Рюльер познакомился в 1752 г. Впоследствии Бернарден неосторожно проговорился Руссо о намерении Рюльера написать комедию, высмеивавшую Жан-Жака, после чего отношения Руссо и Рюльера испортились.

⁹ Руссо поселился на улице Платриер в 1747 г., затем переехал в другое место и снова вернулся на ту же улицу в конце 1770 г. В 1791 г. улица была переименована в улицу Руссо. Дом, о котором идет речь, – нынешний дом № 60 по улице Руссо.

¹⁰ В 1768 г. состоялся своеобразный обряд бракосочетания Руссо с Терезой Левассёр (совместная жизнь их началась еще в 1750 г.).

¹¹ Можно сказать, что Бернардену повезло; приветливость, с которой его встретила Тереза, распространялась отнюдь не на всех гостей Жан-Жака. Так, из «Мемуаров» Карло Гольдони (т. 3, гл. XVI) можно узнать, что великого итальянца (посетившего Жан-Жака в том же 1771 г.) Тереза принимала, мягко говоря, не слишком любезно. Весьма неприветственный портрет Терезы и описание ее грубого поведения по отношению к гостям приводятся в романе А. Дюома «Жозеф Бальзамо» (гл. X, «Господин Жак»).

¹² Не только передняя, но и вся квартира была чрезвычайно тесной, так что кабинет служил одновременно и спальней, и гостиной.

¹³ В 1751 г. Руссо стал профессиональным переписчиком нот и продолжал эту работу (с перерывами) до 1777 г. О той немаловажной роли, которую он придавал этому виду человеческой деятельности, свидетельствуют две статьи из его «Музыкального словаря» (1768) – «copiste» и «rapier réglé». Между тем Гольдони был крайне шокирован тем обстоятельством, что выдающийся пи-

сатель вынужден заниматься столь низменным делом. Расценки у Руссо несколько превышали обычные, но клиенты охотно платили уже за саму возможность встретиться со знаменитостью.

¹⁴ Разновидность домашнего клавесина.

¹⁵ Руссо проживал в городке Монморанси (13 км к северу от Парижа) с Терезой Левассёр в 1757–1762 гг. В «Исповеди» он именует эту местность «райским уголком». Ныне здесь находится Музей Руссо.

¹⁶ В январе 1766 г. Руссо прибыл в Англию и провел здесь 16 месяцев; чем дальше, тем более негативно воспринимал он эту страну. По ходатайству Д. Юма король Георг III с неохотой выделил французскому философу стипендию.

¹⁷ Тереза Левассер была профессиональной белошвейкой. Ср. свидетельство еще одного посетителя, в тот же период побывавшего у Руссо, – герцога де Круа: «На протяжении всей нашей беседы, которая длилась добрых два часа... супруга его сидела подле него и шила».

(Journal inédit du duc de Croy. Р., 1907. Т. III, р. 17). (

¹⁸ Переписка Руссо со знаменитым французским политиком и трибуном началась в 1757 г.; Мирабо посыпал своему корреспонденту книги по ботанике. Для Жан-Жака было характерно глубокое уважение к личности Мирабо, но одновременно и несогласие с политическими воззрениями автора «Опыта о деспотизме», вышедшего в свет одновременно с «Общественным договором», в том же 1772 г., когда Сен-Пьер впервые посетил Руссо. Точно так же и Мирабо очевидным образом дистанцировался от представлений Жан-Жака относительно «естественного состояния».

¹⁹ Первая постановка комической оперы «Деревенский колдун» состоялась 18 октября 1752 г. в Фонтенбло, в присутствии короля (соответствующий эпизод изложен в восьмой книге «Исповеди»).

²⁰ Осуждение крупных помещиков звучит в «Эмиле» и «Новой Элоизе».

²¹ В XIX в. «каковые панталоны» становятся символом простолюдинов, как о том свидетельствует Бальзак в «Утраченных иллюзиях». В эпоху Руссо дело еще обстояло иначе, но в любом случае наряд Руссо отличался подчеркнутой скромностью. В «Жозефе Бальзамо» король «с осуждением» рассматривает костюм философа.

²² В Амстердаме в 1751 г. вышел (в переводе с английского) французский текст жизнеописания Сократа. Между тем Дидро перевел еще ранее, в 1749 г., «Апологию Сократа» Платона – и даже сам себя именовал Сократом; Сократ стал также персонажем одноименной пьесы Вольтера (1759). Таким образом, фигура греческого мыслителя привлекала к себе внимание читающей публики XVIII в.

²³ Об этом экзотическом растении Бернарден рассказывает в своей книге «Путешествие на Иль-де-Франс».

²⁴ Растение, о котором здесь идет речь (*Helichrysum foetidum*), действительно обладает серыми ворсистыми листьями. Интересно, что Сен-Пьер ни словом не упоминает о его специфическом запахе. Цветки растения могут напомнить клубничины разве что своей формой, но никак не цветом – они желтые.

²⁵ Квартал Тюильри располагался между зданием Лувра и площадью Согласия. В XVIII в. там находился не только сад, но и дворец Тюильри (сгорел в 1871 г.). Именно в саду Тюильри, в октябре 1794 г. на острове посреди пруда был сооружен временный мавзолей, где выставили на всеобщее обозрение гроб с телом Руссо (его прах был доставлен в Париж из Эрменонвиля и затем захоронен в Пантеоне).

²⁶ К середине XVIII в. как кофейные мельницы, так и специальные жаровни для зерен уже стали в Париже обычным явлением. Более того, похвалу кофе можно встретить в тот период в одном из изданий Голубой библиотеки, что свидетельствует о весьма пестром социальном составе потребителей напитка.

²⁷ Сен-Пьер вернулся во Францию в июне 1771 г., так что его запасы кофе к моменту знакомства с Руссо (напомним, что настоящая дата первого визита – июль 1771 г.) еще не истощились. Остров Бурбон – дореволюционное (до 1793 г.) название о. Реюньон. Кофе стали разводить здесь, причем чрезвычайно активно, с 1712 г.

²⁸ Дело здесь не только в относительно высокой стоимости кофейных зерен (все-таки, как было сказано выше, к концу века кофе перестает быть во Франции предметом роскоши), но и в некоторых особенностях личности автора письма, с его явно невропатическим складом.

²⁹ Следует отметить, что как раз в период своего знакомства с Сен-Пьером (1771–1773) Руссо пытался создать нечто вроде ботанической энциклопедии, но не довел эту работу до конца. «Фрагменты словаря ботанических терминов» были опубликованы посмертно, в 1781 г.

³⁰ Речь идет о книге медика и ботаника из Монпелье Антуана Куана «История рыб» (*Historia piscium*, 1769, с параллельным французским переводом), которую Руссо прислал ее автор.

³¹ В «Письме Д'Аламбера» содержится рассуждение о вреде неумеренного употребления спиртного и одновременно защита его по сравнению с другой человеческой страстью: женщинами. Интересно, что, в отличие от главной героини «Новой Элоизы», Тереза Левассер не избегала вина.

³² Это свидетельство Бернардена ценно тем, что позволяет усомниться в степени приверженности Жан-Жака к вегетарианству. Выведенный исследователем соответствующей проблематики М. Онфре бином «Молоко против Рагу» (*Onfray M. Rousseau ou La voie lactée // Le ventre des philosophes.* – Р., Grasset, 1989. – Р. 78) в данном случае явно не работает. В то же время общие принципы «гастрофии» Руссо здесь налицо: Жан-Жак отдавал предпочтение простой крестьянской пище и критиковал французскую кухню за ее чрезмерную изысканность. Вопрос о вегетарианстве Руссо сложнее, чем это может

показаться на первый взгляд (Guichet J-L. Rousseau, *l'animal et l'homme: l'animalité dans l'horizon anthropologique des Lumières*. – Р., Cerf, 2006. – Р. 359). Ю. Миками вообще не считает Руссо вегетарианцем (Mikami J. *Les relations sociales chez Jean-Jacques Rousseau: essai de lecture critique de la seconde partie des «Confessions»*. – Genève, Slatkine, 1987. – Р. 67).

³³ Побывавший 11 декабря 1759 г. у Руссо в Монморанси коммерсант Франсуа Фавр (1736–1813) обнаружил на столе философа толстую тетрадь с кулинарными рецептами.

³⁴ Умение Терезы вкусно готовить подтверждают многие посетители Руссо, включая графа Ф. Д'Эшерни и шотландского адвоката Джеймса Босуэлла. Угощенье, которое досталось Босуэллу (он впервые побывал у Жан-Жака в декабре 1764 г.), оказалось весьма обильным и опять-таки не вполне вегетарианским: суп, два сорта вареного мяса, капуста, репа, капуста, морковь, холодная свинина, форель.

³⁵ Жан-Жак имеет в виду достаточно фривольную эпиграмму своего однофамильца Жана-Батиста Руссо (1670–1741) «Проповедь францисканца» (1757).

³⁶ Речь идет об основанном на заключительных главах «Книги Судей» стихотворении «Левит с горы Ефремовой» («Le Lévite d'Éphraïm»), написанном в 1762 г., после осуждения «Эмиля» и бегства из Монморанси и опубликованном посмертно в 1781 г. В стихотворении слышатся отголоски преследований Жан-Жака. Вот как об этом сочинении рассказано в «Исповеди»: «Я уверен, что за всю свою жизнь не написал ничего, что было бы проникнуто более умилительной нежностью нравов, отличалось бы более свежим колоритом, более наивным рисунком, большей верностью эпохи, более античной простотой во всем, и это – несмотря на страшный и, в сущности, отвратительный сюжет, так что, помимо всего прочего, за мной была заслуга преодоления трудности. Если “Левит с горы Ефремовой” и не лучшее из моих сочинений, то оно навсегда останется самым моим любимым» (пер. Д.А. Гorbова, М.Я. Розанова).

³⁷ Перу Руссо принадлежат переводы следующих фрагментов «Освобожденного Иерусалима»: 52 первые строфы из первой песни, эпизод «Олинда и Софрония» из второй песни и несколько отдельных строф (Hamman C. Rousseau citant le Tasse. ou les séductions de l'artifice // XVIII siècle, N 1 (38), 2006. Р. 511). В «Новой Элоизе» содержится пять цитат из Тассо (чаще всего из того же «Освобожденного Иерусалима»); для сравнения: Петрарка в самом знаменитом сочинении Руссо цитируется девять раз. В «Исповеди» приводится одна цитата из «Освобожденного Иерусалима».

³⁸ Мы пропускаем фрагмент, где Бернарден де Сен-Пьер кратко (и не всегда достоверно) излагает биографию Руссо.

³⁹ Городок к северо-востоку от Парижа, непосредственно примыкающий к нынешнему Периферийному кольцу. Излюбленное место прогулок не только Руссо, но и многих парижан. Не случайно именно здесь протекала любовная идиллия Генриха IV и Габриэллы Д'Эстре.

⁴⁰ Нынешняя площадь Булонского леса – 846 га (для сравнения площадь Измайловского лесопарка – 1534 га).

⁴¹ Эти явные преувеличения, почерпнутые Сен-Пьером из рассказов самого же Жан-Жака, отражают всё те же особенности личности философа и отчасти являются результатом неумеренного чтения им медицинской литературы.

⁴² Речь идет об известном враче и ученом Антуане Физе (1689–1765), профессоре медицинского факультета университета в Монпелье, авторе книги *Opera medica* (1742). Полагая, что у него «полип в сердце», Руссо в 1737 г. обратился к услугам Физа (см. «Исповедь», кн. 6), который не подтвердил этого самодиагноза. Однако написание фамилии Физа в очерке Бернардена (Fitze вместо Fizes) может свидетельствовать о контаминации имен: находясь в Монпелье, Руссо останавливался в доме другого медика, ирландца Томаса Фитц-Мориса (Fitz-Maurice).

В 1763 г. «заочную» консультацию Физа получил проезжавший через Монпелье знаменитый английский писатель Тобиас Смоллетт; соответствующий комический эпизод изложен в его книге «Путешествие во Францию и Италию» (1766).

⁴³ Тупик Дофен (до 1744 – тупик Сен-Венсан, после 1789 – улица Дофен) становился таковым ночью: его запирали на решетку со стороны Тюильри.

⁴⁴ Между тем вскрытие (правда, несовершенное, в соответствии с практикой того времени) не выявило у Руссо никаких урологических заболеваний.

⁴⁵ Вообще говоря, речь идет о папахе. Осенью 1765 г., на репетиции «Деревенского колдуна», Руссо облачается в тот же армянский наряд, но его головной убор из серого драпа с пышной меховой оторочкой – нечто среднее между чепцом и папахой. (Yolande Crowe. Le manteau arménien de Jean-Jacques Rousseau. <http://doc.rero.ch/lm.php?url=1000,42,23,20070126092909-PZ/manteau.pdf>).

⁴⁶ Думается, это не единственная причина использования Руссо армянского костюма: в XVIII в., под влиянием общей ориенталистской моды, он приобретает известность во Франции. Руссо заказал себе соответствующий наряд в Монморанси в 1762 г., но из-за начавшихся в связи с публикацией «Эмиля» гонений долго пользоваться им ему не пришлось; зато, оказавшись в Швейцарии, он не расстается с ним. Вот как об этом говорится в «Исповеди»: «Я заказал себе небольшой армянский гардероб, но поднявшаяся против меня буря заставила меня отложить перемену костюма до более спокойных времен; и только через несколько месяцев, когда мне пришлось из-за новых приступов опять прибегнуть к зондам, я нашел возможным, ничем не рискуя, надеть эту новую одежду в Мотье (небольшой городок к юго-востоку от Нёшателя. – К. Ч.), – особенно после того, как посоветовался с местным пастором и он сказал мне, что я могу приходить в ней даже в храм, не вызывая скандала. И вот я надел куртку, кафтан, меховую шапку, пояс и, отстояв в этом одеянии церковную службу, убедился, что вполне удобно пойти в нем и к милорду маршалу. Его превосходительство, увидев, как я одет, произнес вместо всякого приветствия: “Саллям алайкум!”; этим все кончилось, и я уже не носил другой одежды».

⁴⁷ Точная дата и время происшествия указана во второй из «Прогулок одинокого мечтателя» – 24 октября 1776 г., около шести вечера. Кроме того, Руссо уточняет место действия – «почти что насупротив Галантного Садовника» (скорее всего, кабачок, название которого позаимствовано из популярной пьесы Данкур). Современные «парижеведы» установили адрес, где Руссо упал без чувств: угол нынешних улиц Оберкампф и Сен-Мор.

⁴⁸ Парижский квартал Менильмонтан находится на холме; чтобы пройти оттуда на улицу Платриер, нужно было спускаться вниз.

⁴⁹ Случай, когда бежавшие перед каретами датские дого – этих крупных и сильных псов порой именовали *danois de carrosse* – набрасывались на прохожих, были во времена Руссо нередки. Иногда вместе с собаками бежали и специальные слуги, так называемые *coureurs*. Пёс, налетевший на Жан-Жака, принадлежал маркизу Мишелю ПеллеТЬе де Сен-Фарго (1736–1778). Огромный дворец, выстроенный его отцом, интенданттом финансов (разрушен в XIX в.), располагался в районе пересечения нынешних улиц Менильмонтан и Пельпор. (Denis G. *Sur les pas de Rousseau, entre Ménilmontant et Charonne*. <http://www.gambetta-village.com/?q=sur-les-pas-de-rousseau-entre-menilmontant-et-charonne>). Имя Сен-Фарго носят улица и одна из станций парижского метро.

⁵⁰ Небольшая часть составлявшихся Руссо гербариев сохранилась и по сей день; они хранятся в Музее естественной истории, Музее Карнавале, Музее Жакмар-Андре и некоторых других парижских собраниях.

⁵¹ Одно из излюбленных Руссо парижских кафе, наряду с *Procopе* и *Café de la Régence* (где он постоянно играл в шахматы и которое описано Дидро в «Племяннике Рамо»).

⁵² Луиза Франсуаза, Герцогиня Бурбонская (дочь Людовика XIV, кузина Людовика XVI) (1673–1743) построила Бурбонский дворец (ныне – здание Национальной ассамблеи Франции) в 1722–1728 гг.

⁵³ Типичный пример наивного телеологизма Бернардена де Сен-Пьера, полагавшего, что груша и яблоко созданы для того, чтобы съесть их в одиночку, а арбуз – чтобы разделить его с семьёй.

⁵⁴ Р. Труссон подвергает сомнению данное умозаключение Бернардена и полагает, что в период с 1771 по 1778 г. летняя жара не могла оказать столь губительного воздействия на здоровье Жан-Жака. (Bernardin de Saint-Pierre J.-H. *La Vie et les ouvrages de Jean-Jacques Rousseau*. – Р., 2009. Р. 74, н. 5).

⁵⁵ По мнению современных медиков, речь может идти об эпилептическом приступе. Как писал адвокат и литератор, приятель Руссо Оливье де Корансэ, «я нередко видел, как у него начинались конвульсии, делавшие его лицо неузнаваемым, а выражение лица поистине устрашающим. В таком состоянии взгляд его, казалось, обнимает собой всё пространство, а глаза словно бы видят всё сущее; на самом же деле они не видели ничего» (цит. по статье: Gardou Ch. *Jean-Jacques Rousseau: de l'errant infirme au géant de la littérature* // *Reliance*, 2005/3 № 17, р. 134–143. DOI: 10.3917/reli.017.0134).

⁵⁶ Руссо скончался 2 июля 1778 г.; вначале он отправился на утреннюю прогулку, но вернулся раньше обычного; позавтракав, пожаловался на крайнюю слабость:

бость, лихорадку, онемение членов и невыносимую головную боль, а затем (в одиннадцать утра) замертво упал со стула. Судя по всему, с ним случился апоплексический удар. Внезапность кончины Жан-Жака породила множество самых разных гипотез, вплоть до умышленного отравления мужа Терезой и даже самоубийства (этую версию поддерживали госпожа де Сталь и упоминавшийся уже Оливье де Корансэ).

⁵⁷ Барометры с человеческими фигурками изготавливаются в Швейцарии и по сей день.

⁵⁸ Фактически Бернарден де Сен-Пьер в этом месте повторно отказывает Жан-Жаку в пристрастии к вегетарианству.

⁵⁹ Спаржа рекомендована при определенных урологических заболеваниях; в то же время она является диуретиком, а следовательно, Руссо с его (якобы?) недержанием мог считать для себя это блюдо нежелательным.

⁶⁰ Описание растения (*fèves de marais*) содержится в «Письмах г-же Делессер по ботанике» (1771–72, опубликованы посмертно). Ср. эпизод из уже цитированной выше главы X «Жозефа Бальзамо» Дюма: «Затем было подано блюдо из зеленых бобов в масле. – Взгляните, какая у нас зеленая фасоль, – проговорил Жак, – это из наших запасов, и нам она кажется очень вкусной».

⁶¹ Рецепт «печенья из Пале-Рояля» с добавлением цедры содержится в книге парижского медика Журдана Лекуэнта «Здоровые кондитерские изделия» (1792). Как пишет автор книги, это печенье «по праву пользуется огромной популярностью, ведь нет более нежного и деликатного лакомства». (См.: <http://www.cannelle.com/CULTURE/histoirepat/histoirepat3.shtml>).

⁶² Хотя данный феномен и подтверждается некоторыми старинными исследованиями (см. напр. «Словарь естественной истории и природных феноменов», Париж, 1836), ностальгические воспоминания о «розовых сливках» во многом отражают, как представляется, особенную любовь Руссо к озеру Леман (см. часть II романа «Юлия, или Новая Элоиза»).

⁶³ Описанный эпизод имел место в сентябре 1737 г., после посещения Руссо знаменитого римского акведука (Гардский мост) и Нимских арен. О трактире в Пон-де-Люнеле (около 30 км от Монпелье) Жан-Жак упоминает также в «Исповеди»: «этот трактир, самый прославленный в Европе, вполне заслуживает своей репутации»; однако впоследствии, подчеркивает Руссо, эта репутация была им утрачена (ч. 1, кн. 6).

К 80-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО РАН

А.С. Курилов

ИЗ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА: (А.М. ГОРЬКИЙ И ИМЛИ; ПЕРВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ ИНСТИТУТЕ И ПЛАНЫ НАУЧНОЙ РАБОТЫ)

Аннотация

В статье рассматривается история создания ИМЛИ, публикуются первые положения об институте и первые планы научной работы (до 1940).

Ключевые слова: ИМЛИ, А.М. Горький, план работы, положение об институте.

Kurilov A.S. From the history of the Institute: (M. Gorky and IMLI; the first documents and plans)

Summary. The article deals with the history of the Institute of the world literature in Moscow.

И. А.М. ГОРЬКИЙ И ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

Институт был создан 17 сентября 1932 г. по Постановлению Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР «О мероприятиях в ознаменование 40-летия литературной деятельности Максима Горького»¹. Первоначально носил название Литературный Институт имени Максима Горького² и подчинялся Комитету по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК Союза ССР (Ученому Комитету). 27 августа 1934 г. Постановлением Президиума ЦИК Союза ССР переименован в Институт литературы им. А.М. Горького при ЦИК Союза ССР³. 16 апреля 1938 г. решением Президиума Верховного Совета СССР его пере-

дают в ведение Академии Наук СССР⁴ и в том же году, при реорганизации Академии, он получает свое окончательное наименование – Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР (с декабря 1991 – РАН).

Институт создавался как подарок Горькому за его «заслуги... в области воспитания писательских кадров из рабочих и крестьян». И за первым пунктом: «Основать в Москве Литературный Институт имени Максима Горького», – вторым стояло: «Литературный Институт имени Максима Горького организуется:

а) как литературный учебный центр, дающий возможность писателям, творчески себя проявившим, и в первую очередь писателям из среды рабочих и крестьян, повысить свою квалификацию, получить всестороннее развитие и критически усвоить наследие литературного прошлого;

б) как лаборатория для изучения художественной литературы народов Союза ССР»⁵.

Согласно Постановлению, организация Литературного Института имени Максима Горького не предполагала формирование исследовательского литературоведческого учреждения широкого профиля, ограничивая научные интересы создаваемого Института одной «художественной литературы народов Союза ССР», а потому и писатели, и литературоведы, да и сам Горький поначалу видели в нем исключительно ВУЗ, где «писатели из среды рабочих и крестьян» могли получить «всестороннее развитие» и «повысить свою квалификацию».

«Мы, литературоведы, – писал 27 сентября 1932 г. Горькому известный фольклорист Ю.М. Соколов, – горячо приветствуем решение правительства об организации в Москве Литературного Института Вашего имени. Но у нас в Москве нет сейчас и литературоведческого и следовательского учреждения (если не считать ЛИИ Комакадемии, работающего в последнее время до нельзя замкнуто в узком кругу немногих лиц); нет у нас и ни одного литературоедческого общества»⁶.

Иначе как «Литературный Вуз имени Горького» и просто – «Литвуз», – не называет Институт своего имени и сам Горький в письме Наркому просвещения А.С. Бубнову в октябре 1934 г., считая необходимым создание «Центрального Музея по истории русской литературы» и его «слияние... в одном здании с Литвузом»,

что «облегчило бы для преподавателей и студентов Литвуза работу изучения и преподавания». И при этом добавит: «Нам нужно очень много учиться, очень многих учить и с этим делом следовало бы не медлить»⁷.

Перспектива появления *литературного* учебного центра автоматически поставила вопрос и о необходимости создания центра *литературоведческого*. Ведь существовавшие ранее Брюсовский ВЛХИ (1921–1925) и Институт красной профессуры (1921–1936), а также созданный в 1930 г. при Коммунистической Академии Институт искусства, литературы и языка, преобразованный в 1932 г. в Институт литературы и языка (О замкнутости его «в узком круге лиц» и сетовал в письме Горькому Ю.М. Соколов) были исключительно учебными заведениями, и имевшиеся там кафедры литературы не являлись исследовательскими по своему назначению, хотя каждый профессор в своей области знаний и занимался в индивидуальном порядке исследованием кто отечественной, а кто зарубежной литературы.

Обратив внимание Горького, что в Москве на то время не было ни «литературоведческого исследовательского учреждения», ни «литературного общества», Соколов в упомянутом выше письме от 27 сентября отмечает: «Между тем – я подсчитал – в Москве сейчас около 150 человек – литературоведов (теоретиков, историков русской, западной, восточной литературы, старой литературы и новой, фольклора), которые принуждены работать сейчас в одиночку, поэтому кустарно», им «негде поделиться результатами своих научных работ, посоветоваться, проверить себя...». И предлагает организовать, подобно Обществу Любителей Российской словесности, существовавшем при Московском университете (1811–1836, 1858–1930), «литературное общество при Литературном Вузе» имени Горького. «Наряду с обществом, – продолжает Соколов, – было бы желательно образовать и исследовательский институт опять-таки в виде надстройки над ВУЗом», тем более «что в Москве есть силы и для организации Литературного Общества и Литературоведческого Исслед. Института». И прилагает к письму список из 60 действующих литературоведов и критиков⁸.

В ответном письме от 3 октября 1932 г. Горький приветствует идею Соколова: «Уважаемый Юрий Матвеевич, искренне рад, что Вы за объединение Литвуза с Институтом Литературоведе-

ния»⁹. И затем в письме, посланном тогда же Бубнову, выступает в поддержку этой идеи, прямо ссылаясь на Соколова, сожалевшего, «что в Москве нет научно-исследовательского учреждения по литературоведению». «Мне думается, – замечает Горький, – что и это учреждение, совершенно необходимое для наших семи республик, могло бы и должно найти себе место под одной крышей с Литвузом и Литмузеем»¹⁰.

14 декабря Соколов снова пишет Горькому, обращая внимания на «тяжелое положение литературоведческой работы в Москве в настоящее время»: «Я писал Вам, что без какого-либо научного исследовательского учреждения (Института, Академии) работать невозможно. Силы распыляются, планомерности никакой нет... и у нас, у литературоведов, нет условий для благотворного научного взаимного общения. А какая может быть плодотворная работа без общения работников друг с другом?..» Соколова огорчают слухи, что Литвуз имени Горького «будет организовываться не в Москве, а в Ленинграде. Следовательно, – сетует он, – для литературоведческой научной работы база в Москве ускользает», и это в то время, когда на совещании, проведенном Сектором науки при Наркомпросе, признали «необходимым организацию в скорейшем времени в Москве единого литературоведческого центра – Академии Искусствознания»¹¹.

Все это Горький в свою очередь доводит до сведения Бубнова, который пишет ему в ответ 31 января 1933 г.: «Кроме Соколова о научно-исследовательском учреждении по литературоведению прислали мне письма на ту же тему ряд беспартийных литературоведов... Письмо это я передал Сталину, так как оно имеет общий интерес. В настоящее время организация такого учреждения в Москве уже подготавливается. Но дело упирается в помещение. Попимейте в виду, что еще в 1931 году в Москве существовало такое учреждение (ГАИС), но было переведено в Ленинград, где основательно-таки захирело. Вот так обстоит дело с новым ГАИС в Москве»¹².

Если литературоведы в Постановлении об организации Литературного Института имени Максима Горького «как лаборатории для изучения художественной литературы народов Союза ССР» увидели возможность создания при нем или «над ним» научно-исследовательского литературоведческого учреждения, то

писатели организацию Института «как литературного учебного центра», т.е. ВУЗа, считают вопросом решенным, а его создание исключительно своим делом.

9 февраля 1933 г. председатель Оргкомитета СП СССР И.М. Гронский пишет Горькому, находившемуся в Италии: необходимо выяснение «содержания работы института Вашего имени, или другими словами: *чему и как мы будем обучать людей в этом институте*». Именно мы – Союз писателей.

«Наши писатели, – развивает свою идею Гронский, – должны одинаково заниматься и общественными, и естественными науками. А потому институт Вашего имени должен иметь не только аудитории и кабинеты для изучения общественных наук, но и лаборатории и кабинеты для изучения естественных наук. Он должен готовить писателей, которые смогли бы разобраться в современной технике, которым было бы по плечу не только отображение нашей революции на всех этапах ее развития, но и отображение технической революции, которая уже сейчас стучится в двери». Гронский ставит и вопрос о необходимости создания архива и музея Горького: «Общий литературный музей мы думаем организовать в другом месте, а в институте Вашего имени необходимо создать музей и архив Вашего творчества». «Институт им. А.М. Горького, – продолжал Гронский, – должен проектироваться, исходя из необходимости обучения примерно двухсот писателей и работы (исследовательской) прикомандированных к нему 100 уже сложившихся работников художественной литературы.

Он должен иметь:

- а) аудитории, приспособленные для преподавания общественных и естественных наук;
- в) кабинеты для более углубленной проработки этих научных дисциплин и для исследовательской и творческой работы работников художественной литературы;
- с) лаборатории и кабинеты для углубленной проработки естественно-научных дисциплин, прежде всего физики, химии и биологии;
- д) библиотеку, включающую и книги по естественным наукам;
- е) музей и архив А.М. Горького и его учеников...»¹³.

Таким образом, Гронский во вновь создаваемом Литературном институте имени Максима Горького видел исключительно творческий, писательский ВУЗ.

Отвечая Гронскому 28 февраля, Горький возражал «против устройства в этом учреждении “лаборатории по естественным наукам”... а также считал, что такому ВУЗу больше подошло бы имя В.И. Ленина, затем излагает свой “схематический план преподавания в Литвузе”»¹⁴ и копию его направляет И.В. Сталину, сопровождая такими словами: «Серьезнейшее дело организации литвуза требует Вашего в нем участия, ибо дело это совершенно новое, а ставить его нужно образцово, без лишней словесной игры...»¹⁵

Вместе с тем сообщение Бубнова от 31 января, что «в настоящее время... уже подготавливается» организация в Москве «научно-исследовательского учреждения по литературоведению», Горький воспринимает как решение правительства создать, наряду с учебным литвузом его имени, и литературоведческое научно-исследовательское учреждение. «В Москве, – пишет он 6 мая 1933 г. из Сорренто Р. Роллану – ...будем строить Институт по изучению всемирной литературы и европейских языков»¹⁶.

Однако время шло, каких-либо шагов в организации как Литературного Института имени Максима Горького при ЦИК Союза ССР, так и Института по изучению всемирной литературы и европейских языков писатель не видит. Особенно раздражала его медлительность создания Института его имени. Выступая на расширенном заседании Президиума Оргкомитета ССП 7 сентября 1933 г. и сказав: «Тут, как известно, предполагается организация литвзуза, высшего литературного учебного заведения», – съязвит: «...но “улита едет, когда-то будет”...»¹⁷. (С момента выхода Постановления Президиума ЦИК Союза ССР об основании Института имени Максима Горького прошел ровно год.)

«Улита», чего не хотел понимать Горький, так медленно «ехала», точнее – почти не «ехала», по одной простой причине: создание сугубо литературного ВУЗа только как «высшего литературного учебного заведения» не отвечало ни духу, ни букве Постановления правительства. Нужен был Институт, в котором одновременно велись бы исследования литературы на новой методологической и научной основе и шло обучение «писателей из

среды рабочих и крестьян» на последних достижениях наших литературоведов.

В то же время в воздухе, как говорится, уже давно витала идея создания сугубо Литературоведческого института, высказанная Ю.М. Соколовым, поддержанная Горьким и «рядом беспартийных литературоведов», о чём еще в январе 1933 г., как говорилось выше, Бубнов доложил Сталину. Разделяет эту идею и председатель Правления (директор) издательства «Academia» Л.Б. Каменев (Розенфельд).

В письме Горькому от 10 марта 1934 г., касаясь хода работы над «Пушкинской энциклопедией», а также начавшейся «реабилитацией этого дворянского стихотворца» А.И. Стецким «на собрании писателей» и признания его «самым популярным поэтом современности», Каменев заметит: «Надо бы двигать идею... Института литературоведения имени Пушкина»¹⁸. И сам стал «продвигать» идею создания такого Института, используя свои давние связи в руководстве ВКП(б), прекрасно сознавая, что без соответствующего политического решения высших партийных органов не начиналось у нас тогда сколько-нибудь серьезное дело. А создание Литературоведческого института было именно таким.

Озабоченность наших литературоведов, их тревога за состояние своей науки дошли наконец-то до слуха партийного руководства. Новый Институт решили не создавать, а усилить литературоведческую составляющую Литературного Института имени Максима Горького при ЦИК Союза ССР, включив в обязанность его «лаборатории для изучения художественной литературы народов Союза ССР» и изучение литературу народов других стран, мировой литературы. Соответствующим образом изменили и наименование Института – на Институт литературы им. А.М. Горького, сохранив его ведомственную подчиненность при ЦИК Союза ССР.

«Продвижение» Каменевым «идеи» Института литературоведения на «высоком» партийном уровне привело к тому, что как раз ему-то и предложили возглавить переименованный Литературный Институт имени Максима Горького. И было это сделано, несомненно, с ведома и согласия писателя.

29 апреля 1934 г. Каменев пишет Горькому: «Об институте литературоведения думаю, но жду решающих слов»¹⁹, а уже 8 мая сообщает писателю: «Сегодня получил извещение о назначении

меня директором Института литературы им. Горького. Приступаю к делу, т.е. начинаю беседовать с разного рода “сведущими людьми”, коммунистами и некоммунистами, литературного цеха для выяснения их пожеланий, отбора возможных сотрудников, составлении программы. Надеюсь в три дня провести ряд подобных бесед и тогда явиться к Вам не с пустыми руками. Дело большое, и надо сразу ставить его не широко, не по кустарному (“образцово” писал Горький Сталину 28 февраля 1933 г. – А.К.). Как только для меня самого хоть что-либо прояснится, в смысле возможных помощников, программы и пр., приеду Вам рассказать и посоветоваться. Если уж делать это дело, надо сделать этакую Сорбонну литературоведения»²⁰.

В конце мая такая встреча, по-видимому, все-таки состоялась, так как уже 26 мая Горький пишет Р. Роллану, что под Москвой будет «основан “Город науки”. Наверное, там же будет строиться Институт изучения всемирной литературы, весьма интересный по его программе»²¹. Правда, участвовать в создании «Сорбонны литературоведения» и «Института изучения всемирной литературы» Каменеву не пришлось. 16 декабря 1934 г. он был арестован, в январе стало ясно, что у Института литературы им. А.М. Горького должен быть новый директор. 5 мая 1935 г. им стал доктор философских наук, член-корреспондент АН СССР И.К. Луппоп (1896–1943)²². Ему пришлось, как говорится, с нуля создавать этот Институт, который уже при нем становится Институтом мировой литературы.

За процессом формирования Института внимательно следит Горький, интересуясь состоянием дел даже тогда, когда обстоятельства вынуждали писателя быть вдали от Москвы. Так, в Архиве А.М. Горького сохранилась записка от ноября 1935 г., посланная писателем из Крыма, где он находился на лечении, его секретарю П.П. Крючкову. В ней Горький, в частности, спрашивал: «Литвуз – как с ним? Что делает... Луппоп?»²³. Крючков, как можно предположить, переадресовал эти вопросы самому И.К. Луппопу (а именно Институт литературы Горький называл Литвузом, так как ныне существующий Литвуз тогда назывался еще ВРЛУ – Вечерним рабочим литературным университетом), который и отвечает на интересующие писателя вопросы в письме от 25 ноября 1935 г.

Прежде всего Луппол сообщает, что «закончили ремонт временного помещения (Института. – А.К.) на Москворецкой, 11»²⁴, а затем касается всех сторон деятельности Института: идет комплектование *библиотеки*. «Есть уже до 40 тыс. томов. “Толстая” периодика XIX века представлена уже очень неплохо... Основные линии подбора – история мировой литературы, и прежде всего классики в лучших научных, а также в прижизненных изданиях авторов. С сентября приступили к комплектованию отдела *художественной иллюстрации*. Уже есть до 20 тыс. номеров – отдельных листов и в альбомах, и книжных изданиях. Основные линии подбора – портреты писателей, сюжетная иллюстрация, бытовая гравюра и литография». Затрагивая вопрос о формировании отдела *рукописей*, Луппол скажет: здесь главным направлением является, «не отказываясь от “самотека”, от отдельных писем и т.п., ориентироваться на большие, ценные и, так сказать, “творческие” архивы».

Особо Луппол подчеркнет необходимость создания внутри Института специального подразделения, основной задачей которого будет изучение творчества Горького и поиски материалов, имеющих отношение к жизни и деятельности писателя. «Для меня, – говорит Луппол, – совершенно ясно, что без отдела, кабинета (дело не в названии) Максима Горького, нашего Института нет и быть не может. Здесь должны быть представлены и книги (русские издания и переводы – все), и весь графический материал, и рукописи – по возможности; и литература о Вас, и архивные документы и т.д. и т.п. Мы начинаем все это... ибо это и личное творчество, и эпоха, но без Вашего доброго расположения нам будет трудно. Не отнеситесь к этому, Алексей Максимович, сурово и помогите».

Затем Луппол информирует Горького о дальнейших научно-организационных мероприятиях, которые он намеревается осуществить в ближайшее время: «С января-февраля хочу начать сколачивание научно-исследовательского сектора, собирание вокруг Института “всех живых сил” истории литературы. Представляется мне, что это собирание нужно провести на базе, правда, очень большой и трудной, но совершенно необходимой и интересной работы – создания “Истории мировой литературы” в X томах. Как Вы отнесетесь к этой идее?»²⁵

Ответил Горький на это письмо или нет – мы не знаем (во всяком случае, никаких сведений на этот счет пока обнаружить не удалось). Однако документально подтверждено, что уже в декабре 1935 г. был создан специальный кабинет по изучению творчества А.М. Горького, о чем свидетельствует справка об Институте, составленная в то время:

«Институт литературы им. М. Горького при ЦИК СССР является научно-исследовательским институтом мировой литературы.

Основные отделы:

- а) управление делами;
- б) главная бухгалтерия;
- в) отдел рукописей;
- г) отдел художественной иллюстрации;
- д) библиотека;
- е) кабинет по изучению творчества А.М. Горького»²⁶.

Таким образом, первым научно-исследовательским подразделением Института становится Кабинет по изучению творчества писателя, чье имя и носит Институт.

Пишет Луппол Горькому и о том, что хорошо бы с осени 1936 г. открыть в Институте «вузовский» учебный сектор, который он мыслит как своего рода «учебный институт» при Институте литературы им. Максима Горького, включавший в себя высшие литературные курсы и аспирантуру. Об этом говорит сохранившаяся в институтском архиве записка – наметки разговора с А.М. Горьким:

«Выяснить с Алексеем Максимовичем следующие вопросы:

- 1) О плане учебного института.
  - а) Срок обучения.
  - б) На творческом отделении:
какие специальные дисциплины необходимо ввести.
- в) На отделении по истории литературы (аспирантура).

По какой литературе проводить специализацию:

античной,

французской,

немецкой,

англо-американской,

итальянской

мировой литературы

древней,
новой,
советской
украинской,
грузинской,
белорусской
тюркской и др.

русской литературы
литературы народов СССР

2) Попросить Алексея Максимовича написать об Институте в «Правде», о его значении»²⁷.

Удалось ли все это «выяснить» с Горьким – мы не знаем. Возможно, что такой разговор все-таки состоялся. По крайней мере сам Луппол писал, что «вплоть до последней болезни А.М. Горького» он вел беседы «с Алексеем Максимовичем по вопросу об установках работы и формах организации Института», в том числе и о создании научно-учебного сектора для «специальной работы с писателями»²⁸.

Особенно заботится дирекция Института о получении материалов, связанных с жизнью и деятельностью А.М. Горького, судьбой его литературного наследства, и не только в нашей стране, но и за рубежом. С этой целью соответствующие письма-просьбы направляются всем нашим послам – полпредам СССР: А.А. Трояновскому в США, И.М. Майскому в Англию, А.М. Коллонтай в Швецию и др. Быстрее всех откликнулась на эту просьбу А.М. Коллонтай, прислав в Институт подлинники писем Горького. А уже к 27 марта в распоряжении Института находилось 85 горьковских автографов, где, наряду с письмами к Коллонтай, были письма к народовольцу А.И. Богдановичу, к поэту-«знаньевцу» Маянтовичу и др., а также автографы отдельных произведений Горького, в частности рукопись статьи «О современности»²⁹. Так, еще при жизни писателя в Институте было положено начало формированию особого научного подразделения – архива А.М. Горького.

Соответствующим образом это было зафиксировано и в структуре Отдела рукописей Института, в котором предполагалось иметь следующие архивы: литературы народов СССР до Октябрьской революции; советской литературы с архивом (или подархивом) А.М. Горького; иностранной литературы и фольклора³⁰.

Вопрос о выделении архива А.М. Горького в самостоятельную научную единицу остро встает после кончины великого писателя 18 июня 1936 г. И уже с 13 июля Институт начинает получать от Правительственной Комиссии по приемке литературного наследства и переписки А.М. Горького первые материалы. Сначала печатные – газетные и журнальные вырезки со статьями о Горьком, о его творчестве, рецензиями на отдельные произведения писателя, – а затем и рукописные. Печатные материалы поступали в Кабинет жизни и творчества А.М. Горького, рукописные – в Отдел рукописей, где к концу года горьковский фонд составлял уже 502 ед. хранения³¹.

Вместе с тем проявляется и определенное стремление расширить обозначенный круг деятельности, выйти за его пределы. Так, Отдел художественных иллюстраций организует выставку «Жизненный путь А.М. Горького»³² – предвестницу будущих экспозиций Горьковского музея.

Важнейшим событием в жизни Института, в процессе формирования его структуры, становится организация при нем Архива А.М. Горького и Музея А.М. Горького на основании постановления Президиума ЦИК Союза ССР от 14 февраля 1937 г. Архив создавался «для сохранения материалов, оставшихся после А.М. Горького (рукописи, переписка и др.)», как хранилище «рукописей и документов, относящихся к жизни и творчеству А.М. Горького», а Музей – для «ознакомления трудящихся» с жизнью и творчеством великого пролетарского писателя³³.

Это постановление внесло существенные корректизы в планы научной и организационной деятельности Института. Первочередным становится решение задач, вытекавших из правительственного задания: «...закончить организацию архива и музея к 1 сентября 1937 года»³⁴. При этом главное внимание было уделено созданию Музея, «доступного для широкого обозрения», открытие которого, несомненно, должно было стать заметным фактом культурной жизни страны.

Нельзя не отметить, что на необходимость создания, и именно в Институте им. А.М. Горького, Музея и Архива писателя указывал уже И.М. Гронский в цитированном нами выше письме Горькому от 9 февраля 1933 г. «Почему мы так ставим вопрос, – говорил Гронский, – а не как-либо иначе. Вы, Алексей Максимо-

вич, являетесь *первым* пролетарским писателем, начавшим творить в дни рождения нашей партии и развивавшимся вместе с нашей партией и нашим рабочим классом. Но Вы, Алексей Максимович, и первый писатель новой социалистической эры. История социалистической, или точнее коммунистической, литературы начинается с Горького, как история научного коммунизма начинается с Маркса. Своей формулой: “Человек – это звучит гордо”, – Вы перекликаетесь с будущим, а будущее это для Вас было коммунистическим. Так вот поэтому мы и думаем, что надо создать музей А.М. Горького в институте Вашего имени. Этот музей будет музеем коммунистической художественной литературы, или литературы новой социалистической эры, или еще точнее музеем зачинателей литературы новой социалистической эры». И далее прямо, на что уже обращалось внимание выше, Институт в своем составе должен иметь «музей и архив А.М. Горького и его учеников»³⁵.

Горький явно не разделял эту идею Гронского и, подчеркнув в письме слова «...музей и архив Вашего творчества», пометил рядом: «чепуха»³⁶. Однако Гронский был прав. А после кончины А.М. Горького необходимость создания таких специальных научных учреждений стала для всех очевидной, что и было закреплено законодательно в соответствующем постановлении Президиума ЦИК Союза ССР.

Первым директором Музея А.М. Горького был назначен Петр Петрович Крючков (1889–1938), секретарь Горького, работник «Международной книги» и Госиздата, много сделавший для изданий произведений писателя у нас и за рубежом.

В Институте прекрасно сознавали всю важность и безотлагательность выполнения правительенного постановления и немедленно приступили к его претворению жизнь. 22 февраля 1937 г. дирекция Института специально рассматривает вопрос «О мероприятиях по организации Музея и Архива А.М. Горького», намечая конкретную программу действий, связанных с ремонтом и реставрацией здания по ул. Воровского, 25, отведенного постановлением под Музей и Архив (они и поныне находятся в этом здании), и одновременно поручая Крючкову «к 15 марта с.г. представить на рассмотрение дирекции схему Музея, план организации Музея по его отделам и залам с тем, чтобы с 15 марта начать подбор экспонатов». 26 февраля рассматривается вопрос

«О скульптуре А.М. Горького для Музея», и тому же Крючкову поручается начать «переговоры со скульпторами: Меркуловым, Мухиной и Манизером о заказе кому-либо из них скульптуры Горького»³⁷. Трехметровая бронзовая фигура молодого Горького работы В.И. Мухиной была установлена перед зданием Института 11 января 1956 г.

За сравнительно короткий срок – менее, чем за полгода, – был осуществлен капитальный ремонт здания по ул. Воровского, 25, проведены работы по реставрации и восстановлению архитектурных особенностей особняка, а также подготовлены внутренние помещения для размещения экспозиций Музея и специальные хранилища для Архива А.М. Горького. За это же время, как писал И.К. Луппол, удалось «сосредоточить в Институте рассеянные в десятках учреждений рукописи, письма Горького, документы, относящиеся к его жизни и творчеству, исторический и современный художественно-изобразительный материал... первично систематизировать и обработать весь этот материал, произвести большую исследовательскую работу, разработать концепцию музейной экспозиции, музейно обработать самые экспонаты, спроектировать и изготовить музейное и архивное оборудование...»³⁸.

Ускоренными темпами пополнялся фонд Музея А.М. Горького, который к концу года включал в себя 20 862 ед., в том числе автографы писем В.И. Ленина, личные вещи Горького, орден Ленина, которым писатель был награжден к 40-летию его литературной деятельности, и другие реликвии; портреты Горького кисти В.А. Серова, М.В. Нестерова, П.Д. Корина, Д.А. Шмаринова, Кукрыниксов, П.Л. Соколова-Скаля и других художников; скульптурные портреты писателя, созданные С.Д. Меркуровым, А.С. Голубкиной и др.³⁹

Все это позволило практически уложиться в отведенные правительством сроки, и 1 ноября 1937 г. Музей принял первых посетителей.

14 ноября дирекция Института рассматривает вопрос о принципах построения в нем научно-исследовательской работы и принимает решение считать в качестве основных и главнейших направлений – работы по Горькому. Их предполагалось осуществлять в рамках Архива А.М. Горького, Музея А.М. Горького, Кабинета А.М. Горького при библиотеке, а также силами специально

создаваемой Секции (Группы) по изучению жизни и творчества писателя. В ее обязанности входило:

«...Критическое изучение опубликованных и неопубликованных художественных произведений М. Горького;

тщательное изучение рукописных материалов, хранящихся в Архиве А.М. Горького и подготовка этих материалов к печати;

подготовка, на основе проделанных текстологических и критических работ, нового полного издания сочинений А.М. Горького;

исследование всей критической литературы о Горьком на русском и иностранных языках;

изучение общественной и революционной жизни А.М. Горького, в частности изучение хранящихся в архиве жандармских дел, а также писем Горького и к Горькому;

изучение литературно-редакционной и публицистической деятельности А.М. Горького, в частности хранящихся в архиве многочисленных редакционных рукописей с правкой и замечаниями Горького»⁴⁰.

Фактически это была программа деятельности для большого Отдела, если не сказать – целого Института, каждая из задач которой, в свою очередь, предполагала создание соответствующей специализированной Группы для своего решения. Таким образом Институт заявлял о себе как о центре по изучению жизни, творчества и деятельности А.М. Горького, каковым продолжает оставаться и сегодня, отдавая благодарную дань замечательному писателю, с именем которого было связано основание самого Института и чье имя он с гордостью носит.

II. ПЕРВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ ИНСТИТУТЕ

Постановление об организации Литературного Института имени Максима Горького (именно так первоначально назывался будущий Институт мировой литературы) было принято, как уже говорилось выше, Президиумом ЦИК Союза ССР 17 сентября 1932 г. Тогда же вновь создаваемый Институт включается в круг учреждений подведомственных Комитету по заведыванию учеными и учебными учреждениями при ЦИК Союза ССР (Ученому Комитету).

1. Проект Положения о Литературном Институте имени Максима Горького при ЦИК Союза ССР

13 октября Секретариат ЦИК Союза ССР рассматривает вопрос «О проведении в жизнь постановления Президиума ЦИК Союза ССР о мероприятиях, принятых в ознаменование 40-летия литературной деятельности Максима Горького», и поручает своему Ученому Комитету «разработать и представить на утверждение Президиума ЦИК Союза ССР проект Положения о Литературном Институте им. Максима Горького»⁴¹.

В свою очередь Президиум Ученого комитета 20 октября принимает решение:

«...а) Предложить Ученой Секции Комитета... в месячный срок разработать и внести на утверждение Президиума Ученого Комитета проект Положения о Литературном Институте им. Максима Горького»⁴².

Проект был разработан к середине января 1933 г. при участии специально для того приглашенных представителей Наркомпроса (Сектора искусств), Оргкомитета Союза писателей и др.⁴³ 19 января Президиум Ученого Комитета, обсудив на своем заседании представленный проект, постановляет разослать его «компетентным и заинтересованным учреждениям с просьбой в декадный срок прислать свои отзывы, после чего проект с отзывами представить на утверждение Президиума Ученого Комитета»⁴⁴.

Получив отзывы Сектора искусств Наркомпроса и Оргкомитета Союза писателей, 5 февраля Президиум Ученого Комитета постановил «представленный проект Положения о Литературном Институте им. М. Горького в основном принять, поручив т.т. Стеклову (Председателю Ученого Комитета. – А.К.) и Таджиеву окончательно его отредактировать, после чего представить на утверждение Секретариата ЦИК Союза ССР»⁴⁵.

В первом разделе проекта «Общие положения» говорилось:

«1. Литературный Институт имени Максима Горького в г. Москве состоит при ЦИК Союза ССР и является высшим литературным, научным и научно-исследовательским центром.

2. Литературный институт имени Горького имеет своей целью:

а) подготовку из среды рабочих и крестьян, творчески себя проявивших, высококвалифицированных литературных работни-

ков, писателей, драматургов, критиков и историков литературы путем критического усвоения наследия литературы прошлого;

б) переподготовку и повышение квалификации писателей, драматургов, литературных критиков и историков литературы, а также выдвижение из их среды на научно-исследовательскую работу по вопросам марксистско-ленинского литературоведения и истории литературы;

в) ведение научно-исследовательской работы в области художественной литературы на основе критического изучения и переработки литературного наследия прошлого и художественной литературы эпохи пролетарских революций и развернутого социалистического строительства СССР;

г) изучение и обобщение опыта, накопленного отдельными писателями, учреждениями и организациями по вопросам художественной литературы;

д) популяризацию и пропаганду художественной литературы среди трудящихся СССР, информацию о достижениях и работе Института и организацию помощи писателям и объединениям литературных работников по вопросам, связанным с развитием художественной литературы народов Союза ССР.

3. Литературный институт им. Горького имеет 3 отделения:

а) специальное творческое (писательское) отделение с двухгодичным сроком обучения, имеющее своей основной целью повысить квалификацию и дать всестороннее развитие творческих способностей проявившим писателям;

б) вузовское отделение с четырехгодичным сроком обучения, для подготовки из молодых начинающих писателей литературных работников и специалистов по вопросам литературоведения, критики и истории литературы (народов СССР, западной и восточной);

в) научно-исследовательское отделение с аспирантурой (срок обучения трехгодичный), подготавливающей научно-исследовательских работников.

4. Студенты вузовского отделения Лит. института им. М. Горького приравниваются к учащимся высших учебных заведений системы Ученого Комитета ЦИК Союза ССР.

5. Лица, зачисленные в специальное творческое (писательское) отделение и научно-исследовательское отделение Литера-

турного института им. М. Горького, приравниваются к аспирантам Институтов Ученого Комитета ЦИК Союза ССР...»⁴⁶.

Данный проект, что нетрудно заметить, предполагал организацию Института преимущественно как центра по подготовке молодых писательских и литературоведческих кадров, а также как специфического учреждения для повышения квалификации и общекультурного уровня людей уже пишущих, уже зарекомендовавших себя в этом качестве.

6 февраля, не дожидаясь утверждения проекта на Секретariate ЦИК Союза ССР, с кратким изложением его содержания выступила «Вечерняя Москва». Информация о начале создания нового учебно-научного учреждения была подана под броским заголовок:

*Высший литературный центр.
Литинститут им. М. Горького*

«Ученый Комитет при ЦИК СССР утвердил проект положения о **Литературном институте им. Максима Горького**. Как известно, решение об основании этого института было принято Президиумом ЦИК в дни юбилея А.М. Горького.

Литературный институт имени М. Горького в Москве, – говорится в положении, – является высшим литературным учебным и научно-исследовательским центром, находящимся в ведении президиума ЦИК ССР.

Институт должен готовить из среды рабочих и крестьян, творчески себя проявивших, высококвалифицированных литературных работников, писателей, драматургов, критиков и историков литературы.

Переподготовка и повышение квалификации писателей, литературных критиков и историков литературы – такова вторая задача института. Здесь же будут готовиться научные кадры по вопросам марксистско-ленинского литературоведения и истории литературы.

В задачи института входят также ведение научно-исследовательской работы в области художественной литературы, популяризации и пропаганды ее среди трудящихся ССР.

По проекту институт будет иметь 3 отделения:

Первое – **творческое** (писательское) с двухгодичным сроком обучения. Его цель – переподготовка творчески проявивших себя писателей.

Второе отделение – **вузовское** (с четырехгодичным сроком обучения) для подготовки из молодых, начинающих писателей специалистов по вопросам литературы, критики и истории литературы.

Наконец, последнее отделение – **научно-исследовательское с аспирантурой**, подготавливающее научно-исследовательских работников. Срок обучения – 3 года.

Институту разрешается организовать заочную подготовку научных работников, открыть центральную библиотеку художественной литературы, литературный музей и т.д.

Сектор искусств Наркомпроса и Оргкомитет Союза писателей согласились с проектом положения об институте. В ближайшие дни проект поступит на утверждение президиума ЦИК СССР»⁴⁷.

Информация шла как редакционная, без подписи, но подготовлена она была, по-видимому, самими участниками разработки проекта Положения и прежде всего присутствовавшими при его обсуждении представителями Оргкомитета Союза писателей.

При составлении этого проекта тон, несомненно, задавали представители Оргкомитета Союза писателей, руководство которого надеялось сделать Литературный Институт имени Максима Горького преимущественно своим, писательским вузом⁴⁸, что видно уже из содержания предложенного проекта и подтверждается реакцией на его обсуждение и информацию о нем председателя Оргкомитета И.М. Гронского. Уже 9 февраля, почти сразу же после появления заметки о начале создания «Высшего литературного центра», он пишет Горькому, находящемуся в Италии: необходимо выяснение «содержания работы института Вашего имени или другими словами: *чему и как мы будем обучать людей в этом институте*»⁴⁹. Именно мы – Союз писателей.

Обсуждение проекта Положения о Литературном Институте им. Максима Горького идет достаточно интенсивно. 19 февраля он рассматривается на Пленуме Ученого Комитета, который постановил: «Положение о Литературном Институте им. Горького при-

нять, прося членов Комитета в двухдневный срок представить свои замечания к проекту указанного Положения, после чего внести проект на утверждение Секретариата ЦИК Союза ССР»⁵⁰.

Проект Положения для предварительного ознакомления был послан 14 февраля в Секретариат ЦИК Союза ССР, а 22 февраля его практически без каких-либо изменений и дополнений направляют туда уже официально по решению Пленума Ученого Комитета⁵¹. Разработчики проекта полагали, что после многократного его обсуждения на Ученом Комитете все должно пройти гладко и проект Положения в Секретариате ЦИК Союза ССР будет одобрен. Но дело, неожиданно для них, принимает иной оборот.

**2. Положение о Литературном Институте
имени Максима Горького при ЦИК Союза ССР
от 22 марта 1933 г.**

Стремление сделать вновь создаваемый Институт преимущественно писательским вузом, учреждением не только для «повышения квалификации и всестороннего развития творческих себя проявивших писателей» и подготовки «научно-исследовательских работников», но и вообще для всех желающих стать «литературными работниками, специалистами по вопросам литературоведения, критики и истории литературы», что и нашло непосредственное отражение в предлагаемом проекте Положения об Институте, не осталось незамеченным «заинтересованными учреждениями», принимавшими прямое участие в обсуждении этого проекта.

2 марта одновременно в Секретариат ЦИК Союза ССР и в Ученый Комитет поступает официальный отзыв Наркомпроса (мнение Сектора искусств которого, по-видимому, не было учтено при подготовке текста проекта Положения), где прямо указывалось: «...неправильна организация вузовского отделения», что «совершенно изменяет установку постановления ЦИК СССР»⁵². С этим в Секретариате ЦИК согласились и вернули проект на переработку.

5 марта Президиум Ученого Комитета, приняв к сведению замечания Наркомпроса, поддержанные в Секретариате ЦИК Союза ССР, постановил:

«...Предложить учебной секции в 3-дневный срок соответственно проработать проект положения о Лит. институте им. Горького.

3. Переработанный проект разослать для ознакомления членам Президиума Ученого Комитета»⁵³. Что и было сделано.

14 марта переработанный с учетом всех замечаний и предложений проект Положения об Институте был послан в Сектор художественной литературы Культпропа ЦК ВКП(б). На следующий день – 15 марта, – не дожидаясь решения партийных органов, он утверждается Президиумом Ученого Комитета ЦИК Союза ССР со следующей рекомендацией: «Признать необходимым включение в научно-исследовательский план работы Института вопросов, касающихся развития литературных языков национальностей Союза ССР»⁵⁴, а 22 марта проект Положения был утвержден и в Кульпропе⁵⁵.

Первый пункт Положения остался в первоначальной редакции:

«1. Литературный Институт имени Максима Горького в г. Москве состоит при ЦИК Союза ССР и является высшим литературным, научным и научно-исследовательским центром».

Остальные претерпели серьезные изменения.

Положение о Литературном Институте им. Максима Горького

I. Общие положения

1. Литературный Институт имени Максима Горького в г. Москве состоит при ЦИК Союза ССР и является высшим литературным, научным и научно-исследовательским центром.

2. Литературный Институт им. М. Горького является:

а) литературным учебным центром, дающим возможность писателям, творчески себя проявившим, и в первую очередь писателям из среды рабочих и крестьян, повысить свою квалификацию, получить всестороннее развитие и критически усвоить наследие литературного прошлого;

б) научно-исследовательской лабораторией для изучения художественной литературы на основе критического изучения и переработки литературного наследия прошлого и художественной

литературы эпохи пролетарских революций и развернутого социалистического строительства Союза ССР.

3. Литературный Институт им. М. Горького имеет 2 отделения:

а) специальное творческое (писательское) отделение с двухгодичным сроком обучения, имеющее своей основной целью повысить квалификацию и дать всестороннее развитие творческих способностей проявившим поэтам, писателям, драматургам;

б) научно-исследовательское отделение как лабораторию для изучения художественной литературы народов Союза ССР.

4. Лица, зачисленные в специальное творческое (писательское) отделение Литературного Института им. М. Горького, привлекаются к аспирантам Институтов, находящихся в ведении Ученого Комитета ЦИК Союза ССР.

5. Для достижения указанных выше целей Институту им. М. Горького предоставляется право:

а) иметь в соответствии с действующими законоположениями центральную библиотеку, в которой должны быть сосредоточены лучшие художественные произведения мировой литературы, литературный музей, кабинеты и другие вспомогательные учреждения;

б) организовывать временные и постоянные Комиссии и семинары, собрания, диспуты, публичные чтения, доклады, лекции, курсы, конференции и совещания;

в) организовывать в плановом порядке научно-литературные экскурсии и командировки;

г) устанавливать связь с другими научными учреждениями, с Союзом советских писателей и другими организациями, увязывать программу и планы своей деятельности с другими научно-литературными учреждениями и организациями.

6. Литературный Институт им. М. Горького состоит на государственном бюджете по общей смете ЦИК Союза ССР, пользуется правами юридического лица и имеет свою печать с изображением герба Союза ССР.

II. Органы управления

7. Во главе Литературного Института им. М. Горького стоит директор, назначаемый Комитетом по заведыванию учеными и

учебными учреждениями ЦИК Союза ССР и представляемый по утверждению Президиума ЦИК Союза ССР.

8. Директор осуществляет на основе единоличия руководство и управление научно-учебной, административно-финансовой и хозяйственной работой Института.

Директор в своей деятельности отчитывается перед Комитетом по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК Союза ССР.

9. Директор имеет двух заместителей, стоящих во главе учебно-методического и административно-финансового секторов, назначаемых по представлению директора Комитетом по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК Союза ССР.

10. Руководители отделов и кафедр, равно как и все остальные должностные лица, назначаются директором Института с соблюдением установленных законом правил.

11. Права и обязанности директора и его заместителей, заведующих кафедрами, профессоров и доцентов определяются инструкцией, утвержденной Комитетом по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК Союза ССР.

12. Для общего направления работы Института учреждается Совет в качестве совещательного органа; председателем Совета является директор Института, а членами – представители заинтересованных в работе Института государственных и общественных организаций, а также представители профессуры и слушателей Института. Состав Совета утверждается Комитетом по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК Союза ССР.

Совет рассматривает производственный план, план научно-исследовательских работ, отчет о работе Института, а также вопросы, которые найдет необходимыми поставить на обсуждение Совета директор Института.

Решения Совета входят в силу с момента утверждения их директором Института.

III. Учебная и научная работа

13. Вся работа Института строится на основании учебного и научно-исследовательского плана и программ, утверждаемых Комитетом по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК Союза ССР.

14. Обучение в Институте производится на основе активных методов, учитывающих особенности каждого работающего в Институте писателя, его творческие навыки и приемы.

15. Научно-исследовательское отделение Института проводит свою работу в соответствии с особой инструкцией, утвержденной Комитетом по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК Союза ССР⁵⁶.

Положение об Институте, как видим, было приведено в соответствие с Постановлением о его организации от 17 сентября 1932 г.

Таким образом, Институт, носящий имя Максима Горького, должен был стать своеобразным филологическим, как тогда говорили, комбинатом, включавшим в себя «творческое (писательское) отделение» – своего рода курсы по повышению квалификации писателей (прообраз будущих Высших литературных курсов), зачисленные на которые приравнивались к аспирантам, «научно-исследовательское отделение» – «лабораторию по изучению художественной литературы народов Союза ССР», и просветительный (библиотека, литературный музей, публичные чтения, лекции и т.п.) центр.

К сожалению, это Положение не будет реализовано, останется только на бумаге и сохранится лишь в архиве Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК Союза ССР. Четыре года спустя, в 1937 г., появится новое Положение об Институте, принципиально новое...

3. Положение об Институте Мировой Литературы имени А.М. Горького при ЦИК Союза ССР от 3 сентября 1937 г.

Президиум Ученого Комитета, принимая 20 октября 1932 г. решение о разработке Положения о Литературном Институте им. Максима Горького, предложил своей Секции кадров «в 2-хдекадный срок подобрать и внести на утверждение Ученого Комитета кандидатуру директора Литературного Института им. Максима Горького»⁵⁷. Такое Положение было разработано и утверждено, как мы видели, 22 марта 1933 г., а вот поиски дирек-

тора, способного возглавить подобное научно-учебное учреждение, кто и должен был на практике реализовывать это Положение, растянулись почти на два года.

10 марта 1934 г. Л.Б. Каменев (Розенфельд) пишет А.М. Горькому: «Надо бы двигать идею... “Института литературоведения имени Пушкина”»⁵⁸, – и сам начинает ее «продвигать», используя свои давние связи в руководстве ВКП(б), прекрасно сознавая, что без соответствующего политического решения высших партийных органов не начиналось у нас тогда никакое, сколько-нибудь серьезное дело. А создание литературоведческого Института было именно таковым.

И тут в Секретариате ЦК ВКП(б) вспомнили, что в сентябре 1932 г. было принято Постановление о создании Литературного Института имени Максима Горького, где предполагалось иметь исследовательское отделение – «лабораторию для изучения художественной литературы народов СССР». И решили новый Институт не создавать, а расширить задачи предполагаемой «лаборатории», включив в круг изучаемых в ней литератур и литературы народов других стран.

«Продвижение» Каменевым «идеи» Института литературоведения на «высоком» партийном уровне привело к тому, что именно ему и предложили возглавить этот Литературный Институт имени Максима Горького. «Сегодня, – пишет он 8 мая 1934 г. Горькому, – получил извещение о назначении меня директором Института литературы им. Горького»⁵⁹, – так в Секретариате ЦК ВКП(б) решили переименовать Литературный Институт им. Максима Горького, учитывая возможность расширения его первоначального профиля и усиления в нем литературоведческой составляющей.

Назначение Каменева, о чём он и писал Горькому, было еще только политическим решением, принятом в Секретариате ЦК ВКП(б), однако все знали, что принятые там решения являлись окончательными, не подвергались обсуждению и безоговорочно принимались к исполнению. И хотя официально Каменев был назначен на этот пост только в августе, но уже с момента «извещения» о «высоком» партийном решении он имел все основания считать себя директором Института им. Горького и действовать в качестве такового.

Официальное же решение о назначении его директором этого Института и изменение самого наименования Института должен был принять Президиум ЦИК Союза ССР, в ведении которого находился создаваемый Литературный институт имени Максима Горького. Среди причин, вызвавших задержку с принятием такого решения, было негласное поручение Секретариата ЦК ВКП(б) Каменеву разработать Положение об Институте литературы им. Горького. Давая такое поручение Каменеву, в Секретариате ЦК ВКП(б) запамячивали, что год назад Культпроп ЦК ВКП(б) уже утверждал Положение об Институте им. Горького и новое Положение можно было не разрабатывать, а просто расширить задачи научно-исследовательского его отделения – «лаборатории» по изучению художественной литературы народов СССР, включив туда и мировую литературу. Остальное не могло быть изменено, так как напрямую вытекало из Постановления Президиума ЦИК Союза ССР от 17 сентября 1932 г. об организации Института им. Максима Горького и полностью соответствовало духу и букве этого Постановления.

Получив вместе с «извещением о назначении» его директором Института и поручение разработать Положение о нем, Каменев пишет Горькому: «Приступаю к делу, т.е. начинаю беседовать с разного рода “сведущими людьми”, коммунистами и некоммунистами, литературного цеха для выяснения их пожеланий, отбора возможных сотрудников, составлении программ... Дело большое и надо сразу ставить его широко, не по-кустарному... Если уж делать это дело, надо сделать этакую Сорбонну литературоведения»⁶⁰.

1 июня Каменев пишет Горькому: «Продолжаю оборудование (пока в уме) Института Литературы...», – а 11 июня ему же сообщает: «“Положение” для Института литературы готово...»⁶¹. То, что Каменев называл готовым «Положением для Института литературы», было всего лишь его представлениями («в уме») о целях, задачах и назначении такого Института, с чем он и выступил 26 июля в «Литературной газете»:

*И имени Максима Горького.
Институт мировой литературы
<Беседа с Л.Б. Каменевым>*

«Институт мировой литературы им. Горького создается как комбинат, совмещающий научно-исследовательские учреждения академического типа и учебное заведение для писателей, творчески выявившихся и желающих сейчас повысить свою квалификацию и вооружиться теоретическими знаниями.

Мы знаем, что многие наши писатели владеют исключительной тематикой, у них имеется революционная зарядка, но они не обладают высокой литературной техникой и сведениями, столь необходимыми для советских художников.

Это учебное заведение будет трехлетними курсами. Кроме того намечается еще четвертый год для более повышенной учебы. Первый курс будет подготовительный.

Основные дисциплины писательских курсов – история и теория литературы (теория словесности, теория жанров, история эстетических учений). Из общеобразовательных дисциплин обязательны: история, история философии, естествознание, иностранные языки и т.д.

Сейчас на первый курс будет принято 100 человек. Повторяю, речь идет о творчески выявившихся писателях, специально рекомендованных правлениями ССР.

Научно-исследовательская часть института посвятит свою работу изучению литературы и критики на протяжении всей мировой истории всех стран и всех времен. В научно-исследовательском институте будет ряд отделений (немецкое, французское, английское), но особенно сильно ставится работа в отделениях, посвященных литературе народов СССР.

Поскольку научно-исследовательская часть Института будет подготавливать литературоведческую смену, **Институту будет присвоено право выдавать ученые степени.**

Разумеется, Институт обеспечивается всеми необходимыми подсобными учреждениями: огромной библиотекой (миллион томов), литературным музеем, специальными кабинетами по истории книги и книжной иллюстрации и т.д.

Одной из задач Института мировой литературы явится широкое распространение литературоведческих знаний. Предполагается цикл открытых лекций и докладов.

Для нового Института намечено строительство специальных зданий на одном из лучших участков Москвы. Одна из аудиторий будет рассчитана на 1500 человек, другая – на 500 человек и две аудитории на 300 человек. Строительство будет закончено в ближайшие два года. Пока институту предоставляется временное помещение»⁶².

По-видимому, Каменев не был знаком с Положением о Литературном Институте им. Максима Горького от 22 марта 1933 г. и в своих представлениях об Институте мировой литературы имени Максима Горького исходил исключительно из Постановления об организации Литературного Института имени Максима Горького от 17 сентября 1932 г., при этом он делает ту же самую ошибку, что и разработчики Проекта Положения о Литературном Институте, видя в его «учебной части» своего рода ВУЗ для писателей с подготовительным курсом и четырехлетним обучением, на что в свое время обратили внимание в Наркомпросе, заметив несоответствие создания в структуре Литературного Института такого «учебного заведения» Постановлению Президиума ЦИК Союза ССР о его организации.

23 августа 1934 г. Секретариат ЦИК Союза ССР, продублировав майское решение Секретариата ЦК ВКП (б), постановил:

«1. Образованный постановлением ЦИК Союза ССР от 17 сентября 1932 года Институт литературы им. А.М. Горького считать при ЦИК Союза ССР (т.е. принимает изменение первоначального названия Института, предложенное Секретариатом ЦК ВКП(б). – А.К.).

2. Назначить директором Института литературы им. А.М. Горького тов. Каменева Льва Борисовича.

3. Поручить т. Каменеву представить на утверждение Президиума ЦИК Союза ССР положение об Институте»⁶³.

27 августа Президиум ЦИК Союза ССР утверждает постановление своего Секретариата⁶⁴, оформляя юридически назначение Каменева директором Института литературы им. А.М. Горького, каковым фактически он был с мая.

Поручение, касающееся разработки Положения об Институте и представления его на утверждение Президиума ЦИК Союза ССР, Каменев не выполнил. За это дело он даже не принимался.

В Архиве Президиума ЦИК Союза ССР и его Секретариата имеется справка «О ходе работы над Положением об Институте литературы им. А.М. Горького», где отмечено следующее:

«11.Х. Секретарь Каменева Пиняевская Надежда Николаевна сообщила, что Положение в стадии проработки. Скоро будет готово.

21.Х. Пиняевская. Положение готово. Работникам Л.Б. обещала напомнить.

25.ХI. Положение не готово, позвонить 2.ХII».

И далее: «Наблюдение за выполнением п. 3 Постановления Секретариата от 23.VIII. отложить до решения вопроса о назначении директора Ин-та. 9.I.35.»⁶⁵.

16 декабря Каменев был арестован, и в начале нового года стало ясно, что у Института будет новый директор. 5 мая 1935 г. им становится доктор философских наук, член-корреспондент АН СССР Иван Капитонович Луппол. При нем и было разработано новое Положение об Институте литературы им. А.М. Горького при ЦИК Союза ССР. Правда, не сразу.

Поначалу Луппол озадачен созданием необходимой для деятельности Института научно-материальной базы – специализированной библиотеки, включавшей в себя не только литературоведческие труды, но и художественные произведения зарубежных, русских и национальных советских писателей, а также фонда рукописей и материалов, имевших отношение к истории отечественной и мировой литературы. По мере продвижения работы в этих направлениях он задумывается и о том, с кем, как и чем должен заниматься Институт.

25 ноября 1935 г. Луппол информирует Горького: «С января-февраля хочу начать сколачивание научно-исследовательского сектора, сориентированного на Института “всех живых сил” истории литературы. Представляется мне, – раскрывает он свой замысел, – что это сориентированное на Институте сокращение нужно провести на базе, правда очень большой и трудной, но совершенно необходимой и интересной работы – создания “Истории мировой литературы” в X томах». Пишет он и о том, что хорошо бы с осени 1936 г. открыть в Институте «вузовский» – учебный – сектор, который мыслит как своего рода «учеб-

ный институт» при Институте литературы им. Максима Горького, включавший в себя высшие литературные курсы и аспирантуру⁶⁶.

Комплектование специализированной «центральной» библиотеки, пополнение рукописного фонда и фонда художественных иллюстраций, включавшего в себя и изобразительные материалы, характеризовавшие быт, атмосферу, реалии прошлых эпох, остаются важнейшими сферами деятельности Института в 1936 г. Подчеркнутое внимание уделяется отделу рукописей, расширению географии поисков и активизации работы этой «научно-исследовательской части, собирающей и изучающей рукописный материал и документы, как элементы изучения художественно-литературного творчества»⁶⁷.

Важнейшим событием в жизни Института, в процессе формирования его структуры и направлений деятельности, становится организация при нем Архива А.М. Горького и Музея А.М. Горького на основании постановления Президиума ЦИК Союза ССР от 14 февраля 1937 г. Архив создавался «для сохранения материалов, оставшихся после А.М. Горького (рукописи, переписка и др.)» как хранилище «рукописей и документов, относящихся к жизни и творчеству А.М. Горького», а Музей – для «ознакомления трудающихся» с жизнью и творчеством «великого пролетарского писателя»⁶⁸.

Параллельно с организацией Музея А.М. Горького и Архива А.М. Горького, занимавшей центральное, ведущее место в деятельности Института, продолжается работа по уточнению его профиля и структуры, что получает отражение в новом Проекте Положения о нем. Теперь он носит название «Положение о научно-исследовательском Институте литературы имени М. Горького при ЦИК Союза ССР».

В нем отмечалось, что Институт является «всесоюзным научно-исследовательским учреждением и ставит своей задачей изучение с марксистских позиций:

1) истории мировой литературы в ее общем развитии и в конкретных произведениях художественного слова во всех его формах и жанрах, в частности русской литературы и литературы народов СССР;

2) теории и истории литературной критики;

3) теоретических вопросов литературоведения и истории эстетических теорий;

4) вопросов литературного языка и техники литературного мастерства;

5) устного народного творчества (фольклора)».

В составе Института предполагалось иметь постоянные секции:

«1. Истории мировой литературы.

2. Русской литературы.

3. Литературы народов СССР.

4. Теории литературы и эстетики.

5. Истории и теории литературной критики.

6. Истории литературного языка.

7. Театра.

8. Фольклора.

9. Библиографии и истории книги», –

а также «группы, осуществляющие задания по разработке отдельных тем и проблем, предусмотренных годовыми и пятилетними планами работ Института», и «отделение аспирантуры»⁶⁹.

Таким образом, в этом Проекте Положения предусматривалась возможность создания гибких, оперативных подразделений для выполнения тех или иных научно-исследовательских задач.

Однако этот Проект остался как бы рабочим документом на перспективу. В процессе его формирования был существенно переработан в соответствии с реальными задачами, стоящими перед наукой о литературе и художественной культурой Союза ССР.

Новый Проект был составлен и 29 августа 1937 г. согласован в Ученом Комитете ЦИК Союза ССР. Это было первое Положение об Институте как Институте мировой литературы. 3 сентября оно рассматривается и утверждается на совещании при Председателе ЦИК Союза ССР⁷⁰.

Положение об Институте Мировой Литературы имени А.М. Горького при ЦИК ССР

I. Общие положения

1. Институт мировой литературы имени А.М. Горького в Москве имеет своей целью всестороннее изучение, разработку и

пропаганду, на основе учения Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, истории мировой литературы и литературы народов Союза ССР и всемерное содействие общему развитию литературоведения в СССР в целях укрепления культурной мощи социалистической родины.

Институт является высшим научно-исследовательским и учебным учреждением, подчиненным непосредственно ЦИК СССР.

2. Для осуществления этих задач институт:

а) систематически ведет учет, собирание, разработку и научную публикацию памятников и документов народного творчества и литературы;

б) ведет подготовку научных литературоведческих кадров;

в) осуществляет повышение квалификации творческих себя проявивших писателей;

г) осуществляет научно-издательскую деятельность путем подготовки к печати и издания научных сборников исследований, монографий, библиографических справочников, каталогов и других трудов;

д) созывает научные сессии и совещания, организует научно-литературные экспедиции и командировки и устанавливает связь с литературными организациями и отдельными учеными в Союзе ССР и за границей;

е) организует научные собрания, публичные лекции, доклады, выставки и т.д.

3. Институту предоставлено право присуждать за научные труды в области истории литературы и литературоведения ученые степени доктора и кандидата литературных наук.

4. Институт пользуется правами юридического лица и состоит на государственном бюджете.

II. Состав Института

5. Институт имеет в своем составе:

а) научно-исследовательский сектор со специальной секцией по изучению жизни и творчества А.М. Горького;

б) научно-учебный сектор;

в) центральную библиотеку со специальным кабинетом А.М. Горького;

- г) сектор рукописей и литературных документов;
- д) архив А.М. Горького;
- е) сектор художественно-изобразительных материалов (литературный музей);
- ж) музей А.М. Горького;
- з) научно-издательский сектор.

III. Органы руководства и управления Института

6. Во главе института стоит директор, назначаемый Президиумом ЦИК СССР и осуществляющий на правах единоличного руководство и управление всей научной, учебной, финансовой и административно-хозяйственной деятельностью института.

7. Директор института имеет трех заместителей, стоящих во главе научной, учебной и административно-финансово-хозяйственной частей института и утверждаемых по представлению директора Президиумом ЦИК СССР.

8. Ученый секретарь института координирует работу всех научных, учебных и научно-вспомогательных частей института, сводит планы научной и учебной работы и ведет научную переписку института в целом.

9. Научный персонал института состоит из действительных членов, почетных членов, членов-корреспондентов, старших и младших научных сотрудников.

10. Действительными членами института могут быть ученые, обогатившие литературную науку трудами первостепенного научного значения и имеющие степень доктора литературных наук.

11. Почетными членами института могут быть выдающиеся ученые, обогатившие литературную науку трудами мирового значения.

12. Членами-корреспондентами института могут быть ученые, имеющие степень кандидата литературных наук.

13. Действительные члены и члены-корреспонденты института участвуют в работах Совета института, входят в состав секторов и секций института, выполняют плановые и отдельные научные поручения и участвуют в работе института по подготовке кадров.

14. Действительные члены, почетные члены и члены-корреспонденты института избираются закрытым голосованием на общем собрании института большинством не ниже двух третей голосов.

15. Действительные члены, почетные члены и члены-корреспонденты института могут быть лишены своего звания по постановлению общего собрания института, если деятельность их направлена во вред Союза ССР.

16. Действительные члены и члены-корреспонденты института образуют общее собрание Института, которое собирается не реже двух раз в год для рассмотрения общих планов научной и учебной работы Института и отчетов по ним, а также для избрания новых действительных членов, почетных членов и членов-корреспондентов и для присуждения ученых степеней.

17. Для руководства общим направлением работ Института при директоре состоит Совет Института, в который входят: директор института (председатель Совета), заместители директора (заместители председателя Совета), ученый секретарь института (секретарь Совета), действительные члены института, руководители секторов и частей института, представители заинтересованных в работе института государственных учреждений и общественных организаций, а также лица по персональному утверждению.

Личный состав членов Совета института утверждается Президиумом ЦИК Союза ССР.

Совет созывается директором института не реже двух раз в год. Директор института имеет право опротестовать перед ЦИК СССР те из решений Совета, с которыми он не согласен.

IV. Особые права Института

18. Институту как единственному государственному хранилищу всего рукописного наследства и всех архивных документов, относящихся к жизни и творчеству А.М. Горького, предоставлено право истребования этих материалов и документов из всех государственных учреждений и общественных организаций.

19. Институт имеет право организовать и содержать в других городах Союза ССР, на правах филиалов, свои отделения, литературные музеи, литературные архивы и литературно-художествен-

ные библиотеки. Открытие филиалов института производится с утверждения Президиума ЦИК СССР.

20. Институт получает обязательный бесплатный экземпляр изданий всех республиканских книжных палат Союза ССР по отраслям литературы, входящим в компетенцию научной деятельности института.

21. Институт имеет право организовывать подсобные и вспомогательные предприятия, необходимые ему в его научной деятельности: фотокабинет, переплетная мастерская, окантовочная мастерская, фотостатистическая лаборатория и т.п.

22. Институт имеет право на специальные средства, обра- зуемые от доходов с изданий института, входной платы в Музей А.М. Горького, на литературные выставки, от доходов подсоб- ных и вспомогательных предприятий.

23. Институту предоставляется право, по соглашению с НКВнешторгом, непосредственно приобретать и получать из-за границы книги, журналы, газеты литературно-художественного содержания, а также другие материалы, относящиеся к научной деятельности, как-то: оригиналы рукописей, фотокопии, портреты писателей, иллюстрации к их произведениям, вещественные реликвии, характеризующие жизнь и творчество крупнейших представителей истории мировой литературы.

24. Институт имеет печать с изображением герба Союза ССР и с надписью «Институт мировой литературы им. М. Горького при ЦИК СССР»⁷¹.

Согласно этому Положению Институт выступал как своего рода Академия литературных наук со своим кругом ученых – действительными и почетными членами, членами-корреспондентами, докторами и кандидатами литературных наук, с поистине необозримым предметом исследований – вся мировая литература и литература народов СССР, с широкими полномочиями и возможностями для научной, научно-учебной и просветительной деятельности, опорными пунктами которой за пределами Москвы должны были стать самые разнообразные филиалы, организуемые Институтом в других городах страны.

Важнейшим событием в жизни Института, определившим всю его дальнейшую судьбу как научного литературоведческого учреждения, становится его переход в ведение Академии наук

СССР на основании решения Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1938 г.⁷² 7 мая Комиссия Президиума АН СССР составляет Акт о проверке Института, а 15 мая – Акт о его передаче в ведение Академии наук⁷³.

Комиссией по приемке Института было предложено к 15 июня представить на утверждение Президиума АН СССР «Положение об Институте мировой литературы, переработанное на основе нормального устава научных институтов Академии наук». Такая работа была осуществлена. Однако за основу был взят не «нормальный устав научных институтов Академии наук», а Положение, утвержденное ранее секретариатом ЦИК Союза ССР, в которое внесли некоторые изменения, касающиеся прежде всего ведомственной подчиненности Института. Там, где раньше указывалось – ЦИК СССР, теперь стояло – либо Академия Наук СССР, либо Президиум АН СССР, либо ООН АН СССР (т.е. Отделение общественных наук АН СССР, куда входил в то время Институт), в зависимости от характера подотчетности в той или иной сфере деятельности Института.

Первый параграф Положения остался практически без изменения; было опущено лишь слово «учебным» и указана новая ведомственная принадлежность – Академия Наук СССР.

Во втором параграфе добавили два пункта: «Осуществляет научно-исследовательскую деятельность в форме как коллективных, так и индивидуальных работ» и «консультирование и экспертизу научных и учебных литературоведческих учреждений и организаций СССР», а также расширили пункт г): после слова «издания» теперь стояло: «научных собраний сочинений классиков художественной литературы», – и далее – «учебной литературы».

Последнее прибавление появилось не случайно. Дело в том, что на I Всесоюзном совещании работников высшей школы, состоявшемся в мае 1938 г., было отмечено, что одной из решающих задач повышения уровня вузовского образования является обеспечение высшей школы хорошими учебниками, стоящими на уровне современной науки и доступными учащимся по изложению и языку. Академия наук сразу же откликнулась на призыв помочь высшей школе в создании таких учебников, что было, как мы увидим, в качестве дополнительного задания включено и в план работы Института мировой литературы.

В третьем параграфе Положения «литературные науки» были заменены на «филологические». В первый пункт пятого параграфа внесено уточнение: «...сектор с отделами по разработке вопросов истории литературы разных времен и периодов, со специальным отделом по изучению творчества А.М. Горького», – и добавлен еще один пункт, указывающий на наличие в составе Института Музея А.С. Пушкина.

Появился новый параграф, касающийся научно-организационной стороны в деятельности Института:

«Во главе секторов, отделов, музеев и других учреждений Института стоят заведующие, назначаемые директором Института.

Научно-исследовательские отделы, музеи и Архив А.М. Горького имеют ученых секретарей, назначаемых директором.

В научно-исследовательском секторе и его отделах по мере надобности создаются группы и комиссии по изучению жизни и творчества отдельных писателей, периодов литературы и отдельных проблем».

Параграфы 9–16, где определялся статус действительных и почетных членов Института, а также его членов-корреспондентов, были сняты. Зато добавлен просторенный параграф, раскрывающий должностные обязанности директора Института: организация и руководство всеми работами Института, руководство редактированием и опубликованием этих работ, определение прав и обязанностей сотрудников и т.п.

В параграфе о Совете Института было добавлено «Ученый Совет», а первая строка дана в следующей редакции: «Для обсуждения основных вопросов работ Института создается...». Особые права Института распространялись также и на рукописное наследие А.С. Пушкина⁷⁴.

Надо сказать, что данное положение действовало недолго – немногим более года, а уже 16 октября 1939 г. Президиум АН СССР утверждает общее «Положение об Институте Академии наук Союза ССР», которое и становится основным руководящим документом по организации и осуществлению научно-исследовательской деятельности всех академических учреждений, в том числе и Института мировой литературы им. А.М. Горького.

III. ПЕРВЫЕ ПЛАНЫ НАУЧНОЙ РАБОТЫ ИНСТИТУТА

По замыслу создателей будущего Института мировой литературы он основывался в качестве уникального научно-учебного комбината. И если научно-учебный сектор в нем так и не был сформирован, что было напрямую связано с открытием 1 декабря 1933 г. Вечернего рабочего литературного университета – будущего Литературного института при СП СССР⁷⁵, то к научно-исследовательской деятельности ИМЛИ приступит не сразу (что было обусловлено целым рядом причин и обстоятельств⁷⁶), а лишь с осени 1937 г., спустя два года после назначения 5 мая 1935 г. директором Института доктора философских наук, члена-корреспондента АН СССР (с 1939 г. – академик) Ивана Капитоновича Лупполя (1896–1943).

За это время была сформирована необходимая для научной деятельности Института научно-материальная база: библиотека, включавшая в себя литературную периодику, сборники и издания XVIII–XIX вв., труды русских и зарубежных литературоведов, произведения иностранных и отечественных писателей, в том числе и народов СССР, а также фонды рукописей и материалов (фотографии, графика и живопись, портреты, иллюстрации к художественным произведениям и т.д.), имевших отношение к истории литературы, жизни и быту писателей. Собирание, описание, систематизация и каталогизация – основные виды работы сотрудников Института в 1935–1937 гг.

1. План работы Института Литературы им. А.М. Горького при ЦИК Союза ССР в 1938 г.

14 ноября 1937 г. дирекция Института рассматривает вопрос о принципах построения научно-исследовательской работы и выносит решение:

«В качестве основных и главнейших направлений научно-исследовательской работы принять:

а) работы по Горькому (научно-исслед. сектор, Архив, Музей, библиотека, прежде всего в лице кабинета Горького, но с привлечением других кабинетов);

б) работы по Лермонтову как подготовительные к юбилею 1939 г. (научно-исследовательский сектор, библиотека, прежде всего русский кабинет, сектор художественных иллюстраций);

в) работы по иностранной литературе как первые пробные и испытательные работы по созданию “Истории мировой литературы”.

Основными и главнейшими работами по этому разделу являются: “История французского реализма” и “Английский романтизм” (Байрон, Шелли) (научно-исследовательский сектор, прежде всего соответственные кабинеты и в своей области сектор художественных иллюстраций)»⁷⁷.

Одновременно было высказано пожелание приступить к исследованию и советской литературы, творчества русских и национальных советских писателей. Однако возможная тематика и проблематика работ в этой области, в силу их принципиальной новизны по отношению к предшествовавшему художественному опыту, требовали специального изучения и разработки, и потому на этом заседании дирекции не рассматривались.

К этому времени были сформированы два научно-исследовательских сектора – по творчеству Горького и иностранной литературы, сектор художественной иллюстрации, группа по изучению творчества Лермонтова и 11 кабинетов как структурных подразделений библиотеки, где были собраны книги, сборники и журналы по конкретной тематике:

«...а) творчества А.М. Горького,
б) русской литературы,
в) литературы народов СССР,
г) французской литературы,
д) немецкой литературы,
е) романских литератур (испанская, итальянская),
ж) славянских литератур (болгарская, сербская, хорватская, польская),
з) англо-американской литературы,
и) восточных литератур,
к) античных литератур,
л) кабинет общий (марксистско-ленинское литературоведение, философия, история, искусствоведение, справочники)»⁷⁸.

В ходе обсуждения реальных планов научно-исследовательской деятельности Института в наступавшем, 1938 г., выделилось

четыре направления-раздела: по русской, куда к творчеству Лермонтова добавилась литература XVIII в., западноевропейской, а также античной и восточным литературам. Самым значительным должен был стать первый раздел, где предполагалось сформировать три специализированные Группы, ведущей из которых, без всякого сомнения для руководства Института, являлась Группа по изучению жизни и творчества А.М. Горького. В ее обязанности, как уже отмечалось выше, вменялось:

«...критическое изучение опубликованных и неопубликованных художественных произведений М. Горького;

тщательное изучение рукописных материалов, хранящихся в Архиве А.М. Горького и подготовка этих материалов к печати;

подготовка, на основе проделанных текстологических и критических работ, нового полного издания сочинений А.М. Горького;

исследование всей критической литературы о Горьком на русском и иностранных языках;

изучение общественной и революционной жизни А.М. Горького, в частности изучение хранящихся в архиве жандармских дел, а также писем Горького и к Горькому;

изучение литературно-редакционной и публицистической деятельности А.М. Горького, в частности хранящихся в архиве многочисленных редакционных рукописей с правкой и замечаниями Горького»⁷⁹.

Фактически это была программа деятельности для целого Отдела, если не сказать – Института, каждая из задач которой в свою очередь предполагала создание соответствующей специализированной Группы для своего решения. Таким образом Институт заявлял о себе как о всесоюзном центре по изучению жизни, творчества и деятельности А.М. Горького. Учитывая всю важность создания такого центра, его организацию взял на себя сам директор Института – И.К. Луппол.

Затем шли Группы по изучению творчества М.Ю. Лермонтова и по изучению русской литературы XVIII в., руководителями которых, соответственно, были назначены проф. В.Я. Кирпотин и проф. Н.К. Гудзий. В работе этих Групп намечалось участие Н.Л. Бродского, Л.И. Тимофеева, А.М. Еголина, Д.Д. Благого,

И.Н. Розанова, С.М. Бонди, Ю.М. Стеклова, Г.О. Винокура, М.И. Серебрянского, И.П. Ладыжникова, А.Н. Тихонова и др.

Работы по второму разделу – западноевропейская литература, предполагалось вести силами одной Группы, организация которой была поручена проф. Ф.П. Шиллеру. В ее составе – проф. М.М. Морозов, доцент В.И. Гриб, Д.И. Гачев, Е.Ф. Книпович и др.

Естественным и закономерным явилось создание в Институте Группы по изучению античной литературы, которая первоначально не была представлена в основных его направлениях, но фактически начала свою деятельность раньше других научно-исследовательских подразделений. И не случайно. В те годы в Москве сформировался сильный коллектив ученых- античников, который представляли академик М.М. Покровский (1868–1942), члены-корреспонденты АН СССР Н.И. Новосадский и С.И. Соболевский, профессора С.П. Гвоздев, С.И. Радциг и др. Уже в декабре 1937 г. они провели в стенах Института первое, организационное заседание, а 1 января 1938 г. академик М.М. Покровский был назначен действительным членом Института и руководителем античной научно-исследовательской Секции⁸⁰. Это был первый действительный член Института мировой литературы им. А.М. Горького в соответствии с Положением об Институте от 3 сентября 1937 г.

В задачу Секции входило «монографическое изучение и издание на русском языке с соответствующими научными комментариями и вводными историко-литературными и культурно-историческими статьями главнейших, мирового значения памятников греческой и римской литературу»⁸¹. Она становится первым и в те годы единственным в стране центром «по научному изучению античных литератур», «собрав, как на огонек, чуть ли не всех московских специалистов по греческой и римской литературе»⁸².

Что касается раздела восточных литератур, то он был представлен одним ученым – проф. К.И. Чайкиным, специалистом по иранской литературе, который в основном консультировал сотрудников библиотеки, собиравших материалы для кабинета восточных литератур. Он проработал в Институте недолго – с 22 ноября 1937 г. по 1 марта 1938 г.⁸³, и с его уходом формирование этого раздела в структуре Института было временно приостановлено.

4 марта 1938 г. Совет Народных Комиссаров СССР принимает решение об организации при Институте Музея А.С. Пушкина на базе Всесоюзной Пушкинской выставки 1937 г. И таким образом в составе Института, наряду с уже существовавшими подразделениями – Секторами, Группами, библиотекой, Архивом А.М. Горького и Музеем А.М. Горького, появляется и Музей А.С. Пушкина, открывая еще одно направление в деятельности Института.

В качестве основных научно-исследовательских задач, стоящих перед Институтом в 1938 г., выделялись следующие:

1. Разработка летописи жизни и деятельности А.М. Горького и начало подготовки полного научного издания сочинений писателя.

2. Подготовка к созданию истории литературы народов СССР советского периода и как начало этой работы – разработка проблем «Социалистический реализм», «Политическая поэзия», «Тема гражданской войны в советской литературе» и «Народный советский эпос».

3. Реорганизация Всесоюзной Пушкинской выставки в Музей А.С. Пушкина.

4. Разработка творческого наследства М.Ю. Лермонтова в связи с 125-летием со дня рождения великого русского поэта.

5. Подготовка к проведению 50-летия со дня смерти М.Е. Салтыкова-Щедрина и Н.Г. Чернышевского.

6. Разработка истории буржуазного гуманизма и реализма в классической литературе и истории развития социалистического реализма и гуманизма...

7. Изучение влияния французской буржуазной революции 1789 г. на мировую литературу (в связи с предстоящим 150-летием французской революции в 1939 г.)⁸⁴.

Решение этих задач должно было осуществляться в соответствии с утвержденными дирекцией планами научных работ, которые были составлены в Институте впервые. Их для каждого научно-исследовательского подразделения было два. Один план отражал работу каждой Секции или Группы в целом: здесь указывались все труды – книги, монографии и сборники, – подготавливаемые данным подразделением, с обозначением характера и объема работы по каждому труду на текущий год и сроками его окончательного завершения. В другом – были расписаны индиви-

дуальные задания всех членов Секции (Группы) на год, также с обозначением темы, характера и объема планируемой работы. Каждый из них сначала должен был в обязательном порядке выступить с докладом по теме своей работы и только затем представить текст статьи или раздела, уже с учетом сделанных при обсуждении замечаний. Расписанный по месяцам график выступлений с докладами тоже утверждался дирекцией и прилагался к плану, являясь основным документом для осуществления текущей работы подразделений и проверки их научно-исследовательской деятельности.

Так, например, старшему научному сотруднику Института профессору М.Б. Храпченко в 1938 г. планировалась работа по теме «Художественный метод Лермонтова» с одноименным докладом в сентябре и представлением статьи объемом в 4,0 а. л. к ноябрю⁸⁵. Аналогичным образом строились и планы других сотрудников научно-исследовательского сектора Института. Примечательно, что и в общем плане работы Секций (Групп), и в индивидуальных, и в графике выступлений с докладами отражалась деятельность не только штатных, но и внештатных сотрудников Института, а также актива этих подразделений, что давало возможность представить полную картину научно-исследовательской работы, осуществляемой Институтом.

В особом положении находились авторы монографических исследований. Они в течение года должны были написать 10,0 а. л. и выступить с докладом по каждой из глав монографии. Монографическая работа полагалась настолько важным делом, что ее исполнитель не имел права отвлекаться на какие-либо другие работы и мероприятия: он должен был завершить свое исследование в наиболее сжатые сроки, – и написать лист монографии в месяц считалось вполне реальным делом.

Чтение и обсуждение докладов являлось основной формой научно-исследовательской работы Института, так как тексты статей и разделов уже не обсуждались. По ним давали, как правило, письменное заключение руководители трудов.

В 1938 г. планировалось заслушать и обсудить более 100 докладов.

По Секции изучения творчества А.М. Горького – «Творческая история “Формы Гордеева”», «Как работал Горький (об осо-

бенностях творчества А.М. Горького», «Писательский путь А.М. Горького и фольклор», «Горький и Шевченко», «Горький и западноевропейская литература», «Горький – театральный критик 90-х годов», «Язык Горького», «Горький и дети», «Горький и буржуазный реализм XX века (русская проза эпохи империализма)» и др. Докладчики – Н.П. Белкина, Н.Л. Бродский, В.В. Ермилов, И.П. Ладыжников, М.И. Серебрянский, Ю.М. Соколов, А.Н. Тихонов и др.

По Группе изучения творчества М.Ю. Лермонтова – «Лермонтов и Белинский», «Лермонтов и театр», «Художественный метод Лермонтова», «Влияние Лермонтова на последующую литературу», «Лирика и поэмы Лермонтова», «Лермонтов и декабристы», «Лермонтов и Пушкин», «Проза Лермонтова», «Лермонтов и Блок», «Историческое значение Лермонтова» и др. Докладчики – В.Я. Кирпотин, Д.Д. Благой, Н.Ф. Бельчиков, Е.Н. Михайлова, И.Н. Розанов, Ю.М. Соколов и др.

По Секции изучения русской литературы XVIII в. – «Русская поэзия XVIII века и проблемы реализма», «Русские сатирические журналы XVIII века», «Песенники XVIII века», «История тонического стиха в России», «Язык русского классицизма», «Комедии Княжнина», «Творчество Державина», «Фонвизин», «Литературное наследство XVIII века в русской литературе XIX века» и др. Докладчики – Н.К. Гудзий, Д.Д. Благой, А.И. Белецкий, С.М. Бонди, Г.О. Винокур, И.Н. Розанов, Л.И. Тимофеев и др.

По Секции западноевропейских литератур – «Байрон и байронизм», «Образ человека в литературе и искусстве Античности и Возрождения», «Реализм Фильдинга», «Классическая немецкая эстетика и реализм», «Реалистическая новелла Мериме», «Проблемы гуманизма в современной литературе Запада», «французский философский роман XVIII века», «Реализм Диккенса» и др. Докладчики – Ф.П. Шиллер, И.И. Анисимов, Ю.И. Данилин, А.К. Дживелегов, А.А. Елистратова, А.Ф. Иващенко, М.М. Морозов и др.

По Секции античных литератур – «Поэтика Аристотеля», «Язык и стиль Лукреция», «Стиль греческой литературы и искусства в эпоху расцвета», «Пушкин и Античность», «Язык Цезаря», «Гораций в русской литературе», «Гомеровские поэмы в вазовой живописи», «Сценическая композиция трагедий Софокла», «Ли-

рика Катулла» и др. Докладчики – М.М. Покровский, С.И. Соболевский, Н.И. Новосадский, С.П. Гвоздев, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровский, С.И. Радциг и др.

Среди важнейших коллективных трудов Института были обозначены тома публикаций их архива А.М. Горького, «Летопись жизни и творчества А.М. Горького», «Проблемы реализма в русской литературе XVIII века», «Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова», два «Западных сборника»: 1. «Реализм в английской литературе», 2. «Французская революция 1789 г. и мировая литература»⁸⁶ и др.

Нельзя не поразиться той широте и размаху, с какими начинает свою научно-исследовательскую деятельность Институт, сумев привлечь к участию в работе своих подразделений ведущих литературоведов столицы. Он становится центром единения московских ученых-филологов, организатором молодой советской науки о литературе.

Штатные возможности Института были в те годы крайне ограничены. Практически на каждую Секцию или Группу приходилось лишь по две единицы – руководителя и научного сотрудника, который выступал в роли ученого секретаря этого подразделения. Чуть улучшилось положение к концу года. На 1 января 1939 г. в штате научно-исследовательского сектора состояли: 1 академик, 2 доктора наук, 6 профессоров и 12 научных сотрудников⁸⁷. Тем весомее и значительнее была проделанная ими работа, в результате которой актив Института составили крупнейшие ученые, что сразу же обеспечило высокий научный уровень в работе исследовательских подразделений, содействуя росту авторитета Института как московского центра филологической науки.

Разработка коллективных и индивидуальных планов, начатая в конце 1937 г., была в основном завершена в первом квартале 1938 г., и с апреля Институт начал работу в соответствии с намеченными планами. 2 апреля состоялось первое заседание Секции по изучению творчества А.М. Горького, где был заслушан и обсужден доклад Н.П. Белкиной «Творческая история “Фомы Гордеева”»⁸⁸. Два дня спустя открыла цикл своих научных заседаний Секция античной литературы (первое, организационное, заседание состоялось в декабре предыдущего года), заслушав и обсудив перевод шестой песни «Илиады», осуществленный В.В. Вересаевым⁸⁹. И т.д.

Последним, уже в середине апреля, рассматривался и утверждался план работы секции советской литературы. Задержка была вызвана тем, что только с 1 апреля в штат Музея А.М. Горького был зачислен критик М.И. Серебрянский, которому были поручены организация Секции и, соответственно, разработка проекта плана ее работы. 10 апреля дирекция рассматривает этот проект, утверждая темы коллективных трудов и докладов по Секции на 1938 г. Важнейшими были признаны темы: «Социалистический реализм как художественный метод советской литературы», «Проблемы политической поэзии», «Тема гражданской войны в советской литературе», «Маяковский, его жизнь и творчество». Кроме докладов на эти темы предполагалось также заслушать доклады по темам: «Современный народный эпос», «Принципы построения истории советской литературы», «Советская деревня в литературе», «Тема социалистического строительства в советской литературе», «“Тихий Дон” Шолохова и проблемы социалистического реализма», «Народность поэзии Маяковского», «Маяковский и проблемы поэтической формы» и др. Основными исполнителями и докладчиками по этим темам намечались, кроме руководителя Секции, К.Л. Зелинский, В.О. Перцов и др.⁹⁰ Первое заседание этой Секции состоялось 10 мая: был заслушан и обсужден доклад К.Л. Зелинского «Литературные герои и русский национальный характер (проблемы положительного героя в русской литературе)»⁹¹.

**План работы Института Литературы
им. А.М. Горького при ЦИК Союза ССР в 1938 г.
(по Секциям без индивидуальных планов)**

I. Научно-исследовательский сектор

[1]. Секция по изучению жизни и творчества А.М. Горького

«Основными задачами Секции в 1938 г. являются:

1. Разработка всего автографного наследства А.М. Горького, имеющегося в Архиве Института: его рукописей, писем, документов и проч., в целях подготовки к печати литературного наследства А.М. Горького.

2. Разработка печатных материалов, характеризующих общественную и творческую библиографию А.М. Горького (иностранный журнальный и газетный литература об А.М. Горьком).

3. Составление картотеки "Летописи жизни и творчества А.М. Горького" в ее первом – сжатом объеме, на синхронистической основе главнейших исторических, политических и литературных событий и фактов эпохи, жизни и деятельности А.М. Горького.

Состав Секции:

Руководитель – ЛУГПОЛ И.К., профессор, член-корреспондент АН.

Члены:

Бродский Н.Л. – профессор

Кирпотин В.Я. – " –

Гринберг З.Г. – " –

Нусинов И.М. – " –

Еголин А.М. – " –

Бельчиков Н.Ф. – " –

Поспелов Г.Н. – " –

Соколов Ю.М. – " –

Десницкий В.А. – " – (Ленинград)

Балухатый С.Д. – " –

Юнович М.М. – доцент

Ермилов В.В. – критик

Серебрянский М.И. – критик

Лейтнеккер Е.Э. – уч. секретарь Секции, научный сотрудник

Белкина Н.П. – научный сотрудник

Розмирович Е.Ф. – Зав. Архивом А.М. Горького

Ладыжников И.П. – научный сотрудник

Туманов С.В. – научный сотрудник, Зав. Музеем

Тихонов А.Н. – литератор

Груздев И.Л. – критик (Ленинград)

Канчев А.А. – зам. директора Института

Грачев В.В. – научный сотрудник

Попов А.А. – " –

Буквин – " –

Венгров М.П. – научный сотрудник

Романенко И.С. – " – »⁹².

Большинство из названных литературоведов, не говоря уже критиков, не являлись штатными сотрудниками Института и представляли своего рода актив заинтересованных в работе Секции лиц. Ее состав, как видим, был достаточно широк и разнообразен, членство свободным и нефиксированным, на общественных, как говорится, началах. Входившие в Секцию постоянно приглашались на ее заседания, которые всегда были открытыми, выступали с докладами, связанными с жизнью, творчеством и деятельностью Горького, становились авторами работ по горьковской тематике, что готовились в Институте. Точно так же формировались и другие Секции, и на тех же началах участвовали в работах Института их активисты.

*[2]. План работы Группы по изучению творчества
М.Ю. Лермонтова*

«Историческое место Лермонтова, стоящего на переломе между двумя этапами в развитии русского революционного движения, оказывается чрезвычайно важным звеном в истории русской литературы. Изучение Лермонтова, последнего великого поэта периода дворянской революционности, как звена, соединяющего декабристов с Некрасовым, является **первоочередной задачей** лермонтоведения.

Вторая важнейшая задача разработки лермонтовского наследства это – раскрытие реалистических и общественно направленных тенденций его творчества, которое обычно рассматривалось лишь как индивидуалистически-романтическое и противопоставлялось общественно-окрашенному реализму.

Наконец, третья задача, стоящая перед исследователями Лермонтова, – это установление правильной точки зрения на его эволюцию: она завершилась отнюдь не сближением со славянофилами и спадом общественно-протестующих настроений, но приходом к полному разрыву с официальной Россией, усилением демократических и гуманистических тенденций, углублением реализма.

Все эти неразрешенные вопросы творчества М.Ю. Лермонтова приобретают особое значение и актуальность ввиду двух предстоящих юбилеев (в 1939 г. – 125-летия со дня рождения поэта и в 1941 г. – 100-летия со дня его смерти).

Состав Группы:

1. Кирпотин Вал. Яковл. – действительный член Института.

Руководитель группы.

2. Храпченко Мих. Бор. – профессор

3. Соколов Юрий Матв. – "–

4. Бродский Ник. Леон. – "–

5. Нейман Бор. Владим. – "–

6. Благой Дм. Дм. – "–

7. Бельчин Н. Степ. – "–

8. Еголин Ал. Мих. – "–

9. Розанов Иван Никан. – "–

10. Шувалов Сергей Вас. – "–

11. Михайлова Екат. Ник. – доцент. Секретарь Группы.

12. Юнович Мирра Марковна – доцент, науч. сотр.

13. Гершензон Давид Яковл. – науч. сотруд.

14. Левин Федор Маркович – "–

15. Альтман Иоганн Львович – "–

16. Перльмуттер Лазарь Борис. – "–

17. Нейштадт Владим. Ильич – "–

18. Белкина Мария Абрамовна – аспирант ИРЛИ

19. Ломунов [К.Н.] – аспирант

20. Нольман Мих. Владим. – аспирант

21. Морозова Галина Владим. – науч. сотр. Института, Секц. худ. ил.

22. Максимова Валентина Алексеевна – науч. сотр. Института, Сектор рукописей

23. Фролова Галина Ефимовна – науч. сотр. Института, библиотека

[24] Венгров Моисей Павлович – ученый секретарь Института»⁹³.

*[3]. План работы Секции по изучению
русской литературы XVIII в.*

«...Принципиальные соображения: от русской литературы XVIII в. идут истоки тех литературных направлений, которые в полной мере обнаружатся у нас в XIX в. Без хорошего знания литературы предшествовавшего века понимание литературного про-

цесса XIX века является крайне затруднительным. Вопрос о развитии и судьбах русского реализма также ведет нас к литературе XVIII в., очень богатой элементами реализма, несмотря на значительное влияние, испытанное ею со стороны европейской литературы классицизма.

С другой стороны, литература XVIII века во многом еще живет традициями старой русской литературы XVII века, недостаточно освещенном и подлежащим научному изучению.

Состав Секции:

1. Гудзий Ник. Кал. – профессор, руководитель Секции
2. Благой Дм. Дм. – профессор
3. Бродский Н.Л. –"–
4. Винокур Г.О. –"–
5. Бонди С.М. –"–
6. Нейман Борис Владим. –"–
7. Розанов Ив. Никан. –"–
8. Сидоров Н.И. –"–
9. Тимофеев Леонид Ив. –"–
10. Филиппов В.А. –"–
11. Бараг Л.Г. –"–
12. Лехтблау Леонид Борисович – ст. научн. сотр. Ин-та, секретарь Секции⁹⁴.

Намеченные (предполагаемые) труды:

Сб. «Русская литература – XVII в.» (30 печ. л.),

Бараг Л.Г. «“Недоросль” Фонвизина»,

Гудзий Н.К. «Проблемы изучения сатирических журналов XVIII века»,

Винокур Г.О. «Проблемы изучения поэтического языка XVIII века»,

Лехтблау Л.Б. «Реализм Радищева»,

Розанов И.Н. «Песенники М. Чулкова»⁹⁵.

[4]. План работы Секции западноевропейских литератур

«Основной своей задачей на 1938 год Секция считает изучение чрезвычайно важной актуальной проблемы в западной литературе XIX в. – истории старого буржуазного гуманизма, его рождения и распада и процесса становления нового революционного

гуманизма. Вместе с тем намечается к разработке ряд проблем истории реализма в западноевропейских литературах и монографические исследования о жизни и творчестве великих реалистов прошлого: Рабле, Бальзак, Шиллер, Гейне, о которых монографий на русском языке еще нет.

Особой задачей Секции является исследование влияния Французской буржуазной революции 1789 года на мировую литературу в связи с предстоящим в 1939 году 150-летием Французской Революции.

Кроме того, предполагается ряд работ монографического характера по истории французской литературы XVII и XVIII вв.

В результате своей работы Секция подготовит:

1. Двухтомную монографию о буржуазном гуманизме и рождении гуманизма революционного.

2. Большие монографии (15–20 л. л.) о Рабле, Бальзаке, Шиллере, Гейне.

3. Два сборника:

а) «Реализм в западноевропейских лит-рах XIX века» (в 30 печ. листов),

б) «Французская буржуазная революция 1789 года и мировая литература» (в 40 п. л.), посвященный 150-летию Французской буржуазной революции.

Работа над этими монографиями в 1938 г. состоит в обсуждении на заседании Секции развернутых планов и проблем, а также обсуждение отдельных частей или глав монографий в виде докладов.

Кроме того, в течение 1938 г. организует обсуждение 20 научных докладов (как своих членов, так и ряда других московских «западников») на различные актуальные темы по истории западных литератур и марксистского литературоведения, темы, стоящие во внутренней связи с основной программой работ.

Состав Секции:

1. Шиллер Франц Петрович – профессор, руководитель Секции
2. Анисимов Ив. Ив. – проф.
3. Гальперина Евг. Львов. – проф.
4. Данилин Юр. Ив. – проф.
5. Дживелегов Алек. Карлович – проф.
6. Металлов Яков Мих. – проф.

7. Морозов Мих. Мих.	– проф.
8. Нусинов Исаак Маркович	– проф.
9. Пуришев Борис Иванович	– проф.
10. Эйхенгольц Марк Давидович	– проф.
11. Гриб Владим. Романович	– доцент
12. Смирнова Алекс. Андреев.	– доцент
13. Михальчи Дм. Евгеньевич	– доцент
14. Кельян [Ф.В.]	– критик
15. Книпович Евг. Федоровн.	– критик, н. сотр.
16. Верцман И.Е.	– научн. сотр. Ин-та
17. Урбан Сесиль Иосифов.	–"–
18. Рейнгард Лидия Яковлевна	–"–
19. Игнатьева Нана Васильевна	–"–
[20] Матейка Ян Осипович	–"– » ⁹⁶ .

(Курсивом были выделены сотрудники Института. – А.К.).

Затем были названы предполагаемые первоочередные монографии:

Матейка Я.О. «Крестьянские войны XV–XVI веков в немецкой художественной литературе» (10 л. Представление – март 1939).

Пинский Л.Е. «Рабле» (договор).

И тема диссертации Л.Я. Рейнгардт – «Предшественники эпохи Просвещения во французской литературе XVII в.»⁹⁷.

[5]. План работы Секции античных литератур

«Значение этой Секции особенно важно, так как в других смежных научно-исследовательских учреждениях работа по античным литературам не ведется.

Основной задачей Секции является монографическое изучение и подготовка к научному изданию памятников греческой и римской литератур.

Состав Секции:

1. Покровский Мих. Мих. – академик. Руководитель Секции
2. Соболевский Сергей Ив. – проф., член-корр. АН
3. Новосадский Ник. Ив. – проф. –"–
4. Радциг Сергей Ив. – проф.
5. Гвоздев Серг. Порфириевич – проф.

6. Каган Пав. Исаакович – проф.
7. Тарасов Лев Дмитриевич – проф.
8. Греков Бор. Никол. – доцент, старший науч. сотр.
9. Покровская Жюстина Севериновна – доцент
10. Грабарь-Пассек Марина Евг. – канд. наук
11. Петровский Федор Александрович – ст. науч. сотр.
12. Шестериков Ник. Ив. – преподаватель ИФЛИ
13. Григорьева Вера Андреевна – науч. сотр.
14. Нилендер Владимир Оттович – ст. науч. сотр. Ин-та
15. Циска Анна Яновна – ст. науч. сотр. Ин-та, секретарь

Секции

16. Беркова Ев. Алексеевна – ст. науч. сотр. Ин-та»⁹⁸.

[6]. К программе работ Секции советской литературы

«Творческий опыт литературы народов СССР – еще не нашел до сих пор достаточного обобщения в научно-исследовательских литературоведческих работах. Эту задачу должна выполнить Секция советской литературы в Институте мировой литературы им. А.М. Горького.

План работы Секции на 1938 г. охватывает ряд тем, имеющих большое значение для советских писателей и читателей. Сюда входят намеченные для разработки в 1938 г. темы: «О поэзии Маяковского», «Современный народный эпос» (поэзия Джамбула, Стальского и др. народных певцов), тема «Социалистический реализм как худож. метод советской литературы», «Тема гражданской войны в советской литературе», «Проблемы политической поэзии» и др.

Секция начнет в этом году работу над созданием «Очерков по истории советской литературы» и монографии о Маяковском, предполагаемое окончание этих работ в конце 1939 г...

Все работы будут строиться на принципах исследовательских работ с привлечением архивных и проч. материалов, тем самым отличаясь от привычных обзоров типа журнальных статей.

Работу свою Секция будет проводить совместно с Секцией критиков ССП.

Секция два раза в месяц будет обсуждать научные доклады.

Состав Секции:

Серебрянский М.И. – руководитель, Розенталь М.М., Левин Ф.М., Перцов В.О., Зелинский К.Л., Ермилов В.В., Щербина В.Р., Плиско Н.Г., Усиевич Е.Ф., Нусинов И.М., Цельс С.И., Кирпотин В.Я., Резник О.С., Альтман И.Л., Брик О.М., Войтенская О.С., Волков А.А., Гоффеншефер В.Н., Гурштейн А.Ш., Лейтес А.М., Луппол И.К., Нович И.С., Винер М.Ф., Тарасенков А., Шкловский В.Б., Юзовский И.И., Корнев М.М., Ковальчик Е.И., Тимофеев Л.И.,⁹⁹ Храпченко М.Б., Гольцев В.В., Фурманова А.И., Симовский С.».

Так как программа работ Секции утверждалась вдогонку уже принятым дирекцией планам работы других Секций, то и состав Секции советской литературы формировался, как говорится, в пожарном порядке и в него включили не столько реальных, сколько потенциальных участников в ее работе, не успев даже обозначить ни их звания, ни должности, ни принадлежности к научной либо писательской общественности.

После корректировки дирекцией секционных планов по подготовке трудов в 1938 г. общеинститутский план выглядел следующим образом:

I. Разработка творческого наследия А.М. Горького

1. Издание «Истории русской литературы». Лекционного курса А.М. Горького в качестве 1-го тома «Архива А.М. Горького».
2. Разработка проспекта-схемы Полного собрания сочинений А.М. Горького.
3. Горьковские чтения, т. 1 (сб. исследований о творчестве А.М. Горького).
4. «Летопись жизни и творчества А.М. Горького», т. 1. (закончено в 1939).
5. «Библиография произведений А.М. Горького и литературы о нем за 1936 г.».
6. «Библиография произведений А.М. Горького и литературы о нем за 1937 г.».

II. Советская литература

1. «Тема гражданской войны и обороны в советской литературе» (сборник).
2. Монография «Современный советский народный эпос».

3. «Социалистический реализм как художественный метод советской литературы и борьба с извращениями в литературоведении (вульгарный социологизм, формализм и т.д.)» – (15 л. Для тома «Истории советской литературы». Завершение – 1939).

4. «Маяковский, его жизнь и творчество» (сб. 10 л. Завершение – 1939).

5. «История советской литературы» (Х том «Истории русской литературы». 80 п. л. Завершение – 1940).

III. Разработка творческого наследия М.Ю. Лермонтова

1. «Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова» (Сб. 1938 г.).

2. «Биография Лермонтова» (20 л. Завершение – 1939 г. Н.Л. Бродский).

3. «Молодой Лермонтов» (15 л.).

IV. Русская литература XVIII в.

1. «Истоки реализма в русской литературе XVIII в.» (Сб. 1938 г.).

2. «Русская поэзия XVIII в.: Проблемы реализма» (Монография Л.И. Тимофеева. Завершение – 1939 г.).

3. «Песенники XVIII в.» (И.Н. Розанов. Завершение – 1939 г.).

V. Западные литературы

1. «Распад буржуазного гуманизма и становление революционного гуманизма в литературе Запада в XIX и XX вв. (Выяснение влияния на литературу Запада творчества А.М. Горького и советской литературы)» (Е.Ф. Книпович. Завершение – 1939 г.).

2. «Генрих Гейне» (Завершение – 1939 г.).

3. «Французская революция 1789 г. и мировая литература» (Завершение – 1939 г.).

4. «Реализм в англо-американской литературе XIX в.» (Сб. статей).

5. «История английской литературы» (Том «Всеобщей истории литературы». 80 л. Завершение – 1940 г.).

Для реализации отдельных позиций этого плана дирекция издает ряд приказов.

Приказ от 9 июня 1938 г.

«Для составления схемы работы над томом Истории советской литературы, которую Институт мировой литературы им. А.М. Горького должен подготовить к печати в 1939 г. в качестве 10-го тома общей Истории литературы, предпринятой Академией наук¹⁰⁰, – назначаю комиссию под председательством проф. Серебрянского М.И. в составе проф. Кирпотина, т. М. Розенталя, т. Тагера, т. Гоффенштейна, т. Зелинского и Лупполя.

Комиссии закончить свою работу не позже 1-го июля 1938 г. с таким расчетом, чтобы первый проект схемы был в летний период разослан научным и учебно-литературным институтам, общественным организациям и отдельным научным работникам для обсуждения, а в сентябре эта схема подверглась бы обсуждению на расширенном заседании секции советской литературы с участием литературоведов и историков литературы г. Москвы и г. Ленинграда и представителей литературных организаций братских республик.

И. Луппоп»¹⁰¹

Приказ от 4 июля 1938 г.

«Для разработки схемы на составление Истории античных литератур, а также учебника для вузов по греческой литературе, утверждаю Комиссию в составе акад. Покровского (председатель), чл.-корр. АН СССР С.И. Соболевского, чл.-корр. Новосадского, проф. С.И. Радцига, проф. С.П. Гвоздева, проф. Гринберга З.Г., проф. Куна Н.А. и т. Горнунга. Срок представления схемы учебника к 1. X. 38, схемы Истории греческой литературы – 15. XI. 38.

И. Луппоп»¹⁰²

Приказ от 24 июля 1938 г.

«Для составления плана-схемы Истории английской литературы утверждаю Комиссию в составе Ф.П. Шиллера (председатель), М.П. Алексеева, М.М. Морозова, А.А. Елистратовой, А. Старцева.

Срок представления плана – 15 сентября 38 г.

И. Луппоп»¹⁰³

Создание Комиссий было вызвано необходимостью частичного изменения приоритетов в работе Института, что последовало

за передачей его из системы научных учреждений ЦИК Союза ССР в Академию наук и подключением к задачам, решение которых входило в планы Академии. Первоочередными для академического литературоведения тогда являлось создание «Истории русской литературы» в 10 тт., что было главным в научно-исследовательской деятельности Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР, и «Истории мировой литературы» также в 10 тт., что становится преемственным в деятельности Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР. «Историей советской литературы» должна была завершаться «История русской литературы», а «Историями» античных и европейских литератур, прежде всего английской, должна была открываться «История мировой литературы».

Работа Комиссий завершится изданием в 1939 г. схем-планов «Истории греческой литературы», «Истории английской литературы» и «Истории советской литературы», а также публикацией в 1940 г. учебника по «Истории древнегреческой литературы», написанного С.И. Радцигом.

Из работ, завершение которых предусматривалось планом Института в 1938 г., разработанного еще при нахождении его в составе научных учреждений ЦИК Союза ССР, в 1939 г. вышла только «История русской литературы» А.М. Горького, как 1-й том «Архива А.М. Горького», а в 1940 г. – «Библиография М. Горького. Произведения Горького и литература о Горьком (1936–1937)» и «Проблемы реализма в русской литературе XVIII века» (Первоначальное плановое название «Истории реализма в русской литературе XVIII в.»).

Значительная часть работ из плана 1938 г. перешла в план 1939 г.

2. План работы Института Мировой Литературы им. А.М. Горького АН СССР в 1939 г.

16 апреля 1938 г. Президиум Верховного Совета СССР принимает решение о переходе Института в ведение Академии наук СССР. Назначается Комиссия Президиума АН СССР по его приемке и 15 мая составляет Акт о передаче Института в Академию наук.

Разрабатывая Положение об Институте как академическом учреждении, дирекция продолжает поиски оптимальной организации внутренней структуры самого Института, прежде всего его научно-исследовательского сектора. Предполагается, что он должен состоять из трех Отделов – *мировой литературы, литературы СССР и общелитературных проблем*. Внутри отдела *мировой литературы* намечаются следующие Секции:

1. Литературы латинского средневековья.
2. Античной литературы.
3. Итальянской, испанской, португальской литературы.
4. Немецкой литературы.
5. Французской и бельгийской литературы.
6. Англо-американской литературы.
7. Скандинавской литературы.
8. Славянской литературы.
9. Восточной литературы (ближнего и дальнего Востока).

По литературам Прибалтийских и Балканских государств намечается организация подсекций.

Отдел *литературы СССР* должен был состоять из двух Секций – русской литературы и литературы народов СССР, а также Комиссии по изучению творчества А.М. Горького. В свою очередь. Секция русской литературы подразделялась на подсекции:

1. Русского фольклора.
2. Древнерусской литературы.
3. Новой русской литературы.
4. Русской советской литературы.

Внутри Отдела *общелитературных проблем* предполагалось иметь Группы:

1. Истории литературной критики и эстетики.
2. Теории литературы.
3. Истории литературного языка.
4. Драматургии.
5. Фольклора.
6. Библиографии и истории книги¹⁰⁴.

Таким образом, в перспективе Институт мыслился как научно-исследовательское учреждение, в котором бы изучался весь круг проблем, связанных не только с историей литературы всех времен и народов, но и с историей литературной критики, эстети-

ки, литературного языка и книги, а также разрабатывались вопросы теории литературы, в том числе теоретические проблемы драматургии и фольклора. И Институт действительно стал таковым литературоведческим центром, хотя это свершилось не сразу. Но именно тогда, в годы формирования в нем научно-исследовательского сектора, были сделаны первые шаги на этом сложном и многогодичном пути.

После перехода Института в ведение Академии наук СССР соответствующим образом были прокорректированы и планы его научно-исследовательской работы. В качестве первоочередных были выделены следующие задачи:

1. Начать работу по подготовке полного собрания сочинений А.М. Горького (всю подготовительную работу завершить в 1939 г.).
2. Организовать подготовку научного издания неопубликованных произведений А.М. Горького, а также осуществлять сбор материалов для «Летописи жизни и творчества А.М. Горького».
3. Разработать научную схему истории советской литературы как тома «Истории русской литературы», предпринятой АН СССР (работу над томом начать в 1939 г.).
4. Разработать научную схему истории английской литературы как тома «Истории всемирной литературы», предпринимаемой АН СССР (работу над первым полутомом начать в 1939 г.).
5. Разработать научную схему «Истории древнегреческой литературы».
6. Создать Курс по истории греческой литературы для вузов.
7. Организовать разработку проблем социалистического реализма как основного метода советской художественной литературы и критики в свете борьбы с извращениями марксистско-ленинского литературоведения – вульгарным социологизмом, формализмом и т.д.¹⁰⁵

Решение этих задач и становится определяющим в научно-исследовательской деятельности Института в предвоенные годы¹⁰⁶.

Некоторые начинают реализовываться уже с июля 1938 г., чему наглядное свидетельство упомянутые выше приказы.

4 октября того же года состоялось первое заседание Ученого Совета Института, утвержденного в сентябре Президиумом АН СССР. На Совете рассматривается, обсуждается и принимается

план-программа работы Института в 1939 г. Оформляется этот план уже по схеме, принятой в академических научно-исследовательских учреждениях.

Программа научно-исследовательских работ в 1939 г.

№ п/п	Название тем	Намеченный срок окончания разра- ботки темы	Исполнитель
1	2	3	4
І. РАЗРАБОТКА ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А.М. ГОРЬКОГО			
1.	Архив А.М. Горького, т. II (пьесы, сценарии, либретто)	1/X-1939	Н.П. Белкина
2.	Архив А.М. Горького, т. III (статьи, письма и заметки о литературе)	1/XII-1939	М.М. Юнович и И.П. Ладыжников
3.	Полное собрание сочинений А.М. Горького		
	т. I	1/XII-1939	Н.П. Белкина
	т. II	—“—	В.В. Григоренко
	т. XXX	—“—	Е.Э. Лейтнеккер
4.	«Горьковские чтения», т. II (доклады «Горьковских чте- ний» 1938–1939)	1/XI-1939	И.К. Луппол, отв. ред. акад.
5.	«Летопись жизни и творчества А.М. Горького»		
	т. I (до 1917 г.)	1939	Е.Э. Лейтнеккер
	т. II	XII-1940	—“—
6.	Библиография А.М. Горького за 1934–1935 гг. (Произведе- ния Горького и о Горьком)	Октябрь 1939	
7.	Жизнь и творчество А.М. Горького (альбом)	15/III-1939	Бригада под руко- водством И.К. Луп- поля и С.В. Тума- нова
ІІ. СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА			
1.	История советской литературы (том XI Истории русской ли- тературы Академии наук СССР. 40 листов)	К январю 1940 г. собрать статьи в первой редакции	

1	2	3	4
2.	Соцреализм как художественный метод советской литературы и борьба с извращениями в литературоведении (вульгарный социологизм, формализм и т.п.) – 12 л.	Январь 1940 г.	А.Ш. Гурштейн
3.	Жизнь и творчество В.В. Маяковского (Сборник материалов и исследований)	Ноябрь 1939	Под ред. проф. М.И. Серебрянского и В.О. Перцова
III. ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА			
1.	Повесть временных лет. (Учебное пособие. Тексты, комментарии, вводная статья)	Июнь 1939	С.А. Бугославский
2.	Повесть XVII века. (Учебное пособие. Тексты, комментарии, вводная статья)	Сентябрь 1939	В.Д. Кузьмина
3.	Сатирические журналы XVIII в. (Учебное пособие. Тексты, комментарии, вводная статья)	Июнь 1939	Л.Б. Лехтблау
4.	Русская поэзия XVIII века и проблемы реализма. (Монография)	Декабрь 1940	Л.И. Тимофеев
5.	Песенники XVIII века. (Монография)	Июнь 1940	проф. И.Н. Розанов
IV. ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА			
I. Разработка творческого наследия А.С. Пушкина			
1.	Пушкин – создатель русского языка и родоначальник новой русской литературы. (Сборник исследований).	Декабрь 1939	
2.	Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина (Научная карточка)	1941	Бригада под рук. М.А. Цявловского
3.	Словарь А.С. Пушкина	1941	Бригада под рук. проф. Г.О. Винокура
II. Разработка творческого наследия М.Ю. Лермонтова			
1.	Биография М.Ю. Лермонтова	Октябрь 1939	Автор Н.Л. Бродский
2.	Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова. (Сборник исследований).	Декабрь 1940	

1	2	3	4
3.	Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова (Художест- венный альбом. Документы, иконография, иллюстрации)	Март 1939	Бригада под руководством М.Э. Голосовкер
V. ЗАПАДНАЯ ЛИТЕРАТУРА			
1.	История английской литерату- ры, т. I (Том «Истории миро- вой литературы» Академии Наук СССР). 45 листов.	Декабрь 1939 (Сбор статей в первой редакции)	
2.	Французская революция 1789 г. и мировая литература. (Сбор- ник научно-исслед. работ).	Июль 1939	
3.	Распад буржуазного сознания и рождение революционного гуманизма в литературе Запада. (Сборник)	Декабрь 1939	

По своей широте и проблематике программа-план научно-исследовательских работы Института производила хорошее впечатление, достойно представляя в глазах литературоведческой общественности молодой академический Институт. Но выполнение всего намеченного, тем более в конкретно обозначенные сроки, оказалось делом далеко не простым. И были на то свои, в каждом случае совершенно разные, причины.

По первому разделу – «Разработка творческого наследия А.М. Горького», по плану и в срок был подготовлен только 2-й том «Архива А.М. Горького», который и вышел в 1941 г., 3-й том появился в печати лишь спустя десять лет, в 1951 г.

Казавшаяся простой работа по подготовке и изданию Полного собрания сочинений А.М. Горького оказалась далеко не такой. А тут еще и война... И первые два тома, но уже не Полного, а просто Собрания сочинений писателя увидят свет лишь в 1949 г., а 30-й том – в 1956 г. То же происходит и с «Летописью жизни и творчества А.М. Горького». Намеченная в 2-х томах, она разрослась до 4-х томов-выпусков. Первые два вышли в 1958 г., остальные – в 1959 и 1960 гг.

2-й том «Горьковских чтений» фактически оказался 1-м, а планировавшийся в 1938 г. 1-й, как «сборник исследований о жизни и творчестве» писателя, не состоялся. Его потенциальные авто-

ры приняли участие в I и II «Горьковских чтениях» – конференциях, которые под таким названием прошли в 1938 и 1939 гг., и их доклады должны были составить содержание 2-го тома, т.е. собственно «Горьковских чтений» (1938–1939), как и было обозначено в плане. В этих условиях рассчитывать на создание еще и особого исследовательского труда, каким задумывался 1-й том «Горьковских чтений», включенный в план 1938 г., было не только нецелесообразно, но и невозможно. И то, что должно было стать 2-м томом, становится 1-м, который и выходит в 1941 г., положив начало серии одноименных сборников, издание которых продолжается и в наши дни. В 2010 г. выходят два сборника «Горьковских юбилейных чтений 2008 г.» с материалами Международной конференции, состоявшейся в 2008 г. в Нижнем Новгороде. Один в Москве, подготовленный Институтом мировой литературы им. А.М. Горького, другой – в Нижнем Новгороде, подготовленный на основе докладов преимущественно зарубежных литературоведов Нижегородским гос. университетом им. Н.И. Лобачевского.

Составление библиографии произведений Горького и литературы о нем за 1934–1935 гг. даже не включалось в индивидуальные планы сотрудников Института.

Альбом, посвященный жизни и творчеству Горького, не вышел по другой причине: в начале 1940 г. один из руководителей авторской «бригады» этого труда И.К. Луппол был арестован, и все работы по Альбому были автоматически прекращены...

По разделу «Советская литература» создание «Истории советской литературы» являлось на то время делом вообще неподъемным. И хотя ее схема-план была опубликована еще в 1939 г., однако макет 1-го тома «Очерков» истории и только одной русской советской литературы за период с 1917 по 1941 гг. увидит свет лишь в 1952 г., а сам «Очерк» в 2-х частях – в 1945–1955 гг.

Монография А.Ш. Гурштейна появится в 1941 г. с усеченной проблематикой, в значительно сокращенном объеме и под другим названием – «Проблемы социалистического реализма».

Только один труд по этому разделу будет выполнен в соответствии с планом и сразу же, в 1940 г., издан – «Маяковский: Исследования и материалы». Правда, с некоторой корректировкой заглавия: им становится подзаголовок. Плановое название –

«Жизнь и творчество В.В. Маяковского (Сборник материалов и исследований)».

По разделу «Древнерусская литература и литература XVIII века» позиции 1 и 2 были реализованы частично. Учебные пособия так и не появились. Работа А.С. Бугославского почти полностью и статья В.Д. Кузьминой, посвященная рукописной традиции в XVII–XIX вв. повести о Бове-королевиче, вошли в сборник «Старинная русская повесть: Статьи и исследования», опубликованный в 1941 г. Монографии Л.И. Тимофеева и И.Н. Розанова остались ненаписанными. Заявленная работа Л.Б. Лехтблау была завершена и с несколько измененным заглавием – «Русские сатирические журналы XVIII века» – издана в 1940 г.

По разделу «Литература XIX века» в 1941 г., как и было запланировано, вышел сборник «Пушкин – родоначальник новой русской литературы». Проблема «Пушкин – создатель русского языка» была снята при формировании сборника как не отвечающая профилю Института. «Словарь А.С. Пушкина», задуманный как словарь языка поэта, также не отвечал профилю Института, и больше в его планах не встречается. Работа М.А. Цявловского над картотекой «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» была начата и велась на протяжении многих лет. 1-й том «Летописи» вышел только в 1951 г. Полностью эта картотека, в составлении которой принимала участие и Т.Г. Цявловская, была издана Институтом в 1998–2003 гг. в 3-х томах.

План по «Разработке творческого наследия М.Ю. Лермонтова» единственный, что был осуществлен полностью. Сборник исследований «Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова», а также Альбом, посвященный жизни и творчеству поэта, почти одновременно вышли в 1941 г. 1-й том «Биографии М.Ю. Лермонтова», над которой работал Н.Л. Бродский, приходит к читателю с некоторым опозданием – в конце 1945 г.

По плану «Западные литературы» 2-я и 3-я позиции остались нереализованными. Работа над 1-м томом «Истории английской литературы», начатая еще в конце 1938 г., продолжается и в годы войны, когда Институт находился в эвакуации в Ташкенте. Первый выпуск этого тома появится в печати уже в 1943 г., а второй – в 1945 г.

Так, медленно, но последовательно и уверенно, хотя и не всегда строго по утвержденному плану научных работ, получали путевку в жизнь труды молодого академического Института, у которого впереди было большое и славное будущее¹⁰⁷.

---

¹ Правда. 1932. 26 сентября. С. 1. Оригинал: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 12. Д. 512. Лл. 27–28.

² Существующий ныне Литературный институт им. А.М. Горького, который входит в систему учебных учреждений Министерства образования и науки Российской Федерации, возник в 1933 г. как Вечерний рабочий литературный университет (ВРЛУ) при Союзе писателей СССР; в 1936 г. он был переименован в Вечерний литературный институт СП СССР; в 1939 г. становится дневным. Имя А.М. Горького Литературный институт СП СССР получает 13 августа 1946 г. в связи с 10-летием со дня смерти писателя по Постановлению Совета Министров СССР № 1770. О процессе создания Института см.: Курилов А.С. Как создавался Литинститут: Предыстория. Истоки. Начало // Литературная Россия. 2008. – № 49–50. – С. 11; № 51. – С. 11; № 52. – С. 14. Об отношении А.М. Горького к ВРЛУ см.: Курилов А.С. М. Горький и Вечерний рабочий литературный университет (ВРЛУ) // Литературоведческий журнал. 2011. – № 29. – С. 259–281.

³ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 20. Ч. 2. Л. 115 об.; Оп. 27. Д. 561. Л. 5.

⁴ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 3. Л. 3.

⁵ Правда. – 1932. – 26 сентября. – С. 1.

⁶ Архив А.М. Горького при ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. КГ-Уч-10-24-2. Л. 1.

⁷ Там же. ПГ-рл – 7-24-17; Архив А.М. Горького. Т. XIV: Неизданная переписка. – М., 1976. – С. 185–186.

⁸ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-Уч. – 10-24-2. Л. 1 и 1 об.

⁹ Там же. ПГ-рл-40-41-1.

¹⁰ Там же. ПГ-рл-7-24-17; Архив А.М. Горького. – Т. XIV. – С. 185.

¹¹ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-Уч. – 10-24-4.

¹² Архив А.М. Горького. – Т. XIV. – С. 187. ГАИС – Государственная Академия Искусств.

¹³ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-П-22-7-2. Лл. 2, 5, 11–12.

¹⁴ Горький М. Письма о литературе. – М., 1957. – С. 448–449.

¹⁵ Горький и Сталин: Переписка // Новый мир. 1998. – № 9. – С. 175.

¹⁶ Архив А.М. Горького. Т. XV. М. Горький и Р. Роллан: Переписка (1916–1936). – М., 1995. – С. 266.

¹⁷ Литературная газета. – 1933. – 11 сентября. – С. 1.

¹⁸ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-ОД-1-52-29.

¹⁹ Там же. КГ-ОД-1-52-30.

²⁰ Там же. КГ-ОД-1-52-31.

²¹ Архив А.М. Горького. Т. XV. М. Горький и Р. Роллан. – С. 285.

²² ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 509.

²³ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. ПГ-рл-1-466.

²⁴ Здание не сохранилось. Оно находилось на Москворецкой улице, вплотную примыкавшей к Большому Москворецкому мосту, и было снесено при строительстве подъездных путей к гостинице «Россия». Институт занимал в этом четырехэтажном здании ряд комнат на разных этажах и располагался в нем в 1935–1941 гг. Основная часть помещений в этом здании принадлежала Московскому областному и Московскому городскому отделам народного образования.

²⁵ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-П-46-8-4. Лл. 1–2.

²⁶ ИМЛИ. Отдел кадров. Приказы 1935–1938 гг. Л. 193.

²⁷ Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

²⁸ *Луппол И.К.* Итоги и перспективы работы Института мировой литературы им. А.М. Горького // Вестник АН СССР. 1938. – № 9–10. – С. 72, 79.

²⁹ В Институте мировой литературы. Ценные приобретения // Литературная газета. – 1936. – 27 марта. – С. 6.

³⁰ Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Д. 3. Лл. 6–6 об.

³¹ Там же. – Л. 18 об.

³² Там же. – Д. 2. Л. 17.

³³ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 543. Л. 27.

³⁴ Там же.

³⁵ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-П-22-722. Лл. 8–9, 12.

³⁶ Там же. – Л. 7.

³⁷ Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Д. 8. Лл. 11, 13.

³⁸ *Луппол И.К.* Итоги и перспективы работы Института мировой литературы им. А.М. Горького. – С. 76.

³⁹ Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Д. 7. Лл. 3–4.

⁴⁰ Там же. – Д. 8. Л. 52; Д. 7. Лл. 10–11.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 3312. Оп. 12. Д. 1285. Лл. 3 об. 4; Ф. 3316. Оп. 25. Д. 210. Л. 45.

⁴² ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 573. Л. 294 об.

⁴³ ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 557. Л. 6.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 877. Л. 9 об.

⁴⁵ Там же. – Л. 16 об.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 210. Лл. 38–39.

⁴⁷ Вечерняя Москва. – 1933. – 6 февраля. – С. 3.

⁴⁸ См.: Курилов А.С. Как создавался Литинститут: Предыстория. Истоки. Начало // Литературная Россия. 2008. – № 49–50. – С. 11; № 51. – С. 11; № 52. – С. 14; *Он же.* М. Горький и Вечерний рабочий литературный университет (ВРЛУ) // Литературоведческий журнал. – 2011. – № 29. – С. 259–281.

⁴⁹ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-П-22-7-2. Л. 2.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 876. Л. 3.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 210. Лл. 27 об., 29, 33.

⁵² ГАРФ. Там же. – Л. 44.

53 ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 877. Лл. 35–35.

54 Там же. – Л. 41 об.

55 ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 557. Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 4. – М., 1960. – С. 283.

56 ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 557. Лл. 2–5.

57 ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 573. Л. 295.

58 Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-ОД-1-52-29.

59 Там же. – КГ-ОД-1-52-31.

60 Там же.

61 Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-ОД-1-52-32; КГ-ОД-1-52-33.

62 Литературная газета. – 1934. – 26 июля. – С. 1.

63 ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 27. Д. 561. Л. 4.

64 ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 20. Ч. 2. Л. 115 об.; Оп. 27. Д. 561. Ч. 2. Л. 115.

65 ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 27. Д. 561. Л. 6.

66 Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-П-52-32.

67 Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

68 ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 543. Л. 27.

69 Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Д. 1. Лл. 30–31.

70 ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 12. Д. 1428. Л. 141.

71 ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 594. Лл. 10–14.

72 ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 3. Л. 3.

73 Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Д. 18. Лл. 10–12.

74 Там же. Д. 1. Лл. 106–113.

75 См.: Курилов А.С. Как создавался Литинститут: Предыстория. Истоки. Начало // Литературная Россия. – 2008. – № 49–51. – С. 11; № 51. – С. 11; № 52. – С. 14; Он же. Горький и Вечерний рабочий литературный университет (ВРЛУ) // Литературоведческий журнал. – 2011. – № 29. – С. 259–281.

76 См.: Курилов А.С. День рождения ИМЛИ // Литературная Россия. – 1997. – № 39. – 26 сентября. – С. 2; Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН. 1932–2002. – М., 2002. – С. 4–5.

77 Архив РАН. Ф. 397. Д. 8. Л. 52 об.

78 Там же. – Д. 18. Л. 12.

79 Там же. – Д. 7. Лл. 10–11.

80 Отдел кадров ИМЛИ. Приказы. 1935–1938. Л. 191.

81 Архив РАН. Ф. 397. Д. 7. Л. 12.

82 Там же. – Д. 16. Лл. 34–35.

83 ОК ИМЛИ. Приказы. 1935–1938. Лл. 175, 168.

84 Архив РАН. Ф. 397. Д. 10. Лл. 1–1 об.

85 Там же. – Л. 30.

86 Там же. – Лл. 20–42.

87 Там же. – Д. 33. Л. 14.

88 Там же. – Д. 21.

89 Там же. – Д. 30.

90 Там же. – Д. 15, Л. 17.

⁹¹ Там же. – Д. 27.

⁹² Там же. – Д. 10. Лл. 16, 17.

⁹³ Там же. – Л. 28–28 об.

⁹⁴ Там же. – Л. 32.

⁹⁵ Там же. – Л. 35.

⁹⁶ Там же. – Лл. 37–37 об.

⁹⁷ Там же. – Л. 40.

⁹⁸ Там же. – Л. 42.

⁹⁹ Там же. – Д. 15. Л. 16.

¹⁰⁰ Имеется в виду общая «История русской литературы», которая готовилась в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Ее последний, 10-й том, первоначально предназначался для истории молодой русской советской литературы. Затем под советскую литературу предполагали отвести 11-й том, а 10-й посвятить целиком дооктябрьской литературе. Этим томом издание и завершилось. Первый «Очерк истории русской советской литературы» был создан только в послевоенные годы и вышел в 1954–1955 гг. в 2-х частях.

¹⁰¹ ОК ИМЛИ. Приказы. 1938–1939. Л. 245.

¹⁰² Там же. – Л. 244.

¹⁰³ Там же. – Л. 244 б.

¹⁰⁴ Архив РАН. Ф. 397. Д. 1. Л. 105.

¹⁰⁵ Там же. – Д. 12. Лл. 2–3. См. также: Вестник АН СССР. 1938. – № 78. – С. 126.

¹⁰⁶ См. об этом: Л.П. *<ономарев>* В Институте мировой литературы имени А.М. Горького // Книга и пролетарская революция. 1938. – № 7. – С. 174–175.

¹⁰⁷ См.: Курилов А.С. На переднем крае советского литературоведения (К 50-летию ордена Дружбы народов Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР) // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1982. Т. LX. – № 6. – С. 521–532; Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. – М., 2002; Труды Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН: Библиографический указатель. 1939–2000. – М., 2002.

А.С. Курилов

ИМЛИ И АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Аннотация

В статье рассматривается история возникновения понятия «академическое литературоведение», содержится обзор основных направлений научной деятельности ученых ИМЛИ за 80 лет.

Ключевые слова: академическое литературоведение, история литературы, теория литературы.

Kurilov A.S. IMLI and the academic literary criticism

Summary. The article deals with the history of the concept «academic literary criticism» in Russia and describes the main trends of the scientific activity of the Institute of the world literature during the last 80 years.

Понятие *академическое литературоведение* довольно молодое. Оно возникает в конце 1938 г., когда руководство страны приходит к выводу о необходимости последовательного, планомерного, целенаправленного изучения отечественной и мировой литературы, литературы народов СССР и фольклора, и решение этой задачи возлагает на Академию наук СССР. Постановлением СНК СССР от 4 октября 1938 г. утверждается новая структура Академии, в ней создаются новые Отделения и среди них – Отделение литературы и языка (ОЛЯ)¹, в которое входят уже находившийся при Академии с 1930 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) и Институт мировой литературы им. А.М. Горького, основанный при ЦИК Союза ССР в 1932 г. и переданный в ведение Академии наук 16 апреля 1938 г. С деятельностью этих

Институтов и связано формирование понятия *академическое литературоведение*.

Фактически его возникновение началось вместе с появлением в системе АН СССР первого научно-исследовательского учреждения, работающего, как отмечалось в Положении о нем, «в области литературоведения на основе историко-материалистической теории»². Это учреждение создается как Институт новой русской литературы путем объединения Музея, библиотеки и рукописного собрания Пушкинского Дома (основан в 1905 г., входит в состав Российской Академии наук в 1918 г.), Комиссии по изданию сочинений А.С. Пушкина (образована в 1899 г.) и Толстовского музея (создан в 1911 г.), находившегося в Ленинграде. После слияния в 1931 г. с Комиссией по древнерусской литературе (Комиссией по изданию памятников древнерусской литературы) и Комиссией по составлению библиографии древнерусской литературы, его переименовывают в Институт русской литературы.

Труды Институтов русской и мировой литературы, созданные по планам научной работы, утвержденным в соответствующих государственных и академических структурах, во многом и определили содержание, объем и границы понятия «академическое литературоведение».

До появления этих Институтов наше литературоведение и в XIX, и в первой трети XX в. было исключительно *вузовским*. Литература исследовалась и изучалась главным образом преподавателями высших учебных заведений, и создаваемые ими труды составляли, как правило, основу курсов, которые они читали своим студентам. Это не значит, что академическое литературоведение пришло на смену вузовскому, что оно «научнее», «глубже», «основательнее». Нет. Они взаимно незаменяемы, и не только равнозначны, но и дополняют друг друга, обогащая науку о литературе.

Академическое литературоведение от вузовского отличается лишь одним – возможностью осуществлять масштабные, крупные по объему исследования, требующие для своей реализации значительных усилий, длительного времени и достаточно большого коллектива исполнителей. К ним можно отнести создание основательных, фундаментальных, многотомных историй национальных литератур и мировой литературы, исчерпывающие полных собраний сочинений писателей, для подготовки которых нужна дли-

тельная текстологическая и продолжительная по времени архивная работа, теоретических обобщений многовекового мирового, в том числе и отечественного, литературно-художественного опыта, а также необходимость решения других задач, существенных для познания литературного процесса, но еще не актуальных для процесса учебного и не вошедших в его программу.

На долю вузовского выпадает важнейшая, просветительская функция. Оно призвано осуществлять то, чего не может академическое – делать достоянием будущих литературоведов и преподавателей, доносить до их сознания как свои собственные открытия, так и мировой науки о литературе, в том числе и академического литературоведения, создавая соответствующие учебные пособия.

С появлением понятия «академическое литературоведение» его стали распространять не только на труды, созданные в Институтах АН СССР, но и на работы всех без исключения действительных ее членов и членов-корреспондентов, а также академиков и членов-корреспондентов предшествовавших ей Петербургской (1725–1917) и Российской (1917–1925) Академий наук, начиная с первого у нас академика-филолога В.К. Тредиаковского – «профессора элоквенции (красноречия. – А.К.) и хитростей пийтических» (М.В. Ломоносов был профессором-академиком химии)³.

Академическими стали называть *мифологическую, культурно-историческую, сравнительно-историческую и психологическую* школы, формирование которых было связано непосредственно с деятельностью литературоведов, чьи заслуги были признаны Академией наук, – академиков Ф.И. Буслаева, А.Н. Пыпина и Н.С. Тихонравова, Александра Н. Веселовского, члена-корреспондента А.А. Потебни и почетного академика Д.Н. Овсянико-Куликовского⁴.

К академическому литературоведению первой трети XX в. стали относить труды по древнерусской литературе академиков В.М. Истрина, Н.К. Никольского, М.Н. Сперанского, А.С. Орлова; по старинной украинской и древнерусской литературе академика В.Н. Перетца; по русской литературе XVIII–XIX вв. и методологии литературоведения академика П.Н. Сакулина; по русской литературе XIX в. академика Н.А. Котляревского; по истории русской критики XIX в. и творчеству революционеров-демократов (В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова) ака-

демика П.И. Лебедева-Полянского; по русской и западноевропейским литературам академика А.В. Луначарского; по западноевропейским литературам академиков М.Н. Розанова и В.М. Фриче; по античным литературам академика М.М. Покровского и члена-корреспондента С.И. Соболевского; по русской литературе XVIII в. члена-корреспондента В.В. Сиповского, по творчеству А.С. Пушкина и его современников члена-корреспондента Б.Л. Модзалевского, по русской литературе XIX в. и текстологии члена-корреспондента Н.К. Пиксанова и др.

Каждый из этих ученых внес свой вклад в отечественную и мировую науку о литературе, что и было отмечено высокими академическими званиями. Однако фактически свои сколько-нибудь заметные труды, послужившие основанием для избрания их членами и членами-корреспондентами, они создавали в периоды своей профессорско-преподавательской деятельности, а потому при всей весомости, фундаментальности и значительности этих трудов они не принадлежат к собственно академическому литературоведению, являясь, безусловно, достоянием всей отечественной науки о литературе.

Если же говорить об *академизме* как качестве исследования, его фундаментальности, объективности, доскональности, как высшей форме научной добросовестности, то он присущ трудам каждого большого ученого, независимо от того, где он работает – в вузе или академическом институте. Считать академизм чуть ли не главным признаком и главным свойством, даже монополией академического литературоведения как такового, изначально нет никаких оснований: и академическому литературоведению порою недостает академизма, хотя, может, и в меньшей степени, чем другим составляющим науки о литературе.

1

Академическое литературоведение в СССР было многообразным и разнохарактерным, воплощаясь в трудах Институтов литературы, языка и культуры республиканских Академий наук в соответствии с задачами, какие каждая из них ставила перед своей национальной наукой о литературе.

В Советской России академическое литературоведение поначалу формировалось и развивалось в трудах Института русской

литературы (ИРЛИ) и Института мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ). Затем к ним присоединились соответствующие Институты Сибирского Отделения АН СССР, Дальневосточного и Уральского научных центров, а также Карельского и других филиалов АН СССР.

До середины 1938 г. в АН СССР единственным литературоведческим учреждением был Институт русской литературы (Пушкинский Дом), которому фактически – так исторически сложилось – пришлось стать первоходцем на многих направлениях молодой, рождавшейся у нас, академической науки о литературе, академического литературоведения и писателеведения.

Академическая наука о литературе начинается с пушкиноведения, которое становится академическим с 1918 г., с того самого времени, как Пушкинский Дом, где оно было основным, входит в состав Российской АН. ИРЛИ наследует пушкиноведение Пушкинского Дома, делая писателеведение одним из важнейших направлений в своей работе. К пушкиноведению добавляется достоевковедение («Ф.М. Достоевский: Материалы и исследования» выходят в 1935), гоголеведение («Н.В. Гоголь: Материалы и исследования». Т. I и II, 1936), радищевоведение («А.Н. Радищев: Материалы и исследования», 1936), успенковедение («Глеб Успенский: Материалы и исследования», 1938) и горьковедение («М. Горький: Материалы и исследования». Вып. 1 и 2, 1934–1936).

Кроме изучения русской литературы с древнейших времен (первые 3 тома «Трудов Отдела древнерусской литературы» (ТОДРЛ) выходят в 1934–1936 гг., а первый том сборников «XVIII век» – в 1935 г.) и подготовки «Истории русской литературы» в 10 тт. («План истории русской литературы» увидит свет в 1938 г., 1-й том – в 1941 г.), ИРЛИ приступает к работе и над «Историей западных литератур». С этой целью в Институте осенью 1935 г. создается Отдел западноевропейских литератур⁵. В 1937 г. выходит «Западный сборник. I», в 1938 г. – «План истории западных литератур. Т. I–III. Франция. Германия. Испания», а в 1940 – «План истории западных литератур. Итальянская литература». Тогда же начинается работа над 1-м томом 4-томной «Истории французской литературы».

Вместе с тем на изучение западных литератур уже в 1934 г. был нацелен будущий Институт мировой литературы им. А.М. Горь-

кого, находившийся тогда в системе научных учреждений, состоявших при ЦИК Союза ССР⁶. А горьковедение становится важнейшим направлением в его деятельности только после создания при нем в феврале 1937 г. Архива А.М. Горького и Музея А.М. Горького, хотя о своем стремлении стать центром по изучению жизни и творчества писателя Институт, носящий имя А.М. Горького, заявил еще осенью 1935 г., создав Кабинет по изучению творчества А.М. Горького, ставший первым научно-исследовательским подразделением Института⁷. Задержка с формированием в ИМЛИ полноценного научно-исследовательского сектора, который начинает функционировать лишь в 1938 г. (что было связано с целым рядом объективных причин⁸) и приводит к тому, что первые шаги в академическом горьковедении и в подготовке академической «Истории мировой литературы» были сделаны Институтом русской литературы (Пушкинским Домом).

Тогда же в недрах ИРЛИ возникает идея объединения двух литературоведческих Институтов в один научный центр под эгидой ИРЛИ. В конце сентября 1935 г. А.М. Горький, будучи в то время директором ИРЛИ, направляет в Президиум АН СССР письмо, где в преддверии «общей реорганизации ИРЛИ» на основе этой идеи, предлагает включить директора ИМЛИ в качестве одного из заместителей директора «реорганизованного» ИРЛИ⁹. Однако учреждения, состоящие при ЦИК Союза ССР, а Институт им. А.М. Горького находился там с момента своего основания, не могли быть включены в состав академических учреждений без соответствующего правительенного распоряжения, и Президиум АН СССР принимает решение о создании объединенного дирекtorата ИРЛИ, куда на правах заместителя директора ИРЛИ вводится директор Института им. А.М. Горького. Ождалось, что такое решение поможет скоординировать работу двух литературоведческих Институтов, предотвратить возможное дублирование в их деятельности, неизбежное при наличии ведомственной разобщенности.

Вопрос об объединении, даже слиянии двух Институтов, вновь возникает после проверки Комиссией АН СССР деятельности ИРЛИ весной 1937 г. Было указано на «замкнутое существование» этого Института, «изолированное от других литературоведческих организаций страны», на невыполнение им плана научно-

исследовательских работ и т.п., и 15 апреля Президиум АН СССР постановляет: «Признать необходимым организацию в составе Академии Наук единого для всего СССР литературоведческого центра, для чего войти с ходатайством в Совет Народных Комиссаров СССР о слиянии в 1937 г. Института литературы Академии Наук СССР (б. Пушкинский Дом) с Институтом мировой литературы им. А.М. Горького и Государственным литературным музеем. Организуемый на базе этих учреждений новый Институт Академии Наук СССР должен иметь своей основной задачей научную, марксистскую разработку истории литературу народов СССР и историю мировой литературы. В нем должно быть также сосредоточено издание академических собраний сочинений классиков, собирание, хранение и опубликование рукописных, иконографических и всяких иных важнейших материалов по истории и теории литературы»¹⁰. Предполагалось также, что такого рода объединенный Институт должен находиться в Москве.

Идея подобного объединения не получает поддержки Правительства, и Постановление Президиума АН СССР от 15 апреля 1937 г. остается в этой части нереализованным. Однако мысль о целесообразности устраниния ведомственной разобщенности между двумя литературоведческими Институтами путем сосредоточения их под эгидой одной организации, направляющей и контролирующей их деятельность, признается верной, и год спустя соответствующее правительственное решение по этому вопросу будет принято. 16 апреля 1938 г. Институт мировой литературы им. А.М. Горького вместе с состоящими при нем Архивом А.М. Горького и Музеем А.М. Горького будут переданы «в ведение Академии наук СССР»¹¹. А в 1938 г. для координации, направления и контроля за деятельностью ИМЛИ и ИРЛИ создается внутри АН СССР Отделение литературы и языка. Тогда же происходит и распределение обязанностей между этими институтами.

Самый широкий круг задач, предназначенных для решения академической наукой о литературе, был поставлен перед ИМЛИ, где основными являлись:

1. Изучение зарубежных литератур, литератур народов СССР, а также русской послеоктябрьской литературы, и создание на этой основе фундаментальной, десятитомной «Истории мировой литературы».

2. Изучение жизни и творчества А.М. Горького, что было естественно для Института, носящего имя писателя, публикация материалов из Архива А.М. Горького, созданного правительством при ИМЛИ еще в 1937 г., где предполагалось собрать все рукописное и эпистолярное наследие писателя; подготовка и издание Полного собрания его сочинений.

3. Изучение фольклора народов СССР и современного народного творчества, фольклора советского времени.

4. Теоретическое обобщение литературно-художественного опыта советских писателей и разработка теории социалистического реализма.

Перед ИРЛИ стояли задачи:

1. Изучение древней и новой (XVIII–XIX) русской литературы и создание 10-томной ее «Истории», начиная с древнейших времен по 1917 г. включительно; 10-й т. предполагалось посвятить молодой советской литературе, готовить который должен был ИМЛИ.

2. Изучение жизни и творчества А.С. Пушкина, естественно для Пушкинского Дома, и завершение издания Полного собрания сочинений поэта в 16 т., работа над которым была начата еще в 1933 г. и первые 5 томов (1, 4, 6, 7, 13) увидели свет в 1937 г. и еще три (т. 8, кн. 1; т. 9, кн. 1. и т. 10) в 1938 г.

3. Продолжение работы по подготовке и изданию Полных собраний сочинений русских классиков: Н.В. Гоголя в 14 т. (т. 2, 1937; т. 3, 1938; т. 1, 1940), А.Н. Радищева в 3 т. (т. 1 вышел в 1938) и Г.И. Успенского в 14 т. (т. 1 вышел в 1940).

4. Собирание, изучение и публикация памятников русского фольклора.

ИРЛИ приступал к решению поставленных перед ним задач, уже имея определенные, говоря современным языком, наработки по каждому означеному направлению его деятельности. Это хорошо видно даже из перечисленных выше изданных им к тому времени и готовящихся к изданию трудов¹². ИМЛИ, кроме работы по собиранию рукописного и эпистолярного наследия А.М. Горького, подготовки и издания его «Истории русской литературы» (Каприйских лекций) в качестве 1-го тома «Архива А.М. Горького» (1939), и организованных в 1938 и 1939 гг. Горьковских чтений (опубликованы в 1940)¹³, никаких заделов по порученным ему

правительством в лице ОЛЯ АН СССР заданиям не было. И если ИРЛИ смог сразу же включиться в работу по реализации поставленных перед ним задач, то ИМЛИ практически все нужно было начинать с чистого, как говорится, листа, с нуля.

2

Прежде всего стало ясно, что создать «Историю мировой литературы» невозможно, не изучив литературы ведущих европейских стран и не написав истории этих литератур. Работа в этом направлении начинается в ИМЛИ с разработки схем-планов «Истории греческой литературы» и «Истории английской литературы», которые и будут опубликованы в 1939 г. Первым шагом по пути реализации этих планов явится сборник «Из истории английского реализма» (1941). В 1943 г. выйдет из печати 1-й вып. 1-го т. «Истории английской литературы». Все издание в 5 т. завершится в 1958 г. В 1946 г. выйдет 1-й, а в 1960 г. последний, 3-й т. «Истории греческой литературы». В 1947 г. появится 1-й т. «Истории американской литературы». Продолжения у этого издания не было.

По завершении в 1950-е годы «Истории английской литературы» была возобновлена работа над «Историей французской литературы», 1-й том которой был подготовлен еще ИРЛИ, когда в нем существовал Отдел западноевропейских литератур, и издан в 1946 г. ИМЛИ продолжил работу над этой «Историей» и ее 2–4-й тома вышли из печати в 1956–1963 гг. Дошли руки и до «Истории римской литературы», два тома которой увидели свет в 1959–1962 гг. Тогда же была начата работа и над пятитомной «Историей немецкой литературы» (1962–1976).

Для написания «Истории мировой литературы» недостаточно было изучение только классических литератур Западной Европы. Необходимо было расширять географию исследований. С этой целью в 1957 г. в Отделе зарубежных литератур (создан в ИМЛИ еще в 1937 г.) формируются Сектор литератур социалистических стран, Группа по изучению литературных связей Востока и Запада и Группа по изучению литературы США и Латинской Америки. Начинается освоение новых страниц истории мировой литературы. Появляются сборники статей «Писатели стран народной демократии» (1–4 вып. 1955–1960), «Литература Германской демократиче-

ской республики» (1958), «Национальные традиции и генезис социалистического реализма (в литературах стран народной демократии)» (1965), «Пути реализма в литературах стран народной демократии (20–30-е годы)» (1965), «Взаимодействие литератур Востока и Запада» (1961), «Актуальные проблемы изучения литератур Африки» (1969), и др.

Возрождая традиции отечественной компаративистики XIX в. ИМЛИ в 1960 г. проводит всесоюзную конференцию, посвященную вопросам литературных взаимосвязей и взаимодействий, а затем совместно с Институтом славяноведения АН СССР и зарубежными академическими учреждениями создает коллективные труды, где освещаются венгерско-русские, румынско-русские, польско-русские, чешско- и словацко-русские и т.д. литературные связи (1964–1971). В это же время Библиотекой ИМЛИ начат выпуск библиографических указателей «Взаимосвязи и взаимодействие литератур мира» (6 вып. в 15 кн., 1962–1988).

Наконец настала очередь и для собственно «Истории мировой литературы». При этом ее название несколько подкорректировали и для работы над ней в 1963 г. создали Сектор уже «Истории всемирной литературы», который в 1975 г. превращается в Отдел. Работа над этим трудом становится основной для многих сотрудников Института в течение целого ряда лет, к ней привлекаются и ученые из других учреждений и вузов страны.

Сразу же обнаружились пробелы в существовавших ранее представлениях и освещении мирового литературного процесса, что потребовало дополнительных исследований и издания трудов, являвшихся по своей теоретической и историко-литературной проблематике подготовительными к различным томам «Истории всемирной литературы», своего рода тома-спутники: «Реализм и его соотношение с другими творческими методами» (1962), охватывающий литературные явления от эпохи Возрождения по начало XX в., «Проблемы истории литературы США» (1964), «Античный роман», «Литература древнего Китая», «Литература Швейцарии» (все 1969), «Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы» (1967), «XVII век в мировом литературном развитии» (1969), «Проблемы Просвещения в мировой литературе» (1970), «Формирование национальных литератур Латинской Америки» (1970) и др. Их дополнял ряд авторских монографий.

В 1965 г. выходит проспект «Истории всемирной литературы» в 11-ти выпусках с разметкой материала по 10-ти томам. Выпуск первый представлял собою «Введение к проспекту» и включал «Методологические принципы построения “Истории всемирной литературы”», разработанные отв. редактором издания руководителем Сектора И.Г. Неупокоевой. Каждый следующий выпуск являлся проспектом одного тома. Материал по томам распределялся так: Т. 1. Литература древнего мира; Т. 2. Литература III–XIII вв.; Т. 3. Литература XIV – начала XVII века; Т. 4. Литература XVII в.; Т. 5. Литература XVIII в.; Т. 6. Литература XIX в. (до 1848 – начала 60-х годов); Т. 7. Литература XIX в. (50-е – до середины 90-х годов); Т. 8. Литература конца XIX – начала XX в. (90-е года XIX в. – 1917 г.); Т. 9. Литература XX в. (1917–1945); Т. 10. Литература XX в. (1945 – начало 60-х годов).

Одновременно начинается пробная авторская работа по томам и их макетирование, чтобы их можно было вынести на суд научной общественности. Все прекрасно понимали, что работа по созданию «Истории всемирной литературы» намного сложнее и по охвату материала, и его отбору, систематизации, изложению, чем написание истории какой-либо одной национальной литературы. Не говоря уже о стыковке разделов и редактировании, когда предстояло иметь дело почти со ста, если не больше, специалистами не только по самым разным по объему и характеру литературам, но не похожими друг на друга и по уровню знаний, опыту работы, научным и творческим амбициям, а также просто умению владеть языком. Издание макетов открывало возможность для рабочего, в авторском коллективе, обсуждения получившегося труда, чтобы заметить допущенные оплошности, недостатки, недоработки и наметить пути к их исправлению, а также увидеть то, что еще необходимо было сделать.

Макеты появлялись в печати по мере их готовности, с учетом разработанности или неразработанности тех периодов в истории мировой литературы, какие предстояло осветить в данном томе. В 1967 г. выходит макет 1-го т., посвященный литературе древнего мира, уже достаточно проработанной в трудах ИМЛИ. В том же году выходит и макет 9-го тома, охватывающий литературу XX в. от 1917 по 1945 г., а в следующем – 10-й том, где литература XX в. доведена до середины 60-х годов. Этот период миро-

вой литературы был почти неисследован, и его изложение могло вызвать наибольшее число нареканий, а значит и более длительное время на доработку тома. В 1973 г. девятью выпусками издается 4-й том, включавший литературу XVII в. Тогда же, также в девяти выпусках, начинает издаваться 3-й том, вобравший в себя литературу второй половины XIII – начала XVII в., завершив издание выпусков в 1974 г. XVII веку был посвящен, как отмечалось выше, том-спутник, эпохе Возрождения тоже, а вот состав 3-го тома претерпел некоторые изменения по сравнению с проспектом: была добавлена литература второй половины XIII в.

При обсуждении макетов 9 и 10-го томов стало ясно, что для написания истории мировой литературы 1945 – середины 60-х годов время еще не настало. Слишком близким было расстояние от событий литературной жизни тех лет, не давая возможности даже для самых предварительных выводов об основных процессах, закономерностях и направлениях в развитии как национальных, так и мировой литературы в послевоенные годы.

От 10-го тома пришлось отказаться, и принимается решение об издании «Истории всемирной литературы» (ИВЛ) в 9 тт. Ее первый том выходит в 1983 г., а в 1994 г. – 8-й. На этом издание прекратилось. И не случайно.

Если для написания истории мировой литературы 1945 – середины 60-х годов время еще не настало, то для освещения ее истории с 1917 по 1945 г. оно уже ушло. В конце 80-х – начале 90-х годов кардинально изменилась политическая ситуация в мире. По другому стали расставляться акценты в представлениях о национальных литературных процессах, имевших место в послевоенный период, и прежде всего в странах Восточной Европы, освободившихся от идеологической опеки СССР. Не говоря уже о вышедших из состава Союза и получивших независимость республиках, где сразу же началась переоценка художественных явлений и творчества своих писателей, всего того, что было навязано им «Очерками» историй национальных литератур, написанных в Советское время (О них разговор впереди). В этих условиях 9-й том в том виде, в каком он был задуман и обозначен в проспекте и макете, доводить до печати и издавать уже было просто невозможно, если не бессмысленно...

В период подготовки томов «ИВЛ» продолжают создаваться и выходить из печати тома-спутники, которые, как и ранее вышедшие подобного рода книги, имели и свою собственную ценность, свое научное значение, дополняя картины соответствующих страниц историй национальных и мировой литературу: «Генезис романа в литературах Азии и Африки: национальные истоки» (1980), «Проблемы литературного развития Италии второй половины XIX – начала XX века» (1982), «Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии» (1982), «Массовая литература в странах Азии и Африки» (1985), «Истоки и формирование американской национальной литературы XVII–XVIII вв.» (1985), «Франкоязычные литературы Тропической Африки» (1989), «Взаимодействие и закономерности развития литератур Центральной и Восточной Азии» (1991) и др.

Одновременно создаются труды, появлению которых не препятствовало и не сдерживало отсутствие в «ИВЛ» 10-го тома и которые создавались не как возможные его тома-спутники, а уже в развитие самой идеи «ИВЛ», освещая страницы послевоенной литературной жизни: «История литературы ФРГ» (1980), «История литературы ГДР» (1982), «Развитие литературы в независимых странах Африки (60–70-е годы XX века)» (1980), «Новые художественные тенденции в развитии реализма на Западе: 70-е годы» (1982), «Литература США в 70-е годы XX в.» (1983), «Литература европейских стран социалистического содружества: закономерности развития» (1983), «Вторая мировая война в литературе зарубежных стран» (1985).

3

ИМЛИ не принимал участия в решении второй важнейшей задачи, стоявшей перед академическим литературоведением, – созданием десятитомной «Истории русской литературы», работа над которой была профилирующей для ИРЛИ начиная с конца 1930-х годов. Ее первый том увидел свет в 1941 г., а все издание завершилось в 1956 г. Однако, исходя из того, что русская литература является частью мировой и история русской литературы – заметная составляющая истории мировой литературы, в ИМЛИ уже в дооценные годы ведутся исследования в этом направлении.

В 1940 г. появляется сборник статей «Проблемы реализма в русской литературе XVIII века», затем «Старинная русская повесть: Статьи и исследования» (1941), где, в частности, говорилось о древнерусской переводной литературе, и «Слово о полку Игореве» сравнивалось с «Песней о Роланде». В том же году выйдут из печати «Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова: Исследования и материалы», положив начало лермонтоведению и в ИМЛИ. Среди помещенных там исследований была статья «Лермонтов и Байрон», напоминавшая о том, что творчество русского поэта неотрывно от мирового (европейского) литературного процесса. Сборником «Пушкин – родоначальник новой русской литературы» (1941) ИМЛИ подключается и к академическому пушкиноведению, центром которого был ИРЛИ.

В конце 50-х годов, когда в ИРЛИ работы по созданию «Истории русской литературы» практически завершились, была предпринята попытка координации усилий двух Институтов в деле изучения русской литературы. Сначала на паритетных началах пишется «История русской критики», которая под двумя грифами – ИРЛИ и ИМЛИ выходит в двух томах (1958). Потом возникает идея создать принципиально иную «Историю русской литературы», которая состояла бы не из очерков жизни и творчества писателей, как это традиционно имело место в существовавших «Историях» литературы, в том числе и десятитомной «Истории русской литературы», а представляла как единый многовековой литературный процесс, где все произведения рассматривались в хронологической последовательности, по мере их появления и включения в этот процесс, и исключительно в ряду с другими произведениями, появившимися одновременно с ними. Проспект такого труда – «Истории русской литературы (конец X в. – 1917) в трех томах» – увидит свет под двумя грифами в 1955 г., а сама «История» – в 1958–1964 гг. И хотя не все получилось так, как задумывалось ее инициаторами, но такого рода поисковый труд был, несомненно, к лицу академическому литературоведению.

Затем исследовательские интересы институтов в области истории русской литературы разошлись. ИРЛИ обратился к изучению жанров русской литературы: создает «Историю русского романа» (2 т., 1962–1964), «Историю русской поэзии» (2 т., 1968–1969) и «Русскую повесть XIX века» (1973), работает над новой

«Историей русской литературы: В 4-х томах» (1980–1983). В ИМЛИ сосредоточили внимание на литературных движениях: «Проблемы реализма» (1959), «Проблемы типологии русского реализма» (1969), «К истории русского романтизма» (1973), «Развитие реализма в русской литературе» (в 3 т., 4 кн., 1972–1974), «История романтизма в русской литературе» (в 2 кн., 1979), «Литературные взгляды и творчество славянофилов» (1978), «Русский и западноевропейский классицизм: Проза» (1982). ИРЛИ, издав книгу «Русский романтизм» (1978), сосредоточил свое внимание на сентиментализме.

Тогда же в отдельную область познания выделяется русская литература, так называемого переходного периода – от древнерусской литературы к литературе нового времени, литературе XVII – начала XVIII в. Изучение древнерусской литературы и литературы XVIII в. оставалось приоритетным для ИРЛИ. Регулярно выходят «Труды Отдела древнерусской литературы» (ТОДРЛ) (т. XXV, 1970) и сборники «XVIII век» (8-й, 1969), постоянно, с подробными комментариями, издаются памятники литературы Древней Руси. Изучение литературы переходного периода становится делом ИМЛИ. Оно начинается «Исследованиями и материалами по древнерусской литературе» (1961) с участием литературоведов ИРЛИ, затем будут «Русская литература на рубеже двух эпох (XVII – начало XVIII)» (1971), «Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII)» (в 5 кн., 1972–1976), «Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII)» (в 4 т., 1978–1982).

4

С момента основания ИМЛИ важнейшей для него задачей, наряду с созданием «Истории мировой литературы», являлось изучение литературы народов СССР, в том числе, даже в первую очередь – молодой русской советской литературы, и написание соответственно еще двух «Историй» – литературы народов СССР и русской советской литературы.

Уже Постановление Президиума ЦИК Союза ССР от 17 сентября 1932 г., на основании которого и создавался будущий Институт мировой литературы, предусматривало организацию в нем «лаборатории для изучения художественной литературы народов СССР»¹⁴. И к работе по созданию «Очерков по истории со-

ветской литературы» Институт приступает в 1938 г. еще до передачи его в АН СССР¹⁵. После вхождения в Академию наук деятельность Института в этом направлении конкретизируется. Работа непосредственно над «Очерками» отодвигается на второй план, а на первый выходит написание «Истории русской советской литературы», что должна была стать последним, 10-м, томом «Истории русской литературы», которая готовилась в ИРЛИ.

С этой целью 9 июня 1938 г. в ИМЛИ создается Комиссия «для составления схемы работы» над этим томом¹⁶, и разработанная ею схема-план «Истории советской литературы» выходит в 1939 г.

Одновременно ведутся исследования отдельных художественных явлений, как подготовительные для написания «Истории русской советской литературы». Здесь первое место занимает изучение жизни и творчества В.В. Маяковского, кто на то время «был и оставался лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи» (И.В. Сталин. 1935 г.). И уже в 1940 г. из печати выходит «Маяковский: Материалы и исследования».

С началом Великой Отечественной войны многие сотрудники Института ушли на фронт, изучать советскую литературу в рамках академического литературоведения было некому. Идея создания «Истории русской советской литературы» сначала в качестве 10-го, затем 11-го тома «Истории русской литературы» за это время сошла на нет. Издание «Истории русской литературы» завершилось 10-м томом, целиком посвященным дооктябрьской литературе (с 90-х по 1917 г.), который вышел в 1954 г.

В ИМЛИ в послевоенные годы возобновилось изучение истории русской советской литературы, но уже как самостоятельной работы, не связанной с «Историей русской литературы», создаваемой ИРЛИ.

В 1952 г. выходит, подготовленный в ИМЛИ, макет 1-го тома «Очерка русской советской литературы» за период с 1917 по 1941 г. Значительно сокращенный и одновременно доработанный с привлечением новых авторов, этот «Очерк» увидит свет в 1954–1955 гг. в 2-х частях.

Изучение творчества советских писателей продолжается, и «История русской советской литературы», доведенная до 1955 г., выходит в 3-х томах в 1958–1961 гг. Спустя десять лет, в 1967–

1971 гг. она появляется уже в 4-х томах, где освещение истории русской советской литературы завершается 1966 г. На этом задача, поставленная перед академическим литературоведением по написанию «Истории русской советской литературы», была выполнена.

Конечно, сама история русской советской литературы на том не закончилась, судьба отвела ей еще три с половиной десятилетия, однако немало реальных ее «героев» являлись тогда не только очень щепетильными в признании их заслуг, но к тому же достаточно влиятельной в литературоведческих кругах современностью. В этих условиях дать более или менее объективную оценку их творческих достижений и определить место каждого в процессе исторического развития советской литературы было просто невозможно. И «История русской советской литературы» после 1966 г. осталась ненаписанной.

По ходу создания «Истории русской советской литературы» в ИМЛИ создаются своего рода истории-спутники. Среди них: трехтомная «Русская советская драматургия: Основные проблемы развития. 1917–1966» (1963–1968), двухтомные «Очерки истории русской советской журналистики. 1917–1945» (1966–1968), а также целый ряд монографий, посвященных жизни и творчеству советских писателей.

Естественным для ИМЛИ становится обращение к русской литературе рубежа XIX–XX вв. Именно там начинали свой творческий путь многие писатели, стоявшие у истоков советской литературы, продолжая традиции классической и предреволюционной русской литературы и обозначая новые. Появляется целый корпус соответствующих исследований: «Русская литература конца XIX – начала XX в.» (в 3 т., 1968–1972), «Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX в.» (1975), «Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890–1904» (в 2 кн., 1981–1982), «Русская литература и журналистика начала XX века» (в 2 кн., 1984).

Не отставляется и идея продолжения «Истории русской советской литературы», четвертый том которой доводил ее только до середины 60-х годов. Идет познание отдельных ее сторон и явлений: «Проблемы историзма в русской советской литературе: 60–80-е годы» (1986), «Положительный герой в современной советской литературе» (1988) и др.

* * *

К изучению литератур народов СССР ИМЛИ приступает в 1949 г. вместе с появлением в его структуре соответствующего Сектора. Его деятельность началась с разработки проспекта «Истории литератур народов СССР», который и был опубликован в 1952 г. Работа над этой «Историей» заняла более 20 лет...

Академическое литературоведение в этой области научного знания сразу же становится многонациональным. Естественно и закономерно.

История литератур народов СССР по своей структуре напоминает историю мировой литературы. И хотя ее составляли истории не сотен национальных литератур, как это имело место в истории мировой литературы, тем не менее историй, объединяемых понятием «История литератур народов СССР», было много. При ее создании пришлось решать те же самые задачи, какие тогда решали и создатели «Истории всемирной литературы».

С 1949 г., когда в ИМЛИ формируется Сектор литератур народов СССР, работа над этими «Историями» велась параллельно. И как первыми шагами на пути к «Истории всемирной литературы» становится создание «Историй» греческой, английской, французской и др. литератур, так и «Историю литератур народов СССР» предваряло создание «Историй» литератур практически всех входящих в СССР республик. С одной только разницей. Если специалисты по ведущим литературам мира, включая и русскую, имелись как в ИМЛИ и ИРЛИ, так и в столичных университетах и учебных заведениях, и они охотно принимали участие в написании «Историй» европейских литератур, то специалисты по литературам народов СССР практически находились только в республиках. И «Истории» литератур народов СССР с самого начала создавались на паритетной основе, совместными усилиями ИМЛИ и Институтов литературы и языка республиканских Академий наук, что и предопределило многонациональный характер этой области академического литературоведения.

Первыми работами здесь стали «Очерки» историй русской и украинской советских литератур, которые были опубликованы в 1954 г. Затем появляются «Очерки» литовской и якутской литературы (1955), мордовской и чувашской (1956), латышской (1957), казахской (1960), таджикской (1961), азербайджанской и молдавской

(1963), карельской (1969) и эстонской (1971) литературу, «Истории» татарской (1965), армянской (1966), узбекской (1967) и киргизской (1970) литературу. Их дополняли сборники литературных портретов «Писатели народов СССР» (2 вып. 1957–1962).

Одновременно с «Очерками» по истории и «Историями» литератур наших народов создаются труды, посвященные процессам, которые происходили в этих литературах: «Социалистический реализм в литературах народов СССР» (1962), «Проблемы развития литературы народов СССР» (1964), «Пути развития советской многогранной литературы» (1967), «Национальное и интернациональное в советской литературе» (1971) и др.

Накопленный опыт позволил приступить к осуществлению задания, во многом ради которого и создавался Институт как «лаборатория для изучения художественной литературы народов Союза ССР», что и было отмечено еще в Постановлении от 17 сентября 1932 г. о его организации, – к написанию «Истории литературы народов СССР». В ходе подготовительных работ было скорректировано ее название, и «История советской многогранной литературы» выходит в 1970–1974 гг. в 6 томах, 7 книгах. В них были обобщены художественные достижения и показано своеобразие более пятидесяти литератур народов СССР, начиная с 1917 по 1967 г. В создании «Истории» участвовали более 200 авторов, представлявших коллективы 38 Институтов союзных и автономных республик, национальных Академий наук и их филиалов, делая ее поистине уникальным трудом.

К этой «Истории» примыкал, а затем продолжал ее цикл исследований, посвященных восприятию русских писателей писателями национальных республик, роли и значению их наследия в жизни и историческом движении литератур народов СССР. Инициатором таких исследований был Ереванский государственный университет, и осуществлялись они совместно с ИМЛИ. Первой в этом цикле становится книга «Горький и литература народов Советского Союза» (1970). Затем выходят книги, посвященные Н.А. Некрасову (1972), М.Ю. Лермонтову (1974), А.С. Пушкину (1975), Л.Н. Толстому (1978), А.П. Чехову (1982), В.В. Маяковскому (1983), Н.В. Гоголю (1986), Н.Г. Чернышевскому (1988). Исследования прекратились вместе с распадом СССР. Последняя

из этого цикла книга «Блок и литература народов Советского Союза» (1991) сохранилась лишь в сигнальных экземплярах.

5

Вместе с изучением советской литературы возникает и необходимость теоретического обобщения «творческого опыта литератур народов СССР»¹⁷. На решение этой задачи ИМЛИ нацеливается еще будучи в системе научных учреждений при ЦИК Союза ССР. И уже весной 1938 г. при создании Секции советской литературы в ее план включается тема «Социалистический реализм как художественный метод советской литературы»¹⁸.

Она становится основной при определении направления теоретико-литературных исследований ИМЛИ и после перехода его в Академию наук: «Организовать разработку проблем социалистического реализма как основного метода советской художественной литературы и критики в свете борьбы с извращениями марксистско-ленинского литературоведения – вульгарным социологизмом, формализмом и т.д.»¹⁹. И уже в план Института на 1939 г. включается написание монографии с заглавием, практически дублирующим это задание: «Социалистический реализм как художественный метод советской литературы и борьба с извращениями в литературоведении (вульгарный социологизм, формализм и т.п.)». Задание оказалось неподъемным, и монография выходит в 1941 г. под названием «Проблемы социалистического реализма».

Выпускать сборники под общим заглавием «Вопросы теории литературы» задумывает тогда и ИРЛИ, принимая соответствующее решение в январе 1940 г. Первый сборник из намеченной серии был подготовлен, но его изданию помешала война. И больше к этой идеи в Институте не возвращались²⁰.

В ИМЛИ Группа по изучению теории литературы, откуда вышла названная выше монография о социалистическом реализме, существовала внутри Секции советской литературы в 1939–1941 гг. Работы на этом направлении академической науки возобновились только в 50-е годы, вместе с созданием в ИМЛИ Сектора теории литературы и эстетики (1952), задачей которого являлось обобщение художественного опыта советской литературы. Он начинает свою деятельность с выявления основных проблем современной литературы, что требовали теоретического осмыслиения.

Это происходило и при разговоре о произведениях А.М. Горького, А.А. Фадеева, историческом романе времен войны («Ученые записки Института мировой литературы имени А.М. Горького». Т. 1, 1952), и при обсуждении текущей литературы («Русская советская литература: 1954–1955. Материалы научных, сессий ИМЛИ им. А.М. Горького». 1956). В результате как бы определились первоочередные проблемы, требующие теоретического осмысления: «мировоззрение и творчество», идеал, характер, комическое и т.п., – что и получило отражение в сборнике «Проблемы теории литературы» (1958).

Тогда же разрабатывается проспект коллективного труда «Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении» (1958).

Одновременно с началом работы над этим трудом стараются разобраться в сущности классического реализма, как он соотносится с романтизмом, критическим и социалистическим реализмом: «Проблемы реализма» (1959), «Реализм и его соотношение с другими творческими методами» (1962), – особое внимание уделяя реализму советских писателей: «Социалистический реализм и классическое наследие: (Проблемы характера)» (1960), «Социалистический реализм в литературах народов СССР» (1962).

Итоговым для этого десятилетия работы Сектора (с 1962 г. он уже Отдел) становится «Теория литературы» (в 3 т.). Впервые эта область знаний была представлена не в виде традиционного учебника, а в свободном разговоре о разных ее составляющих: «Образ. Метод. Характер» (т. 1, 1962), «Роды и жанры литературы» (т. 2, 1964), «Стиль. Произведение. Литературное развитие» (т. 3, 1965).

После выхода этих книг работа теоретико-литературной мысли заметно оживилась. Она шла по нескольким направлениям. Сначала акцентировалось внимание на художественных методах: «Современные проблемы реализма и модернизм» (1965), «Социалистический реализм и художественное развитие человечества» (1966), «Критический реализм XX века и модернизм» (1967). Затем на жанрах: «Проблемы художественной формы социалистического реализма» (2 т., 1971), и стилях: «Смена литературных стилей: На материале русской литературы XIX–XX веков» (1974).

Последний труд становится как бы исходным, предваряющим создание четырехтомной «Теории литературных стилей», которая является скорее не теорией стилей, а теоретизированной их историей, выстроенной на материале русской и зарубежных литератур (вып. 1 и 2, 1976–1977), а также советской литературы (вып. 3, 1978).

Каждый выпуск имел подзаголовок и свою проблематику: «Типология стилевого развития нового времени: Классический стиль; Соотношение гармонии и дисгармонии в стиле» (вып. 1); «Типология стилевого развития XIX века: Стилевое выражение социальной жизни и народно-поэтическая традиция; Стилевые формы многостороннего изображения человека и действительности; Объективность стиля и поиски гармонии» (вып. 2); «Многообразие стилей советской литературы: Вопросы типологии; Революционная действительность и преобразование стиля; Стилевые открытия и стилевые тенденции современной советской литературы» (вып. 3).

В последнем, 4-м, выпуске (1982) подводились итоги исследования и ставились задачи на будущее: «Современные аспекты изучения: Стиль как предмет литературоведения; Стиль и творческая индивидуальность; Стиль и другие категории поэтики; Стилевая целостность произведения; Развитие стилей и литературный процесс; Задачи и перспективы изучения стиля в современном литературоведении».

В 1970-е годы наблюдается заметный интерес к исследованиям в области методологии литературоведения и критики. И хотя проблемы методологического характера постоянно вставали перед историками, критиками и теоретиками литературы и их приходилось решать как при написании «Историй» мировой, русской и других национальных литератур, так и при изучении самых разнообразных литературных явлений и анализе произведений, созданных в разные эпохи и в разных странах, однако в качестве самостоятельной составляющей науки о литературе и самостоятельного предмета изучения методология литературоведения и критики осознается только в начале 1960-х годов.

Ее существование было обозначено появлением сборника «Вопросы литературоведения» (1966), подготовленного ИРЛИ, который открывался статьей «Методологические задачи литерату-

роведения», и статьей «Методологические вопросы изучения взаимосвязей и взаимообогащения советских литератур», которой открывался сборник «Пути развития советской многонациональной литературы» (1967), изданный ИМЛИ.

Интерес к методологии литературоведения и критики во многом был связан с появлением 25 января 1972 г. Постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», где говорилось о задачах критики, ее долге «глубоко анализировать явления, тенденции и закономерности» художественного процесса, бороться «с различного рода немарксистскими взглядами на литературу и искусство»²¹. А так как критика считалась составной частью литературоведения, то и методология критики рассматривалась в качестве составной части методологии литературоведения.

Самый широкий круг вопросов теории литературы и методологии литературоведения начинает освещаться в сборниках «Контекст: Литературно-теоретические очерки», издаваемых ИМЛИ (Первый выпуск – «Контекст-1972» – вышел в 1973 г.).

Необходимость борьбы «с немарксистскими взглядами на литературу и искусство» стимулирует интерес к методам, каким пользовались при исследовании и анализе произведений зарубежные «буржуазные» литературоведы и критики, что и получает отражение в серии сборников под общим названием «Теории, школы, концепции», выпускаемых ИМЛИ с 1975 г. (в 1986 г. вышел 6-й выпуск).

В это время Сектор теоретических исследований, созданный в ИРЛИ в 1969 г., занимается рассмотрением методологии исторического и аналитического познания литературы: «Историко-литературный процесс: Проблемы и методы изучения» (1974), «Анализ литературного произведения» (1976). А Отдел теории литературы ИМЛИ обращается к общим вопросам: «Современная литературная критика: Вопросы теории и методологии» (1977), «Методология современного литературоведения» (1978), «Актуальные проблемы методологии современной литературной критики (Принципы и критерии)» (1980).

6

С первых шагов научной деятельности ИМЛИ в круг его интересов входит и народное творчество. Правда, его изучение, и

прежде всего фольклора советской эпохи, первоначально предполагалось вести в рамках истории литератур народов СССР, рассматривая его исключительно в качестве составной части истории советской литературы, что и было зафиксировано в планах Секции советской литературы на 1938 г.: «...разработка темы... “Современный народный эпос” (поэзия Джамбула, Стальского и других народных певцов)»²². В 1943 г. в ИМЛИ создается Группа по изучению современного фольклора, перед которой стояла задача по сбору и публикации народного творчества периода Великой Отечественной войны. К маю 1945 г. такой сборник «Советский фольклор Великой Отечественной войны» был подготовлен. Однако затем Группа переключилась на исследование отношений литературы и фольклора.

Надо сказать, что академическая фольклористика берет начало в 1931 г., когда по Постановлению Президиума АН СССР от 6 апреля в Институте по изучению народов СССР создается Фольклорная секция, вскоре ее превращают в Фольклорную комиссию, которую в 1933 г. переводят в Институт антропологии, этнографии и этнологии АН СССР. В декабре 1938 г. ее преобразуют в Отдел фольклора народов СССР и через три месяца передают в ИРЛИ.

Продолжая традиции, заложенные еще Фольклорной комиссией, Отдел подготовил и издал в 1941 г. седьмой том «Советского фольклора» (первые шесть томов были изданы Комиссией), «Белорусские народные песни» и первый том «Марийских сказок». В 1945 г. Отдел возобновляет прерванную войной работу уже в качестве Сектора народно-поэтического творчества, переориентирует свою деятельность на собирание и издание памятников русского народного творчества и подготовку многотомного «Свода русского фольклора»²³.

В это время ОЛЯ АН СССР, озабоченный наметившимся дублированием в исследованиях Группы по изучению современного фольклора ИМЛИ и Сектора народно-поэтического творчества ИРЛИ: и там, и там изучался русский и советский фольклор, – оставляет исследования по русскому фольклору за Сектором, переориентируя Группу на фольклор народов СССР.

В 1953 г. Группа по изучению современного фольклора преобразуется в Сектор народного творчества (с 1986 г. – Отдел) и

начинает свою деятельность с организации совещаний по узбекскому эпосу «Алпамыш» и нартскому эпосу народов Кавказа. Тезисы докладов были опубликованы в 1956 г.

Два года спустя, в ноябре 1958 г., состоится Всесоюзное совещание, посвященное вопросам изучения и публикации эпоса народов СССР. Одновременно выходят «Вопросы изучения эпоса народов СССР» и «Основные проблемы эпоса восточных славян» (1958). Последний труд был подготовлен ИМЛИ совместно с Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР. Разрабатывается программа изучения и издания эпоса народов СССР и реабилитации тех памятников, что до того находились под запретом.

Первым исследованием в этом направлении становится «Киргизский эпос “Манас”» (1961), где освещались вопросы его состава, национальных особенностей и подготовки сводного варианта памятника. Проблемы нартovedения рассматриваются в кн. «Сказания о нартах – эпос народов Кавказа» (1969).

В 1965 г. появляются «Эпические песни ненцев» – первая из последовавших в дальнейшем публикаций эпических памятников народов СССР. И уже с 1971 г. ИМЛИ начинает издавать двуязычную серию «Эпос народов СССР» при самом непосредственном и активном участии республиканских академических институтов. Открывал серию «Хурлукга и Хемра; Саят и Хемра: Туркменский романический эпос». В следующем году выходят «Украинские народные думы» и «Рустамхан: Узбекский героико-романический эпос». До 2000 г. увидят свет 25 томов, более 30 книг «Эпоса народов СССР»²⁴.

Одновременно с решением актуальных вопросов публикации памятников («Фольклор: Издание эпоса», 1977), ведется работа в области теории эпоса: «Специфика фольклорных жанров» (1973), «Типология народного эпоса» (1975), «Фольклор. Поэтическая система» (1977), «Фольклор: Поэтика и традиции» (1932) и т.д.

С начала 1930-х годов с момента возникновения академической науки о литературе важнейшей ее составляющей является писателеведение, наука о жизни и творчестве отдельно взятых писателей. На его долю выпала, пожалуй, самая трудоемкая и ответ-

ственная работа, связанная с подготовкой и изданием исчерпывающие Полных собраний сочинений писателей, включающих не только все, вышедшее из под их пера, но учитывающих и разные редакции и разночтения, что наблюдалось в прижизненных публикациях. Это требовало большой и по времени, и по усилиям работы: по просмотру периодики того времени, поискам в отечественных и зарубежных архивах, тщательной, скрупулезной текстологии, не говоря уже о необходимости досконального изучения почерка писателей, умения читать их рукописи, которые по своему состоянию порою находились, как говорится, в нечитабельном виде. На все это, естественно, уходят годы, если не десятилетия. Но именно полнота таких собраний и текстологическая выверенность помещенных там произведений давало и дает право называть их академическими. И только в институтах Академии наук возможно осуществление таких трудов.

Академическое писателеведение, как уже отмечалось выше, начинается пушкиноведением. Начало ему было положено в Пушкинском Доме – ИРЛИ. Естественно и закономерно, что Пушкин стал первым писателем, Полное собрание сочинений которого (в 16 т., 1937–1949, 2-е в 10 т. – 1949; 4-е – 1977–1979) становится академическим. Одновременно ИРЛИ ведет подготовку Полных собраний сочинений Н.В. Гоголя (в 14 т., 1937–1952) и А.Н. Радищева (в 3 т., 1938–1952).

За ними будут Полные собрания сочинений Гл. Успенского (в 14 т., 1940–1954), В.Г. Белинского (в 13 т., 1953–1959), М.Ю. Лермонтова (в 6 т., 1954–1957), И.С. Тургенева (в 28 т., 1960–1968; 2-е изд. в 30 т. выходит с 1978 г.; не окончено), Ф.М. Достоевского (в 30 т., 1972–1996), Н.А. Некрасова (в 15 т., 1981–2000), Собрание сочинений М.Е. Салтыкова-Щедрина (в 20 т., 1965–1977).

Каждое из этих собраний сопровождалось изданием «Материалов и исследований», а также именных сборников, посвященных жизни и творчеству писателей²⁵.

В ИМЛИ писателеведение возникает и формируется чуть позже, чем в ИРЛИ. И если в ИРЛИ на первом месте, включая и сегодняшний день, остается пушкиноведение, то в ИМЛИ – это горьковедение. И хотя первые шаги в горьковедении делает ИРЛИ, но уже начиная с 1938 г. оно становится центральным в деятельности ИМЛИ.

В 1939 г. выходит 1-й том «Архива А.М. Горького», в следующем – 1-й выпуск «Горьковский чтений», что были проведены в 1938 и в 1939 гг. Тогда же начинается работа по подготовке первого Собрания сочинений Горького в 30 томах, которая была прервана войной, и издание увидело свет в 1949–1956 гг. Вскоре рождается идея Полного собрания сочинений и писем писателя в трех сериях. Первая – Художественные произведения в 25 т. и Вариантов к ним в 10 т. (11 кн.) – выходит в 1966–1982 гг. Вторая – Письма в 24 т. – начинает издаваться в 1977 г. На 2010 г. вышло 14 томов. Третья – Публистика в 18 т. – находится в стадии сортировки, составительской, текстологической и комментаторской работы.

В те же годы увидят свет подготовленные в ИМЛИ Собрания сочинений А.И. Герцена (в 30 т., 1954–1966), В.В. Маяковского (в 13 т., 1955–1961), А.В. Луначарского (в 8 т., 1963–1967), Полное собрание сочинений и писем А.П. Чехова (в 30 т., 1974–1982).

Как и в ИРЛИ, каждое это издание сопровождалось сборниками «материалов и исследований», а также коллективными и монографическими трудами, посвященными тому или иному писателю²⁶. К ним примыкают «Летопись жизни и творчества А.М. Горького» (в 4 вып., 1958–1950) и «Летопись жизни и творчества А.И. Герцена» (в 5 т., 1971–1990).

При подготовке собраний сочинений возникает целый ряд вопросов, на которые должна была ответить наука – наука о тексте, текстология. В ее формировании самое активное участие принимает ИМЛИ. Начало этой науки у нас восходит к работе Б.В. Томашевского «Писатель и книга. Очерк текстологии» (1928), где она и получила свое наименование «текстология».

Необходимость ее разработки осознается в ИМЛИ в процессе издания Собрания сочинений А.М. Горького в 30 т., которое было завершено в 1956 г. Для завершения этого издания в 1952 г. был создан Сектор текстологии: он просуществовал до 1967 г. Первым шагом в его работе становится проведение совещания по вопросам текстологии, что состоится в Институте в 1954 г. На нем обсуждались два доклада: об установлении канонического текста литературных произведений и о типах советских изданий писате-

лей-классиков. Тезисы докладов в том же году предварительно были опубликованы.

За обсуждением последовало составление инструкции «Основные положения подготовки текстов в научных изданиях классиков художественной литературы, критики и публицистики XIX–XX вв.», которая была опубликована в 1956 г. и которой стали руководствоваться в ИМЛИ при подготовке и издании собраний сочинений. А уже со следующего года начинают выходить «Вопросы текстологии». Первый выпуск был посвящен проблеме установления и выбора текстов (1957), 2-й – атрибуции произведений (1960), 3-й – принципам издания эпистолярных текстов (1964), 4-й – текстологии произведений советской литературы (1967). Науке о тексте как системе знаний посвящены «Основы текстологии» (1962).

В ИРЛИ выходят «Принципы текстологического изучения фольклора» (1966). А 25–30 мая 1971 г. оба Института вместе с Текстологической комиссией Международного комитета славистов проводят в Ленинграде конференцию «Текстология славянских литератур», и в 1973 г. одноименный сборник с докладами увидит свет.

8

После выхода в начале 70-х годов «Истории советской литературы» (в 4 т.) и «Истории многонациональной советской литературы» (в 6 т.), на создание которых ИМЛИ, как уже говорилось, был нацелен еще при своем основании, исследовательская работа в Институте до середины 80-х годов, до начавшейся «перестройки», продолжалась по этим направлениям в традиционных для советской науки о литературе, идеологически «выверенных» параметрах и границах: «Советская литература и мировой литературный процесс» (в 3 вып., 1972–1982), «Художественные искания советской многонациональной литературы» (2 кн., 1976), «Великий Октябрь и развитие советской многонациональной литературы» (1977), «Идея социализма и литературный процесс на рубеже XIX–XX вв.» (1977), «Советский роман: Новаторство. Поэтика. Типология» (1978) и др.

Не осталось незамеченным и появление понятия «развитой социализм», на что сразу же откликнулось академическое литера-

туроведение. В ИМЛИ создаются и выходят книги: «Взаимодействие литератур и художественная культура развитого социализма» (1977), «Концепция личности в литературе развитого социализма» (1980), «Современная советская литература в духовной жизни общества развитого социализма» (1980), «Фольклорное наследие народов СССР и его роль в художественной культуре развитого социализма» (1981) и снова: «Взаимодействие литератур и художественная культура развитого социализма: Проблемы жизни. Теория. Поэтика» (1981).

Активно изучается и то, что не вошло, по отмеченной выше причине, в 9-й и 10-й тома «ИВЛ»: «Общее и особенное в литературах социалистических стран Европы» (1977), «Социалистический реализм на современном этапе его развития» (1977), «Актуальные проблемы сравнительного изучения литератур социалистических стран» (1978), «Великий Октябрь и литературный процесс современной эпохи: 1917–1977» (1979).

Ни на минуту не замирает изучение советской литературы: «Литературное содружество народов СССР» (2 сб., 1982–1983; совместно с Тбилисским гос. ун-том), «Пути художественных исследований современной советской литературы» (1982), «Фольклорное наследие народов СССР и современность» (1984; совместно с Институтом языка и литературы АН Молд. ССР), «Советский многонациональный роман» (1985), «Закономерности развития новописьменных литератур и проблемы социалистического реализма» (1985) и др.

В первые послеперестроечные годы завершаются работы, начатые ранее: «Проблемы историзма в русской советской литературе: 60–80-е годы» (1986), «Революционные демо克拉ты и русская литература XIX в.» (1986), «Утверждение коммунистических идеалов и идейно-художественные обогащение социалистических литератур» (1987), «Положительный герой в современной советской литературе» (1988) «Марксистско-ленинские критерии ценности в литературе» (1986) и др.

При изучении русской литературы в ИМЛИ предпочтение стали отдавать писателеведению: «Ломоносов и русская литература» (1987), «Жуковский и русская литература конца XVIII–XIX вв.», «А.В. Кольцов и русская литература», «Лесков и русская

литература» (все – 1988), «Антиох Кантемир и русская литература» (1999).

Первой ласточкой начавшейся «перестройки» в науке о литературе становится Всесоюзная научная конференция, проведенная в ИМЛИ в сентябре 1986 г., по материалам которой выходит сборник тезисов: «Современное состояние и задачи советской фольклористики» (1986), открывавшийся статьей «Работа фольклористов Советского Союза в свете новых требований».

На стыке «старых» и «новых» требований создается книга «В поисках нового содержания: Советская литература 70-х – первой половины 80-х годов» (1989), где наряду с общественными идеалами, активным и положительным героем в современной советской литературе, говорится и о поиске новых решений. Но уже в мае 1989 г. ИМЛИ вместе с Союзом писателей СССР проводит Всесоюзную научно-творческую конференцию: «История советской литературы: Новый взгляд», по материалам которой выходит одноименный, в двух частях, труд (1990), свидетельствуя о необходимости создания новых «Историй» как русской советской, так и народов СССР. Затем появится «Освобождение от догм. История русской литературы: Состояние и пути изучения» (в 2 т., 1997), приглашая к поиску новых подходов и в исследованиях отечественной классической литературы.

Не сразу обозначатся новые реалии и при изучении зарубежных литератур. В 1985 г. выходит 1-й том «Истории литератур Латинской Америки», работа над которой затягивается на двадцать лет (5-й том увидит свет в 2005 г.). В 1989 г. появится «Исторический роман в литературах социалистических стран Европы», в 1990 г. – «Взаимообогащение литератур: Социалистические страны Европы». И только в конце 90-х обратят внимание на другие стороны европейских литератур: «Привычное ощущение кризиса: В “соцлагере” и вокруг» (1999).

Сложность и неопределенность происходящих в мире событий, что напрямую сказывалось и на состоянии и характере современных западных литератур, вынудила ученых ИМЛИ уйти в глубину веков и заняться неисследованными страницами истории всемирной литературы. И прежде всего поэтики: «Поэтика древнеримской литературы: Жанры и стиль» (1989), «Античная поэтика: Риторическая теория и литературная практика» (1991), «Поэти-

ка средневековых литератур Востока: Традиция и творческая индивидуальность» (1994) и др. А также литературы Средних веков, Ренессанса и Барокко, создав целый цикл соответствующих тематических трудов: «Проблема жанра в литературе Средневековья» (вып. 1, 1994), «Французский героический эпос» (вып. 2, 1995) и др. Восьмой выпуск выйдет в 2002 г.

Продолжая традиции «ИВЛ», активно изучается литература стран Азии и Африки: «Взаимодействие культур и литератур Востока и Запада» (вып. 1–2, 1992), создается «Французская литература: 1945–1990» (1995), начинается работа над «Историей литературы США» (в 5 т.; т. 1–3 выйдут в 1997–2000 гг.; т. 4 – в 2003 г.).

Перестроочные веяния не проходят и мимо науки о литературе народов СССР. Особенno заметными они становятся с выходом национальных республик из состава Союза. Знаковой статьей «Время перечтений» открывается подготовленный в ИМЛИ труд «Способность к диалогу» (2 ч., 1993), становясь затем лейтмотивом всех последующих исследований в данной области науки: «История национальных литератур: Перечитывая и переосмысливая» (вып. 1–3, 1995–1998; вып. 4, 2005), «Нация. Личность. Литература» (вып. 1, 1996; вып. 2, 2003), «Литературное зарубежье: Проблемы национальной идентичности» (вып. 1, 2000).

Одними из первых, откликнувшись на «новые требования», фольклористы ИМЛИ продолжают заниматься вопросами теории фольклора. В серии «Фольклор» выходят очередные тематические выпуски: «Проблемы историзма» (1988), «Песенное наследие» (1991), «Проблемы тезауруса» (1994). Задачи, стоявшие тогда перед исследователями, получили освещение в книге «Фольклор в современном мире: Аспекты и пути исследования» (1991). Наряду с томами «Эпоса народов СССР» (о них говорилось выше) выходит цикл «Фольклорные сокровища Московской земли»: «Обряды и обрядовый фольклор» (1997), «Традиционные обрядовые песни» (1998), «Сказки и несказочная проза» (1998).

С началом перестройки расширяется география академического писателеведения. На передний план выходит жизнь и творчество писателей, роль и место которых в истории отечественной и мировой литературы долгое время определяли у нас, руководствуясь идеологическими соображениями, а не художественными достоинствами их произведений, что заметно обедняло представ-

ление о литературном процессе XX в. Это – А. Ахматова, А. Белый, Вяч. Иванов, Н.А. Клюев, Е.И. Замятин, А.П. Платонов, М.А. Булгаков и др.

В круг изучаемых входят и те писатели, кто волею судеб оказался за пределами России. Появляются сборники статей, посвященных их жизни и творчеству: «Литература русского зарубежья: 1920–1940» (вып. 1–2, 1993–1999).

В 1995 г. в ИМЛИ начинается издание Полного собрания сочинений С.А. Есенина (в 7 т.), в 1987 – Полного собрания сочинений А.А. Блока (в 20 т.), в 2000 г. – Д.И. Писарева (в 12 т.), Л.Н. Толстого (в 100 т.) и Велемира Хлебникова (в 6 т.). Каждое сопровождается соответствующими сборниками «материалов и исследований» и монографиями.

В ИРЛИ в 1997 г. начинает издаваться Полное собрание сочинений и писем И.А. Гончарова (в 22 т.), в 2000 – К.Н. Леонтьева (в 12 т.), в 2002 г. – А.А. Фета (в 20 т.). Готовится собрание сочинений М.А. Волошина.

В ИМЛИ особое место занимает горьковедение. Регулярно выходят тома «Архива А.М. Горького» (т. 16, 2001), «Горьковских чтений» (вып. 12, 1998), «Горький и его эпоха: Исследования и материалы» (вып. 1–5, 1989–2000). А также есениноведение, сопровождавшее собрание сочинений поэта. Набирает силу платоноведение. Проводятся конференции, по материалам которых издаются сборники «“Страна философов” Андрея Платонова: Проблемы творчества» (вып. 1–7, 1994–2011). Не забывают и науку о тексте: «Современная текстология: Теория и практика» (1997), «Фольклор: Комплексная текстология» (1998).

ИРЛИ остается верен пушкиноведению и достоевсковедению («Достоевский: Материалы и исследования». Т. 1–16, 1974–2001), развивает блоковедение («А. Блок: Исследования и материалы». Вып. 1–3, 1987–1998), платоноведение («Творчество А. Платонова: Исследования и материалы». Кн. 1–3, 1995–2004), булгаковедение («Творчество Михаила Булгакова: Исследования. Материалы. Библиография». Кн. 1–3, 1991–1995)²⁷.

Для ИРЛИ – изучение русского фольклора, древнерусской литературы, литературы XVIII, XIX и XX вв., писателеведение, где важнейшим остается пушкиноведение²⁸.

Для ИМЛИ – история мировой литературы с древнейших времен, русской литературы XX в., литературы народов России, теория литературы, фольклор, а также писателеведение во главе с горьковедением.

Завершается издание «Истории литератур Латинской Америки» (5-й т., 2005), создаются «История швейцарской литературы» (в 3 т., 2002–2005) и «История австрийской литературы XX в.» (в 2 т., 2009–2010). Идет работа над «Историей литературы США» (в 5 т.; т. 4 вышел в 2003) и начато издание «Истории итальянской литературы» (т. 1, 2000; т. 2, 2010).

Продолжаются исследования литературы Средних веков и Возрождения: «Пятнадцатый век в европейском литературном развитии» (2001), «Перевод и подражание в литературе Средних веков и Возрождения» (2002), «Жанры и формы в письменной культуре Средневековья» (2005), «Стих и проза в Европейской литературе Средних веков и Возрождения» (2006).

Обращаются к религиозной составляющей художественного творчества: «Буддизм и литература» (2003), «Религии в развитии литератур Азии и Африки XX века» (2006), «Раннехристианская и византийская экзегетика» (2008).

По возрастающей идет изучение литератур Азии и Африки: «Сатира в литературах Азии и Африки» (2000), «История романых форм в литературах Африки», «Поэтические памятники Востока», «Символика природных стихий в восточной словесности» (все – 2010).

Не остаются без внимания и европейские литературы: «Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века» (2002), «Французская литература 30–40-х годов XIX в.: “Вторая проза”» (2006), «Английская литература от XIX века к XX, и от XX к XIX: Проблема взаимодействия литературных эпох» (2009), «Авангард в культуре XX века (1900–1930): Теория. История. Поэтика» (кн. 1–2, 2010).

Если на изучение мировой литературы «перестройка» повлияла частично: сказалась лишь на характере восприятия литературных явлений XX в. и несколько расширила границы исследо-

вания (религии и литературы), то отношение к русской литературе дооктябрьского и послеоктябрьского времени изменилось кардинальным образом. Практически все «минусы» поменялись на «плюсы», и то, что раньше преподносилось исключительно в негативном свете, приобрело совершенно другие, открыто позитивные оттенки. Палитра истории литературы обогащается новыми красками.

Прежде всего корректируется представление о литературе Серебряного века и первых послереволюционных лет: «Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов)» (в 2 кн., 2000–2001). Освещаются явления, изучение которых в позитивном плане не поощрялось: «Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания» (1999), «Русский имажинизм: История. Теория. Практика» (2005), «Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика» (2005).

Своебразным итогом изменившихся представлений о предоктябрьской и послеоктябрьской литературе вплоть до предвоенного времени становятся «Русская литература 1920–1930 гг.: Портреты писателей» (в 2 т., 2008) и «В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов» (2010).

Полным ходом идет новое осмысление всего созданного литературами народов России и СНГ. Выходит 2-й сборник «Нация. Личность. Литература» (2003), продолжает издаваться серия исследований «Литературное зарубежье»: вып. 2 – «Национальная литература – две или одна?» (2002), вып. 3–5 – «Лица. Книги. Проблемы» (2005–2008). Выходит словарь «Литературы народов России: XX век» (2005).

Теоретики завершают работы, начатые в 90-е годы. Отдельные теоретико-литературные проблемы рассматривают на материале произведений А.С. Пушкина, приурочив выход книги к 200-летию со дня рождения поэта: «Пушкин и теоретико-литературная мысль» (1999). О взглядах теоретиков и историков литературы, с какими они подошли к концу 90-х годов, известил читателей двухтомный труд «Теоретико-литературные итоги XX века» (2003). Откликаясь на упреки, что после выхода трехтомной «Теории литературы» (1962–1965) прошло почти 40 лет, целая эпоха литературной жизни, создают новую «Теорию литературы».

туры», но уже в 4 т. (2001–2005; т. 4, подготовленный в основном тогда же, вышел в 2011 г.). В ее основе лежал тот же принцип свободного разговора о разных составляющих этой области знания, что был характерен и для трехтомной.

С большей или меньшей регулярностью издавался «Контекст» («Контекст-2008» – 2009).

Очень продуктивным в ИМЛИ было писателеведение.

Завершены издания ПССП Д.И. Писарева (в 12 т.; т. 10 вышел в 2007, т. 11 третий год находится в «Науке», т. 12 утвержден Ученым Советом Института в 2010 г.), Собрания сочинений В. Хлебникова (в 6 т., 2000–2006) и Ф.И. Тютчева (в 6 т., 2002–2005). Выходит 2-е изд. Собрания сочинений С.А. Есенина (в 7 т. 9 кн., 2004–2005).

Увидели свет очередные тома серии «Письма» ПССП А.М. Горького (т. 14 – 2009), 100-томного Л.Н. Толстого (три тома Собрания сочинений и три тома Вариантов к ним, 2000–2003), А.А. Блока (т. 7 – 2003); завершено издание первого научного Собрания сочинений М.М. Бахтина (т. 1–6, 1996–2012).

Начато издание «Собрания сочинений А.С. Пушкина... в хронологическом порядке» (т. 1, 2000; т. 2, 2009), Полного собрания сочинений Н.В. Гоголя (в 23 т.; в 2002–2003 вышли два тома), Л.Н. Андреева (в 23 т.; т. 1, 2007), Собрания сочинений А.П. Платонова (т. 1 в 2-х кн., 2004).

Активно развивается горьковедение, есениноведение, платоноведение. Выходят сборники, посвященные жизни и творчеству В.В. Маяковского, М.А. Шолохова, А.Н. Толстого, А.А. Фадеева, Л.М. Леонова и других русских писателей XX в.

Писателеведение остается основным и при изучении литературы XVIII–XIX вв.: «Литературные взгляды и творчество Н.А. Полевого» (2002), «В.К. Тредиаковский и русская литература» (2005), «Г.Р. Державин и русская литература» (2007).

Ведется составление «Летописей жизни и творчества» А.П. Чехова (т. 1–3 вышли в 2000–2009) и С.А. Есенина (т. 1–4 вышли в 2003–2010).

Возродился интерес к вопросам текстологии, что было естественно с растущим числом собраний сочинений, готовящихся в ИМЛИ. Работа в этом направлении начинается с обобщения опыта русских и французских исследователей, собравшихся на «круглом

столе» 22 марта 2002 г., материалы которого ложатся в основу сборника «Проблемы текстологии и эдиционной практики» (2003). В развитие начавшегося разговора создается книга «Текстология и генетическая критика: Общие проблемы, теоретические перспективы» (2003). В 2009 г. был издан первый выпуск серии «Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения» (2009), подготовленный вместе с учеными ИРЛИ²⁹.

Намечается новый подход и к исследованию отечественного историко-литературного процесса. В 2005 г. выходит кн. «Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век», вторая кн., посвященная литературе 1801–1825 гг., утверждена к печати.

* * *

История академической науки о литературе показывает, что есть задачи, решение которых возможно только в рамках этой составляющей науки о литературе, в рамках академического литературоведения и писателеведения. Оно реально доказало свою действенность, результативность и незаменимость:

– готовя и издавая собрания сочинений писателей и на их основе развивая науку о тексте;

– изучая мировую и отечественную литературу, включая литературу и фольклор народов нашей страны, создав замечательные, уникальные для своего времени «Истории» всемирной, русской XI–XIX вв., русской советской и многонациональной литературы; сделав достоянием общественности выдающиеся памятники народного эпоса.

И только академической науке под силу:

– готовить и издавать Полные собрания сочинений отечественных писателей;

– изучать мировую литературу, в том числе и особенно истекшего столетия, и написать «Историю всемирной литературы XX в.», восполнив несостоявшиеся по объективным причинам 9-й и 10-й тома «ИВЛ»;

– изучать русскую литературу XX в. и написать ее «Историю», учитывающую и творчество писателей, оказавшихся по воле судьбы за рубежом;

– изучать литературу народов России и стать организатором и координатором создания новой ее «Истории» во всем многообразии и разнообразии «перечитанного и переосмысленного»;

– теоретически обобщать (для чего и был создан в свое время в ИМЛИ Отдел теории литературы) художественный опыт современной, в первую очередь отечественной литературы 90-х – начала 2000 гг., и написать «Теорию литературы», основанную на этом опыте, сделав ее подлинным инструментом познания литературных явлений, а не просто сводом суждений и представлений, отстающих от реальной литературной жизни, как это видно из существующих «Теорий», на целое столетие;

– приступить к созданию «Истории мировой науки о литературе», начиная с древних времен по XX в. включительно, опираясь на опыт «Возникновения русской науки о литературе» (1975), «Академических школ в русском литературоведении» (1975) и «Русской науки о литературе в конце XIX – начале XX в.» (1982) и других книг, созданных в ИМЛИ;

– инициировать и возглавить инвентаризацию всего осуществленного отечественной наукой о литературе в XX – начале XXI в., и представить это в виде единого библиографического указателя или серии указателей как в электронной, так и в печатной форме.

Решать и решить эти задачи может только академическая наука о литературе. И прежде всего, как один из ее центров, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, чтобы встретить свое 90-летие новыми научными достижениями.

---

¹ См.: Вестник АН СССР. – 1938. – № 9–10. – С. 82, 84.

² См.: Баскаков В.Н. Пушкинский Дом. 1905–1930. (Исторический очерк). – Л., 1980. – С. 79.

³ См.: История Академии наук СССР: В 2 т. – М.; Л., 1959–1964.

⁴ См.: Академические школы в русском литературоведении. – М., 1975.

⁵ См.: Баскаков В.Н. Пушкинский Дом... – С. 86; Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. – Л., 1982. – С. 88.

⁶ См.: Литературная газета. – 1934. – 26 июля. – С. 1.

⁷ Отдел кадров ИМЛИ. Приказы. 1935–1938. Л. 193.

⁸ См.: Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН. 1932–2002. – М., 2002. С. 4–5; Труды Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН: Библиографический указатель. 1939–2000. – М., 2002. – С. 3–4.

⁹ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. ПГ–коу–62–1–3; Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. – Л., 1982. – С. 37.

¹⁰ Вестник АН СССР. – 1937. – № 7. – С. 77–78.

¹¹ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 3. Л. 3.

¹² См.: Пушкинский Дом: Библиография трудов. – Л., 1981. – С. 17–50.

¹³ См.: Труды Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН: Библиографический указатель. 1939–2000. – М., 2002. – С. 12, 15.

¹⁴ Правда. – 1932. – 26 сентября. – С. 1.

¹⁵ Архив РАН. Ф. 397. Д. 15. Л. 16.

¹⁶ Отдел кадров ИМЛИ. Приказы 1938–1939. Л. 245.

¹⁷ Архив РАН. Ф. 397. Д. 15. Л. 16.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Архив РАН. Ф. 397. Д. 12. Л. 3. См.: также: Вестник АН СССР. – 1938. – № 7–8. – С. 126.

²⁰ *Баскаков В.Н.* Пушкинский Дом... – С. 241.

²¹ Правда. – 1972. – 25 января. – С. 1.

²² Архив РАН. Ф. 397. Д. 15. Л. 15.

²³ См.: *Баскаков В.Н.* Пушкинский Дом... – С. 222–225; Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. – СПб., 2005. – С. 213–227.

²⁴ См.: Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН. 1932–2002. – М., 2002. – С. 22–23.

²⁵ См.: Пушкинский Дом: Библиография трудов. – Л., 1981; Пушкинский Дом: Материалы к истории. – С. 267–311.

²⁶ См.: Труды Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН: Библиографический указатель. 1939–2000. – М., 2002.

²⁷ См.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. – С. 267–311.

²⁸ См.: Там же. – С. 283–293.

²⁹ См.: Труды Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН: Библиографический указатель. 2001–2010. – М., 2012.

ПУБЛИКАЦИИ

ДНЕВНИК СЕРГЕЯ ПЛАТОНОВИЧА КАБЛУКОВА. ГОД 1909-й

К настоящему времени дневник Сергея Платоновича Каблукова широко известен в исследовательской среде. Еще в 1987 г. историк С.Н. Савельев, рассматривая деятельность петербургских «христианских либералов», ссыпался на свидетельства очевидца, непосредственного участника процесса «богоискательства», секретаря Петербургского религиозно-философского общества С.П. Каблукова, дошедшие до потомков в виде 49 тетрадей его дневников¹. Подробные, обстоятельные отчеты автора дневника позволили историку прояснить общую картину религиозных исканий сторонников «нового религиозного сознания».

Спустя два десятилетия к началу XX в. в истории русской религиозной мысли обратился А.А. Ермичёв. Его книга создавалась уже в иной идеологической атмосфере, когда появилась возможность обращения к ранее недоступным документам. Тем не менее в ряду многочисленных архивных источников, которые использовал автор, реконструируя историю Петербургского Религиозно-философского общества, дневник С.П. Каблукова являлся одним из основных. Для А.А. Ермичёва это «исключительный по значению документ жизни петербургского интеллигента начала XX в.»².

---

¹ Савельев С.Н. Идейное банкротство богоискательства в России в начале XX в. – Л., 1987.

² Ермичёв А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. – СПб., 2007. – С. 258.

Другая причина, объясняющая интерес ученых к дневникам Сергея Платоновича, определяется его близостью к виднейшим представителям эпохи – З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковскому, В.В. Розанову, О.Э. Мандельштаму, Вяч. Иванову, А.В. Кartaшеву, А.Н. Римскому-Корсакову, И.Е. Репину. Без фактических свидетельств Каблукова сегодня трудно представить психологический облик упомянутых деятелей рубежа веков, прояснить идеологическую подоплеку того или иного поступка, выявить роль каждого из них в историко-культурном и религиозно-общественном движении.

Дневник, на страницах которого представлена недолгая (с конца 1908 до конца 1909 г.) дружба Каблукова с В.В. Розановым, стал источником ценных сведений для книги В.А. Фатеева «С русской бездной в душе. Жизнеописание Василия Розанова». Ранее публикации из дневника С.П. Каблукова вошли в «розановские» тома антологии «*Pro et contra*»¹.

До недавнего времени дневник С.П. Каблукова рассматривался лишь «как свод документальных свидетельств об отношении автора к тем или иным событиям»² или же в качестве вспомогательного материала. Поэтому особого разговора заслуживает статья А.А. Морозова «Мандельштам в записях дневника С.П. Каблукова»³. Рассматривая роль Каблукова в жизни О.Э. Мандельштама, автор впервые попытался представить его дневник как явление культуры, сфокусировать внимание на личности автора записей, задаваясь вопросом: «Что же все-таки известно о взглядах, занятиях, судьбе, наконец, С.П. Каблукова?» Представляя его как человека «строгого православного», с «разнообразными интересами», А.А. Морозов приводит мнение Вяч. Иванова о том, что эти интересы «объединялись “мистической формул

¹ Фатеев В.А. С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. – Кострома, 2002; С.П. Каблуков. О В.В. Розанове // Василий Розанов: *Pro et contra*. В 2 кн. – СПб., 1995. – Кн. 1. – С. 200–221.

² Богомолов Н.А. Дневники в русской культуре начала XX в. // Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX в. Портреты. Проблемы. РАЗыскания. – Томск, 1999. – С. 202.

³ Морозов А.А. Мандельштам в записях дневника С.П. Каблукова // Литературное обозрение, 1991. – № 1. – С. 77–85. Ранее этот материал был опубликован в журнале «Вестник русского христианского движения». – 1979 г., № 129.

лой правого синтеза физических и религиозных энергий»¹. Преподаватель математики, С.П. Каблуков был постоянным сотрудником журнала «Музыкальный современник», а в период с 1909 по 1913 г. являлся секретарем Религиозно-философского общества в Петербурге. По мнению А.А. Морозова, «участие Каблукова в делах Общества не было значительным; помимо исполнения секретарских обязанностей, оно определялось дружбой с Вяч. Ивановым и интересом, граничащим с пиететом, ко всему исходящему от писательской, особенно поэтической, мысли. Недаром он собирая книги поэтов и к ним рукописные добавления, просил их надписывать и каким-то особенным образом переплетал...»²

Исследователь называет С.П. Каблукова «человеком последнего собора», который, впрочем, повинуясь законам времени, разделял взгляды сторонников «нового религиозного сознания». Вместе с тем, подчеркивает А.А. Морозов, это человек тонкой душевной организации, поэт: «Значение людей, подобных Каблукову, выходит за границы любой конкретности. Оно неисследимо и лежит не в плоскости земного протяженного времени...»³

Дневники С.П. Каблукова нельзя назвать многотемными, поскольку авторская интенция обозначена в них достаточно четко: донести до будущего читателя события, факты, реалии своего времени. Поэтому его дневники о времени, но не о себе. Подчиненность авторской задаче – как можно шире и подробнее информировать будущего читателя – обусловили как внешний, так и внутренний облик дневника. Авторское внимание сосредоточено в основном на следующих темах: информация о заседаниях Петербургского религиозно-философского общества; краткое освещение международных политических событий, встречи и общение с известными людьми своего времени, а также друзьями Каблукова; критические отзывы о прочитанных книгах, впечатления от художественных выставок; хроника церковной жизни, описание богослужений, «певческий анализ» церковных песнопений; роспись

¹ Морозов А.А. Мандельштам в записях дневника С.П. Каблукова // Литературное обозрение, 1991. – № 1. – С. 77–85. Ранее этот материал был опубликован в журнале «Вестник русского христианского движения». – 1979. – № 129. – С. 77.

² Там же. – С. 78.

³ Там же.

шахматных партий, решение математических задач. Дневник четко структурирован: каждая его страница расписана заранее и содержит не только число и день недели, но и помечена именами святых, память которых празднуется в этот день.

С.П. Каблуков начал вести свой дневник в 1909 г. На вопрос, что побудило его взяться за это, можно ответить лишь предположительно, так как самая первая часть дневника не сохранилась – он начинается с записи от 17 февраля 1909 г. и имеет подзаголовок «Часть II». Скорее всего, причину надо искать в общественной деятельности С.П. Каблукова и его окружении. В 1908 г. он знакомится с В.В. Розановым (по крайней мере, Каблуков пишет о дружбе с ним с конца 1908 г.). Возможно, Розанов и пригласил его как человека православного и интересующегося вопросами религии в Религиозно-философское общество, где он познакомился со многими выдающимися людьми своего времени. Возникла вполне объяснимая потребность зафиксировать на бумаге новые впечатления, тем более навык ведения дневника к тому времени наверняка уже имелся – не случайно Каблуков вскользь обмолвится о своей «Записной книжке».

Хотя автор дневника впрямую не говорит о том, с какой целью он ведет свои записи (возможно, он писал об этом в несохранившемся «Дневнике № 1»: Часть I. 1909 г. с 1 января по 16 февраля), тем не менее их назначение достаточно легко выявляется из контекста. Рассчитывая на то, что в будущем его дневник будет обязательно прочитан, Каблуков тщательно пронумеровывает каждый лист, прежде чем размещать на нем информацию. Кроме того, он делает конкретные ссылки к тому или иному материалу, освещаемому им в дневнике:

«22-е февраля. Воскресенье.

Сегодня в г_{азете} “Речь” напечатана значительная статья Д.С. Мережковского о Тургеневе, представляющая собою речь Д_{митрия} <Сергеевича> на “Тургеневском вечере” 19-го февраля тек_{ущего} года. Эту статью я вклеиваю сюда на об_{ороте} предыдущего листа»¹.

---

¹ ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 3. Л. 17.

«Понедельник, 4 мая.

Вчера состоялось в помещении Геогр~~а~~фического об~~щества~~а последнее в этом году заседание Христианской Секции Религиозно-Философского об~~щества~~а, на котором присутствовали: С.А. Алексеев, Д.С. Мережковский, Д.Вл. Философов, В.И. Иванов, я, З.Н. Гиппиус, А.В. Кartaшев, В.В. Успенский, В.В. Розанов и др. Краткий отчет об этом заседании читатель найдет на об~~ороте~~ предыдущего листа»¹.

Помимо подневных записей, дневник включает разнообразный «документальный» материал: вклеенные газетные вырезки, зачастую с комментариями автора, объявления, афиши, программы с информацией о выставках, повестки заседаний Религиозно-философских обществ, конверты с письмами, открытки, записки, а иногда и целые брошюры. Математический склад ума Каблукова проявляется в четкой композиционной структуре дневника, логике повествования, обстоятельности в изложении событий и фактов.

Главная цель автора (наряду с прочими) – фиксация того типа мироощущения, которое было характерно для всего образованного и либерально настроенного русского общества начала XX в. По дневнику можно судить о ценностных ориентирах, политических пристрастиях, общественных устремлениях русской культурной элиты. Примечательно, что либерально настроенный Каблуков создает «летопись» для своих будущих читателей, заранее считая их единомышленниками и нисколько не сомневаясь в том, что будет правильно понят. Так, в записи от 4 марта 1909 г. изложена история о том, как в дни празднования пятидесятилетия литературной деятельности А.С. Суворина Каблуков и его друзья категорически отказались поставить свои подписи под приветственной телеграммой в адрес редактора и идейного вождя «Нового Времени». При этом Каблуков не жалеет красок, чтобы продемонстрировать свое резко отрицательное отношение к нему самому и его политическим взглядам: «Среди черносотенных преподавателей 7-й СПб. гимназии, именами коих я не хочу грязнить эту книгу, возникла мысль послать Суворину приветственную телеграмму от “педагог~~ического~~ совета” гимназии. <...> Текст такой телеграммы, гнусный и бесстыдный, был прочитан директором

---

¹ ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 4. Л. 76.

д^ействительным> с^{татским} с^{оветником} Н. Карповым перед уроками в пятницу 20-го февраля...> 20-го днем у меня явилась мысль заявить директору, что, не желая принимать никакого участия в чествовании С^{увори}на, я прошу указать в телеграмме, что таковая посыпается не от всего педагогического персонала, а от некоторых лиц ее»¹.

В результате действий Каблукова и его друзей «телеграмма была послана не от гимназии, а от Правл^ения Об^{щест}ва вспомоществования нужд^{ающимся} уч^{еникам} 7-ой гимназии с небольшим числом подписей <...> и кажется не была даже напечатана в Н^{овом} Вр^{емени}. Таким образом, наша стойкость одержала победу». В конце своего рассказа Каблуков добавляет: «Для человека честного и достаточно осведомленного, и оценившего деятельность Суворина, такое выступление наше будет вполне понятно и естественно. О других людях мы не заботимся»².

Общее настроение времени – ненависть к тогдашнему государственному устройству, лично к царю, его семье и его окружению – передано автором достаточно полно. Приведем несколько выдержек из дневника. 14 апреля 1909 г. под заголовком «Редкий пример порядочности» Каблуков пишет: «Композитор Н.А. Римский-Корсаков (передаю со слов его сына Андрея Ник^{олаеви}ча) на представлении какой-то из его опер в Париже в присутствии В^{еликой} Кн^{ягини} Марии Павловны, отказался принять приглашение этой особы посетить ее ложу для выслушивания комплиментов и “Высочайшего одобрения”»³.

Еще ранее, в записи от 22 февраля, Каблуков передает свой разговор с Розановым, где тот высказываетя о Николае II следующим образом: «...человек он жестокий, хотя производящий самое чарующее впечатление на всех, кто с ним имеет дело. Подобного лицемерного и лживого государя не было в России с временем Александра I. Он совершенно не имеет ума государственного и в делах государственных есть как бы пустое место»⁴.

Многие страницы дневника Каблукова посвящены его знаменитым современникам и в первую очередь В.В. Розанову. С са-

¹ ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 3. Л. 66, 68–69.

² Там же. – Л. 76.

³ ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 4. Л. 10–11.

⁴ ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 3. Л. 25.

мого начала знакомства Каблуков осознавал значимость и масштаб личности Розанова. Дневниковые записи свидетельствуют, что их связывали теплые дружеские отношения с конца 1908 и в течение всего 1909 г. Каблуков рассказывает о долгих и интересных беседах с Розановым по самым различным вопросам – общественно-политическим, литературным, бытовым – об известных личностях и рядовых людях. Приведем пример одного из таких разговоров (запись от 16 июня 1909 г.): «Мы много беседовали о Гр*игории* Петрове. Наконец и Вас*илий* Вас*ильевич* пришел к выводу, что сей мученик – сущий пустоцвет, самый обыкновенный либеральный поп, не чувствующий и не понимающий вовсе ни мистики, ни “метафизики” христианства и годный, да и то “с грехом пополам” быть дамским проповедником “разбавленного” христианства в 60%»¹.

Или запись от 22 февраля 1909 г.: «Случайно зашел разговор о м*инистре* вн*утренних* д*ел* П. Столыпине. Розанов охарактеризовал его как добродушного, простого и неглупого русского дворянина помещика, серьезного, с большой силой воли и совсем не жестокого. <...> Конечно, Розанов хвалил А.С. Суворина и подарил мне текст адреса Суворину от сотрудников «Нового Времени», Розановым написанный. Р*озанов* утверждает, что Сув*ори*н (А. С.) много левее и порядочнее своей газеты и говорит, что у него имеются письма А.С. Суворина, в коих тот ругает некоторые статьи в газете «непечатными» словами. Будто только старость мешает ему отнести к курсу газеты внимательно...»²

С видимым удовольствием Каблуков пишет о своем неоднократном содействии Розанову в издании его работ. К примеру, запись, сделанная 22 февраля 1909 г.: «Сегодня я был у В.В. Розанова. Он отдал мне для печатания в ж*урнал* “Н*овое* Вр*емя*” “Итальянские впечатления”. Шрифт и бумагу я выберу по образцу “Любовь сильнее смерти” М*ережков*ского (изд. “Скорпиона”). Кроме этого, я взял у него старинный (XVII) требник <...>, чтобы сделать перевод для “Темных лучей” на русский язык, статью “Родительство и церковь”, не пропущенную в печать ред*акцией* Н*ового* Вр*емени*, и еще две статьи “Афродита и Гермес” и “Судебное недоразумение в Берлине” – о книге А. Фореля “Поло-

¹ ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 5. Л. 14–15.

² Ед. хр. 3. Л. 25–28.

вой вопрос” и о “Процессе Эйленбурга”. Последние две предложим “Весам” и затем “Золотому Руну”»¹.

Розанов был благодарен своему другу и «издателю», о чем свидетельствуют его автографы на книгах, подаренных Каблукову. Например, запись в дневнике от 12 мая 1909 г.: «Вчера вечером, вернувшись от Д.Вл. Знаменского, я нашел у себя на столе присланный Розановым экз<емпляр> Итальянских впечатлений с та-кою странною надписью:

“Преданному и самоотверженному оруженосцу, –
но не Санчо Пансо
Сергею Платоновичу Каблукову
<рыцарь печального образа>
В. Розанов”»².

Или другой пример (запись от 13 августа 1909 г.): «А Вас<илий> Вас<ильевич> подарил мне 2 экз<емпляра> “Се-мейного вопроса в России” <...>, 2 экз<емпляра> “Легенды о Ве-ликом Инквизиторе” <...> и свое лучшее сочинение: “О понима-нии. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки, как цельного знания”. М. 1896. Ц. 5 р. На последней книге он сделал надпись: “Сергею Платоновичу Каблукову, – математи-ку-мистику, – тоже, кажется, мистик, – В. Розанов. Всего больше в Вас мне понравилось, когда Вы отказались ехать в интересное морское путешествие из страха, что в случае смерти над Вами не были бы вычитаны и пропеты все церковные песнопения и чтения, положенные по Уставу Церкви. Это единственно в своем роде!”»³

«Преданный и самоотверженный оруженосец» С.П. Каблу-ков с теплым чувством и добрым юмором записывает «курьезы», постоянно происходившие с Розановым, бытовые сцены, в кото-рых проявляется неординарность его личности. Но уже с апреля в дневнике Каблукова появляются записи, позволяющие говорить о том, что в вопросах религиозных он не всегда солидарен с Розано-вым, а иногда и просто не принимает его позиции. И это были пер-вые вестники намечающегося охлаждения и последовавшего в дальнейшем скандально известного разрыва. Например, 16 апреля 1909 г. Каблуков записывает в дневнике: «Мережковский пра-

¹ ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 3. Л. 22.

² ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 4. Л. 118.

³ ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 6. Л. 44–45.

вильно сказал, что Розанов лукав и хочет разрушить дело христианства. Это было на сегодняшн*е*м собрании: при этих словах Вас*и*лий Вас*и*льевич Розанов хитро улыбался¹. А 13 августа Каблуков критикует Розанова за его статью «Сентиментализм и притворство»: «В это свидание с Вас*и*лием Вас*и*льевичем я много укорял его за “Сентиментализм и притворство” (Н*о*вое Вр*е*мя. 17.7.09). Он говорил, отвечал на укоры мои, что написал только то, что думает и думать иначе не может. А укоров за это он слышит множество, и от личных знакомых, и от читателей...»². 31 декабря, подводя итоги прошедшего 1909 г., Каблуков среди прочих значительных событий своей жизни выделяет два, связанных с В.В. Розановым: «...дружба с В.В. Розановым (с конца 1908)» и в декабре: «Охлаждение ко мне В.В. Розанова»³.

В дневнике С.П. Каблукова немало страниц, посвященных общению с Вяч. Ивановым. 7 августа Сергей Платонович делает следующую запись: «...я поехал к моему другу Вяч. Иванову, с которым не виделся уже 2 месяца. Оказалось, что он это время провел в Петербурге, занимаясь изданием своих статей “По звездам”, один экз*и*мпляр коих он тут же подарил мне с такой надписью: “Дорогому другу Сергею Платоновичу Каблукову с любовью и радостью общения духовного. Вяч. Иванов. 1909, день Преображения”. Кроме того, он перевел стихотворения Новалиса, которые издаст осенью, и несколько сонетов. Девять этих сонетов из цикла “Любовь и смерть”, имеющих войти в “Corardens”, и некоторые переводы, он прочел мне. Все это действительно прекрасно. “Corardens” этими сонетами и кончается.

Наедине мы беседовали с ним 3 часа, о Розанове, нашем обществе...»⁴

С.П. Каблуков называет свой дневник «интимным», «в котором более уместна оценка субъективная» (запись от 3 июля 1909 г.), но вот как раз «интимных», сокровенных мыслей в дневнике практически нет. Собой Каблуков как будто не интересуется, пишет о себе довольно скромно, чаще всего в связи с другими людьми. Он сознает в себе человека вполне заурядного, что подтвержда-

¹ ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 4. Л. 18.

² ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 6. Л. 46.

³ ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 7. Л. 268, 270.

⁴ ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 6. Л. 12–13.

ется следующими записями: 7 марта 1909 г.: «Как “курьез” упомяну здесь, что на собрании у Вяч.Ив. Иванова, В.В. Розанов предложил меня в председатели секции, ссылаясь на мою энергию и осведомленность. Это предложение не могло быть принято прежде всего мною самим и потому было отклонено»¹. Другой пример еще более показателен. Когда Д.С. Мережковский предложил Каблукову должность председателя Религиозно-философского общества, тот отказался. Об этом свидетельствует «протокольная» запись в дневнике от 23 февраля 1909 г.: «Его (Мережковского. – Е.К.) указание на возможность избрания председателем Об-ва меня и опасение, что это может повредить мне по службе. Мой отказ от этой должности вследствие собственной не значительности и полной неизвестности»².

Из дневника можно узнать, что на определенном этапе он делился своими сокровенными мыслями и переживаниями с З.Н. Гиппиус. Но об этом свидетельствуют отнюдь не дневниковые записи, а выдержки из писем (или вложенные письма) Зинаиды Николаевны. Именно из них можно узнать о душевном состоянии автора дневника, о том, что его «тревожит и волнует». Так, в письме от 15 августа З.Н. Гиппиус спрашивает Каблукова: «Скажите вот еще что: (меня это очень удивило!) отчего вам кажется, что вы скоро умрёте? Отчего?»³ Но иногда «каноны» жанра все-таки дают о себе знать, и «летописец» уступает место человеку рефлектирующему, для которого дневник выполняет одну из традиционных своих функций – «психотерапевтическую», как в случае с известием о неожиданной смерти близкого друга Каблукова С.В. Смоленского. Именно тогда, в горестные для себя минуты, на страницах дневника Сергей Платонович дает волю своим чувствам.

Сведения о личной жизни С.П. Каблукова также крайне редки. Например, из дневника за 1909 г. можно узнать, что он противник института брака. А 31 декабря, подводя итоги минувшего года, он вдруг упоминает о «невольном и неожиданном разрыве с Талей («перестал ездить к ней еще с 10 ноября»). Вместе с тем за весь 1909 г. «Таля» упомянута всего лишь два раза. Характер Сер-

¹ ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 3. Л. 83.

² ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 6. Л. 217.

³ ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 6. Л. 81–82.

геля Платоновича «вырисовывается» в его отношении к самым различным людям – знакомым или случайно встреченным у общих друзей. Резкость, крайняя нетерпимость Каблукова проявляется по отношению к тем, которые, на его взгляд, не соответствуют либеральному «кодексу чести» или проявляют «пошлость» и «глупость». Всего лишь однажды, под влиянием сильных чувств, Каблуков признается в своем «окаянстве», подразумевая под этим всю сложность своего характера.

Интересен и другой аспект дневника – отражение в нем кризисного состояния русской Церкви. Показателен тот факт, что С.П. Каблуков, человек православный, глубоко верующий и без веры себя не мыслящий, попадает под обаяние сторонников «нового религиозного сознания». Так же, как и они, он негативно относится к церковному официозу, принимает самое активное участие в обсуждении вопросов о реформировании Церкви, поддерживает «церковников-обновленцев». «Религия» и «революция» становятся для него чуть ли не тождественными понятиями. Но в то же время дневник отражает и его сомнения относительно правоты своих друзей и, как он считает, единомышленников. На его страницах разворачивается настоящая полемика с З.Н. Гиппиус по поводу православного культа. Заметим, что Каблуков и здесь не описывает свои чувства и впечатления относительно позиции Гиппиус, не выражает прямо своего мнения – все это он заменяет выдержками из ее писем (иногда и письмами), «касающимися вопроса о значении обряда», и своими ответами ей. Очень часто записи в дневнике обретают форму пересказа содержания письма, как, например, 10 июля 1909 г., где речь идет об ответном послании Каблукова Зинаиде Николаевне. «В нем я говорю, – записывает автор, – что для меня совершенно ясно, что в моем сознании религия занимает первенствующее место, а обряд – второе, подчиненное. В противном случае я был бы в общении не с нею, а с Син^{одальной} Ц^{ерковью} и писал бы статьи в «Колоколе», а не это письмо...»¹

Дневник С.П. Каблукова за 1909 г. – наиболее объемный, полный и информативный по сравнению с дневниками последующих лет. По количеству записей и другого «подсобного» материа-

¹ ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 5. Л. 74.

ла он может быть сопоставим только с дневником 1917 г. Автор не исключал возможности, что его записи когда-нибудь будут опубликованы, «частично или полностью», возможно, поэтому на протяжении всего дневника он стремился к сохранению «летописного» стиля. «Сам дневник, – отмечал А.А. Морозов, – ждет еще своего бережного читателя и разгадчика того культурно-психологического шифра, каким, в сущности, является всякий подобный документ»¹.

С.П. КАБЛУКОВ

ДНЕВНИК 1909 г.

I

Часть II

(с 17 февраля по 12 апреля)

Февраль (продолжение)

Вторник 17-го февраля.

«Кто не понял – спросит дома,

Остальное – аксиома» –

недаром эту присказку сложили про директора 3-го Р. Уч. Алек-дра Ф. фон Гартмана, этого истинно русского «генерала» с немецкой фамилией, слабым умом, мелкой душонкой, с изумительным невежеством, но очень самонадеянного, заносчивого и самодовольного. По общему утверждению, жалкая его физиономия весьма сходна со свиным рылом.

Сказанное двустишие верно характеризует его способ преподавания, но недавно некоторые из учеников 7-го класса (Федоров, Калантаров, Юрьев, Марголис) заметили (сами) грубую логическую ошибку в составленном Г-ном для 7-го класса Р. Училища курсе Аналитической геометрии (lith. без обозначения года). А именно, на стр. 119–120 читаем определение: Диаметром называется прямая, делящая пополам все хорды, параллельные одной и той же прямой. Это определение дано для всякой кривой 2-го по-

¹ Морозов А.А. Манделыштам в записях дневника С.П. Каблукова. – С. 77.

рядка. А на стр. 121, 126, 130 находим три теоремы с доказательством, формулированные так: Геометрическое место середин паралл. хорд эллипса (121), гиперболы (126), параболы (135) есть диаметр. Таким образом, он хочет доказать свое определение, тогда как, очевидно, надо было сказать так: пользуясь этим определением, предложим себе найти ур-ия диаметров эллипса, гиперболы и параболы.

Сегодня исполнилось сто лет со дня основания СПб Духовной Академии. По распоряжению Синода и митрополита Петербургского этот день академией никак отмечен не был. Даже богослужения не было.

Ректор академии арх^{иепископ} Феофан назначил еп^{ископа} Ямбургского 4-ым вик^{арием} СПб. Епархии. Его наречение состоится 19-го, хиротония в Лавре 22-го февраля.

Среда 18-го февраля.

Один человек (А.П. Талквист), получив в подарок Евангелие, сказал, читая его: отчего это я совсем не понимаю Евангелия, а вот «Прекрасную Елену» хорошо понимаю. Эти слова умнее, чем могут показаться на первый взгляд.

Вчера в № 38-м «Русского Слова» напечатана прекрасная статья В.В. Розанова «Анн^а Павл^{овна} Философова». Особен-но хороша в ней характеристика моего доброго знакомого, Виктора Петровича Протейкинского, человека замечательных душевных качеств и весьма самобытного, оригинального в лучшем смысле этого слова.

В февр. кн. «Русск. Мысли» читается не без интереса новая драма Н. Минского «Железный доспех». Хороши стих. Вячеслава Иванова. Интересен «Литературный дневник» Льва Пущина – по моему мнению – псевдоним Зинаиды Ник. Гиппиус.

Четверг 19-го февраля.

В известной драме Леонида Андреева «К звездам» астроном Терновский говорит (sic!): «Когда я наблюдал комету Бэлу (?!!), открытую Галлеем», и проч. Эта нелепая фраза, обнаружившая полную неосведомленность писателя в области элементарной

астрономии, хорошо подтверждает истинность Крыловской морали: «беда, коль пироги...» Дело в том, что никакой кометы Бэлы не существует: была периодическая комета с вр. обр. в $6\frac{1}{2}$ лет, открытая не Галлеем, современником Ньютона, полковн. Бселой в 1826 г. Затем она наблюдалась в 1832, 1839 и в 1845 гг. В 1845 г. она разделилась на 2 части. При новом появлении в 1852 эти две части двигались вновь по одной орбите, но расстояние между ними было в 10 раз больше, чем в 1845 г. Затем, несмотря на то что с 1852 г. до настоящего времени прошло более 8 периодов ее обращения, комету не удалось видеть, несмотря на усиленные поиски. По всей вероятности, она распалась и образовала метеорный поток. В 1872 г. ожидалось возвращение одной из частей кометы Б. Вместо нее наблюдался сильный дождь падающих звезд (27 ноября), радиант коей находится в созвездии Андромеды. Элементы орбиты этого потока совпадают с эл. орбиты Кометы 1826 г. Усиление деятельности Андромедид было и 27 ноября 1878 г., когда опять надо было ждать появления Кометы.

Таким образом, очевидно, что Терновский (действие драмы происходит в наши дни) не мог наблюдать кометы 1826 г. (Бселя).

Что касается большой кометы Галлея, наблюдавшейся впервые в 1682 г. (и даже раньше в 1531, 1607), то она имеет время обращения около 75 лет и появлялась в 1759 г. и появится в 1910 г. Кроме того, А. должен бы знать, что кометы, в отличие от планет, собственных имен не получают, а отличаются одна от другой годом и фамилией открывшего.

Сегодня я был в Об-ве любителей шахматной игры (Невский пр., д. № 55).

Пятница 20-го февраля.

Вчера я получил, очевидно для ознакомления, 5-й № вышедшего в Царицыне на Волге под ред. Л.И. Сургучёва еженед. Народного журнала «Слушай земля», сотрудниками которого между другими являются епископ Михаил, Д.С. Мережковский, Иона Брихничёв, М. Горький и др. Цена 1 ч. – 2.50, $\frac{1}{2}$ – 1.25. В присланном мне № самой интересной является короткая статья еп. Михаила «Кто испортил христианство». Любопытно, что вчера же у О.

я доказывал Талиньке то же самое, вследствие чего она очень озлилась – до слез. Недурна статья И. Брихничёва «Новый предтеча» о деятельности еп. Михаила. Сотрудничество же Д.С. М^{ережковского} выражалось в этом № напечатанием его старого, но прекрасного стихотворения «Протопоп Аввакум». Язык, которым пишутся статьи в журнале весьма понятный, вполне доступный всякому простецу. Появлению подобного журнала можно только порадоваться и надо пожелать ему полного успеха и, особенно, долголетия, тем более что в наше время последнее весьма сомнительно. Быстро прикроют – за... порядочность. Это не то, что «Новое Время».

Сегодня в 7-й гимназии обсуждался вопрос об отправлении поздравительной телеграммы изд. Н. Вр. мерзавцу Суворину. Я уклонился от обсуждения этого вопроса и теперь решил отправить в некоторые газеты 28-го февраля свое заявление, что в составлении и отправлении приветственной телеграммы А.С. Суворину от СПб. 7-й Гимназии я не нашел возможности принять участия.

Мой друг Андрей Николаевич Римский-Корсаков обещал присоединиться к моему заявлению.

Суббота 21-го февраля.

Сегодня я был на выставке картин «Салона» Серг. Маковского в залах 1-го Кад. Корпуса. Много значительных картин, особенно замечательны Сомов (К.) – две прекрасных картины «Отравл. поцелуй» и «Фейерверк». Рерих («Бой», «Пещное действо», «Три волхва», «Ангельский собор», «Илья Пророк» и др.). Хороши картины Богаевского, рисунки Билибина, некоторые картины А. Бенуа, «Terror antiquus» Л. Бакста, рисунки Добужинского и др.

22-ое февраля. Воскресенье.

Сегодня в г. «Речь» напечатана значительная статья Д.С. Мережковского о Тургеневе, представляющая собою речь Д. С. на «Тургеневском вечере» 19-го февраля тек. года. Этую статью я вклеиваю сюда на об. предыдущего листа.

Концерт ц^{ерковно}-п^{евческого} об-ва под управлением А.А. Архангельского в зале Дв. Собрания совсем не удался. Оч-

видно, было очень мало спевок и потому вновь поставленные церковно-певческие сочинения были исполнены плохо. Совсем потеряла весь свой интерес прекрасная «Херувимская» Гр.Ф. Львовского, так хорошо исполняемая Терновым. Не важно спето и бесподобное «Свете тихий» № 3 А.Д. Кастанльского – вещь изумительной красоты, но довольно трудная.

Недурна «Вечери Твоего тайныя» Бортнянского (на 2 хора). Спетая сейчас же после «Ныне силы небесныя» (6 гол.) Сарти, она показывает, как неосторожно называют иногда Б^{ортнянского} «итальянцем». Вот Сарти другое дело – для него и текст молитвы писали латинскими буквами и славянского языка он не знал вовсе. Оттого в фуге на слове «Аллилуйя» оно звучало с уд. на и, т.е. «Аллилуия». В смысле техник это сочинение красиво и богато музыкой, является подлинной музыкой, но вполне неуместна эта музыка в Церкви, а ведь, наверное, при Екатерине II это сочинение исполняла «Капелла» при Дворе.

Пошлое и бездарное «Блажен муж» Архангельского было повторено по требованию невежественной публики.

Его «Хвалите имя Господне» гораздо лучше, написано в стиле русской песни, хотя и трудное, да и не по силам даже средней силы хору.

«Чертог» Р^{имского}-К^{орсакова} спели очень плохо.

«Во царствии» С. Панченко мне мало понравилось грубостью и маршевым темпом. Недурно там окончание: «на небесех». Об остальных №№ много написано в «записной книге» 1908.

В общем, впечатление от концерта получилось довольно жалкое.

Сегодня я был у В.В. Розанова. Он отдал мне для печатания в ж. «Н^{овое} Вр^{емя}» «Итальянские впечатления». Шрифт и бумагу я выберу по образцу «Любовь сильнее смерти» М^{ережковского} (изд. «Скорпиона»). Кроме этого, я взял у него старинный (XVII в.) требник с выписками из «чина испов. иноков», чтобы сделать перевод для «Темных лучей» на русский язык, статью «Родительство и церковь», не пропущенную в печать ред. Н. Вр., и еще две статьи «Афродита и Гермес» и «Судебное недоразумение в Берлине» – о книге А. Фореля «Половой вопрос» и о «Процессе

Эйленбурга». Последние две предложим «Весам» и затем «Золотому Руну».

Случайно зашел разговор о м. вн. д. П. Столыпине. Розанов охарактеризовал его как добродушного, простого и неглупого русского дворянина, помещика, серьезного, с большой силой воли и совсем не жестокого. Я напомнил ему о «столыпинском галстуке». Вот ответ Розанова почти буквально. «Его брат, А.А. С^иувори^ин, говорил мне, что П^иётр А^иркадьевич давно хотел отменить усиленные охраны, военно-полевые суды и казни, но Николай II не позволяет этого, он мстит России за перенесенные унижения во время Р-Я. войны и за октябрьские дни 1905 года. А Николай II, продолжал Розанов, есть мелкая, мстительная и низкая душонка, человек он жестокий, хотя производящий самое чарующее впечатление на всех, кто с ним имеет дело. Подобного лицемерного и лживого государя не было в России с времени Александра I. Он совершенно не имеет ума государственного и в делах государственных есть как бы пустое место. С.Ю. Витте он ненавидит, а Витте его очень боится (признание С.Ю. Витте А.С. Суворину).

Конечно, Розанов хвалил А.С. Суворина и подарил мне текст адреса Суворину от сотрудников «Нового Времени», Розановым написанный. Р. утверждает, что С-н (А.С.) много левее и порядочнее своей газеты и говорит, что у него имеются письма А.С. Суворина, в коих тот ругает некоторые статьи в газете «непечатными» словами. Будто только старость мешает ему отнести к курсу газеты внимательно. К общественным недостаткам С-на Р-в относит его взгляды на евреев и на Университетский вопрос. Р-в прямо говорит, несмотря на это я люблю и уважаю Ал-сия Серча, ибо он из корысти не менял взглядов, тогда как А.А. Суворин из отчаянного юдо, – финно, украино, – польско – и т.д. «фоба» вдруг превратился в «фила».

Понедельник 23-го февраля.

Сегодня в «Речи» напечатана прекрасная ст. З.Н. Гиппиус «Христианство и казнь», излагающая взгляды В.А. Жуковского на казнь, считавшего это греховнейшее из убийств актом положительным и даже имеющим религиозное значение.

Сегодня исполнилось 97 лет существованию Публичной б-ки в СПб.

Вторник 24-го февраля.

Сегодняшнее собрание Рел. ф. об-ва, посвящённое реферату Н.А. Бердяева о «Науке о человеке» Казанск. проф. Несмелова надо считать самым интересным из всех собраний текущего академич. года. Беседа, последовавшая после реферата, в коей приняли участие проф. И.Д. Андреев, А.В. Карташёв, В.В. Успенский, Вяч. Иванов, записана стенографически, как и ответная речь Бердяева. Первый из поставленных на повестке вопросов, решен утвердительно.

Среда 25-го февраля.

Сегодня сыграл с Никол. Моисеев. Максиным три партии в шахматы. Результат такой: у меня $2\frac{1}{2}$, у него $\frac{1}{2}$.

Суббота 28-го февраля.

Сегодня получено мною от М. Ликиардопуло (секретарь ред. ж. «Весы») согласие напечатать две статьи В.В. Розанова в ж. «Весы» (см. стр. 102). Письмо это я помешаю здесь на об. л. 112.

Март

Воскресенье 1-го марта.

Всенощное бдение накануне я слушал в Лавре. И.Я. Тернов спел «Полиелей» Смоленского, не произведший на меня особенно сильного впечатления и безобразное «Покаяние» неведомого мне автора, являющееся ярким примером совершенно нетерпимых в церкви «бесчинных воплей». Сегодня я отправляю Тернову «Кто был велий» С.В. Смоленского, другие экземпляры этого прекрасного сочинения переданы мною моим друзьям Д.В. Знаменскому и К.К. Соловьёву, а также В. Оношкович-Яцына и И.П. Мурзину.

Это сочинение С.В. надо считать очень удачным. Сегодня я просил его написать музыку к «Величай душа моя Господи», что он и обещал сделать, когда «придет минутка». Между прочим, С.В. См-ий признался мне, что учебный ком. при Св. Синоде по-

ручили ему составить текст определения Уч. К-та по поводу его же предложения учебному К-ту о необходимости отправления в Рег. Училище наиболее даровитых музыкально семинаристов в качестве стипендиатов Синода или епархии для получения основательного музыкального и певческого образования. Интереснее всего то обстоятельство, что год тому назад тот же Уч. К-т постановил оставить заявление См-кого без последствий «ввиду его неосновательности». Яркий образец неустойчивости и шатания «В.И.И.». Другой пример того же поистине смехотворное и поистине гнусное дело печальной известности «знаменитого», «истинно русского» деятеля, отъявленного прохвоста, мерзавца, пройдохи и паскудника прот. И. Восторгова. Интересующийся пусть просмотрит прогрессивные газеты за прошлую неделю, откуда можно узнать подробности, «суть» же в том, что первоначально Синод решил несколько ограничить В-ва в его правах «ревизора», на что этот подлец «кобиделся» и подал прошение об увольнении от всех должностей. Преосвященные испугались, три митрополита уговаривали обиженного и в результате последний восстановлен во всех своих «правах» и уже едет на ревизию, да еще... во внимание к его миссион. и патриотической деятельности и пр. Николай Кровавый сопричислил его к ордену Влад. III степени по докладу Лукьянова. Эта история так хороша, что ее прямо грешно не отметить.

В память столетия СПб. Духовной Академии (1-го февраля 1809) проф. Н.К. Никольским издано «Христианское учение в краткой системе» протоиерея Г.П. Павского, законоучителя Александра II, подвергшегося преследованию за «свободомыслие» со стороны Филарета Московского. Объяснительная статья принадлежит самому Никольскому.

Понедельник 2-го марта.

Сегодня получены мною от «Союза старообрядческих начетчиков» три брошюры епископа Михаила.

- 1) О Вере и неверии.
- 2) «Горящий огнем». Нов.

3) Публичное собеседование с Кс. Крючковым в Киеве в 1908 г.

Вторник 3-го марта.

Сегодня я получил от секретаря Рел.-философского об-ва Дм. Вл. Философова извещение об избрании меня в число организаторов новой секции Религиозно-ф. об-ва (см. лл. 105, 110, 114 об., письма Ф-ва и стр. 3-я устава Об-ва).

Вместе с тем Д. Вл. извещает меня, что совет Об-ва постановил предложить мне звание действительного члена Р-ф. об-ва.

Сегодня же я ответил г-ну Ф-ву письмом, в котором благодарю Совет за доверие и выражая свое согласие быть действ. членом общества.

На об. л. 113-го помещено письмо г-на М. Ликиардопуло, сообщившего, что ред. «Весов» согласна напечатать предложенные ей мною статьи В.В. Розанова. Завтра эти статьи я отправлю в Москву.

Вчера вечером мною сданы в печать «Итальянские (л. 64) впечатления» В.В. Розанова. Бумага – «верже» желтоватая, шрифт и формат, как у книги Д.С. Мережковского «Любовь сильнее смерти» изд. «Скорпиона».

Среда 4-го марта.

Расскажу здесь историю непосланного письма, которое находится на стр. 118 этой книги. Среди черносотенных преподавателей 7-й СПб. гимназии, именами коих я не хочу грязнить эту книгу, возникла мысль послать Суворину приветственную телеграмму от «педагог. совета» гимназии. Впоследствии они несколько изменили свое намерение, отправляя телеграмму от «педагогического персонала» 7-й гимназии. Текст такой телеграммы, гнусный и бесстыдный, был прочитан директором д. с. с. Н. Карповым перед уроками в пятницу 20-го февраля. Я и Конст. Конст. Соловьёв уклонились от обсуждения этого текста и вышли из учительской в классы, т. к. было уже > 9-ти часов.

20-го днем у меня явилась мысль заявить директору, что, не желая принимать никакого участия в чествовании С-на, я прошу указать в телеграмме, что таковая посыпается не от всего педагогического персонала, а от некоторых лиц ее.

Тогда сторонники поздравления изменили текст, заменили слова «педагогический персонал» словами «мы, нижеподписавшиеся, преподаватели 7-й гимназии», и заявили, что телеграмма будет подписана всеми желающими.

Это могло бы считаться удовлетворительным, кабы не подлость «Нового Времени», способного на всякие передержки и искаждения. Надо было думать, что эта газета, печатая текст телеграммы, не только не огласит фамилии подписавших ее, но даже напечатает о получении С-ным приветственной телеграммы от 7-й СПб. Гимназии. Такое искажение правды, вполне вероятное, являлось совершенно недопустимым и для меня и для моего друга Андрея Николаевича Римского-Корсакова, которого я ознакомил с этим делом по дороге с выставки «Салона», где мы были 21-го февр. Именно Ан. Ник. указал на выше изложенную возможность лукавства газеты. Текст заявления, составленный мною, Андрей Никол. принял без изменений и подписал в четверг 26-го февраля в 7-й гимназии.

В среду 25-го у меня был К.К. Соловьёв и мой друг Н.М. Максин (преп. математики) и также подписали упомянутое заявление, причем Ник. Моисеевич сказал, что намеревался сам от себя лично послать протест в газеты.

26-го февраля мы четверо сошлись в «учительской» 7-й гимназии, и директор, узнав из разговоров о возможности появления нашего «протеста» в печати, заявил, крича и ругаясь неприличными словами, что он не допустит нашего заявления в газетах. Спокойно и деликатно я сказал ему, что наше заявление будет напечатано, если не будут опубликованы Н. Вр. подписи под их телеграммой. «Ни каких «если» я не хочу знать, — орал хулиган со звездою, — вы мне скажите прямо, пошлите или не пошлите (л. 73) в газеты своё заявление... без всяких «если»». Я ответил, что это «если» является существенным в нашем ему заявлении, и раз он этого не понимает, то мы не считаем нужным ответить на его вопрос и будем действовать по своему усмотрению. Кроме этого, я выразил свое изумление, что он позволил себе кричать и ругаться при разговоре деловом и серьезном. (На последние слова мои он ответил извинением перед нами, сказав, что сильно волнуется, но оскорблять нас не хотел.) Впрочем, за его ругань ему хорошо от-

платил Н.М. Максин, кричавший и потрясавший кулаками перед генеральской рожей минуты три...

Как бы там ни было, а телеграмма была послана не от гимназии, а от Правл. Об-ва вспомоществования нужд. уч. 7-й гимназии с небольшим числом подписей (не подписал ее даже член правл. С.Фр. Федорович – математик) и, кажется, не была даже напечатана в Н. ВР. Таким образом, наша стойкость одержала победу. На память об этой победе четырех друзей я и поместил сюда наше заявление и рассказал о нем.

Для человека честного и достаточно осведомленного и оценившего деятельность Суворина, такое выступление наше будет вполне понятно и естественно. О других людях мы не заботимся.

Я же вклеиваю на об. лл. 119 и 118 отрывки из пер. ст. г. «Речь» 27-го февраля и из ст. Петра Струве «Физиология одного превращения» («Речь», 27.II.1909). Я вполне разделяю мысли этих статей. Обращаю также внимание читателя на вырезки, помещенные на л. 109 и об. Они весьма характерны... Интересно отметить, что через свое приветствие митр-т и арх-т оказались в одной «компании» с знаменитой Линой Кавальери – современной куртизанкой – выражаясь мягко.

Четверг 5-го марта.

Сегодня состоялось «чествование» меня учениками двух отделений 8-го класса СПб. 7-й гимназии в актовом зале с разрешения г-на Директора. Уч. 8 осн. класса Цыбульский поднес мне от имени класса жетон и сказал небольшую, приличную слушаю речь. Когда он кончил, они учили шум аплодисментами и криками «ура». Затем посадили на стул и, высоко подняв его, отнесли меня в класс на урок. Здесь уч. 8 основн. класса сочли нужным приветствовать меня отдельно. «Речь» произнес уч. Бернат, сказавший, что они очень любят меня за стойкость и прямолинейность и всегда сохранят обо мне добрую память, т. к. я не иду на компромиссы. Эта «речь» как и мои слова в ответ на нее закончились хлопаньем.

Пятница 6-го марта.

В статье Вас. Варварина (В.В. Розанова) в № 52 «Русского Слова» (5 марта «У гроба о. Иоанна Кронштадского») сказано

«...на всенощной в самоем конце ее поют... «Свете тихий, святыя славле» и пр. Это очень хорошо! Очевидно, для В.В. вечерня и «всенощная» одно и то же...

Суббота 7-го марта.

На вчерашнем собрании у Вяч.Ив. Иванова присутствовали: председательствовавший Д.В. Философов, В.В. Розанов, С.А. Алексеев, Вяч.Ив. Иванов и С.П. Каблуков. Отсутствовали члены комиссии К.М. Аггеев, Д.В. Странден и А.А. Мейер. По предложению комиссии, Совет общества созывает закрытое заседание действительных членов об-ва в четверг 12-го марта в 8½ ч. веч. на кварт. Вяч. Иванова по следующей программе:

1) Выборы новых действит. чл. об-ва С.П. Каблукова и Д.Вл. Знаменского.

2) Организация секции по изучению вопросов истории, философии и мистики христианства.

3) Выбор председателя Секции. Комиссия наметила в члены совета весь организац. Комитет секции, в частности предс. Секции – С.А. Алексеева (до осени, по его желанию), тов. предс. Вяч.И. Иванова, секретарем – С.П. Каблукова.

Затем дана краткая инструкция совету секции о выборе новых членов.

Новые члены секции избираются баллотировкой по мотивированному предложению троих действ. членов об-ва, одобренному Советом Секции большинством не менее 2/3 присутствующих действительных членов об-ва, вошедших в состав членов Секции.

На этом заседании присутствующие обменялись мнениями о В.В. Розанове как гениальном противнике христианства.

Д.В. Философов рассказывал о А. Добролюбове, утверждал толстовско-духоборческую тенденцию его деятельности. Говорят, что у него более 600 последователей.

Во время моего прихода я застал у Вяч. Иванова Валерия Брюсова, он был в пальто и спешил уйти. Сообщил мне, что отказался от руководства журн. «Весы», хотя и остался членом редакции. Комитет журнала образуют: редактор С.А. Поляков, секр. М. Ликиардопуло, Брюсов, Андрей Белый (Б.Н. Бугаев) и Эллис (псевдоним).

Вяч. Иванов прочтет лекцию об античном ужасе (Terror antiques) по поводу картины Л. Бакста того же названия на выставке «Салона».

В изд-ве «Пантеон» вышла книга Д.С. Мережковского «Гоголь» (жизнь, религия, творчество), являющаяся вторым изд. Его книги «Гоголь и чёрт» изд. «Скорпион».

NB. Как «курьез» упомяну здесь, что на собрании у Вяч.Ив. Иванова, В.В. Розанов предложил меня в председатели секции, ссылаясь на мою энергию и осведомленность. Это предложение не могло быть принято прежде всего мною самим и потому было отклонено.

Воскресенье 8-го марта.

Сегодня в «Речи» – статья Д.С. Мережковского «Аракчеев и Фотий». Помещаю ее в этой книге на об. л. 124-го.

Вчера я был на выставке «Союза русских художников», появившейся на наб. Мойки у Певческого моста, в доме, где жил и скончался А. Пушкин. (Едва ли только не в прошлом году эти комнаты заняты были сыскной полицией, перебравшейся теперь на Петербургскую сторону.) На выставке помещено свыше 460 картин и рисунков (не считая 59 экспонатов покойного Серг. Ал-ча Коровина (1858–1908), не имеющих впрочем большого художественного значения. Выставка эта интереснее и серьезнее «Салона» Маковского. В ней приняли участие Б.И. Анисфельд, Л.С. Бакст (7 картин и рисунков), Алекс-др Бенуа (7 к.), И.Я. Билибин, Богаевский, Аполлинарий Васнецов (14 карт.), Игорь Грабарь, М.В. Добужинский, давший рисунки декораций и костюмов к «Франческе да Римини» Г.Д. Аннуцио, Калмаков (Н.К.), давший 20 рисунков к одной трагедии – весьма интересных, Б.М. Кустодиев (13 картин), Л. Пастернак (12 к.), Н.Н. Сапунов (7 картин), К.А. Сомов (9 экспонатов), А.В. Средин, С.Ю. Судейкин, В.А. Серов (3 портрета), Я.Ф. Ционглинский, Н.К. Чурлянис, К. Юон и др.

На первом месте следует поставить, конечно, Сомова, ставшего в первом ряду европейских художников. Особенно хорош его

портрет знаменитого М.А. Кузьмина, прекрасно и отчётливо передающий «блудный» облик этого даровитого писателя.

Хороши также рисунки: портреты А. Блока и А. Лансере, для «Зол. Руна» и «Портрет молодой девушки». В.А. Серов выставил 3 портрета: какой-то Акимовой, Ленского и Южина, и А.К. Бенуа (пастель), на прошлогодней выставке «Союза» портрет г-жи Гартман его работы много замечательнее 3-х этих портретов. Значителен Бакст. Особенno хороши рисунок «Шалости Эрота» и «Вечерние лучи».

Хороши «Версальские пейзажи» Ал-ра Бенуа. Билибин дал интересные костюмы для «Золотого Петушка» Р. Корсакова. Графические работы его (между ними обложка к соч. Г.Д. 'Аннуцио) очень изящны и значительны. У Добужинского интересен «Вид на Чернышёв мост».

У Кустодиева хороши портрет дамы в черном, рисунок – портрет Ремизова и особенно небольшая картина «Освобождение крестьян».

Недурны, пожалуй, картины С.В. Мамотина. У Пастернака интересна «Увертюра». Недурны картины Сапунова – 2 карусели и «Ночной праздник». Недурен бюст М. Горького Судьбинина (серый мрамор). Этюд В.И. Сурикова пошл и безобразен. У Ционглинского всего лучше «Портрет» дамы в черном с вырезом платен. Плоха картина «Белое с красным» – обнаженная женщина на красном одеяле или плаще; наконец крайне интересны, но мало мне понятны 3 картины Н.К. Чурляниса: «Rex», «Prelude», «Andante». К. Юон – обыкновенен. Остальное или очень плохо, напр., Уткин, Водкин-Петров и Дягилев, или не выше среднего: Явленский, Тарасов, Средин, Переплетчиков, Митрохин, даже две картины К.А. Богаевского.

Вторник 10-го марта.

Сегодн. зас. Р.Ф. Об-ва (см. л. 130 об.), посвященное реферату г-на В.А. Тернавцева, чрезвычайно интересному и значительному, прошло очень бойко. В прениях приняли участие св. К.М. Аггеев, С.А. Алексеев, А.В. Карташёв и Д.С. Мережковский. Интересен был ответ Тер-ва своим оппонентам. И.Д. Андреев, С.П. Каблуков и г-н Бельский отказались от слова.

Четверг 12-го марта.

Сегодня я прочел последнюю корректуру 1-го листа «Итальянских впечатлений» В.В. Розанова.

Пятница 13-го марта.

На состоявшемся вчера у В.И. Иванова собр. действ. членов Р.-ф. об-ва избраны в действ. члены С.П. Каблуков и Д.В. Знаменский, а в совет «секции» (см. л. 134 об.) избраны лица, предложенные Советом об-ва (см. лл. 124 и 125)+. После закрытия заседания я беседовал с Зинаидой Николаевной Мережковской об Антониях I-м и II-м и о значении старообрядчества.

+ и кроме них, Викт.П. Протейкинский.

Суббота 14-го марта.

Утrenio с акафистом я слушал в Лавре. «Похвала Богородице» – одна из самых любимых мной служб. Акафист читал сам м-т Антоний, внятно и вдумчиво. Прекрасно поет митроп. хор под упр. И.Я. Тернова. Особенно хорошо исполнены были: во 1) великолепное «славословие великое» Комарова, во 2) «Отверзу уста моя» Строкана. Интересно «Взбранной воеводе» Каченовского. «На сходе» во время каждения Церкви пели братией протяжное и громкое «Взбранной воеводе» напева К.П. Лавры. Хорошо также было исполнено «Честнейшую» Григорьева – с братией. Утrenя кончилась в 9^{3/4} ч. веч.

По окончании службы меня приветствовали: бывший мне другом, почетный опекун, завед. «Попечительством о глухонемых» г-л. Н.Ф. Гейден, известный своим «благочестием» и ...глупостью. И, конечно, «истинно русский» в самом скверном смысле этих слов. Кроме «блаженного Ники», я удостоился благословения ректора СПб. Духовной Академии еп. Феофана Быстро-ва, известного аскета, постника и мистика и... также, увы, черносотенца «на 100°». Он заинтересовался моей теперешней деятельностью и получил краткий ответ: «учу там-то и там-то, тому-то». Конечно, встретив его вчера впервые после его хиротонии, поздравил его с восприятием благодати архиерейской.

Третим был Ив.Як. Тернов, на руке которого сверкал «Высочайший подарок» – бриллиантовое кольцо за пение в И.П. Соборе на зауп. л-гии по В. Кн. Вл. Ал. Он сообщил мне, на концерте

его хора в «Духовной Академии» 12-го марта он исполнил «Кто Бог велии» С. Смоленского с сильным «forte» в конце, и что эта вещь произвела «такой фурор». Он ставит ее и на каком-то будущем концерте в Царском Селе, причем рассчитывает на присутствие «Высочайших Особ» и даже самого «Кровавого».

По поводу статьи См-кого в «Церк. Вед.», И. Я. выразил изумление, что Ст. Вас. переменил свое мнение об Ал-ре Андр-че Архангельском, назвав его в этой статье композитором.

Я объяснил Т., что упоминание Арх-ского в указываемой И. Я. статье, имеет причину не в том, что С-кий вдруг стал считать Арх-кого действительно композитором, а в том, что современная певческая практика, руководимая регентами, причислила Ар-кого к композиторам, ибо его малограмотные и славяно-пошловатые сочинения весьма популярны и любимы «публикой» и столичной и провинциальной, невежественной и пошлой с испорченным музыкальным вкусом. И сам Т. немало поет «дребедени» этого «тоже композитора». Поэтому и См-кий при историческом обзоре не мог обойти молчанием сочинений Арх-ского. Оценки же этих сочинений в указанной статье не имеется и, стало быть, статья эта не позволяет утверждать, что См-ский по этому вопросу думает теперь иначе, чем прежде. Тернов признался, что не находит, что бы ему можно было возразить на это мое разъяснение.

Во время этого разговора с И. Я. уже у ворот его квартиры я увидел высокого монаха с поднятым у рясы воротником, в клобуке. В тяжелой походке и плотной его фигуре я сразу узнал моего хорошего знакомого, «заштатного» епископа Антонина (бывш. еп. Нарвского), уволенного «на покой» в конце января прошлого года за статьи о самодержавии, в коих он сочувственно отнесся к сему «богоучреждённому» образу правления. (Некоторые из этих статей его находятся у меня в «Дневнике № 1» за 1909 г., лл. 7-м, 8-м, 9-м и 10-м). Этой совсем неожиданной встрече я был обрадован более, чем могу выразить словами. Кажется, и преосвященный Антонин был не прочь поговорить со мною, хотя и укорил ласково предположением, что я боюсь бывать у него, опасаясь навлечь на себя подозрение в «неблагонадежности», общаясь с таким «крамольником» и «революционером», как он. Я горячо возразил на это, что сам считаюсь «революционером» и даже более, чем он, и что всякий раз, когда мне этим летом случалось приезжать в

Сергиеву Пустынь, я очень хотел зайти к нему, но не решался этого сделать из боязни обесспокоить епископа. Он пригласил меня приехать к нему завтра – 15-го марта – и указал на 2 удобные поезда из П-га в 9.15 и 10 ч. утра. Я сразу согласился и, конечно, поеду.

В Петерб. он приезжает довольно часто, скучая в Пустыне особенно зимой. «Здесь хоть анекдотом с кем-н. можно перекинуться, а там – сидишь, как в «Крестах», – сказал он.

Мы скоро простились, ибо было > 10 ч. – срок, когда закрываются ворота в Лавру. Я спросил его всё-таки, не мог ли бы он принять участие в Р.-ф. об-ве. Он ответил совершенно отрицательно.

Воскресенье 15-го марта.

Сегодня получено письмо из Лондона от Елис.Павл. Сувориной после 40-дневного перерыва.

Сегодня же Варв.Дм. Розанова сообщает, что В. Вас. желает напечатать «Ит. вп.» в количестве 2400 экземпляров.

Сегодня же я выезжал к еп. Антонину в Сергиеву Пустынь, где прослушал литургию, а затем был у него с 2-х до 6½ час. по полудни. Говорили много об Антонии Волынском, о прот. Восторгове и его подлости, о положении и видах на будущее самого Антонина. Когда-нибудь я напишу здесь подробно содержание этих бесед. Мы вместе поехали в П-рг. Преосв. Антонин подарил мне экземпляр своего перевода акафиста Божией Матери с греческого языка на русский. Перевод этот чрезвычайно стилен, выдержан, красив и точен. Издан он был в прошлом году всего в кол. 200 экз. Я просил преосвященного принять участие в работе Христианской Секции Р.-ф. об-ва.

Понедельник 16-го марта.

О собрании Совета Христ. Секции Р. ф.-вского о. у В.И. Иванова составленный мною журнал 2-го заседания в делах Секции (папка № 1).

Среда 18-го марта.

Сегодня отправлено мною 6-е письмо Елис.П. Сув-ой в ответ на ее письмо, полученное 15-го марта. В этом письме я сообщаю ей о новой книге стихов Валерия Брюсова «Все напевы» (стихи

1906–1909 гг. Изд. «Скорпион» 1909 г., ц. 2 р.) В книге собраны творения подлинного поэта. Плохих стихотворений здесь нет во-все, есть только совершенные и менее совершенные. Как утонченно прелестны, напр., стих-ния «Февраль», «У гроба дня» и «Вечер среди снегов». Или «В море», где читаем такую строфу:

«Ночью светлой, ночью белой
Любо волкам ликовать

.....

«А потом, дрожа от счастья,
Тихо вскрикивая вдруг,
В глубину ронять запястья
С утомленных страстью рук».

Суббота 21-го марта.

Чтение корректуры «Ит. вп.» лишило меня возможности внести свои заметки за последние 3 дня. Делаю это кратко сегодня. Прежде всего должен я упомянуть здесь о концерте хора Ан. Ник. Николова, данным под управл. Н-ва в зале «Об-ва Распр. Р.» нр. пр-ния (на Стремянной ул.) в среду 18-го марта, по след. программе:

І отделение. Старые авторы.

1. О тебе радуется – Бортнянского.
2. Виждь твоя пребеззаконная дела – Львова.
3. Слава в вышних Богу – Львовского.
4. Чертог Твой – Н. Римского-Корсакова.
5. Внуши Боже – Архангельского.
6. Хвалите Господа с небес – Чайковского.

ІІ отделение. Новые авторы.

1. Слава Единородный – Гречанинова.
2. Приидите поклонимся – Чеснокова (из Литург.).
3. Достойно есть Сербск. н. – Кастальского.
4. Разбойника благоразумного – пр. Лисицына.
5. Плотию уснув – Компанейского.
6. Ныне вея исполнившая света св. – М. Виноградова.

Хор Николова называется «кружком любителей церковного пения при братстве Пр. Богородицы». Должно отдать справедливость Анастасу, – в очень короткий срок так обучившему добровольцев любителей. Я прослушал все первое отделение и 3 первые №№ из второго. Провел он эти девять №№ очень хорошо, обнару-

жив в себе опытного и с художественным чутьем регента. Мужские голоса звучали отлично, но женские портили все – что, конечно, не вина Н-ва. Особенно проиграла из-за баб нежная и музыкальная вещь Б-ского, исполненная женским хором с оттенком страсти и драматично.

Очень хорошо спели «Виждь» Львова – лучшее духовно музык. сочинение этого композитора – и пошло приторное, затасканное, и скучное с дешевыми эффектами «Внуши Боже» паточно жалкого Архангельского. Очень интересным, особенно в финале, чисто русским по строго запричастным «Хвалите Господа» Чайковского закончено первое отделение. Слышанные мною 3 №№ II-го отделения были исполнены хорошо. Лучшими надо считать «Сербское», «Достойно» Кастальского (Болг. росп. 8 гл.), замечательно мелодичная и изящная музыка которого производит очень сильное впечатление.

Очень хорошо также «Слава Единородной» Гречанинова, вполне русская музыка которой чрезвычайно стильна и выдержанна.

Хороша и вещь Чеснокова, очень величественная в финальном «Алилуйя» и сполна воспроизводящая обиходную мелодию в начале.

Концерт имел успех – собрал полный зал. Выручка около 300 рублей.

Пошли, Боже, моему другу всякого успеха в этом добром деле.

Первый его концерт можно назвать историческим, как имеющий целью иллюстрировать различные направления церковной музыки и их смену. Ан. Н. пишет мне, что осенью текущего года он полагает дать два концерта из произведений современных композиторов, посвятив один – «москвичам» (Смоленскому, Кастальскому, Чеснокову, Гречанинову и др.), а другой – «петербуржцам» (т.е. Панченко, Лисицыну, Компанейскому и др.). Значение этих двух будущих концертов, а равно и высокий интерес их вне сомнения.

Прямо с концерта Николова я приехал в собрание Р. ф-ского об-ва и застал множество народа в зале и много «незнакомцев» за столом на эстраде, откуда один за другим «кораторы» марксистского типа тянули свою традиционную канитель мертвыми голосами, говоря по десяти минут каждый. Я слушал только краткую речь

Мережковского, указавшего на «религиозность» социализма и сказавшего, что и в нем есть некая правда, напрасно отрицаемая П.Б. Струве в его докладе. «Религиозность» социализма усматривает М-кий в «вере» социализма, что «все люди равны», каковое утверждение не имеет смысла в порядке эмпирическом, а также и в «вере» в «Царство Божие» на земле, понимаемое социализмом, конечно, по-своему.

Мережковский кончил говорить в 11¼ ч. и я тотчас же уехал. Со мною ушел и Римский-Корсаков, недовольный и неинтересными прениями, и «слабым» докладом Струве. Я слышал, что еще долго после «ортодоксы» болтали свои пустые слова, «выживая уже выжатый лимон» марксизма.

Содержание доклада Струве в изложении газет «Речь» и «Слово» читатель найдет на об. лл. 148 и 149 этой тетради.

Вчера и сегодня различные общества и учреждения, казенные и частные, «торжественно» праздновали столетие со дня рождения (20 марта 1809) Н.В. Гоголя. Конечно, никакого участия в праздновании этого дня среди уч. зав., где я учу, — я не принял, ибо считаю празднования такого характера оплеухой Гоголю, оскорблением его памяти. Напр., в 1-й гимназии исполнялась юбилейная канцата Гоголю, кончившаяся «славой» «царю-батюшке», «государыне-матушке» и чуть ли не многолетием «всему Царствующему Дому». Да и речи гг. учителей-словесников чего-нибудь да стоят! Я не имею ни желания, ни времени, ни терпения слушать о Гоголе паточно-банальные пошлости «историй русской словесности» и совершенно убежден, что «человеки в футлярах» даже и не представляют себе, что такое есть творчество Гоголя, кто он сам и чего хотел для России. А кабы и поняли, то все равно скрыли бы, и учили бы «казённому» Гоголю, а не подлинному. Я же совсем не люблю слушать «образцовые глупости». Из множества написанного о Гоголе — разумно то, что называется «критикой». Я признаю только прекрасную, значительную и исключительно умную и глубокую монографию Мережковского «Гоголь и черт» (К-го «Скорпион». М. 1906 г., ц. 1 р.75 к., переизданную «Пантеоном» в 1909 г. Под заглавием «Гоголь. Творчество, жизнь и религия». СПб. Ц. 1 р.), напечатанную в ж. Н^овый Путь в 1903 под загла-

вием «Судьба Гоголя», да два этюда о Гоголе В.В. Розанова (в книге его «Легенда о Великом Инквизиторе». СПб. 1907. Изд. 2-е) и (ст. Вас. Вас. «Загадки Гоголя» в «Русском Слове» 13-го и 14-го марта текущего года). Замечателен также § 5-й статьи Мережковского «Революция и религия», посвященный Гоголю. Недурна и речь о Гоголе А.А. Блока «Дитя Гоголя» (см. л. 146 об.) Наконец, в г. Н. Вр. дана еще статья о Гоголе В.В. Розанова (20.III.1909 г.). Это все, что я принимаю, утверждаю. Еще значительным считаю я письмо Белинского к Гоголю, знаменитое и дозволенное цензурою лишь лет 5 тому назад.

Воскресенье 22-го марта.

Вчера Тернов передал мне, что «Кто Бог велий» Смоленского, мне посвященное, он пел и 13-го марта в Думе при м-те Антонии и 18-го – на концерте в Царском. Оно нравится.

Сегодня в «Речи напечатана интересная, грустная и тяжелая по впечатлению статья Д.С. Мережковского «Головка виснет» (см. л. 153 об.).

«Наша Газета» дала сегодня ст. Д. Философова «Дурной глаз» – о Гоголе, по поводу юб. сп-ля («Ревизор») 20-го III в Ал-ск. Театре. Статья умная и глубокая.

В «Новом Времени» напечатано письмо В.В. Розанову еп. Вологодского Никона, по поводу откр. письма Р-ва Никону по вопросу о праздниках. Должен признаться, что в этом письме Никона очень много верного. Я помещу его в эту тетрадь.

Понедельник 23-го марта.

Член духовно-цензурного к-та о. арх. Александр сообщил мне, что старший цензор архимандрит Филарет заболел острой формой нервного расстройства, близок к сумасшествию и находится ныне в Лаврской больнице. Т. ч. о. Ал-др ныне единственный духовный цензор в Пр-ге и работает один за троих.

Среда 25-го марта.

Всенощное бдение накануне я слушал в Лавре, где вследствие нездоровья митрополита, простудившегося в воскресенье 22-го во время богослужения, на литию и величание выходил еп. Гдовский Кирилл, сказавший черносотенное «слово», приглашающее к пожертвованиям на братство Пресв. Богор., якобы нуждающееся в деньгах. М. хором под упр. Тернова исполнено было «Хвалите имя Господие» Смоленского, «Буди ими Господие» его же, неизвестное мне «С нами Бог», довольно плохое, «От юности» Виноградова и прекрасное «Благовестуй земле...» «Уставность» богослужения на этот раз «хромала» еще более, чем на 22-е марта. Напр., прочли (а не пели) светильны праздника и «дня». На «хвалитех» пропустили Слава гл.: «Днес Христос приходит», а на «стиховне» утр. пропустили «Слава» праздника.

Ник. Нилович Чувяков, бывший на концерте м. хора в Духовной Академии 12-го марта – в восторге от «Кто Бог велий» Смоленского. Литургию с вечернею я слушал в Лавре же, служил еп. Кирилл. Очень мне нравятся стихиры Благовещения гл. 6-й «Совет превечный» («на Господи воззвах»), – сегодня их пели в переложении для 4-х гол. см<ешанного> хора. Г.Ф. Львовского. Хорошо также «Алилуйя» после «апостола» – «Московское» и Δηβότην Лисицына. Остальное было в «итальянском стиле». «Устав» опять хромал: не прочли апостола праздника и паремий праздника, евангелии праздника прочли второпях – на «Госп. воззв.» пропустили «Славы» дня. Безобразие! Кирилл тянул – по своему обычаю, и литургия кончилась после 1 ч. дня. Митрополит поправился и служит завтра литургию в Исаак. соборе и утром Вел. Пятницы в Лавре.

Четверг 26-го марта.

Вчера вечером, около 7 ч., был у меня В.В. Розанов, желавший видеть корректуру своей книги и принесший еще две статьи для нее, но не застал меня дома, ибо я слушал утреню Вел. Четверга в Крестовой Церкви м-та Антония, а затем, в 8 ч. был у Тали О-ч. Упомянутые статьи носят заглавия «Возможный гегемон Европы» и «Дрезденская Мадонна». Вторая вполне уместна в «Итальянских впечатлениях», а первую, по-моему, печатать в этой книге совсем

не место. Это я и написал Розанову в письме от 26-го марта вместе с объяснением причины моего отсутствия из дома 25-го вечером.

Сегодня вечером утреню великой пятницы я слушал в Александро-Невской Лавре. Служил м-т Антоний.

Пятница 27-го марта.

Сегодня получены мартовские №№ журналов «Весы», «Золотое Руно» и «Старые Годы».

Митрополит еще не совсем поправился, что было заметно вчера вечером на его голосе, кроме того, температура у него, по его словам, все еще выше нормальной. На утрени Вел. Пятки канонирх левого клироса вместо прочтения хвалитных псалмов прокричал «глас 3-й Всякое дыхание....» и певчие пропели 2 стиха, затем, когда были прочитаны хвалитные стихиры и должен был следовать возглас «И о сподобится нам», он сказал «Слава Тебе, показавшему нам свет» и был перебит протодиаконом. Утреня продолжалась без нескольких минут 4 часа. Пели прекрасно, особенно ирмосы трипеснца Турчанинова и «Чертог Твой» М.А. Лисицына.

В мартовской кн. ж. «Весы» напечатана статья В.В. Розанова «Судебное недоразумение в Берлине» под заглавием «Нечто из тумана “образов” и подобий», мною для нее взятым и с моими сокращениями — того, что в ней говорилось о Вильгельме II, которого я считаю пошлейшим, хулиганнейшим и гнуснейшим из императоров. Интересна 2-я часть лекции Андрея Белого «Настоящее и будущее русской литературы». + О повести его «Серебряный голубь», 1-я гл. которой напечатана также в м. книге, считаю нужным отложить суждение, хотя скажу, что первая глава мне понравилась.

+Прочитана в СПб. 18-го янв. (см. Дневник 1909 г. Ч. I. Л. 34 об.).

Понедельник 30-го марта.

На об. листа 164 помещаю я передовую статью газеты «Речь» от 29 марта 1909 г., ее можно бы как проповедь прочитать с церковного амвона хотя бы на вечерни Пасхи, вместо тех ба-

нальностей и шаблонных «слов», которые обычно «глашаются» попами. Напр., вчера в Лавре, на вечерни в присутствии м-та говорил проповедь ректор ПТ. семинарии арх. Вениамин, утверждавший, что «наша вера – правая». Получился многознаменательный каламбур, полный глубокого ужасного и гнусного смысла: действительно, синодальная церковь исповедует «правую» веру, т.е. веру союза р. н. и Николая Кровавого. Так новая Валаамова ослица в митре, неведомо для самой себя изрекла нечто верное и гнусное в правде своей. Не могу не упомянуть здесь о прекрасных статьях Д.С. Мережковского (л. 163 об.) и Д.Вл. Философова (л. 163), очень умно и трогающее написанных. Пасхальные №№ «Речи» и «Нашей Газеты» дали по рассказу З. Гиппиус – в «Речи» – «Застенний» – «Н. Г.» – «Подслушанные слова». Этот посл. рассказ весьма значителен. Рассказы Сологуба в г. «Речь» и «Н. Газ.» мне не понравились своею мыслью. Рассказ в «Слове» недурен по мысли.

В «Нов. Вр.» Розанов в неподписанной передовице говорит о тайне «умершего и воскресшего Бога» – статья плохая. Он же в «Русском Слове» дал куда более интересную статью «Между скорбью и радостью», где говорит об утопичности своей мысли о возможности белого христианства, «осью» которого была бы не «Голгофа», а Вифлеем и чудо радость дарующего Воскресения.

На вечерни Пасхи 29-го в Лавре Тернов прекрасно спел «Да воскреснет Бог», «Пасха священная» Ст.Вас. Смоленского.

Вторник 31-го марта.

Сегодня вечером от 8 до 11 я был у известного композитора церковной музыки Николая Ивановича Компанейского, с которым познакомился года 2 назад на одном дух. к-рте.

Он сыграл мне на отличной фисгармонии свои ненапечатанные работы: «Стихиры Пасхи», «Тебе одеющагося», «Христос рождается» гл. I, «Вечери Твоей тайны» и «Хвалите имя Господа». Всего лучше ему удались «Тебе од.» и ирмосы Рожд. канона. Много говорили мы с ним и о положении церковного пения в России и о деятельности Ан.Ник. Николова.

Апрель

Среда 1-го апреля.

Сегодня я был у Вас.Вас. Розанова и взял у него для чтения статьи: 1) «Отчего падает христианство» – доклад, прочитанный весною 1907 г. в СПб. Р.Ф. Об-ве; 2) «Позлащенные кумиры» («Русское Слово 1907 г.); 3) Нечто о «переживаниях» и переживших. («Русское Слово 1906 г.); 4) Первые шаги церковной реформы (не напечатано). Эти статьи весьма интересны. Затем взяты мною и статьи «Дрезд. Мадонна», «Религия Кальвина», «Капище Молоха», «По католической Германии» и «Возможный гегемон Европы» для напечатания в виде прибавления к «Итальянским впечатлениям». В. В. был нездоров, почему я избегал разговоров на «серьезные темы» (из боязни утомить его).

Четверг 2-го апреля.

Бунт турецких войск в Константинополе, вызванный 31-го марта происками Киамиля-паша и стараниями реакционно-консервативных партий, враждебных комитету «Единения и Прогресса», закончился сменой кабинета министров, президента палаты, амнистиией мятежников и подтверждением неприкосновенности «шариата» султаном. Нет сомнений, что он является одним из выступлений реакции против турецкой свободы и конституции и основан на невежестве турецких войск. Так и турецкая конституция получила крещение кровью.

В.Д. Набоков, основатель «Лиги борьбы против смертной казни», получил отказ в регистрации этой организации, причем в о. бумаге смертная казнь именуется «законным установлением».

Пятница 3-го апреля.

Вчера состоялось 3-е заседание Совета Хр. Секции у С.А. Алексеева. Подробности о нем см.: имеющийся у меня «Журнал» этого заседания. Сегодня вечером с 6–11 ч. был у меня Д.Вл. Знаменский, которому я передал «Гоголь» Мережковского и «Иисус Назарянин» Ал. Ревиля. Прочитали вместе «Поэт сверхчеловечества» Д.С. Мережковского (очень понравивш. Дм. Вд.), «Подслушанные слова» З. Гиппиус, «Отчего “левые” побеждают “центр” и “правых”» Розанова (автограф, он интереснее 2-й редак-

ции) и «Судебное недоразумение» его же. Я ознакомил Дм. Вл. с деят. Совета Хр. секции.

Сегодня же получено письмо из «Весов» о Розанове и извещен он об этом письме.

Напечатано предисловие к «Ит. вп.», полученное от Розанова сегодня же.

Суббота 4-го апреля.

Сегодня у меня был епископ Михаил, которого я встретил на Финляндском вокзале в 2 ч. пополудни. Пробыл до 4½ дня. Наш разговор имел характер «предисловия», будущие разговоры – еще впереди. Между прочим я указал, что еп. Михаил неправильно понимает Мережковского – оказывается, что Михаил состоит сотрудником «Отдыха христианина» и работает там «рублей на 60 в месяц».

Воскресенье 5-го апреля.

Вчера я был у Д.С. Мережковского на заседании Совета Рел. ф-ского об-ва. Были и члены Совета Секции. Вопрос о времени первого собрания Секции решен К.М. Аггеевым, выбравшим среди 15-го апреля. Вопрос о реферате Розанова, не принятом в Об-во, остался открытым по отношению к Секции.

До и после заседания я много говорил с Зинаидой Николаевной Гиппиус о еп. Михаиле и о старообрядчестве, о Петербурге, о Вал.Павл. Свенцицком, даровитом юноше, изгнанном из московских религиозно-философских кружков за соблазнение 3-х барышень, от которых он имел и детей, в то время как восхвалял аскетизм. Эти подробности были для меня новостью.

Говорили и о ее стихах, о стихотворении «Петербург», которое должно бы появиться в «Речи» сегодня, и о «несчастном случае в цирке Чинизелли», который, по нашему мнению, имеет провиденциально-символическое значение.

Упомянула также З. Н. о странном союзе Эрна, Булгакова и даже Бердяева с Михаилом Ал-дровичем Новосёловым, бывшем толстовцем, ныне церковником, истинно русским человеком, защищающим «смертную казнь».

Среда 8-го апреля.

Сегодня прочитан мною последний лист корректуры «Итальянских впечатлений» Вас.Вас. Розанова. Всего книга содержит 20 листов.

Вчера получена от Ликиардопуло телеграмма с вопросом, пришлет ли Розанов статью о Гоголе. Ответить не могу по незнанию.

Пятница 10-го апреля.

В сегодняшнем № «Нового Времени» в правом верхнем углу 1-й страницы напечатано следующее извещение: «Извещаем наших родных, друзей и знакомых, что 9-го апреля у нас родилась дочь Ксения. Борис Михайлович и Елизавета Павловна Суворины».

Извещение это может служить объяснением отсутствия писем Елис. Павл. ко мне. Но я привожу его здесь, как редкий образчик людской глупости и пошлости. Прощаю людям все, кроме сей последней, я решил порвать отныне всякие сношения с Сувориным и прекратить переписку с Ел. Павловной.

«Техника дала человеку средство представить небо и преисподнюю, море и звезды, и человек ничего не нашел здесь интереснее кокотки», это говорит К. Чуковский в лекции о Нате Пинкертоне по поводу сюжетов кинематографа. И далее... «Кто все это смотрит? Дики и выродки». Я нахожу эти слова совершенно верными (сравни ст. В. Розанова «К.И. Чуковский о русской жизни и литературе в № 9 «Журн. театра Лит. Худ. Об-ва за 1908-9 гг. 2-я пол.»).

Суббота 11-го апреля.

Сегодня вечером получено письмо от епископа Михаила, извещающего, что он согласен на свидание с Д.С. Мережковским и предлагает назначить в среду или в пятницу на будущей неделе.

Воскресенье 12-го апреля.

Сегодня я получил письмо от художника Льва Самойловича Бакста, приглашающего меня завтра для переговоров об обложке «Итальянских впечатлений». Одобряя выбранную мною виньетку, он советует набрать слова «В. Розанов. Итальянские впечатления» шрифтом 30-х годов, обещая даже нарисовать заглавие в случае, если такого шрифта нет в типогр. Суворина.

Сегодня в Троицком Соборе А.-Невской лавры совершена хиротония архимандрита Мефодия (Великанова) во еп. Сарапульского, (2-го вик. Вятской епархии). На хиротонии присутствовали 13 епископов. Прекрасно пел м. хор под управлением И. Тернова. Особенно хороши были: «Херувимская» Турчанинова № 5, «Милость мира» Лазаревича, «Ангел Вопияше», «Валаамское» и «Тебе одеющаяся» Турчанинова.

Сегодня же узнал от о. Павла, что по докладу наместника Лавры архимандрита о. Феофана, предоставившего м-ту Антонию коллективную жалобу 14 послушников на эконома Лавры арх-та Филарета, позволившего себе ударить одного из них у ворот Лавры, арх. Филарет устраниен от должности эконома и выслан в Серафимо-Антонеевский скит лавры на ст. Преображенской Варш. жел. дор. Экономом лавры сделан временно эконом митр. дома архим. Евгений.

ДНЕВНИК 1909 г.

Часть III (с 13 апреля по 13 июня)

Понедельник 13-го апреля.

Сегодня я был у Л.С. Бакста, обещавшего завтра прислать рисунок обложки для «Итальянских впечатлений».

Недавно я вспомнил из «Зимней сказки» Шекспира рассказ полоумного юродивого о дворянине, которого мял медведь. Этот человек кричит: «Спасите меня, ведь я дворянин...» Нельзя было лучше высмеять глупость сословных претензий.

Сегодня я отвез лично в канцелярию градоначальника заявление о заседании Секции, имеющем быть в среду 15-го апреля в помещении Геогр. об-ва.

Вторник 14-го апреля.

«Царь испугался,
Издал манифест.
Мертвым – свобода,
Живых – под арест».

Это четверостишие поют рабочие в Сестрорецке после знаменитого «Высочайшего манифеста о свободе воли», как называют манифест 17 окт. 1905 г., бояки, продававшие текст его в октябрьские дни 1905 г. на Невском проспекте.

Это привел А. Блок в докладе «Стихия и культура».

Такой выкрик: «высочайший манифест о свободе воли» слышал не я один, напр., вчера напомнил мне о нем Андрей Николаевич Римский-Корсаков, также лично его слышавший.

А вот другая песенка русских бояков-хулиганов...

У нас ножики литые,
Гири кованые,
Мы ребята холостые,
Практикованные...
Мы начальству не уважим:
Лучше сядем в каземат:
Пусть нас жарят и паят
Размазуриков-ребят....

.....

Ах ты, книжска-складенец,
В каторгу дорожка,
Пострадает молодец
За тебя немножко.

Редкий пример порядочности.

Композитор Н.А. Римский-Корсаков (передаю со слов его сына Андрея Ник-ча) на представлении какой-то из его опер в Париже в присутствии В. Кн. Марии Павловны, отказался принять приглашение этой особы посетить ее ложу для выслушивания комплиментов и «Высочайшего одобрения».

Что касается «Летописи моей музыкальной жизни» Н.А. Римского-Корсакова, данной мне для прочтения его сыном Андреем, то она не произвела на меня хорошего впечатления. Замечается полное отсутствие глубины мысли у ее автора. Напр., рассуждения о праздниках Пасхи и Пятидесятницы в православии,

о догмате Троицы, или его понимании своей «Воскресной увертюры». Интереснее всего последняя глава о консерваторских историях 1905–1906 гг., эпизод с «Ночью под Рождество». Много мелочного и совсем незначительного, напр., все события личной жизни, рождение и болезни детей и т.п.

Между прочим, из «Летописи» я узнал, что Р. Вагнер первый на публичных концертах обернулся лицом к оркестру, спиной к публике. До него было наоборот. Понятно, что дирижеру надо видеть оркестр.

Четверг 16-го апреля.

Вчерашнее заседание Христианской Секции, собравшее не более 50 человек, прошло очень интересно, хотя и не стройно. К.М. Аггееву прекрасно возражал епископ Михаил, прибывший на это заседание, и Д.С. Мережковский, подчеркнувший, что Секции и Об-ву чрезвычайно дорогое участие в них преосв. Михаила. Умно и верно сказал Вяч. Иванов. Слабее других – речь председателя. После заседания состоялось собрание Совета об-ва, на котором постановлено: назначить 2-е собрание Секции для обсуждения докладов Вяч. Иванова «Христос и земля» и В. Розанова «О радости прощения». Время собрания определится по соглашению с референтами.

На заседании присутствовали Совет секции в полном составе, затем Д.С. Мережковский, Зин.Ник. Мережковская, Дм.Вл. Знаменский, С.Л. Франк, С.А. Соллертинский, В.Я. Колачёв, П.В. Раевский, г-да Оношкевич (как гости) и др.

Устройство собрания обошлось в 24 рубля.

А именно: за печатание 150 повесток – 3 р. 50 к.

Марки за рассылку их – 1 р. 35 к.

Геогр. обществу за освещение – 10 р.

Сторожам и швейцару за услуги – 6 р.

За изготовление чая – 2 р.

Собрано денег с 8 лиц по 50 к. – 4 рубля.

От В.В. Успенского получено 25 рублей. Надо ему вернуть 5 рублей.

Мережковский правильно сказал, что Розанов лукав и хочет разрушить дело христианства в России. Это было на сегодняшн. собрании: при этих словах Вас.Вас. Розанов хитро улыбался.

Пятница 17-го апреля.

Вчера состоялось у меня свидание Д.С. Мережковского с еп. Михаилом, в присутствии Дм.Вл. Знаменского, Дм.Вл. Философова и меня. Говорили с лишком 2 часа. Еп. Михаил поведал о своем намерении основать общину свободных христиан.

Вторник 21-го апреля.

Сегодняшнее заседание Рел.-ф-ского об-ва чрезвычайно интересно в первой своей части; оно началось докладом Дм.Вл. Философова «Национализм и религия», + после чего Д.С. Мережковский прочел свой доклад, написанный весьма умно и весьма красиво. Он кончил «здравствованием» русской интеллигенции и русской революции: «Да здравствует русская интеллигенция, да здравствует русская революция». В начале его доклада слушатели смеялись, и я думал, что Мережковский имеет полное право сказать им «Цыц, дурни!» или, по меньшей мере: «Чему смеешься? Над собой смеешься!» Народа набралось безмерно много, и слушающие стояли всюду, где только можно. Во время перерыва З.Н. Гиппиус сказала мне, что Совет об-ва желает предложить мне звание Секретаря об-ва с сохранением за мной должности Секретаря Христ. Секции. Для этого нам необходимо было сговориться, и она предложила мне вечер 23-го апреля в 9 ч. как время для делового свидания у нее на квартире. Я согласился.

+Доклад этот под заголовком «Семь смиренных» напечатан в г. «Речь» 26 апр. и помещен в этой тетради на об. л. 193.

Примечание. Краткий отчет о заседании Р.Ф. Об-ва из газеты «Речь» я помещаю на обороте этого листа.

Четверг 23-го апреля.

Вчера происходил экзамен по математике на атт. зре-сти при 7-й СПб. гимназии. Работу по алгебре первым подал Дм. Зн-

менский спустя час после начала экзамена. Работу по геометрии он подал вторым около 11 ч.

На письменном экз. по русскому языку была предложена тема «Как Тургенев “Записками охотника” исполнил свою “Аннибалову клятву”, иначе сказать, какую роль сыграли «Записки охотника» в деле освобождения крестьян?»

Пятница 24-го апреля.

Вчерашнее мое посещение Мережковских, длившееся 4½ часа, имеет особо важное значение. Мы выяснили пункты взаимного несогласия и согласия. Главным несогласием является взгляд Мережковской на иерархию как на нечто, что должно быть преодолено. Кроме того, они полагают, что санкция общины есть условие необходимое и достаточное, чтобы быть, считать себя посвященным. Преемственности иерархии, необходимости «поставления предстоятелем» они не принимают. Мотив: единый епископ есть Иисус Христос и Он всегда с членами Церкви, так что не нужен никакой его «наместник». Есть некоторое, но весьма не важное разногласие и в вопросе о Предании.

Много говорили о преосв. еп. Михаиле и о деятельности Религиозно-философского об-ва в буд. ак. году. Почти остановились на мысли основать секцию для религиозной пропаганды среди рабочих, предоставив Общество тем, кто думает работать в направлении церковной реформации.

Сегодня вечером я получил сброшюрованную, в оригинальной обложке книгу В.В. Розанова «Итальянские впечатления», которая поступит на днях в продажу в кн. маг. Ив.Ив. Митюрикова по цене 1р. 50 к. (так назначено мною ввиду того что печатание 2400 ех. книги обошлось около 900 рублей) с уступкою М-ву 35%.

Понедельник 27-го апреля.

В.В. Розанов уехал на Гоголевские торжества в Москву. Сегодня в «Нов. Времени» напечатана его статья против Д.С. Мережковского. Я помещаю ее здесь на л. 199.

Сегодня же напечатан там фельетон Н.И. Компанейского «К вопросу о церковном пении», представляющий собою грубый,

неосновательный и даже недобросовестный «выпад» против С. Смоленского. Компанейский прогневался на См-кого за отрицательный отзыв «о новых мудрованиях» в церковной музыке, усмотрев в нем намек и порицание себе, Лисицыну и С. Панченко. Я не ожидал от Н.И. К-ского такой недобросовестности. Полагаю, что эта статья много повредит С.В. Смоленскому в его предположении заняться обучением в Рег. уч-ще стипендиатов епархий. Наши архиереи – большие почитатели «Нов. Вр.», что видно, напр., из приветствий, полученных «хозяином» газеты от м. Антония и др. в день юбилея.

Вторник 28-го апреля.

На вчерашнем собрании Совета Рел.-ф-ского об-ва рассматривался вопрос о деятельности об-ва в 1909/10 ак. году. К определенным результатам мы не пришли, но большинством голосов признано невозможным закрыть общество. На собрании присутствовали И.А. Андреев, Д.С. Мережковский, Д.Вл. Философов, С.А. Алексеев, В.В. Успенский, Вяч.И. Иванов, я, А.В. Карташёв, св. К.М. Аггеев, З.Н. Гиппиус и Е.П. Иванов. Окончательно решили устроить 2-е заседание Христианской секции в воскр. 3 мая, на что ассигновано Советом 25 рублей из средств об-ва. Предметы заседаний:

- 1) доклад В.В. Розанова «О радости прощения»;
- 2) « ----- » В.И. Иванова «Евангельский смысл слова земля».

З.Н. Гиппиус сообщила, что еп. Михаил был у них в субботу, 25 апреля, что они будут переписываться и что многое выяснилось после этой беседы.

«Итальянские Впечатления» В.В. Розанова подарены мною следующим лицам: 1) еп. Антонину, 2) И.Ф. Богданову, 3) Д.В. Знаменскому, 4) Н.П. Каблуковой, 5) М.Н. Ливенцеву, 6) еписк. Михаилу, 7) Н.М. Максину, 8) А.Н. Римскому-Корсакову, 9) В.И. Рубцову, 10) А.Г. Гейкелю, 11) К.К. Соловьёву, 12) Д.А. Черкесову, 13) А.И. Яцимирскому, 14) С.В. Смоленскому, 15) Тали, 16) В.И. Оношкович-Яцына, 17) С.Ф. Федоровичу, 18) А.М. Бутусову, 19) В.А. Кандалаки, 20) Е.В. Каблуковой, 21) кн. Б.А. Тенишеву, 22) Н.Н. Непенину, 23) А.П. Никифоровой.

Май

Понедельник 4-го мая.

Вчера состоялось в помещении Геогр. об-ва последнее в этом году заседание Христианской секции Рел.-ф-ского об-ва, на котором присутствовали: С.А. Алексеев, Д.С. Мережковский, Д.Вл. Философов, В.И. Иванов, я, З.Н. Гиппиус, А.В. Карташёв, В.В. Успенский, В.В. Розанов и др. Краткий отчет об этом заседании читатель найдет на об. предыдущего листа. Заседание закрыто в 12 $\frac{3}{4}$ ч. ночи.

З.Н. Гиппиус сказала мне, что она с мужем и Ф-м едет в Южную Германию 9 мая в 6 вечера. Просила меня писать ей и сама обещала писать мне.

На заседании присутствовали около 50 членов.

Вторник 5-го мая.

В издательстве «Пантеон» вышла монография Д.С. Мережковского «Лермонтов – поэт сверхчеловечества» (СПб., 1909, ц. 50 к.) На днях выходит в том же изд-ве «Песнь песней» Соломона с вступительной статьей В.В. Розанова – роскошное изд. большого формата.

Сегодня я послал З.Н. Мережковской две брошюры еп. Михаила: 1) О вере и неверии. Вып. II. М., 1909 г. и 2) Беседа М. с о. Кс. Кс. в Киеве.

Среда 6-го мая.

Литургию отдания Пасхи и вечером Вс. Бдение накануне Вознесения я слушал в Ал. Н. Лавре. Всенощное по нездоровью м-та служил еп. Гдовский Кирилл. Хор Тернова исполнил 1) преднач. ж. Яичкова, 2) «Свете Тихий» – Братское, 3) «Боже во имя твое» Львовского, 4) «Полиелей» – Никольского № 2-ой, 5) Ирмос вознесения Львова и 6) Вел. Славосл. Архангельского.

На литургии братия исполнила Милость мира М.А. Лисицына.

Я давно не был в Лавре и, прияя сегодня туда, узнал о некоторых переменах там. Во-первых, архидиакон Лавры Иоанн поставлен иеромонахом и завтра за литургией возводится в сан архимандрита, т. к. он назначен настоятелем первоклассного Нежинского м-ря Черниговской епархии, на место некоего архим.

Василия, переведенного в П-рг цензором (понижение) за чересчур большую ревность в утверждении и насаждении истинно-русских идей.

2) Архидиаконом Ал.-Н. л. сделан архидиакон Почаевской лавры, обладающий очень плохим голосом и совершенно не подходящим к большому храму. По-видимому, арх. Антоний Волынский захотел с ним расстаться, чего и достиг, навяз. его нашему м-ту.

3) Чиновщик митрополита Иаков сообщил мне, что знамени-тому Дубровину «пришел конец», его участие в убийстве Герценштейна и в «заговоре» против П.Н. Милюкова – не утка левых газет, а нечто несомненное.

Пятница 8-го мая.

Вчера до полудня получено на мое имя (в мое отсутствие) следующее письмо от Зинаиды Николаевны Мережковской: «7 Мая 09. Лит. 24 СПб. Дорогой Сергей Платонович, нам не хотелось бы уезжать, не повидав Вас еще раз. И мне было бы гораздо приятнее, если бы Вы смогли еще зайти к нам проститься без предъездной суэты и вокзальной сутолоки. Так как сегодня праздник, то, может быть, Вы свободны сегодня часов в 5 дня? Это было бы самое удобное. Пожалуйста, приходите!

Спасибо за брошюры, в них очень много любопытного! Итак, надеюсь, до свидания сегодня. Ваша З. Гиппиус».

Это письмо было прочтено мною 7 мая в 11 ч. вечера. Сего-дня утром я отправил Зинаиде Николаевне Мережковской ответ, в коем извинялся за невольный грех невежества (запоздалый ответ), я объясняю причины его несвоевременности, пишу, что могу прийти или сегодня с 6 час. Вечера, или завтра днем, и извещаю, что не могу проводить их, как хотел ранее. Письмо заканчивалось просьбой об ответе. Не получал ответа до 3½ ч. дня, позвонил по телефону к Мережковским, и Дм.Вл. Философов взволнованным голосом сообщил мне, что Зинаида Ник-вна вдруг захворала, у нее сильный жар, и они в тревоге, ибо взяли билеты на завтра и не знают, удастся ли им выехать. А «Nord Express» идет только в среду и субботу в 6 ч. в. и проезд до Берлина в нем стоит 85 рублей.

Суббота 9-го мая.

Вчера я был в качестве депутата от СПб. Уч. округа в частной женской гимназии Аглаиды Петровны Никифоровой (Невский пр., уг. Дегтярной ул.) на экзамене физики и космографии 23 учениц 7-го класса. Преподавателем этих предметов оказался, нет, оказалась некая Анна Петровна Х., эффектная «особа женского пола», высокая и стройная в прекрасно сшитом сером бархатном костюме и со шлейфом. Она соблаговолила явиться лишь 35 мин. спустя после прихода моего, и причина ее запоздания заключается в том, что она «думала», что экзамен будет в 1 ч. В кабинет начальницы она вбежала в огромной, с большое решето, серой шелковой шляпе и стала рассыпаться в извинениях. Конечно, я не дал себе труда ее выслушать и предложил начать экзамен. Что общего было у этой «особы женского пола» с физикой и астрономией? Этот вопрос пришел мне в голову сразу, как только я увидел ее. И ответил я на него сейчас же одним словом: «ничего», и экзамен блестяще подтвердил мой «прогноз». Замечу мимоходом, что сама А.П. Никифорова гораздо скромнее и серьезнее этой «вертихвостки» и произвела на меня хорошее впечатление своей расторопностью без придатка суетливости и живостью, энергичностью, вполне не деланной. Экзамен начался в 12 $\frac{1}{4}$ пополудни и окончен мною в 3 ч. дня. Отметки я поставил такие, какие желали «дамы», так что оказалось всего две тройки, менее десятка четверок и все остальные пятерки. Конечно, оценки эти есть насмешка над ученицами и особенно над учительницей. Ответы производили крайне удручающее впечатление, ибо давались без размышлений, без смысла, как говорят попугай. «Вся» физика и «вся» космография были заучены наизусть, но при этом, оказалось, что уч-цы иногда не знают совершенно простых вещей. Приведу здесь для смеха некоторые ответы их.

Эффектная «особа», похваставшаяся, что кончила Высшие курсы и даже вычисляла эфемериду Галлеевой кометы под руководством А.М. Жданова, сама «провралась» дважды, предложив такие вопросы: 1) Что представляет собою планета (Sic!) Солнце? 2) По каким кругам (Sic!) движутся планеты? Надо упомянуть, что ответа на эти вопросы со стороны учениц не последовало.

На мой вопрос: только ли Венера имеет фазы? уч-ца дала ответ: нет, и Луна еще. И больше нет? Нет. А Меркурий? Меркурий фаз не имеет.

На мой вопрос, что значит слово «универсальный», экз-ся дала ответ: ун-ый значит вселенный. На мой вопрос, когда жил Галилей, уч-ца ответила: в XVI в. А другая уч-ца, на вопрос мой, когда жил Кеплер, долго молчала, и когда я спросил: до или после Р. ХР.? тотчас же ответила: до Рожд. Хр! Она же ответила, что Исаак Ньютона жил ранее Кеплера! Одна ученица, имевшая по физике годовой балл 5, едва-едва сказала химич. состав воды, сперва приспав ей формулу HO^2 .

Одна ученица на мой вопрос, к каким светилам относится годичный параллакс, ответила: «к Луне». А вот ответы на вопросы программы при рассказе содержания вынутого билета: «Теплотой назыв. ощущения тепла и холода». Скрытая теплота: «тепло это не видно, след., оно назыв. скрытой теплотой». «Путь земли наз. эклиптикой». Марс: «это планета гораздо меньше земли» – и только! «Полдень в различных частях будет долготою» (опред. геогр. долготы). «Кометы – это неподв. звезды». «Солнце в 109 раз > Земли». «Звездн. сутками наз. путь звезд на небе». «Массою тела наз. то вещество, которое находится в теле». «Делимостью назыв. способность тела делиться» – и только. «Преломление в двояко выпуклом стекле слабее, чем в двояко вогнутом». «Для гигрометра употребляется серная кислота».

На мой вопрос: какой оптический прибор, кроме лупы (о которой отвечала ученица), и чаще лупы употребл. в домашнем обиходе, последовал ответ (сперва) проекционный фонарь, (затем даже) рефрактор и только намеками удалось добиться слова «бинокль». При этом девять учениц имели годовой балл 5, восемь – 4, пять учениц – 3 и одна уч. – 2. Так что средняя успеваемость класса равна 4: $(9*5+8*4+5*3+1*2 = 4)$.

И начальница, и «особа», очевидно, остались очень довольные мною. Между прочим, А.П. Никифорова не прочь сдать свое помещение на вечера каким-ниб. курсам. Об этом я вчера сообщил С.В. Смоленскому, который ищет помещение для Рег. уч-ща, т. к. должен выезжать от Гуревича.

Воскресенье 10-го мая.

Сегодня сообщается старообрядческим журн. «Церковь» (№ 19), что в с. Поим, Пензенской губ. скончался 4 или 5 мая известный противосектантский синодальный миссионер, прот. Ксенофонт Крючков, так позорно полемизировавший с епископом Михаилом на Миссионерском съезде в Киеве 20 июля 1908 г. (см. «Публичное собеседование архим. Михаила с синодальным миссионером о. К. Крючковым в Киеве 20 июля 1908 г. Стенографический отчет. Изд. «Союза старообр. начетчиков». М., 1908. Ц. 15 к.).

В газете «Слово» напечатано сегодня «Открытое письмо» авторам «Вех» архиепископа Волынского Антония (Храповицкого), подписанное датой 1-го мая. Читатель найдет его на обороте этого листа вместе с ответом там на него Петра Бернгардовича Струве. Из ответа последнего видно, до чего не умно это выступление моего бывшего сановного доброжелателя и единомышленника. А ведь он, несомненно, человек умный и наиболее живой среди прочих «позлащенных кумиров», как называет иерархию Вас.Вас. Розанов.

Что «Вехи» придется «по вкусу» преосвященному Антонию, это было ясно, и, напр., Д.С. Мережковский в своем докладе «Семь смиренных» даже сравнивает одного из участников «Вех» – М. Гершензона – с архиепископом Антонием Вол. и т. к. оказался провидцем. Эти два письма я отправлю завтра Зинаиде Николаевне Гиппиус.

Понедельник 11-го мая.

Вчера вечером у меня был Антон Владимирович Карташёв, профессор Высших женских курсов по кафедре истории церкви. Узнав от Мережковских, что «Каблуков и до сих пор ходит в лавру» он почуял во мне любителя православного богослужения и сам, будучи таковым с семилетнего возраста, пожелал поговорить со мною об этом, поделиться своими переживаниями и встретить сочувствие «родственной» души. Мы побеседовали с ним два часа и оказалось, что в этой области мы согласны во всем. Он глубоко чувствует всю красоту, стройность богослужений и ясно понимает

и ярко ощущает всю бедность мирской, светской эстетики по сравнению с эстетикой церковно-богослужебной. Как и для меня, светской музыки для него не существует, как и я, он мечтает быть монахом, епископом – ради богослужений. От него я узнал многое о Мережковских. Между прочим, и то, что они, особенно Зинаида Николаевна, относится к обрядности довольно отрицательно. Впрочем, он полагает, что Мережковские могут еще прийти к утверждению обряда.

Вторник 12-го мая.

Вчера вечером, вернувшись от Д.Вл. Знаменского, я нашел у себя на столе присланный Розановым экз. «Итальянских впечатлений» с такою странною надписью:

«Преданному и самоотверженному оруженосцу, –
но не Санчо Пансо –
Сергею Платоновичу Каблукову
“Рыцарь печального образа”
В. Розанов».

Воскресенье 17-го мая.

Всенощное бдение накануне я слушал в Троицком соборе Александро-Невской лавры, где служил его м-т Антоний. Хор Ивана Яковлевича Тернова исполнил прекрасные композиции А.Д. Кастальского («Благослови душе моя Г.»), Степанова («Свете тихий»), Г.Ф. Львовского («Преславная дней» и прочие стихиры на хвалитех и особенно замечательное «Царю Небесный Знам. Госп.», гл. 6). Прекрасно было исполнено и «Феофановское» «Славословие вел.», «Полиелей» Ф. Иванова и неподражаемые ирмосы «Божественным покровом», гл. 4, «иамвического» канона, творения св. Иоанна Дамаскина знаменным роспевом в переложении Гр.Ф. Львовского.

Я с восторгом выстоял 4-х часовую службу, упиваясь красотою богослужения, текстов стихир, канонов и прекрасной музыкой.

Понедельник 18-го мая (продолжение).

Неисчерпаемы сокровища, заключенные в славянском православном богослужении, но чувствовать и оценить, полюбить их

могут лишь немногие. К ним с гордостью и радостью отношу я друзей моих Д.Вл. Знаменского, А.В. Карташёва, С.В. Смоленского, Н.Н. Извекова, В.И. Оношкович-Яцына и, пожалуй, И.П. Мурзина да еще Ив.Ив. Митюрникова. Но даже дорогие мне Мережковские чужды этого понимания и холодны к церковно-богослужебной эстетике, наипаче же Зинаида Николаевна, которая даже плохо знает Типикон и литургику. «Кафолик» Вяч. Иванов, тяготеющий к латинянам и в некотором роде «папист», относится к русскому богослужению с любовью, но платонически. Любит издалека...

Литургию и вечерню Троицина дня я также слушал в лавре. Пели то, что уже 4 года слышу я здесь в этот день. Вечерню я достоял лишь до молитвы, ибо очень устал. В этот день вновь после долгого перерыва я встретил Владимира Влад. Майнова, служащего в Экспедиции заготовления государств. бумаг, человека крайне умного, церковно образованного, несомненного мистика с оригинальными мыслями и взглядами, чуть-чуть парадоксального, но искреннего и весьма интересного. Вменяю себе в долг впоследствии дать попытку характеристики его взглядов на страницах этого «Дневника» и непременно познакомлю его с Мережковскими.

Четверг 21-го мая.

В № 4 «Весов» напечатаны четыре статьи о Гоголе, из них особенно значительные 1) речь В.Я. Брюсова, сказанная на торжеств. заседании Об-ва любителей российской словесности 17 апреля и вызвавшая грубые и пошлые свистки и протесты разных некультурных мещан и буржуев, державших себя как высокопробные хулиганы. На месте Брюсова я на свистки и протесты этих человекообразных боровов крикнул бы что есть мочи в залу: «пошли вон, дураки». Бр. поставил себе задачу доказать, что основной, главной чертой душевной физиономии Гоголя является особая склонность к преувеличению, к гиперbole. Эта склонность проходит красной нитью во всем творчестве Гоголя, а равно является значительной и в его жизни. Брюсов прекрасно справился с этой задачей и целым рядом цитат из сочиненного Гоголем вполне доказал справедливость своего утверждения. Но надо ли прибавлять, что его речь, конечно, не «по зубам» безмозглым пошлякам, бывшим на торжестве...

Замечательна и статья Андрея Белого «Гоголь». Он прекрасно характеризует слог Гоголя, его образы и сближает Гоголя по утонченности стиля с Нитче и Ф. Сологубом. Особенного внимания заслуживает та часть статьи, где А. Б. говорит о любви Г. к России, в этом моменте Гоголь всего ближе к нам...

Интересна статья Эллиса «Человек, который смеется». В ней сделана попытка доказать, что «вечный» смех, вечная ирония был «вечным» «грехом» Гоголя, его душевной драмой. Смех этот закрыл Гоголю возможность приобщиться к Красоте. Этот грех искупал Гоголь всю свою жизнь, и в последний час его, над ним, соединившим в себе душу «художника-диавола» с душою святого праведника, «засверкали два золотых венца, венец бессмертного творца и венец святого мученика».

Наконец, короткая ст. Б. Садовского «О романтизме у Гоголя» мало доказательна и, пожалуй, даже легкомысленна. Даже нескольких слов жалко на передачу ее содержания.

На днях вышел 1-й № журнала «Остров» (ежемесячный ж. стихов), издаваемый «стихотворцем» Н. Гумилёвым (ц. 2 р. в год). Очень хорошо только стихотворение Вяч. Иванова «Суд огня», да недурны стихи Михаила Кузмина «Праздники Богородицы». Все остальное написано «неведомо зачем», как сказал Пушкин в эпиграмме на некоего «тоже поэта» Неведомского...

Заговорив здесь о В. Иванове, упомяну, что в среду 20-го он был у меня вечером около 4 часов, и мы провели это время в мирной беседе; он рассказал свою автобиографию и особенно много говорил о своей покойной второй жене Лидии Димитриевне (Зиновьевой-Аннибал), умершей летом прошлого года от «скрлатины» и, повидимому, ставшей к этому времени зрелой пшеницей Отца Небесного. Так я думаю и на основании рассказа Вяч. Иванова, и на основании ее прекрасных рассказов «Трагический звеницец».

Июнь

Пятница 5-го июня.

Таля уехала в Минскую губ. 28 мая с сыном, а вчера уехал в Кострому Д. Вл. Знаменский. 2 июня я был у Вяч. Ив. Иванова с целью побеседовать о неожиданном конце свидания его с

Вл. Вл. Майновым, бывшим у меня в воскр. 31 мая вместе с В. Ив. Дело в том, что Майнов сказал, что он предлагал свои услуги правительству в качестве палача. Это возмутило и меня, и особенно. Вяч. Ив-ча. Он сказал М-ву так: «Дорогой Вл. Вл.! Предлагаю Вам сейчас же покаяться в этом грехе, иначе я не могу иметь с Вами никакого общения». М-в покаяться отказался, тогда И-в стал прощаться со мною и уходя не подал руки М-ву, простившись с ним поклоном. Конечно, В. И. поступил правильно, но я думал, что он обидится на меня, что я свел его с человеком, которому он не может подать руки. Из разговора затем выяснилось, что В. И., на-против того, благодарен мне за знакомство с М-вым, ибо считает этого М-ва в высшей степени интересным человеком, одним из героев Достоевского, хотя Д-м и не описанным. «Вам за Майнова всякий беллетрист в ножки бы поклонился», – сказал Вяч. Ив. Интересна и характеристика, данная М-ву Вяч. Ив. Он считает М-ва человеком необыкновенным в том смысле, что М-в может моментами концентрировать и развивать в себе запас огромной нервной силы и при помощи этой силы может сделать очень многое. Сам М-в считает, что эту силу ему посыпает Бог, по мнению же Вяч. Иванова, сила эта – от низших духов, которые одержат Майнова и могут за то служить ему.

Сочувствие монгольскому идеализму, страх перед мучениями физическими, отрицание ценности жизни человека перед животными, утверждение смертной казни как дающей муку краткую вместо муки долгой с пыткой – каковою, по мнению Майнова, является, напр., катарга, и вообще утверждение принципа необходимости, что свойственно низшим духам, а не категории свободы, что отличает христианина, действительно характерны для Майнова, и уклон к демонизму и даже значительный, притом не сознанный им самим, в нем есть несомненно. Вяч. Ив. говорит, что душа и сознание Майнова колеблются между преступностью и безумием; пока эти две «бездны» в нем – уравновешивают одна другую и он нормален, стоит равновесию нарушиться и мы будем иметь безумного или преступника. Последнее несколько преувеличено, по крайней мере, по моему мнению. Но действительно, в М-ве поразительно смешаны добро и зло, свет и тьма, в этом я убедился из вчерашнего разговора с ним, когда он зашел ко мне, чтобы вернуть «Не мир, но меч» Мережковского. На сей раз о Майнове довольно.

Надо записать еще то, что рассказал Вяч. Иванов о З.Н. Мережковской. Оказывается, что она страдает чахоткой, развивающейся очень медленно. Она знает это и живет след. в постоянном ожидании смерти. Во-вторых, она – по-видимому (законная) жена Д. С., на самом деле – девушка, ибо никогда не могла отдаваться мужчине, как бы ни любила его. В ее жизни были любовные увлечения, напр. известным Флексером (А.Л. Волынским), с которым она одновремя даже жила вместе в «Пале-Рояле», но эти увлечения не доходили до «падения». И в этом для нее – драма, ибо она женщина нежная и страстная, мать по призванию. Говорят, что у нее есть интимный дневник, который будет напечатан после ее смерти. С Мережковским ее союз – чисто духовный теперь, как и с Дм. Философовым. Все трое они живут как аскеты и все намеки на «*ménage en trios*» – гнусная выдумка. По мнению Вяч. Ивановича З. Н. гораздо талантливее Мережковского как поэтесса и автор художественной прозы. Она принадлежит к классическим поэтам, т.н. поэтам *minores*, как, напр., Катур(лл) и Проперций в Риме, Баратынский у нас и др. Она была творцом Религиозно-философского об-ва; многие идеи, характерные для Мережковского, зародились в уме З. Ник., Д.С. принадлежит только их развитие и разъяснение. Зин. Николаевна очень тяготится тем, что она женщина, поэтому она подписывается часто мужскими псевдонимами – напр., «Антон Крайний», «Лев Пущин» и в стихах и рассказах от своего лица говорит всегда в мужском роде. Я спросил Иванова, не имеет ли себе возмездие в лесбосских склонностях это отвращение Зин. Ник. к мужским ласкам. Он ответил незнанием, хотя признался, что также думает и сам. Но прибавил, что теперь к этим аномалиям она относится с отвращением, весьма ригористично. Мистического опыта в ней также несравненно более, чем у ее мужа.

NB. Все это я записал в Выборге в «отеле Рауха», куда уехал сегодня из П-рга с поездом в 9 ч. 55 м., а приехал в 2 ч. дня. «Отель Рауха» – недурное трехэтажное довольно обширное здание на углу Репола и Магнус-кату. Я взял на одни сутки (завтра еду в Териоки) небольшой, но крайне чистый № за три марки. Из моего окна открывается налево и вперед прямо прекрасная панорама на залив и северную часть Выборга. Окно выходит на улицу, и в городе сейчас тишина удивительная. Только слышны гудки и свист-

ки паровозов — вокзал рядом. Езды не слышно. Не то что в П-рге, где до меня ежеминутно доносился свист летящего «сломя голову» по Бассейной трамвая. Выборг так невелик, что в нем нет ни конок, ни трамвая. И слава Богу...

Обедал я в гост. «Бельведер», где жили депутаты I русской Гос. думы и где они составили и подписали «Выборгское воззвание». Сегодня был и на Эсклападе — ничего особенного, играет скверный финский духовой оркестр пошлые пьесы. В четыре часа долго звонил колокол протестантской церкви, я думал, что там имеет быть богослужение, но ошибся. Позвонили оттуда с 15 мин. и умолкли. Так и не знаю, почему звонили.

Суббота 6-го июня.

Сегодня я был у всенощного бдения в Териокской церкви. От меня ходьбы туда минут 20. Пришел вот-вот к началу службы. Церковь маленькая, деревянная, низенькая. Колокола, конечно, тоже слабые. Служат священник с диаконом, последний читает и за псаломщика. Поют на правом клиросе четыре любителя, пожалуй, и недурно, но с претензиями, напр., исполнили три стиха «Полиелея» Чайковского. Для Териокской «веси», пожалуй, и сойдет. Пели вообще больше недурной догматик «Прииде...» 2-го гласа, ирмосы воскр. гл. 2-й Львова, почему-то только 1, 3, 4, 7, 8, 9-ю песни, «Воскресший Христово» Арх-ского, неведомый мне, «Свете тихий», «Буди им Господие», «Блажен муж» (первые три стиха) и Предначин. псалом. На «Господи воззвах» стихир совсем не пели.

Как видно, служба мало чем отличается от богослужения домовых церквей в Петербурге, только певцы Териокские, пожалуй, поопытнее иных столичных. Хорошо, что нет женских голосов. После 1-го часа (однопсалмный) хорошо спели «Взбранной» Каченовского. Я вернулся домой в 9 часов вечера.

Воскресенье. Газеты подали по 8-ми коп. за № лишь в 10½ ч. утра; из них узнал, что в Петербурге опять увеличилась холера — вчера заболело 53 чел, ум. — 10 — в больницах на излечении — 176 ч. По поводу возобновления церковного почитания св. Анны Кашинской газеты сообщают, что Рогожская старообр. община обратилась к архиепископу Тверскому Алексию с просьбою о разрешении и старообрядцам совершить богослужение по случаю

торжества у мощей. Арх-п встретил ходатайство это сочувственно. Может быть, это и хорошо, но невольно вспоминаются мне слова Майнова: «шиш Антихристов хочет господствовать не только над синодальною Церковью, но и над всеми прочими; потому и дана свобода вероисповедания. Победоносцев уважительно относился к чужим церквам. М-в думает, что Никону не сойдет даром новое «надругательство» над св. Анной. Действительно, он, кажется, серьезно считает себя «главою» Церкви. Случай с английским пароходом «Woodburn» в финляндских шхерах довольно загадочен и давал простор фантазии, можно считать его благоприятным предсказанием для предсказания М-ва.

Вторник 9-го июня.

На страницах этого дневника должна быть изложена история моих посещений частного реального училища А.С. Черняева.

Среда 10-го июня.

Сегодня получено письмо от В.В. Розанова, живущего по соседству (Тюрисево, дер. Лепенене), приглашающего меня в воскресенье или утром, или в пять часов пополудни.

Отвечая Зин. Никол. Г-с на ее письмо из Германии, полученное мною 30 мая (см. стр. 243), я писал 3 июня ст. ст. следующее: «Дорогая Зин. Ник., письмо Ваше обрадовало меня главным образом сообщением, что Вы начинаете отдохать от суеты “царствующего града”, который на днях отпраздновал открытие памятника А. III и готовится к празднованию 200-летия Полтавской Победы, т.е. дня 27 июня. В бронзовом “идоле” итальянствующего рюриковича, вызвавшем единогласное неодобрение Петербургских *bourgeois*, мне чудится нечто ироническое, странное соединение грубой и злой физической силы с пошлостью. Я думаю, что такое соединение действительно характерно для этого коронованного мясника, так любившего разные “истинно русские” вещи, напр. водку, Победоносцева и пр., о чем не стоит и вспоминать. Я не хочу сказать, что кн. Паоло, получивший за “истукана” что-то около полутораста тысяч рублей, имел в виду какую-либо тенденцию, нет, просто – так вышло, что и доказывает, что он

действительно художник. Б. М. – эти два слова совсем неосновательно присваивают себе разные хулиганы в мантиях и коронах. На днях вот встретятся двое таких, прусский и русский – в Финляндии... из этого выйдет. Однако я ввел Ваше внимание в область дел государственных. Извиняюсь и перестаю об этом.

Хотел было я ехать в Кашин, на торжества, связанные с именем св. благов. Анной Кашинской, а очутился в Териоках, куда уезжаю 6 июня, а жить там буду у одной разведенной жены, что вполне безопасно для меня, ибо безбрачное состояние предпочитаю всякому брачному, как легальному, так даже и такому, которое ни к чему не обязывает. В этом Бог мой да будет мне помощником!

Может быть, Вам покажется странным, что я думал вступить в молитвенное общение с Синодальною с позволения сказать Церковью? В объяснение этого благословите сказать несколько слов. В Кашин меня влечет то же чувство, которое заставляет неуклонно выстаивать долгие Лаврские службы, которое было одним из стимулов моего выбора для себя именно учебно-ученой деятельности, оставляющей свободными все вечера накануне праздников. Я люблю православное богослужение и не могу жить без него. Я живу от праздника до праздника, сменяю их, сменяю различных богослужебных периодов. Я ощущаю, как радостное, праздничное по преимущество время, когда в храмах “правится” Триодь Цветная; напротив, с Триодью Постной в церквях как бы пелена траура покрывает меня и мир.

Каждый праздник я чувствую по-разному и переживаю события, им вспоминаемые, как бы присутствуя на них. Поэтому в вопросе о сокращении праздников я, конечно, на стороне еп. Никона Вологодского, а не буржуазных газет. Обычное, светское, “интеллигентское” отношение к храму, богослужению и праздникам, проистекающее в 99 из 100 случаев из невежества, незнания славянского языка и отсутствия эстетической чуткости или крайней ограниченности эстетического восприятия, которому недоступно все, лежащее вне области “Афродиты вульгарной”, мне глубоко противно. Я полагаю, что создание и сохранение в неприкосновенности богослужебного ритуала, хранение и исполнение “Типика” есть великая заслуга восточного христианства не только в плане мистическом, но и в деле подлинной культуры.

“Стихиры Пасхи”, так любимые нашим деревенщиной-простолюдином и по содержанию, и по музыке (напеву), суть совершенные творения искусства. Это чувствуешь, слушая их, и в этом убеждаешься, делая их певческо-ритмический анализ.

В рассказе “Месса” (“Сев. Цв.” 1903) “девушка” (ставлю кавычки, ибо какое же тут девство), испытавшая “золотые волны” мужских ласк в течение 40 минут, говорит, что те же “золотые волны” будут укачивать ее и во время заупокойного богослужения по этому “любовнике на час”. Я думаю, что такие мысли – ужасны, несмотря на то что у римских христиан нет церковной музыки и что женская католическая религиозность имеет в себе ненормальный эротический элемент. Наше богослужение не питает таких настроений ни единым словом, ни единой нотой и в этом также его несомненное достоинство. Оно небесно, оно низводит небо на землю. Я не знаю, как относитесь Вы к тем формам, в какие облечено сейчас наше богослужение, но Ваш рассказ “Подслушанные слова” является для меня плохим предзнаменованием. Впрочем, в рассказе “Не то” (“Весы” 1906. 6) звучат и другие мотивы, мне очень близкие. Я думаю, что вдаваться в большие подробности по этому вопросу сейчас – не следует. Да и боюсь утомить Ваше внимание. Не откажусь, конечно, возвратиться к нему впоследствии, если окажется нужным. А пока, – будьте здоровы! Очень желаю, чтобы лето дало Вам действительный отдых. Сердечно приветствую и желаю всего лучшего Д.С. и Д.Вл.

Искренне преданный Вам Сергей Каблуков».

Сегодня ночью я был в общественном саду в Териоках по слухаю празднования Кануна «Ивана Купала» (нов. ст. 24 июня). Местные жители устраивали хороводы и ходили по кругу с какими-то песнями; круги были то мужские – составленные из одних парней, то женские – из женщин. Смешанные, оба пола – парами. Двигались пары очень медленно, и пение было вялое, немелодичное. В стороне образовали подобный же хоровод, – в нем пели по-русски, что именно, я не разобрал, как ни старался. Около 11½ ч. веч. зажгли бочки со смолою, что было довольно красиво. Я скоро ушел с этого сборища на берег залива, где пробыл с полчаса. Была

свежая и светлая белая ночь. Рядом в «Казино» играл плохой оркестр какие-то пошлые пьесы.

Суббота 13-го июня.

Сегодня получено мною второе письмо от Зинаиды Ник. уже из Швейцарии (гор. Лугано – Lugano – на границе Италии. Считаю необходимым привести его здесь полностью: «Suisse. Lugano. 22.6.09. – Дорогой С.П. Спасибо за письмо, которому я вполне сочувствую... многому, многому в нем, по крайней мере. Смотрите, только, думайте больше о Шпекине: ведь они у нас не только не перевелись, а цветут пышным цветом. Я забочусь о Вас, вдруг получите от начальства на орехи! Вы человек, как я вижу, не пугливый, а все-таки...»

Что касается до Вашей влюбленности в православный куль, то, пожалуй, тут столько чистой эстетики у вас, – самой чистой, – что ничему это повредить не может; нужно только в сознании своем отделять эстетику от религии. И давать первой место подчиненное. Карташёв тоже полон православной эстетикой; это в нем ценно, как и в вас... Лишь бы она только глаза не туманила, когда нужна бывает особенная их ясность. Мое детство окрашено очень яркими цветами православного культа, бабушка-Москва на это старовата. Я еще помню, как мы с двоюродным братом служили всякие молебны, да и обедни. В то время я знала все “гласы”, все “херувимский” и “Отче Наш” всех напевов. И вспоминаю о былых временах с большой благодарностью судьбе. Вы не спрашивали к католичеству: если уж становиться на эстетическую почву – то оно прекрасно, широко и откровенно. Пожалуйста, не напоминайте мне о “Мессе”. Это была скверная шутка. Мы как-то спорили, что я не сумею написать рассказ в Мопассановском духе. Я шутя написала, да еще по-французски, целых два. Один так и остался непереведенным, а этот выпросил Брюсов, да и то я не давала, – виноват Дм. Серг. Я даже не перепечатала “Мессу” в книжке, а вы ее все ещепомните!

Относительно “жены”, взыскующей, очевидно, нового мужа (c'est la vie!) – смотрите не полагайтесь так беспечно на твердыню вашей добродетели! Ведь вот что-то уже привело вас к ней на дачу! А если она вам там цветные треоди запоет, ручаетесь ли за себя?

Мы переехали на озеро (адрес в заголовке), на границу Италии; здесь удивительно нежно, тепло, звонят колокола на воде. Лугано милый городок. Пишите мне, если не скучно. А где М.? У И. Бр., кажется? Всего хорошего! З. Гиппиус».

Примечание С. К-ва.

М. – епископ Михаил Канадский, И. Бр. – Иона Брихничев.

ДНЕВНИК 1909 г.

Часть IV Териоки (с 14 июня по 2 августа)

Воскресенье 14-го июня.

Сегодня получено письмо от К.К. Соловьёва из Балаклавы и отправлен ему ответ в Ялту.

Сегодня же окончил чтение «знаменитых» «Вех». В статьях Бердяева, Булгакова и, пожалуй, Гершензона очень много верного. Удовлетворительная характеристика учащейся молодежи дана Изгоевым. Не справедливее других статьи «европейцев» Струве, Кистяковского и Франка. Однако и данная Мережковским характеристика «Вех» (см. «Дневник» 1909 г., ч. III. Л. 193 об.) резка и преувеличена. «Вехи» страшно несвоевременны, ибо «лежащего не бывают». Они ужасны не содержанием своим, а теми результатами, которые могут возникнуть из-за их появления. Эти статьи, во многом откровенные и справедливые, могут, по особым обстоятельствам русской действительности, явиться большим козырем в руках идейной реакции и идеализованного консерватизма. Недаром появление сборника приветствовалось в Нов. Бр. А. Столыпиным и архиеп. Антонием Храповицким (письмо в г. «Слово» 1-го мая). Да и то правда, что горькие истины об интеллигенции являются новостью только для нее. Люди подлинной культуры всегда сознавали эти недостатки (напр. Вл. Соловьев) и не примыкали ни к какой интеллигентской группе. Одним словом, «Вехи» – книга не злая и умная, когда-нибудь будет полезна для ориентировки, но сейчас, пожалуй, и вредна. Это и почувствовал Мережковский, и выразил с огромным художественным талантом, но

впал в крайности резкой оценки. Однако его реферат имеет громадное значение хотя бы как противоядие. «Вехи» надо прочесть Д. Знаменскому.

Вторник 16-го июня.

В воскресенье был я у Вас.Вас. Розанова, живущего в Тюриево, в 11-ти верстах от меня. Он очень мил и трогательно забавен в своей неприспособленности к «хозяйству» жизни. Рассеян безмерно, ибо постоянно углубляется умом и мыслию в занимающие его вопросы, действительно значительные и интересные, но зато он подлинно глубокомыслен в высшем и лучшем значении этого слова. Рассеянность эта проявилась на днях в таком случае: поехал он в Пр-г на ночь, а с утра следующего дня занялся посещением знакомых дам, побывал у сестры А.В. Карташёва, где познакомился еще с двумя девицами, и зашел к Марии Адамовне Тернавцевой. После «трудового» дня приходит в редакцию, где и встречают его вопросом: «В.В.! Почему это вы сегодня – без галстука?!» Это его и смущило, рассказывая мне этот случай, он сказал, что женщины очень коварны и что М.А. Т. должна была сказать ему, что он позабыл надеть галстук и дать галстук мужа. Но она промолчала, хотя, конечно, заметила...

Иной раз ему случается попадать в поезд, не доходящие до Териоки... оставаясь в Петербурге, он почти голодает, питаясь яйцами, так как не может есть в ресторанах, – противно и невкусно. В поезде и трамваях делает попытки заговорить с попутчиками, но тщетно, ибо его замечания встречаются холодным молчанием глупых (о, да!) пассажиров. Но все это ничего не значит по сравнению со следующим не-анекдотом: он написал и едва не напечатал в Н. Вр. трогательный и сочувственный некролог живого человека. Дело в том, что недавно скончалась в Луге мать Вл. Соловьева Поликсена Владимир Соловьёва, имеющая дочь того же имени, по отчеству Сергеевну, незамужнюю и известную в литературном мире поэтессу, пишущую под псевд. «Allegro». Р-в узнал от жены Репина, что умерла Поликсена Соловьёва, и не разузнав точно, какая именно, написал прекрасный некролог Соловьёвой-Allegro и сдал в печать. При чтении корректуры в редакции обратили внимание, что некролог говорит о П.С. С., тогда как обычное извещение гласило о смерти П.В. С. Недоразумение выяснилось, и статье

не дали хода. Но В. В. мало смущен этим и хочет даже послать текст некролога мнимо умершей поэтессе, которая, я думаю, прочла бы его не без удовольствия. Один оттиск он подарил мне, и таковой найдется у меня среди других статей Розанова.

Он ничего не читает, ибо думает, что знает все, что может дать и сказать наша цивилизация. Обещал М. Гершензону отзыв о книге Волынского «Ф.М. Достоевский» и не хочет ее читать, жена Репина (Нордштрем Р.?) посвятила ему свою книгу «Крест материнства», из нее он прочел лишь первые 50 стр., да и то – после того, как автор спрашивал отзыва. Теперь он занят мыслями об издательстве своих статей, конечно при моей помощи. Мы решили выкупить «Тёмные лучи», допечатать их, это – во-первых. Затем издадим «Книгу афоризмов» и «Корни русского сектантства» – сборник статей о русских сектах. Для «Весов» он пишет статью о Гоголе, для чего ему понадобилась «Στρόφια» Кирилла Ал^{ександрийского}, а напечатанную статью «Афродита и Гермес» («Весы», май с.г.) хочет послать ректору Петерб. академии еп. Феофану, ибо там упоминается о значении тетрограммы имени Божия, а Феофан – специалист этого вопроса.

Мы много беседовали о Гр. Петрове. Наконец и Вас. Вас. пришел к выводу, что сей мученик – сущий пустоцвет, самый обыкновенный либеральный поп, не чувствующий и не понимающий вовсе ни мистики, ни «метафизики» христианства и годный, да и то «с грехом пополам» быть дамским проповедником «разбавленного» христианства в 60%. «Его и сравнить с Михаилом нельзя», – сказал В. В. и отметил безмерное славолюбие Петрова и муки его от сознания падающей популярности.

Еще В. В. жаловался на притеснение редакции «Н. Вр.», требующей от него коротеньких статей, вроде тех, как пишет Вл. Азов и др., разбивающей даваемые им большие статьи и не позволяющей писать фельетоны. Это угнетает Вас. Вас. и утомляет его и раздражает нервы.

Четверг 18-го июня.

18-го июня я выезжал в Петербург по вызову директора 7-й гимназии «для объяснений по делам службы». В результате этих объяснений, длившихся почти 1½ часа, – посланное мной ему

сегодня прошение об освобождении меня от уроков в 7-й гимназии с 1 авг. с. года. Надо искать новых уроков...

18 июня я успел посетить А.М. Бутусова и А.И. Смоленского. 19-го был у Д.А. Черкесова, усердно занимающегося анатомией, и у Ив.Ив. Митюрникова – взять новые книги. Вернулся в Териоки с поездом в 3 ч. 20 м. из Петербурга.

Воскресенье 21-го июня.

Сегодня я два раза был на собрании, устроенном Териокским отд. финской социал-демократической партии в общественном саду. Это собрание произвело на меня весьма жалкое впечатление, несмотря на то что программа его была весьма разнообразна. Во-первых, все время «играла музыка», т.е. трубил отвратительный и маленький духовой оркестр, во-вторых, были всякие гимнастические состязания, конкурс декламации, участниками коего были маляр и портной, прочитавшие с должной мимикой стихотворение и отрывок из романа, затем лоттерс-аллегри, пьеса на финском языке и еще что-то. Да, были программные речи, и какая-то особа женского пола пристегивала красные бантики желающим вступить в партию. Всё – как-то безрадостно-благополучно, и сонно, и мертво.

После неудачного «митинга» был в кинематографе «Модерн», где показываются картины из «жизни Иисуса Христа», зрелище, запрещенное в Петербурге «изждивением» пресловутого Пуришкевича. Однако в данном случае «сумасшедший Володя» прав. Что-нибудь неестественнее, неправдоподобнее, пошлее этого канареичного, банального красавца Христа, не имеющего ничего общего с историческим Христом Евангелий, трудно себе и представить. Некоторые картины вызывали только смех. Впрочем, от этой пошлости много не стоит и говорить. Я ушел, когда действие подошло к тому, что последовало за судом Пилата (поножение от воинов). Но как пошла дачная петербургская публика, поддерживающая своими посещениями такие зрелища!

Пятница 26-го июня.

Сегодня состоится торжеств. богослужение в Исаак. соборе, где находится Тихвинская икона Пресв. Богород., а в Петергофе – в новом Соборе, тоже заупок. литургия и панихида по умершим

композиторам, при пении полного хора придв. П. К. В прошлые годы я всегда бывал на этих богослужениях.

---

23 июня, вернувшись из Петербурга, куда я выезжал для получения жалования в Р. Уч., я был у Вас.Вас. Розанова, где и ночевал с 23 на 24 июня. Темой нашего разговора была «Елевсинские таинства». Р-в думает, что на этих мистериях предавались содомии, лесбосской любви, кровосмешению и др. половым «аномалиям». Интересно также его объяснение нектара и амвросии греческих мифов как половых выделений мужских и женских «genitalia». Сравн. «спермин» пр. Пеля, жидкость Броун-Секара – как «элексиры молодости». Красоту монашества он видит в «духовной» содомии, крайне редко принимающей формы мужеложства. Указывает на «Федр» и «Пир» Платона как на идеологию содомии. Среди его знакомых он знает один случай кровосмешения (отца и дочери) из высшего петерб. об-ва, несколько случаев сафизма и содомии, последнее у Чайковского, Леонтьева и ? (жив, почему Р-в не хочет говорить фамилий). Вл.Серг. Соловьёва он также связывает с некоторыми половыми аномалиями, на основании одного письма.

Его статья о Гоголе, первая половина которой уже отправлена в «Весы», имеет в виду «Страшную месть», темою которой является также кровосмешение.

Воскресенье 28-го июня.

Сегодня письмом в редакцию газеты «Речь» К.Д. Бальмонт заявляет о своем выходе из числа сотрудников «Весов», «считая роль этого журн. окончательно сыгранной, видя также, что в этом году он стал систематическим прибежищем литературных подростков, коим не суждено никогда подрасти, – имея, кроме того, ряд фактов, указывающих на недопустимое по отношению ко мне небрежение правилами простой деловой добросовестности...» («я отказываюсь от какого-либо дальнейшего участия в этом журнале. К.Б.»).

Вторник 30-го июня.

Сегодня с утра 4-й день идет дождь. 27 июня был дождь несколько раз в течение дня, также и 28-го, а вчера был сильнейший ливень, продолжавшийся около 25 мин. Есть народная примета, что если на Сампсона (27.06.) дождь, то и следующие 40 дней будут дождливые. Vogous!

Июль

Четверг 2-го июля.

Сегодня получено 3-е письмо от З. Ник. из Лугано: «9.7.09.+ Lugano. Дорогой С.П., спасибо за письмо. Много имею сказать Вам по существу, но откладываю до следующего раза. Завтра мы отсюда уезжаем, напишите мне в Lucerne – posterestante. В Люцерне, вероятно, увижу П.С. Соловьёву, расскажу ей про Розанова. Это очень на него похоже! В Россию (к моему сожалению, должна признаться) мы вернемся раньше, чем думали. В России не то что тоска, а какое-то острое на сердце ложится огорчение, ни секунды покоя. Впрочем, это, м. б., и к лучшему... В вашем письме мне не ясно, ясно ли Вам самому, чего вы хотите? И что для вас впереди, религия или культ? Ведь второй от первой, а не наоборот. “Смотри в корень!” – сказал К. Прутков. Ну, впрочем, обо всем подробнее в следующий раз. Вы живете спокойно, без сюрпризов, как у нас, а потому пишите более. Ваша З. Г.»

Это письмо является ответом на мое 2-е письмо от 29 июня н. г. 10 июня н. г., долго не получая ответа, я послал З. Н. открытое письмо с вопросом, получено ли предыдущее закрытое. Этого открытого письма она не получит, т. к. в день его прибытия в Lugano она уже будет в Lucerne.

Сегодня утром шел дождь.

+ т.е. 26 июня ст. ст.

Пятница 3-го июля.

Последние дни июня и первые июля я читал «книгу лирики» Вячеслава Иванова «Кормчие звёзды», изданную (в 1903) шесть лет назад.

Не знаю, почему до личного знакомства с ее автором, которого всегда ценил и уважал, а теперь и полюбил, как человека, подлинного христианина и очень умного, я все не хотел покупать сборники его стихов и покупал почти все с маркою «Скорпиона», своевременно не купил его «Прозрачности». Так названа им 2-я книга лирики. Ив.Ив. Митюрников обещал достать и ее, а пока я изучал «Кормчие звезды». Одна эта книга дает моему другу право на звание поэта-классика, ставя его в ряд таких художников, как Брюсов, Гиппиус и Сологуб. Здесь не место ни указаниям на особенности его стихов в отношении употребляемых и введенных им в русское стихосложение новых размеров и в отношении их стиля, приобретающего особую величавость благодаря щедрому введению славянismов, ни вообще какой-либо объективной оценке. В интимном дневнике, каков этот, более уместна оценка субъективная, и я ограничусь лишь указанием на те стихи Вяч. Иванова, которые взволновали меня, вызвав во мне отклик чего-то...

Таково, во-первых, стих. «Красота» (3 стр.), посвященное Вл.С. Соловьёву, затем «Утренняя звезда» (18), «Звездное небо» (21), «Messa solennis Бетховена» (35) – одно из лучших стих-ний этой книги – «Милость мира» (76), «Русский ум» (77), «Стих о святой горе» (79), «Усталость» (85), «Лунные розы» (93), «Тризна Dionиса» (107): «и был далек земле печальной возврат языческой весны». «Терпадр» (115), «Дни недели» (119), «Сафо» (129) – очень красивое; «Сфинкс глядит» (144). «В челне по морю» I. (149). «На крыльях зари» (163); (л. 51) Сонеты: «На миг» (183), «“Magnificat”, “Ботичелли”» (197), «Сикстинская капелла» (200), почти все «Парижские эпиграммы» (214); «День и ночь» (242), «Veste detracta» (242), «Мистика» (247): «В ясном сиянии дня незримы бледные звезды: Долу таинственный тьма – ярче светила небес». «19 февраля»:

«Благословенный день, залог величавой надежды!»

«Волю народу ты дал, родине дал ты народ» (239)+

Конечно, перечисленными стих-ями не исчерпываются достоинства этой «книги лирики, но другие стихотворения мне не «созвучны», по крайней мере теперь, сейчас. Но к «Кормчим звездам» я буду возвращаться много, много раз... Замечу еще, что отсутствие эротизма, которого так много в стихах Брюсова, Соло-

губа и Бальмонта, сближая «К. зв.» с стих-ниями Вл.Серг. Соловьёва, также является ее огромным достоинством.

+ «Да ведь 19-м то февралем и закончился, по-настоящему, “петербургский” период русской истории, так что мы давно уже вступили в полнейшую неизвестность».

Ф.М. Д. Дн. пис. 73 г. «Влас».

Суббота 4-го июля.

Вчера вечером окончил чтение «Истории греха» Стеф. Жеромского. – «Кирпич», т.е. роман в трех частях и... глупый. Крайне неправдоподобная история.

Завтра в Троице-Сергиевой лавре открывается съезд монахов мужских монастырей под предс. Никона, еп. Вологодского и Тотемского, издателя черносотенных «Троицких листков». Большая часть членов съезда состоит из «начальствующей» братии монастырей, рядовые монахи допущены лишь в небольшом числе. Послушников и вовсе нет. Белое духовенство и монахини не допущены. Да и рядовых монахов и считать не стоит, они пользуются лишь совещательным голосом. Съезд этот является т. о. настоятельским и возлагать на него надежды в деле упорядочения настроений современного монашества, им же поистине несть числа, было бы более чем наивно. Да и среди лиц, стоящих во главе съезда, вероятны разногласия. Так, напр., еп. Никон предлагает всех «ученых» монахов подвергать «искусу» монастырской жизни в течение двух лет после пострига. А Антоний Волынский, постригший более 60 ученых монахов, является противником этой меры, кроме того, Никон – противник пострижения в молодом возрасте. А А. В., сам принявший иночество чуть ли не 19-ти лет, любит «стричь» молодых студентов дух. академий.

Монахи, члены съезда, соберутся завтра в обители основателя русского северного монашества, преп. Сергия Радонежского и начнут свое дело в день его памяти – обретения мощей чудотворца в 1423 г., но нетрудно понять, как будут они далеки духом от дела и духа святого подвижника, совершившего литургию в холщовой фелони, отказавшегося от сана архимандрита и отдавшего всю свою жизнь Богу «службою миру». В его время и его ученики, и

преемники преп. Никона, Лавра кормила голодных, приходивших отовсюду и часто раздавала все свои запасы. А теперь ее священно-архимандрит Владимир, м-т Московский, получает с нее доходу несколько десятков тысяч, а в «Сергиевом Посаде» имеются целые улицы домов терпимости, обслуживающих половые потребности иноков... Вместо устройства ни к чему не нужного союза, стоящего 10 т. рублей, лучше бы ко дню 5 июля закрыть все притоны и запретить желтым билетам жительство в местечке, освященном именем преподобного подвижника, которого память совершается в день открытия съезда.

Сегодня получено 3-е письмо от Соловьёва из Ялты от 30.6. Живет в Ялте по дороге на кладбище и сообщает, там всегда хоронят с крестным ходом, а иногда покойников несут открытыми: «болтается голова и раскрывается рот». Ялтой недоволен, пошло все до музыки включительно. С 7-й гимназией – колеблется, подавать ли прошение о переводе или оставаться, пока переведут или уволят. Хочет читать лекции в народн. Ун-те, спорадически.

Мой ответ отправлен сегодня же. Советую прошение об увольнении или переводе не подавать.

В здешней церкви на всенощ. бд. память преп. Сергия отмечена лишь величанием перед иконой пр. посередине церкви, 1 тропарем в каждой песне канона, да тропарем на 1-м часе. Еще в отпуре священника.

Воскресенье 5-го июля.

Сегодня М.М. Федоров объявляет о приостановлении издания «Слова» вследствие недостатка средств.

Сегодня я окончил чтение «Bel Ami» Мопассана. Считаю эту вещь и слабой, и неинтересной.

Четверг 9-го июля.

Новость: на «черный» съезд допущены «миряне» 1. Д. с. с. В.М. Скворцов. 2. Д.И. Введенский и 3. Истинно русский армянин миссионер И.Е. Айвазов. Комментарии излишни. Члены съезда недовольны присутствием этих «мирян». А 7 июля вышел «скандал» из-за речи Никона о нестяжательности иноков, в которой он рекомендовал все мон-ри сделать общежительными. Н. говорил о стяжательности всех иноков, кроме архиереев. Многие из говоривших напоминали ему о сребролюбии и иерархов, некоторые – довольно резко. Тогда Н. закрыл заседание. Протокол этого заседания пока не составлен. С-в уехал в Москву, чтобы поговорить по этому вопросу с кем надо.

Антоний Вол^{ын}ский на съезд не приедет.

Один из участников съезда печалится, что не допущено на съезд представительство от женских монастырей. Там, по его мнению, часто бывает и «уголовщина»: «одних вытравлений плода – и не перечтешь!» И передает случай в женском м-ре Казанской епархии, где игумения наказывала девочек учениц мон. школы уколами толстой иглы в genitalia femina.

Пятница 10-го июля.

На мон. съезде избраны три комиссии для обсуждения вопросов 1. О преобразовании всех монастырей в общежительные (предс. еп. Никон). 2. Об упразднении партесного пения в м-рях (пред. Арх. Товия) и 3. О привлечении монахов к делу мисс. (гл. Скв. и Айв.). На общ. с. по перв. вопросу принято предл. Никона обратить в общежит. все м-ри, за исключением лавры, «стоящих в условиях особых».

М-т Владимир назначил по своему выбору президиум съезда, без предварительного выбора его членами съезда. Это самовольное правонарушение вызвало протест еп. Гомельского Митрофана (Афонского), прочитавшего на заседании свое заявление Синоду. В этой «бумаге» он указывает, во-первых, на неправильность назначения Владимиром председателя Никона, т. к. правом назначения епископа на ту или другую должность м-т пользоваться лишь по отношению к своим викариям. Во-вторых, он просит Синод объяснить, почему Никон допустил на съезд лишь симпатизирующих ему лиц, и указывает Синоду, что подобранный съезд

не может выразить взгляды русск. мон-ства, а служит лишь отражением желаний самого Никона.

Днем сегодня отправлено письмо Зин. Н-не в Lucerne. В нем я говорю, что для меня совершенно ясно, что в моем сознании религия занимает первенствующее место, а обряд – второе, подчиненное. В противном случае я был бы в общении не с нею, а с Син. Ц. и писал бы статьи в «Колоколе», а не это письмо. Но я не могу забыть, что обряды суть символы откровений, раскрытых и имеющих быть раскрытыми. Те обряды, которые символизируют ложный, но чуть ли не единственный догмат синодального православия – самодержавие, я отвергаю как «злые» в религиозном смысле. Но истинные догматы, напр. о божестве Христа, воскресении мертвых и много других, я утверждаю, и, след., не могу отказаться и от их символов – обрядов, да еще таких, как наши.

Затем, прошу сообщить мне, где напечатан реф. Д.Вл. Ф-ва «Национализм и религия» и кто именно есть автор «Коня бледного», каковую повесть я был склонен некогда приписывать самой З. Н. Еще говорю о монашеском съезде – свое мнение (см. выше), об Антонии Волынском и «жиде» (см. л. 292), сравниваю с мнением Александра IV (Дубровина) (там же) и говорю еще о «Ваятеле масок» Кроммелинга, драмы, напечатанной в майской книге «Весов» в перев. Бальмонта. Б-т называет эту драму «гениальной», мне же она представляется довольно пошлой, а перевод Б-та неудовлетворительным. Указываю, что этот год «Весы» стали хромать и меня особенно огорчает отсутствие ее статей и стихов.

Воскресенье 12-го июля.

Вчера и сегодня до 12 ч. – дождь. Сегодня ветер баллов на 5–6. В «Речи» после долгого перерыва вновь появился Д.С. М. Его статья «Иваныч и Глеб» помещена в этой тетр. на об. л. 310.

Вчера я купил здесь две статьи Л.Н. Толстого 1. Не могу молчать и 2. Христианство и см. казнь, конечно, без пропусков. Первая производит впечатление правдивости тона в личных признаниях (см. конец). Вторая слабее. За обе маленькие книжечки

взяли с меня 1 р. 50 к.. тогда как им номин. цена равна двум герм. маркам.

Помещаю между лл. 311 и 312 письмо З.Н. Гиппиус к В.В. Розанову (из Парижа 6 марта, 08 ч.), переданное мне В. В., чрезвычайно интересно содержащейся в нем оценкой адресата, а также оригинальностью стиля, и шутливого и серьезного одновременно. Интересны также слова З. Н. о себе – в конце письма.

«Вася-Васёк! А уж мы-то как письму радовались, кое-что Sévérac'у читали. Он сам вам статью о вас пошлет – ежели ужт не послал. Мы страх как вашу славу здесь распространяем. Дм. Серг. лекцию читал на французском языке в “Ecole des hautes études”, очень было пышно; так всем там не забывал твердить, что вот, мол, есть писатель – ну и писатель! Тоже приедет, мол, лекцию читать, дикции только французской получится. Если б не беда, что вас так переводить трудно, мы бы вас в здешние журналы впихнули, не для гонорара (французишки подлецы) – а для вящей славы. Севераку, как пришлет статью, – напишите несколько слов: он от счастья одуреет. Просто по-русски, он отлично понимает. Адрес его:

Monsieur Sévérac
1, Place Carnet
Château Thierry
(Aisnes).

Он – профессор, не в Париже живет, а под Парижем.

“Варварина” нам добрые люди достали. И о Тарееве потом. Дм. Влад. уже об Варварине в “Столичн. почте” писал (по четвергам он пишет).

Вы, Вася, человек добрый, я это знаю, однако вы тоже и Васька-Кайн. Думаю, на том свете вас в конце концов простят, но сначала здорово сечь будут. И не то чтоб насильно, а сами будете просить: ох, дери меня, как сидорову козу, дери, пока я спокойствия душевного не получу, потому что не могу я вынести, что я, глупый, о такой простой вещи не догадался, человеческое с Божьим перепутал и концы в воду прятал! – От стыда за свою недогадку, да за то, что так скучно прожили, с старыми жидами, всю жизнь – и будете молить, чтоб хоть посекли! Ну, а потом, думаю, все обойдется.

Встретимся там – поговорим.

Напишите вы нам обстоятельно, что за реферат читал Саварнолла-Свенцицкий? Неужто правда затвор рекомендовал? Признаюсь! Да это все равно, что непрерывно кричать о том, что необходимо молчание! Иди в затвор сам первый – и молчи. Не попалась ли вам его книжка недавняя – “Антихрист”? Сделайте исключение, причитайте ее; ручаюсь, что не раскаетесь! Это “исповедь”, автобиография. Увидите, как интересно.

А теперь все мы вас наперерыв целим и к сердцу прижимаем. Жаль, что с Татой-Натой раздружились. Они девочки для вас полезные. Правда, “девчонки” в них нет... Я об этом вздыхаю. Мне, вот, скоро 50 лет будет, а во мне до сих пор, если не девчонка, то мальчишка есть во всяком случае... Ну, “прости-прощай, моя красавица”... до увиданья. И ежели вы нам писульку не пришлете скоро, так мы вашу славу распространять прекратим. Так и знайте. Ваша Зин. Г.».

В «Нов. Вр.» помещена сегодня статья В.В. Розанова «Христиическое законоучительство». В ней много верного, но много и курьезов. Напр., утверждается, что пс. 50-й, «написанный после соблазнения Д. чужой жены»... «вообще не может быть почувствован и понят ранее 40 лет». «Даже объяснить ребенку 50-го пс. или вечерних молитв – невозможно, ибо объясняющий будет краснеть и сбиваться, стараясь в объяснении сокрыть главное, через что молитвы и псалмы становятся понятными». Вообще говоря, скажу я, это неверно. В числе утренних и вечерних молитв не все имеют предметом своим освобождение от сладострастных искушений плоти и к числу таких именно принадлежит известная молитва «Ангеле Христов», которую Р-в напрасно относит к числу «неудобопояснимых».

Но все, что говорит он о преподавании литургики, догматики, истории соборов и ересей, а также высокомерии и отчужденности, о сухости и формализме «законоучителей», есть сущая правда.

Понедельник 13-го июля.

Вчера я был у В.В. Розанова, передавшего мне материалы по сектантству, «афоризмы» и «после арифметики». Среди последних оказалось три экземпляра полной редакции его реферата «О церковной юрисдикции или о Христе – судии мира» – без цензурных

пропусков. Один экз. я взял для себя. Затем он передал мне письмо к нему З.Н. Г. (см. л. 312) и статьи свои «На лекции о Достоевском» (Н. Вр. 4.7.09) и «В духовном мире» (Русское Слово). Июль 09 г.), а также письмо к нему о Вл. Соловьёве за подписью «Старый публицист». Последнее письмо и статьи просил вернуть. Беседа наша была посвящена вопросу о будущих изданиях; решено выкупить «Лучи» за 1000 руб., докончить их печатание у Суворина и печатать немедленно брошюру «Русская церковь», а также «Афоризмы».

Предс. конкурса по делам Пирожкова г-н Спешнев сообщил Розанову, что книги его идут недурно, лучше всего продается «Ослабнувший еретик», затем «Легенда о велик. Инквизиторе», которой осталось 7400 экз. (из 10 т. напечатанных Пир-м вместо условленных 5000) и «Около церковных стен». От «Литер. очерков» и «Сумерк. просв.» осталось по 50 ех. «Природа и история» и «Религия и культура» имеются в 100 ех. каждого названия.

Характерно и то, что мерзавец Карбасников, подсказавший Спешневу запросить с Р-ва 1000 р. за «Лучи», предлагал Розанову продать издание ему, К-ву. У В. В. хватило догадки не согласиться. Ибо горе авторам, которые попадают в лапы этому рыжему прохвосту. «Объегорит» так, что «мое почтение». Мы обойдемся и без Карбасникова... Новые издания начнем с августа.

Среда 15-го июля.

Монашеск. съезд закрылся. Некоторые участники, в числе коих еп. Елецкий Митрофан (Афонский), считают его деятельность бесплодной. Никон и «ниже с ним» думают иначе. Более недели заседали чернецы, а ничего не сделали. Это хорошее «преобразование» будущего «собора» Синодальной Церкви. Ничего иного и ждать от этого съезда было невозможно. А интересно будет прочесть протоколы его в «Церковн. Ведомостях».

Пятница 17-го июля.

Сегодня я прочитал в первый раз знаменитую «Пушкинскую речь» Ф. Достоевского, его ответ на критику этой речи проф. А.Д. Градовского и «Влас» – из «Дн. Пис.» за 1873 г. Д. был первым, печатно обратившим внимание на абсолютный характер того, чем «жива» «русская душа», и первым, прозревшим особое призвание России как народа в деле просвещения «Светом Истинным»

прочих европейских народов. Три указанные статьи наиболее полно выражают его взгляды по этому поводу. Он и неверны в подробностях, да и то несущественных. Несмотря на это, ценность их громадна и для нашего времени.

Понедельник 20-го июля.

Вчера вместе с В.В. Р. я был у Ильи Ефимовича Репина, на даче гражданской жены его Н.Б. Нордман в Куоккале, называемой «Пенаты». Г-жа Нордман устраивает по воскресеньям «чаепития с народом», о котором см. письмо ко мне Розанова, помещенное здесь на л. 321. Это чаепитие происходит в их саду, в беседке, где теперь поставлен 9 ведерный «самовар», по словам Н. Б., неизвестно кем им присланный. Перед беседкой на лужке положили огромный флаг с вышитой по белому фону красным надписью «Коопераут». Этот флаг на двух громадных шестах, довольно тяжелый, тащил Вас. Вас. и его горничная Саша до места назначения. Предлагал и мне эту честь, но я уклонился.

В беседке сапожник давал урок кройки и шитья сапог. Когда кончились его объяснения, поспел самовар и принялись за чаепитие, а по окончании чаепития устроились танцы на небольшой площадке рядом с беседкою. Танцевал «народ» модные танцы под гармонику. Танцы эти были на время прерваны пением сапожника и некоторых мужчин под аккомпанемент балалайки. Пели песни, подобные «частушкам», жалкие по музыке и мелодии, но интересные по содержанию, которым являлось сатирическое изложение событий последних лет, как-то Японской войны, забастовки 9 января 1905 г., манифесте о свободе и др.

В этих песнях зло и остроумно достается всем: Витте, Дурново, Алексееву, Стесселю и прочим героям петербургским и портартурским до «высокого человека небольшого роста».

«Положили апельсин»
У Дворцова моста,
Где высокий Господин
Небольшого роста».

Доставалось и И. Кронштадскому. Песни о Порт-Артуре весьма интересны, и я жалел, что не взял с собой карандаша, дабы записать некоторые куплеты.

Во время чаепития я разговаривал с самим Репиным об Иисусе Христе в живописи по поводу снимка с картины В. Поленова «Христос перед Пилатом». Фигуру Христа я считаю крайне неудачной, и, сказав это Репину, я прибавил, что, по моему мнению, Христос вообще не изобразим в живописи и я предпочитаю условное письмо иконографии. На это Репин ответил, что с мнением о «неизобразимости» Христа он почти согласен, ибо по собственному опыту знает, как трудно написать что-нибудь отвечающее всем требованиям этой темы. Он убедился в этом, когда писал икону И. Христа по просьбе «Петровского об-ва». Переделывал картину много раз и все неудачно. Так и отдал икону, сам будучи неудовлетворен ею. А хотел изобразить лик «Нерукотворного Спаса». Христа на упомянутой мною картине Поленова не считает удачным, но Пилат ему кажется вышедшим хорошо. Наилучшим живописным изображением Христа он считает картину Иванова «Явление Христа народу», картину Крамского в Третьяк. галерее, образ Спасителя в час. Петра В. на Выб. стор., который он считает великолепной картиной подлинного византийского духа и «Святое семейство» Рафаэля в Эрмитаже. Последнюю картину он считает лучшим произведением Рафаэля после С. Мадонны и находит, что в ней знаменитому художнику удалось выразить божественность, «сверхчеловечность» младенца Христа, лик и взор коего особенно отличен от земного лица Иосифа Обручника и полуzemного лика Мадонны. Много слабее этих картин известный Христос Ге и «Христос с динаром» Тициана, написавшем вместо «Бога и человека» Христа «великолепного римского патриция». По дороге на станцию я передал этот разговор Вас. Вас. и сказал, что считаю лик Христов неизобразимым. «Вот и я говорил и писал тоже», – живо сказал «Вася-Васёк». Я прибавил: «И это потому, что И. Х. – Бог». Но такое утверждение неприемлемо для Розанова. После беседы Репин предложил мне осмотреть его мастерскую. Здесь я увидел портреты его работы. 1. Л. Толстого – последний по времени. 2. Князя Паоло Трубецкого – с суровыми правильными чертами лица, особенно выпуклым лбом – совсем лицо «сурового Данте». В самом деле, лицо у этого скульптора такое, что, смотря на него, понимаешь, до какой степени он талантлив и значителен. 3. Н.А. Морозова – известного «шлиссельбургца», просидевшего 28 лет в крепости (по поводу М-ва мы разговорились о трудах его,

и я высказал И. Е. свое мнение об его «Векториальной алгебре», «Сопротивлении среды при движении» и «Апокалипсисе»). Интересен портрет проф. Каreeва и «этюдный» – Гр. Петрова – в рясе с крестом в руках. Очень понравился мне портрет Пушкина во весь рост с палкой в одной, цилиндром – в другой руке, в узком в талию сюртуке на набережной Невы «на вечерней заре». Над этой картиной И. Е. работает уже 15 лет и все недоволен ею. Теперь не нравится ему правая рука, изгиб ее. Надеется исправить. При конце осмотра он предложил мне бывать у него и просил разрешение сделать с меня несколько этюдов. Перед отъездом он в течение часа нарисовал акварельный портрет Вас. Вас. По моему мнению, вышел не подлинный Розанов, лик которого зело не красен, а идеализированный дружественною рукою мастера. Сам Р-в думает то же, но Репин не согласен с этим суждением.

Мы уехали от него в 7 ч. 25 м. на поезде в 7 ч. 50 м. На вокзале в Куоккале Розанов вдруг стал прощаться со мною и поцеловал, к немалому моему изумлению, ибо до Териок нам ехать было вместе. Ехали и туда и обратно в 3-м классе. По дороге я выразил Розанову свое мнение о Репине, очень высокое, и о г-же Нордман, весьма ей нелестное. Последняя, кроме больших претензий да нелепого идеализма с оттенком слашавой слезливости, ничего не имеет. Мозг у нее птичий и видно, что о многом в жизни она даже и не думала. Несомненно – она существо весьма поверхностное. Восхищается речами «кадетов» в 3-й Думе, поездкой Родичева и Милюкова в Англию, считает Андреева чуть ли не гениальным писателем, признавая значительным «Красный смех» и отрицая наилучшую его вещь «Рассказ о семи повешенных». Но довольно об этом ничтожестве. И притом она более чем некрасива, так что я удивляюсь Репину.

В заключение два еще слова о сапожнике-певце. Это, несомненно, человек замечательный, выдающийся в своей среде. А интересные песни его, насмешливые и почти негрустные, несомненно, рождены фабрикой. Отхожими промыслами и в нашей местности, а не великорусской деревней. Ибо – они немузыкальны и, кроме того, пересыпаны вставками фраз из стихотворений (напр., из «Бесов» Пушкина). Некоторые куплеты их очевидно «рискованны», и, по слову Р-ва, «духовная цензура» мешала ему петь все без пропусков. Духовн. цензура = внутр. чувст. такта, меры, приличия.

Вторник 21-го июля.

Вчера получено 4-е письмо от З.Н. Гиппиус, отправленное ею 16 июля из Villerville sur mer во Франции, близ Трувилля, куда она приехала из Парижа. В этом письме она отвечает на мои вопросы, пишет о своей жизни в доме французского рыбака и о многом другом. Я приведу здесь только то из ее письма, что непосредственно относится к теме моей переписки с нею, т.е. к вопросу о значении обряда для религиозного сознания: «.. Вопрос о религии и культе так сложен, что боюсь его не выяснить в письме. Обряд я считаю вещью не только важной, но необходимой, не только символом, но воплощением (иногда). Я только боюсь, как бы не пойти от культа к религии, к догмату, ибо ясно вижу, что путь обратен. Слишком легко впасть в ошибку, – и слишком опасно. Я не знаю, в какой мере какие обряды прав. церкви неуследимо всосали в себя догмат, о котором вы упоминаете (неприемлемый никак!) (т.е. самодержавии. – С. К.), и затем произвольный догмат мироотрицания, аскетизма. Следы этих двух догматов есть везде или почти везде. Поэтому-то я и предлагала бы, утвердившись сначала на первых догматах религии Христа и христианства, как мы его понимаем и принимаем, подвергнуть пересмотру все детали культа православного, не увлекаясь красотой их и эстетикой, а строго положив во главу угла именно эти приемлемые, первые догматы, или принципы. Напр., принимая догмат воплощения, я не могу не принять таинство Евхаристии, но приму ли его в окружении данной литургии, с разорванной самодержавием Херувимской, – это еще вопрос.

Ведь Евхаристию я принимаю не оттого, что литургия хороша, а оттого, что верю в догмат воплощения. Значит, у меня из этой веры, освещенной верой в другие догматы, должна являться литургия, а не обратно. Думаю, конечно, что кроме малых изменений, литургия божественна, но решить это, руководствуясь эстетикой, не имею права; ни одну деталь нельзя принять, не вложив в нее смысла своей веры, не поняв ее внутренно. Вы – склоняетесь к внешней реформе, я – к внутренней революции. Впрочем, быть может, это и не так: слишком вы ясно понимаете внедренность догмата неприемлемого в тело существующей правосл. церкви; значит, должны понять и невозможность, и неосторожность, и бесплодность “реформы”. Можно бы длиннее и понятнее написать об

этом, но и так письмо мое затянулось. Осенью, Бог даст, поговорим. Кажется, мне иногда, что общественно вопрос о культе сейчас не предлежит в той мере, в какой вопрос о религии; но вопрос культа страшно важен для нас, и он не может откладываться; надо только делать дело вдвойне. Впрочем, это тоже мысль, которую я вам даю намеком. У нас с вами были разные “среды”, а потому возможно что то, что вам кажется узким – мне – широким и наоборот. Но я думаю, что нужно все, и узкое и широкое, одновременно, – тогда и будет широко по-настоящему». Письмо заканчивается так: «Мы поедем отсюда в Германию в Гамбург, а затем прямо в Петербург. Если бы не “независящие обстоятельства” – мы осень прожили бы в Париже, а теперь, так как все изменилось, мы уже в сентябре будем дома. Меня огорчает это, но делать нечего. Как вы наивны! Еще ждали чего-то от мон. съезда, кроме скандала?! Ах, кстати (или некстати, но все равно): знаете ли вы Новосёлова? А Флоренского? Последнее время имела о них любопытные сведения. Привет от всех! Зин. Гиппиус».

Отвечая на это письмо 21 июля, я благодарил З. Н. за ответы на мои вопросы и указал, что один ответ, а именно о «Коне бледном» (повесть «И. Ропшина») считаю неудовлетворительным, т. к. она умолчала в нем о главном: имени автора, ибо Ропшин – псевдоним. Далее я сообщаю о гнусном фельетоне «Васьки-Каина» в Нов. Вр. в субб. 18 июля, по поводу ст. Д. С. «Бес или Бог», и что знаю о Новосёлове и Флоренском. По «существу» пишу, что вполне согласен с ее мнением о значении культа, радуюсь, что она признает необходимость обряда и что я, как и она, за внутреннюю революцию, а не за внешнюю реформу. Ибо не реформу я имею в виду, а создание новых богослужебных форм, для какой цели может оказаться пригодным очень и очень многое из старого. Напр., всенощное бдение; его можно принять целиком, с малыми изменениями. Но нельзя того же сказать о литургии; полагаю, что необходимые в ней изменения настолько выходят за пределы «православия», что, несомненно, являются подлинной революцией. С большей важностью вопроса о религии по сравнению с вопросом о культе с точки зрения общественной я вполне согласен и от души приветствую мысль «делать дело вдвойне». Письмо мое

кончается указанием, что обряд, воплощающий, реализующий что-либо, есть уже таинство, напр. Евхаристия. Обряд – не таинство есть только символ.

Четверг 23-го июля.

«Человек: яко трава дние его, яко цвет сельный, тако отцветет». Ужасную «абсолютность» этого слова царя и пророка Давида я понял вчера, когда на пороге магазина Ив.Ив. Митюрникова, я узнал от последнего, что мой сердечно и нежно любимый, мой глубокоуважаемый мною, дорогой и милый друг и учитель Степан Васильевич Смоленский скончался еще в понед. 20 июля в г. Васильсурске. Нет слов для выражения моего горя, как и нет слов для объяснения значения этого выдающегося и по уму, и по исключительной доброте, и подлинно христианскому духу, и по знаниям человека для меня, в моей жизни в последние 4–5 лет. Я познакомился с ним только в 1905 г., но знакомство наше очень быстро перешло в самую искреннюю, нежную, глубокую и серьезную дружбу. Он полюбил меня очень, и я со своей стороны питал и питаю к нему любовь подлинную и знаю, что потерял одного из двух действительных друзей своих (больше у меня нет!), который понимал меня и не гнушался, бывало много часов подряд, беседовать со мною на темы, интересные нам обоим. Я никогда не забуду наши споры, особенно на темы «религиозно-философские», споры оживленные, даже жаркие, но всегда любовные, взаимно дружелюбные и почтительные. Это был человек гармоничности душевной, совсем особенной, с огромным чувством меры и большим умом и ученостью. Его спокойствие, деликатность, мягкость голоса и тона возражений были такими драгоценными, таким дорогим мне контрастом моей резкости и страстности. Я виделся с ним каждую неделю, б. частью по воскресеньям у него в квартире. Если случалось пропустить одно, а то и два воскресенья, он тревожился, скучал, писал письма или сам приходил ко мне повидаться. Очень хотел жить в том же доме, где живу и я. В этом году последнее мое свидание с ним было 2 или 3 июня перед моим отъездом в Финляндию. Мы простились до начала июля, а 17-го он уехал в Москву на Регентский съезд. Оттуда он написал мне письмо 25 июня (л. 286 об.). Из этого письма видно, что 20 июня он начал хворать и 23-го было первым днем, когда он почувствовал

улучшение и написал немедленно мне. О дальнейшем ходе его болезни можно судить по открытому письму ко мне (л. 325) уже из Васильсурска от 15 июля, куда он приехал 5 июля по дороге в Казань, чтобы повидать любимую им сестру его матери Екатер. Степан. Ильминскую. Здесь и скончался, на руках ее и своей жены. Тело его привезено в Казань, где вчера совершено погребение с предшествующим отпеванием. Вот все, что я знаю пока о последних днях его. Часть дня 20 июля он был еще жив, хотя надежды на выздоровление уже не было. Это следует из письма его жены Анны Ильиничны См-кой ко мне из Вас-ска от 20 июля.

На стран. этого «Дневника» я расскажу впоследствии историю моего знакомства с ним и коснусь многих его взглядов и мнений. Радостным знаком является для меня то обстоятельство, что последние дни его жизни с ним была Ек.Ст. И-я, так любившая и пережившая своего Стёпочку, которого Господь взял к Себе на 61 году его жизни, жизни подлинного христианина.

Значение Ст. Вас. в области церковно-певческой археологии громадно. Он был Момсеном этой науки, и смерть его есть невозвратимая утрата для ученого мира. В этой еще темной области многое знал он один, и эти знания не успел сделать достоянием специалистов. Но об этом я подробно напишу, когда приду в себя после этой утраты, здесь же отмечу, что напечатанный 23 июля в Нов. Вр. некролог его дает тенденциозную оценку его деятельности, которую зачем-то автору некролога захотелось умалить. Особенно недостаточна и лжива оценка его духовно-певческих сочинений. Напечатанные им 1. Ектении. 2. Полиелей. 3. Буди имя Господне. 4. Стихиры Пасхи Зн. росп. и 5. «Кто Бог велий» – произведения вполне совершенные. А стихиры Пасхи – замечательны особенно – достаточно сказать, что их поют по всей России. Самую искреннюю молитву воссылаю ко И. Х. о моем дорогом почившем друге, хотя и знаю, что оправдается он перед лицом Божиим и очень мало значит моя слабая молитва при моем окаянстве. В жизни своей он непрестанно и безукоризненно тружился во славу Божию, непрестанно «ходил перед Господом», и я не сомневаюсь, что теперь Господь сподобит его «части святых Своих». Новопреставленный и достойный раб Божий Стефан! Моли Бога о нас, как я молюсь о тебе Владыке твоему. Упокой со святыми, Господи, его праведную душу. Аминь, аминь, аминь.

Суббота 25-го июля.

23-го в Петербурге я виделся с Н.М. Максиным, Д.А. Черкесовым и Д.Вл. Знаменским. Последний передал мне переписанное им во время своего пребывания в Костроме и Галиче окончание статьи В.В. Розанова «Люди 3-го пола», которая заканчивает его книгу «В темных религиозных лучах». Сам В. В., приехавший в Петербург накануне, тоже навестил меня, принес свою статью «Русская церковь» для печатания. Посмотрев на меня и Максина, присутствовавшего в это время, он сказал: «Ну до чего вы оба различны! Совсем разные типы, разные организации! И пояснил, что, по его мнению, бывают люди линейные, круглые и квадратные. Меня он отнес к линейным, М-на – к круглым. На мой вопрос о признаках, характерных для этих трех категорий, сказал, что круглым свойственны неподвижность, спокойствие и благодушие, линейным же стремительность: “они – стрелы”. “Квадратности” отвечает грубость и угловатость (“углы”). Себя назвал “линейно-круглым”, т.е. типом неустойчивым и указал на свои непоследовательности во взглядах. На мои вопросы о Мережковском, Зин. Ник. и Нат. и Тат. Ник. Гиппиус, назвал первого линейным, “Тату и Нату” – круглыми (после некоторого раздумья), а З. Ник. – зигзагообразной, “как молния”. “Она – новая”».

Я заговорил о «союзнике» Ржавском в Курске, лично известном Максину. Р-ский обвиняется в изнасиловании и убийстве 9-летней девочки. Я высказал мысль, что деторастление есть один из видов psychopath. sexual. и не подлежит суду. Р-в не согласился и указал на магометан, где бывают случаи замужества 9-ти и 8-ми летних девочек. Напр., любимая жена Магомета (Айша?) была взята им 8-9 лет. Правда, южанки ранее других достигают половой зрелости. Еще говорил В. В. о значении обрезания для полосочетания. Мысли его по этому вопросу точно формулированы им на последних стр. последнего издания «В мире неясного и нерешенного». Черкесов, которого я и Максин застали за Handbuch'ом какого-то ученого анатома и рисунками, сообщил мне между прочим, что в приложении к журналу «Врач» вышла знаменитая «Psychopatia sexualis» Крафт-Эббинга, которую я давно хочу прощать и иметь в своей библиотеке, как книгу основную и классическую по этому вопросу. До сих пор существовал общедоступный и отвратительный рассчитанный на любителей порнографии пере-

вод, изданный неким мерзавцем Аскархановым, хорошо известным издателем разной порнографической дряни.

Четверг 30-го июля.

Вчера днем я был у И.Е. Репина в «Пенатах». Приехав в 4 часа, я застал у него какого-то пухлого господина, лысый череп которого производит крайне комичное впечатление, какую-то зело немолодую и изрядно уродливую француженку... и наконец, довольно известного теперь сенатора Сергея Валентиновича Иванова, бывшего при Швансбахе товарищем Государственного контролера и неожиданно уволенного с этой должности в Сенате. Будучи уже сенатором, он в день юбилея Толстого на квартире Репина подписал протест против смертной казни. Об этом узнал скоро «высокий господин небольшого роста», по одной версии вследствие доноса «союзников», по другой – из доклада мин. юстиции Щегловитова. Вызванный к последнему для объяснений, С. В. заявил ему, что он по долгу сенатора считал себя обязанным протестовать против этого наказания и напомнил, что в Юридич. об-ве и сам Щ-в заявлял, что см. к. должна быть устранена из уголовного законодательства. На вопрос Щ-ва, что передать Н. Кровавому, С. В. заметил, что доставить объяснительное письмо. Что он и сделал на другой день. В этом письме он заявлял, что не мог поступить иначе и в заключение просил разрешение дозволить ему лично объяснить все Государю. Такого разрешения последний ему не дал, и в скором времени он получил указ, что, оставаясь сенатором, он освобождается от присутствования в департаментах и общих собраниях с уменьшением содержания до размеров пенсии, т.е. с 10 до 5 тысяч рублей. Сенатором он остался вследствие принципа «несменяемости» сенаторов и когда сам хотел выйти в отставку, ему дали понять, что заявление об этом может быть рассматриваемо как оскорбление Государя. В Совете министров рассматривался вопрос о выезде его за границу года на два, но дальнейшего движения этот проект не получил. У С. В. довольно большая семья и уменьшение дохода на 500 р. ему очень чувствительно. Летом он живет в Куоккале, где состоит председателем местного комитета по благоустройству.

Смелый и благородный поступок С. Вал. своевременно про ник и в печать. Я помню, что я беседовал об этом с покойным

С. Васильевичем, который хорошо знал Серг. Вал. еще по Казани, где последний служил по земству. Вчера, будучи у Репина, я упомянул о кончине Смоленского. Эта весть изумила и огорчила Иванова. Он много раз возвращался к ней и говорил, что покойный был на редкость хорошим и замечательным человеком.

Я думаю, что и сам Серг. Валент. также очень хороший, вполне честный человек. Да за это ручается, между прочим, и его дружба с Ал. Вас. Васильевым, бывшим профессором Казанского университета, известным математиком. Об этой дружбе он упомянул, узнав, что я тоже математик.

Теперь – о цели посещения Репина. И. Е. захотел написать мой портрет, считая замечательным мое лицо. Вчера я позировал ему около двух часов. Следующий сеанс – через две недели. Иванов развлекал меня во время сеанса своим рассказом о беседах с Щегловитовым и свиданием с Ник. Кр. Усадили его так, чтобы я не видел его лица и не смотрел на собеседника. Лицо мое ему весьма понравилось. «Я бы с удовольствием смотрел на вас, – сказал он мне, – потому что у Вас крайне замечательное лицо, и если бы я был хоть каким-нибудь художником, непременно нарисовал бы Вас».

И. Е. Репин сказал, что я очень похож на Соловьёва в его молодые годы, а Н. Б. Нордман во время обеда сказала, что я крайне похож на икону и даже в руках моих нашла какое-то сходство с иконою. Кстати, два слова об обеде. Обедали в 7 часов втроем: И. Е., Н. Б. и я. Прислуга отсутствовала. На меню, предложенном Н. Б., стояли №№. Я вытянул № первый и оказался председателем обеда. Посадили меня во главе стола и заставили разливать борщ в чашки. Слава Богу, еще, что было обедающих всего трое. Никогда не приходилось мне наливать суп, и я с трепетом принялся за это новое дело. Вышло, однако, удовлетворительно. За обедом говорили о Розанове, Мережковском, «христианстве», а И. Е. рассказал о неинтеллигентности «Высоч. особ». После обеда все мы расписались на обороте «меню» (см. л. 349 об.), а меня Н. Б. заставила написать формулу «на память» на листе альбома. Я это сделал, написав зависимость между суммой гипергеометрического ряда: $F(\alpha, \beta, \gamma 1)$ при $\gamma < \alpha + \beta$ и функций $\Gamma(x)$. Эту формулу я считаю одной из самых замечательных и красивых формул чистой математики. Уехал я от них в 7 ч. 45 м на поезде 8 ч. 32 м, а И. Е. и Н. Б. отпра-

вились на заседание комитета по благоустр. в Куокк. театра. Да, Н. Б. подарила мне свою брошюру «Следует раскрепостить прислугу». Вчера же я ее и прочел. Мысль ее верна и добрая, но сторонников она не найдет у нас еще много времени. На стр. 8, строка 1-я есть ошибка: «Я одела» вместо нужного «я надела»...

ДНЕВНИК 1909 г.

I

Часть V (с 3 августа по 24 сентября)

Четверг 6-го августа.

1. Вчера отправлено мною письмо Зин. Николаевне в Гамбург (Bad-Homburg) с «гнусным» фельетоном В.В. Розанова: «Сентиментализм и притворство» как двигатели революции» (Н. Вр. 17.VII.09 г.). В этом письме я писал о кончине С.В. Смоленского, о возобновлении переписки с еп. Михаилом, находящимся в Симбирске и спрашивающим про меня у Ив.Ив. Митюрникова, и о причинах своего возвращения в Петербург, по мнению З. Н., «так рано».

Письмо Зин. Ник из «Villerville sur mer» (Calvados).

11 авг. нов. ст.: V-v. Calvados. 11.8.09. Спасибо за письмо и за известительную открытку. Статью Розан. не читала, ибо Нов. Вр. не видела. Если будете такой добрый, пришлите. Отсюда уезжаем через несколько дней. Пишите теперь Allemagne. Homburg. V.d.H. Жду вестей. Отчего вы так рано в СПб.? Ваша З. Г.

2. Всенощное бдение на сегодн. день я слушал в лавре, в соборе. Служил м. Антоний. Певчими упр. Тернов. Исполнили неведомое мне «Свете тихий» Чеснокова, довольно красивое, и малограмотное «Славословие» не то Багрецова, не то Сарти. Особенно хорошо И. Я. провел «От юности» Старорусского и «Крест начертав» гл. 8. Греч. росп., пер. Львова. Литургия сегодня – там же. Служил опять м-т, пели «Буди имя Господня» Смоленского. И вчера и сегодня – великолепен тропарь 7-го гласа: «Преобразился еси». Тернов сообщил мне, что на панихиде по Ст. Вас. на квар-

тире А. И. См. 24-го июля, т.е. в день похорон он управлял хором, составленным из его певчих и учеников училища С. В.

3. Сегодня в Н. Вр. фельетон Розанова об «Истории одной жизни» Мопассана; статья умная.

Пятница 7-го августа.

Вчера вечером я был у вдовы С.В. Смоленского, в тот же день вернувшейся в ПБ. Она рассказала о последних днях жизни моего друга. С 16 июля он уже не мог писать даже писем, а 19-го уже ничего и не говорил. Скончался 20-го в 3 ч. дня. Отпевали 23-го в Васильсурске, а 24-го привезли тело в Казань, в цинковом ящике, наглухо заделанном. 24-го был внесен в церковь, где тотчас же была отслужена панихида еп. Мамадынским Андреем (кн. Ухтомским), вечером в тот же день – парастас, а 25-го – литургия с панихидой, совершенной Андреем же, и погребение. Как оказывается, С. В. только в прошлом году купил для себя и для А. И. место на кладбище за 15 р. Извещая об этом жену, он писал ей: «Теперь мы с тобою помещики». Интересно, что в одном из писем к гр. Серг.Дм. Шереметьеву с Волги, он пишет, что видит милую ему реку последний раз. Вдова его утверждает, что смертельно заболел он гнойным плевритом, в каковой обратился не гнойный плеврит, бывший у него в Москве, а не распознанный малоопытным в г. Васильсурске врачом, назвавшим болезнь малярией. Недаром до дня смерти он хотел уже вернуться в Петербург, для чего жена его выписала из П-га его осеннее пальто. Приступы лихорадки, одолевавшие его ежедневно, были мучительны, и он иногда кусал палец «от боли». Перед смертью его причастили, и когда умер, рука его лежала на груди, сложенная крестом. Должно быть, ушел «туда» с молитвою. Он никогда не боялся смерти и всегда был готов к ней. В последние дни при нем находились: жена, сестра Ольга Вас. и Е.С. Ильминская, также фельдшер и сиделка. 19 июля был консилиум из двух врачей, сказавших уже в этот день, что он не поправится.

Гр. Шереметьев, друживший с покойным, напечатал его некролог в «Моск. Вед.» с выпиской из письма Ст. Вас. и прислал вдове сочувственное письмо, в котором обещает поддержать Рег. училище.

А. И., с которой в браке он прожил «душа в душу» 27 лет (исполнилось 4 июля), намерена напечатать все подготовленные им работы и «воспоминания» (2 тетради). Нечего и говорить, что она очень огорчена этой смертью, о возможности которой она совсем не думала.

От См-ской я поехал к моему другу Вяч. Иванову, с которым не виделся уже 2 месяца. Оказалось, что он это время провел в Петербурге, занимаясь изданием своих статей «По звездам», один экз. коих он тут же подарил мне с такой надписью: «Дорогому другу Сергею Платоновичу Каблукову с любовью и радостью общения духовного. Вяч. Иванов. 1909, день Преображения». Кроме того, он перевел стихотворения Новалиса, которые издаст осенью, и несколько сонетов. Девять этих сонетов из цикла «Любовь и смерть», имеющих войти в «Corardens», и некоторые переводы, он прочел мне. Все это действительно прекрасно. «Corardens» этими сонетами и кончается.

Наедине мы беседовали с ним 3 часа, о Розанове, нашем обществе и о писателе Мих. Кузьмине, живущем в его квартире. В 12 ч. ночи я увидел этого Кузьмина, сразу мне понравившегося. Он очень образован и даровит. Кроме стихов, он пишет и музыку; для меня сыграл свои «Антифоны» св. Лаврентия (и спел их на лат. языке; музыка строгая, но чисто католическая), тропарь «Михаилу Арх.», а также «духовные стихи» своего сочинения «о разбойнике», «о пустыннике и льве», «о страшном суде». Эти сочинения интересны и в музыке. отношении, но особенно замечательны и со стороны текста. Так он передает народный дух стиха, что и Пушкину было бы впору. Это действительно замечательный человек и подлинный поэт. Я, конечно, рад знакомству с ним.

Четверг 13-го августа.

Вечером третьего дня я был у Вас. Вас. Розанова, уже переехавшего на новую квартиру (по Звенигородск. ул. д. № 18, кв. 23, угл. дом с Никол. ул.). Оказалось, что он намерен продать свою кабинетную мебель, дубовую, крытую кожей, стоявшую новой 250 р., всего за 150 р. Осмотрев ее и найдя подходящей, я сказал, что могу ее купить для себя. Варв. Дм. сказала на это, что мне Вас. Вас. уступит за сто рублей. Так и решили. Сговорились, что 12 авг. она пришлет мебель мне на квартиру, а деньги я уплачу

после 16 авг. Вчера действительно привезли мебель, еще утром, и одновременно пришло и письмо Варв. Дм., которое я помещаю на л. 374 этой книги. Из него следует, что присланная мебель дана мне «на прокат», бесплатно, пока не станет лишней; в последнем случае я должен вернуть ее детям Вас. Вас. Записываю это здесь как характеристику подлинной доброты В. В. и его жены, женщины необразованной (см. орфогр. письма), но незаурядной и очень доброй. Сегодня отправляю ей благодарственное письмо с указанием, что покоряюсь ее желанию, хотя и предпочел бы купить ее себе в собственность.

А Вас. Вас. подарил мне два экз. «Семейного вопроса в России» (СПб. 1903. 2 т. ц. 4 р. 50 к – сто ех. Этой книги отдано на комиссию Ив.Ив. М. за полцены), два экз. «Легенды о Вел. Инквизиторе» (3-е изд., отдано Митюрикову 43 ех. с уступкой 60%) и свое лучшее сочинение: «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания». М. 1896. Ц. 5 р. На последней книге он сделал надпись: «Сергею Платоновичу Каблукову, – математику-мистику, – тоже, кажется, мистик, – В. Розанов. Всего больше в Вас мне понравилось, когда Вы отказались ехать в интересное морское путешествие из страха, что в случае смерти над Вами не были бы вычитаны и пропеты все церковные песнопения и чтения, положенные по уставу церкви. Это единственно в своем роде!..»

А когда я заговорил с ним по поводу «семейного вопроса» о друге моем Ник.Моис. Максине, разведшимся с женою через неделю после «венца» из-за разномыслия и своего нежелания немедленно начать половую жизнь с нею и о его тяжелой жизни студентом, отанным в солдаты, о революционном его прошлом, о жизни в Курске и Полтаве прaporщиком и пр., Вас. Вас. сказал, что Максин ему очень понравился и что он хочет подарить ему экз. «С. вопроса». На первом томе этого экз. он написал: «Николаю Моисеевичу Максину, на память о единственной беседе с ним. В. Розанов. – Прослушал от Сергея Платоновича “оперу” Вашей жизни». Книги эти вчера доставлены Н. Моис., очень обрадовавшемуся неожиданным подарком (NB. По одному экз-ру «Легенды» и «Семейного в.» я подарил Дм.Вл. Знаменскому).

В это свидание с Вас. Вас. я много укорял его за «Сентиментализм и притворство» (Н. Вр. 17.7.09 г.). Он говорил, отвечал на

укоры мои, что написал только то, что думает и думать иначе не может. А укоров за это он слышит множество, и от личных знакомых, и от читателей. Один из последних (г. Виктор Штемберг. Почт. отд. Иваново Тульской губ.) прислал ему даже длинное письмо на 28 полулистах с подробным разбором и опровержением его статьи. Это письмо, очень основательное и умное, В. В. передал мне. Он намерен отвечать г-ну Штембергу, письмом же. Отзыв Гиппиус об этой статье В. В. см дальше л. 379–380.

Пятница 14-го августа.

Текст письма З.Н. Мережковской из Гомб. от 7 авг. 09.

«Allemagne. 7 авг. 09. С удовольствием прочла Ваше письмо, без всякого удовольствия статью Розанова (“Сентим. и притворство...” С. К-в). Хотя не столь она “мерзкая”, сколько плутоватая и бесчеловечная, плюс – бесполезная. Трудно думать, что кого-нибудь она убедит. Меньшиков пишет ловчее. Экий “добрый человек”, Вас. Вас.! (Он всегда себя так называет). Его возмущает “злость” человека, убивающего себя перед виселицей, да еще не желающего в этом покаяться! Фу ты, какая доброта! Даже страшно от этой святости!

Я слишком близко видела святость обратную (и слишком недавно), чтобы серьезно взглянуть “на старческий, жульнический “радотаж”” Розанова. Пусть себе, коли стыдочку нет, особенно в Н. Вр.

Отчего это умер ваш друг? И давно ли вы его видели? Он не жил в Петербурге? Вполне понимаю вашу печаль. Все в жизни переносимо и победимо, вот только смерть одна... Только она.

Мы сидим на немецких водах, знакомых до последней степени, и которых я лично даже и не пью. Для меня это, как удобная дача. Больше ничего. Петербургские тем и огорчительны, что слишком рано начинается осень. Здесь еще лето. В сентябре уже будем в СПб. Напишите, что думаете, станется с Михаилом. Приедет ли он в Финляндию? Останется ли в Симбирске?

Как мы замечаем, российский курс, в смысле настроения, очень понизился; газета “Речь” становится все менее и менее “оппозицией”, до такой степени, что даже статьи Д. С. о Глебе Успенском они не напечатали целиком, а неслыханно взяли 1-ю треть, отослав две остальные! Слишком не по моменту “революционно”!

Случай беспримерный с Д. С., а статья очень невинная. Уж не знаю, где он напечатает свой ответ о “Бледном коне”.

Я собираюсь не торопясь писать роман, или большую повесть по кр. мере. И не буду торопиться с печатанием. Это не уйдет. Жду вашего более пространного письма. Видели ли Карташёва? Он, кажется, уже вернулся в СПБ. Не забывайте меня. Я с удовольствием думаю о Вас и о том, что, м. б., эту зиму мы с Вами чаще будем видеться. Привет от всех.

3. Гиппиус».

Среда 19-го августа.

Сегодня я был у Ил. Еф. Репина в Куоккале. Приехал первым, затем прибыл Вас. Вас. Розанов, две неизвестные «вертихвостки», из коих одна утверждала, что через Куоккала поезда проходят очень часто, «каждый раз», так что даже В. Дм. Розанова ее поправила, а другая по поводу слов И. Е. о Христе, что, по преданию, его не видели улыбающимся, сказала, что он был на браке в Кане, значит (!) любил веселье и смеялся. Это «значит» осталось без возражений. Кроме этих двух дур был почти столь же глупый, крайне пошлый и самодовольный, плешикий уродец Уманов-Каплуновский, бездарный виршеплет, мнящий себя поэтом. Его я отбил, сказав, что 1) не всякий пишущий стихи есть поэт и 2) что теперь только и найдутся поэты, что Брюсов, Гиппиус, Иванов Вяч. и Ф. Сологуб. Первое положение, вполне очевидное, вызвало его удивление и недоуменные вопросы одной из «вертихвосток». Ей я не дал ответа, помня, что не надо «метать бисер». Пошляк Каплуновский опять явился со своим альбомом автографов, куда заставил вписать «изречения» и В. В. Розанова и приехавшего после всех Илью Яковл. Гинсбурга, проф. Ак. Х. по классу ваяния. Последний оказался исключительно талантливым «имитатором», бесподобно представив после обеда сапожника за работой, речь англичанина, «как немец декламирует Гёте, как ребенок рассказывает сказку про “Иванушку-дурачка” и как ученик отвечает, не зная басню: “Был дом, где под окном...» Наиболее удались ему последние две, но и изображение сапожника было изумительно верно, напр., процесс вдевания нитки в иголку, завязывание узла и пр. давали полную иллюзию. С Гинсбургом я ехал обратно в Петербург и в вагоне 1-го класса имел с ним длинный разговор о

«новом» искусстве, которое для него – только возврат к XVII и XVIII вв. Говорил он умно, красиво и с увлечением. Несомненно, искусство он любит и судьбы его, будущее его весьма его волнуют. Прощаясь со мною, пригласил посетить его мастерскую в Ак. Х. для обозрения его работ и просит доставить ему возможность посещать Р.-ф. об.-во. Интересно, что к «альбомам» светских дам и плеших пошляков относится он крайне отрицательно. Мне остается упомянуть, что сегодня я позировал не И. Е., писавшему портрет Розанова, а его сыну Юрию, очень милому художнику, понравившемуся мне своей молчаливостью. Да еще запишу для памяти, что И. Е. вновь много раз говорил, что я изумительно похож на Вл. Соловьёва и лицом, и тембром голоса (даже).

Четверг 20-го августа.

Вчера получено ответное письмо Зин. Николаевны Мережковской след. содержания: «Allemagne, 17 авг. 09. Нет, нет, я все-таки, несмотря на все занятия ваши, уповаю на скорый ответ и на это письмо. Нас как-то все забыли, только вы один пишете мне с доброй аккуратностью. Хочу спросить Вас, не слышали ли чего-нибудь об этом ужасном случае покушения на самоубийство Ионы Брихничева? Мы только и знаем по газетам, – был спасен, бросился в Волгу с верхней палубы. Он такой близкий друг о. Михаила; что знает об этом о. Михаил? Сказать по правде – я бы скорее поверила, что о. М. покушался на самоубийство, нежели Иона. Вы видели его у нас, ну похож ли он был на человека, способного броситься в Волгу? – Это очень нас поразило, испугало, огорчило. Одно объяснение – человек затравлен, в газете ему запретили, посадили редакторов. Это и Толстому трудно выдержать – сознание, что людей из-за него садят и ссылают.

Не очень я понимаю, почему вы отказались от курсов. Это может быть и хорошее и скверное дело, смотря по человеку, который за него берется. А высшая математика – какая благородная наука! Завидую вам, что вы ей близки.

С Розановым каши не сваришь. Разве он кого-нибудь слушает, кого-нибудь слышит? Вот человек, не понимающий “личности”!

Здесь еще совсем лето. Скучно и тихо. Но солнце очень приятное. Курорт не тихий, но мы живет тихо, и думаем, увы, о Пе-

тербурге. Скажите вот еще что: (меня это очень удивило!) отчего Вам кажется, что вы скоро умрёте? Отчего?

Ваша З. Гиппиус».

Сегодня в 2 ч. дня отправлен ответ на это письмо с выпиской из ст. еп. Михаила (см. л. 391 об.).

Сегодня я кончил чтение знаменитого романа «В лесах» Печерского, сочинения которого в этом году дает пресловутая «Нива» в качестве бесплатного приложения, вместе с Г. Ибсеном. До этого времени я знал «В лесах» только «понаслышке», а теперь, прочитав его, могу сказать, что сущности старообрядчества не понял и Мельников, увидевший в нем лишь формализм, преданность уставности и «мертвой» букве старых книг. Но Манефа и Алексей хороши бесподобно. Вас. Борисов выдержан мало. Хорош и очень даже Никифор-пьяница. Сюжет романа «малозатейный», и главный интерес его – язык, чисто русский, очень красивый, звучный и странный для уха петербуржца, говорящего языком газеты и популярно-научной книги. Есть знание и русских народных обычаев, и обрядов, и уставной жизни, и быта купеческого и крестьянского. Вообще говоря – «В лесах» – роман серьезный и интересный, жаль только, что конец его, свадьба «уходом» дочери Чапурина с «московским послом» очень банален. Скоро примусь за чтение «На горах». Дм. Вл. Знаменский, давший мне эти романы, говорит, что этот не так интересен, как «В лесах». Посмотрим. Сегодня же начал читать «Тихие песни» Николая Т-о, псевд. Иннок. Федоровича Анненского, автора двух книг «Отражений» (сборники крит. статей, очень умных и интересных) и, как это ни удивительно, окружн. инсп. СПб. Уч. окр., а по чину «статского генерала». В Уч. ведомстве, люди с душою и сердцем, с любовью к поэзии и не без поэтического дара, конечно, уроды. Но тем приятнее с ним встретиться. Анненского я видел не более двух раз в гимназии и училище и оба раза он мне пришелся по душе. Люблю и его «Книги отражений», которые с радостью читал в Териоках в июле. Теперь, получив «Тихие песни», принял я за отдел «Парнасцы и проклятые», где помещены переводы из Ст. Малларме, Верлена, Ш. Бодлера, Л. де Лиля, Ш. Кро, А. Рембо, Роллена, Фр. Жамма и др., а также из Гейне, Горация и Лонгфелло. Как выбор стихо-

творений, так и перевод их весьма удовлетворителен, но, конечно, уступает переводам Брюсова и Вяч. Иванова. Впрочем, и за то, что есть, – большое спасибо милому Иннок. Феодор.

Вчера я был у Мих. Сем. Фарбмана в «Пантеоне». Предупрежденный Розановым, он принял меня исключительно любезно, живо смастерили проект обложки для «Русской Церкви» Вас. Вас. – будет такая же, как на монографии Мережковского о Лермонтове – а затем разговорился о своих планах по издательству. Будут изданы: томов восемь Мопассана, несколько томов Флобера, несколько монографий по искусству, «Книга Иорам» Борхарда с рис. Ал. Элиасберга, очень хорошими, и пред. В. Розанова, книга о Ветхозаветной поэзии с извлечениями из Иова и пророков, и переиздана «Песнь Песней». По поводу последней и Ветхозаветной поэзии я советовал ему обратиться к еп. Антонину и дал его адрес. На прощанье он дал мне текст «Книги Иорам» – 2-ю корр. Вернувшись, я прочел ее скоро, т. к. там всего 48 стр. крупной печатью. Любопытно.

Суббота 22-го августа.

Вчера вечером я был у Дм. Вл. Знаменского. Говорили о Розанове. «Он бесстыден, как Адам до и после грехопадения», – метко сказал собеседник мой. Говорили и много, о браке, его этическом значении. Я проводил свою мысль, бракоборческого характера. Зн-ский защищал половой союз двух полов. Затем я прочел ему доклад Д. Вл. Философова «Друзья или враги?», читанный в Рел.-ф. об-ве в начале этого года и напечатанный в авг. кн. «Р.М.», а также ст. П. Струве «Религия и социализм» оттуда же.

Воскресенье 23-го августа.

Кончил сегодня чтение «Сказок Бекаса» Мопассана (т. VI изд. «Пантеона». Пер Ан. Чеботаревской) – незначительная книга. Из 18 рассказов хорош только последний: «Записки путешественника». Пожалуй, интересен рассказ «Могила» на тему о «некрофилии». В «Зап. Путеш.» есть очень хорошие строки: «Я не знаю ничего более безвкусного, более грубого, более неприличного, более неблаговоспитанного, чем есть в вагоне, при посторонних пассажирах. Предусмотрительный человек берет с собою пузырек бензина или керосина, чтобы обливать ими подушки дивана, как

только соседи начнут около него обедать. Все позволено, все чесчур деликатно по отношению к невежам, отправляющим вас запахом своих съестных припасов». Эта цитата прекрасно выражает и мои мысли по этому вопросу и хорошо объясняет мою неприязнь к продолжительным переездам в общем вагоне, особенно ночью. Хорошо говорит М-н и о сне в дороге. «Толстая дама изнемогает, поминутно закрывает глаза, резким движением склоняет голову на грудь и опять поднимает ее. Кончено. Уснула. О, сон! Смешная тайна, придающая лицам самое карикатурное выражение, ты вскрываешь человеческое безобразие. Обнаруживаешь все недостатки, уродливости, пороки. Благодаря тебе всякое лицо, которого ты коснешься, превращается в карикатуру». Это хорошо и верно.

Понедельник 24-го августа.

Отправлено письмо В.В. Розанову с опровержением его письма (см. л. 386 об.) и с обличением неправды его. Кроме того, высказано мое мнение о И.Я. Гинцбурге, пошлом и самодовольном «альбомнике» Уманове-Каплуновском и двух вертихвостках, уже упомянутых в этой книге на л. 387. О них я писал: «Мне страшно хотелось тукнуть горячей ложкой по глупым башкам этих чертовых кукол! Вот чтобы звук получился! Ведь – серебром по меди...»

В «В лесах» Андрея Печерского приведен образец «тарабарской грамоты», потайного, т.е. шифрованного письма старообрядцев. Система шифра состоит в том, что, выписав согласные буквы русской аз. в две строчки по 10 букв в таком порядке

б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н;
щ, ш, ч, ц, х, ф, т, с, п, р,

заменяют буквы первой строки буквами 2-й, стоящими в том же столбце, напр., в через щ, л через с и обратно: с через л, ф через з и пр., тогда как гласные остаются без изменения. Напр., нешосудия = революция, емилтом = епископ и т.д.

Четверг 27-го августа.

Сегодня вечером я был у Вяч. Иванова. Дано ему для прочтения книга В. Розанова «В темных религиозных лучах». По поводу утверждения Розанова о невозможности физического девства перенесшей роды Девы Марии, Вяч. Иванович указал на мнение

мистиков средних веков, допускавших, что в акте рождения «печать девства» преломилась, но в тот момент, когда полнота Христа присвоилась человеку Иисусу в акте крещения от Иоанна, Пречистая мать Его вновь стала вполне Девою, и она развивалась в этом направлении, как бы молодела, параллельно развитию Богочеловеческого естества в Христе Иисусе, какое развитие завершилось в акте крещения. Это мнение Вяч. Иванов считает более приемлемым, чем высказанная Дм. Вл. мысль, что И. Х., проходивший через закрытые двери, мог пройти младенцем и через «двери рождения», без раскрытия их. В этом видится Иванову уклон в монофизитство, как и во всякой попытке перенести свойства тела воскресшего и преображенного на святое, но все же земное и подобное нашему тело Иисуса Христа до воскресения Его. Но в некотором смысле Иванов и себя причисляет к монофизитам. Именно, имея яркое чувство «трупности» о себе самом и о других людях и прозревал мертвенный налет тления на лицах людей, он утверждает, что этой «трупности», свойственной всем людям, не было в И. Х. вовсе. Этим он и отличен от всех прочих людей. Монофизитством же он называет всякую тенденцию, устанавливающую несходство человеческой природы Христа с природою обыкновенных людей и тем отдаляющую Христа от «земли».

Говорили немало и о том, как относится христианство к устроению общественной жизни – активно или пассивно? По мнению Иванова – с пассивным сочувствием. Любопытно, что все попытки в этом роде Достоевского, Вл. Соловьёва, Мережковского он считает также негодными, как и попытки найти квадратуру круга. Эта задача, по его мнению, символична, ибо круг знаменует божественное, а квадрат – земное. Земное не устроется божественным. Когда я указал ему, что эта задача разрешима при помощи некоторых трансцендентных кривых, он назвал этот путь «демоническим». Такая кривая и вычерчивается в истории действием сил посторонних, небожеских и нечеловеческих.

Говорили и о политике, даже о Вильгельме II, которого И. защищал усердно против моей характеристики сего государя как «хулиганнейшего» при всех прочих.

Между прочим, Иванов сказал, что собирается написать свою автобиографию, ибо считает свою жизнь интересной. Кроме этого, имеет в виду закончить начатую новую трагедию «Проме-

тей», написать книгу небольших статей мистического характера, мистерий на сюжет из «Ж. святых» и драму о каком-то средневековом рыцаре-маге.

Сентябрь

Вторник 1-го сентября.

1 сент. получено письмо от З. Н. из Гамбурга след. содержания. «Villa Royale 28.8.09. Милый Сергей Платонович. Спасибо Вам за скорый и обстоятельный ответ. Ваши ощущения вполне близки мне и понятны. Я завидую вашей крепкой вере. Если бы я, как вы, всегда могла быть уверена, что не исчезну со смертью в небытие, то смерть моя не пугала бы меня. Никакие вечные муки (тем более что они не вяжутся с понятием Бога-Любви) не страшны так, как небытие. Между тем мысль: “а вдруг за гранью агонии – ничего?” не может порою не приходить к человеку, не обладающему совершенством веры.

Впрочем, если даже вы и верите, нужно желать жить как можно дольше. Как, веря, не верить, что мы здесь должны заслужить себе тамошнюю лучшую обитель.

Нас всех очень потрясло и расстроило открытое письмо Бердяева к еп. Волынскому в М. Еж. Читали ли Вы? Зная более или менее Волынского (и много от Вас), изумляешься, для чего это делает Бердяев? В наивном пылу новообращенного? И какой язык прозелита! (см. л. 382 об. – С. К-в). Я очень хорошо и близко знала Бердяева, помню наши разговоры, его дальность от христианства, совсем недавнюю. Переворот его медленный, благодетельный, но слишком далеко зашедший. Церковь он никогда не знал, не видел, реальную. И вот, обратясь, действует как новичок. Неужели ум и сердце не подсказывают ему, что лучше молчать, чем самодовольно просить Антония, «поручая себя его молитвам», сжалиться над «малыми сими» и приняться (с ним, Бердяевым?) за реформу православной церкви. Какая жалкая это праздность, Боже мой!

О нашем О-ве будем с Вами, по приезде, много и долго беседовать и совещаться. Именно с Вами. А пока – черкните еще строчку. И будьте здоровы. И желайте жить – это важно. Ваша Зин. Гиппиус».

Суббота 5-го сентября.

Вчера в 6 ч. пополудни скончалась на 74 году от рождения, после почти двухмесячной тяжелой болезни, осложненной в последние дни воспалением легких, тетя моя, двоюродная сестра моей матери, Екатерина Александровна Шульгина. Последние две недели она очень страдала. За полчаса до смерти приняла св. Причастие и, след., сподобилась христианской и мирной кончины. Узнав вчера же о ее смерти, я сотворил семь земных поклонов об упокоении души ее и прочел заупокойные молитвы.

Сегодня утром получено письмо от Зин. Николаевны из Homburga от 2 сент. 09 г. след. содержания. «Homburg v. D. H. Villa Royale 2.9.09. Видели ли Вы уже еп. Михаила, Сергей Платонович? Очень интересуемся, как вы его нашли. После его признания собором мы, было, уныли: уедет, думаем в Канаду, успокоится в старообрядчестве. Теперь же по газетам видим, что он не из успокоенных. Радуемся и за него и за себя. Загорелись у нас надежды на настоящие совместные дела и мысли.

Вот только это и хотелось написать Вам, ибо это второе мое к Вам послание. Жду скорых строк, т. к. мы уже думаем тронуться.

А какое все-таки зрелище – завывание воздуха! Здесь теперь знаменитый Цеппелин – это что-то единственное. На дирижабли после него и не смотрю. Все мы приветствуем Вас. Ваша З. Гиппиус».

Понедельник 7-го сентября.

Сегодня я был на выносе тела и заупокойной литургии с отпеванием тети моей Е.А. Шульгиной, скончавшейся 4 сент. Был и Дм.Вл. Знаменский. Вчера были вместе на дневной панихиде, а он – и на вечерней вчера же. Я был на вечерней панихиде 5-го, а вчера не был, ибо, по уговору, должен был быть у Розанова с Н.М. Максиным. Взяты у Р-ва материалы для кн. «Афоризмы»; подаренная им мне книга замечательных стихов Валерия Брюсова «Все напевы» и историко-богословское исследование Соколова об обрезании с заметками на полях Вас. Вас. Часть этих заметок под заглавием «Заметки на полях непрочитанной книги» была напечатана в «Северных Цветах» «Скорпиона» 1902 г.

Среда 9-го сентября.

Сегодня был у меня проездом в Рязань старообр. еп. Михаил, которого собор ст. еп., бывший в Москве в конце августа, разрешил к священнослужению. Говорили об этом соборе. Этот разговор, точнее его объяснение, напечатаны им в «Совр. Слове» 13 сент. (см. л. 424 об.), почему я их и не записываю. В Рязань он поехал к старообрядцу Гр.Вас. Масленникову, просившему побеседовать с его сыном, впавшим в неверие. Возвращается преосв. 14-го. Живет в Белоострове, приезжал в П-рг до двух раз в неделю. Свой «собор» намерен устроить в окт. с обязательным участием Мережковских – в Выборге.

Пятница 11-го сентября.

Сегодня был у меня М.С. Фарбман по делу об обложке для «Русской Церкви» В.В. Розанова, а также и сей последний. М. С. совещался со мной о сборнике «Ветхозаветная поэзия», который намерено издать очень скоро изд. «Пантеон». Я пригласил его для продолжения этой беседы завтра ко мне 13 сент. в 12 ч. дня.

Суббота 12-го сентября.

Сегодня мне исполняется 28 лет (я родился 12 сент. 1881 г.)
Более половины жизни прожито беззаконно и блудно. Боже! Милостив буди мне грешному!

Получено от М.С. Фарбмана IV том «дорогого» изд. с.с. Г. Мопассана, содержащий «Bel ami» в переводе Ан. Чеботаревской.

Воскресенье 13-го сентября.

Сегодня получено письмо от З.Н. Мережковской из Heidelberg'a: «10.9.09. Спасибо, все получила, вчера – открытку. Страшно хотим, ждем узнать, как вышло вчерашнее Ваше свидание с Михаилом. Его непримиримость много дает нам надежд, но, конечно, слишком он нервный, не выдержан, и сам себе, и делу своему может повредить. Его осудительные письма в ред. "Речи" уже были большой неосторожностью. Народ его любит, это великая сила, вы правду говорите, и быть непоспешным и ценить это, еще

не значит, что нужно оставаться в старообрядчестве. Во всяком случае, нам бы тоже особенно хотелось с ним повидаться. Вернулся ли он в Финляндию?

Ну вы все это мне, я верю, напишете. Мы переехали в очаровательный старый Гейдельберг, где еще к тому же стоит дивная погода. Если ответите сейчас, то сюда (Schloss Hotel), если же задержитесь, то напишите в Берлин, Carlton-Hotel, где мы еще останемся.

Цеппелин – особое зрелище, вдохновляющее даже на стихи. Мы его видим везде, и даже вчера в Гейдельберге, когда

...сереблеящий летун
Жужжал над старой колокольней.

Французские мягкие дирижабли отвратительны. Даже немецкий Персперант лучше. Однако я кончаю. Видели ли вы ответ Дм. Серг. Бердяеву? Что думаете? Все Вас приветствуют с большой лаской. Ваша всегда З. Гиппиус».

Ответ на это письмо, содержащий подробное изложение обстоятельства моего свидания с еп. Михаилом, отправлен в Г-рг сегодня.

Понедельник 14-го сентября.

На днях вышла изданная Вяч. Ив. Ивановым книга стихов Валериана Бородаевского с пред. Иванова («Оры», 1909, ц. 85 к.). В одно из свиданий с Ив-м я упомянул про г-на Бородаевского, которого один раз видел у В. Вас. Розанова. Иванов рассказал, что Бородаевский прислал ему как-то свои стихи, плохо изданные, озаглавленные «Страстные свечи». Ему долго не хотелось терять время на чтение этой книги и понадобились новые просьбы Б-ского и присылка 2-го экз-ра, чтобы добиться внимания Иванова. Прочтя эти стихи, Иванов сразу оценил громадное и оригинальное дарование нового, начинающего поэта, посоветовал ему уничтожить плохое издание стихов, издать их на свой счет изящной книжечкой с красиво написанным и умным предисловием. Этую книжечку прекрасных стихов я прочел дня два назад с живейшим удовольствием. Особенно хороши «Вокруг колокольни обомшелой» с прекрасными строками:

«И новых стрел душе не надо:
Душа все стрелы приняла!»

Также «Ранняя обедня» – замечательное по настроению и тону стихотворение, которое следовало бы выписать здесь полностью.

Очень хорошо и стихотворение «Маскарад любите погребальный» с следующей строкой:

«Фонари, повязанные крепом,
Длинный гроб, где кто-то притаясь,
В этом фарсе милом и нелепом
Мертвеца играет, не смеясь.

.....

И люблю, когда со мной равняясь,
Подмигнет он радости моей.
Я молчу, я тайно улыбаюсь
Черным маскам ряженых коней».

Очень хороши еще «Ноктурно», «Ад», «Над пустынными полями видится...», «Страстные свечи», «Сораспятые», «Да и нет» (В.В. Розанову), «Искусителю», «Я холоден», «Образы любимые».

_____

Сегодня был у меня преос. Михаил, но дома не застал. Уезжает до пятницы.

Вторник 15-го сентября.

В.В. Розанов при последнем со мною свидании рассказывал, что на днях к нему в ред. г. «Нов. Вр.» приезжал какой-то старообрядец, который бывал несколько раз в этот день в ред. и не заставал В. В., «наконец достиг своей цели и спросил его, “верует ли во Христа еп. Михаил?”» Роз. ответил вопрошателю, обняв его: «Будьте спокойны, на одном собрании немного лет назад, Михаил сказал, что он готов от всего отказаться, только не от Христа». Вопрошатель уехал удовлетворенный. – Но до чего наивен он, задавая такой вопрос В. В., который сам-то антихрист, иногда даже кощунствующий, напр., называл св. Духа «Духом-Удавителем».

Среда 23-го сентября.

Вчера я был у Мережковских, вернувшихся 21 сентября из Берлина. 21-го же З. Ник. трижды пыталась говорить со мною по

телефону, что не удалось, ибо мой телефон был поврежден. Наконец сказали швейцару № 22–21.

Вчера говорил с ней из Реальн. Уч. Вечером новый разговор на темы: 1. еп. Михаил, его планы и Выборгский съезд. Результат разговора: согласие М-ских ехать в Выборг, необходимость предварительного свидания с еп. Михаилом, необходимость выработки программы *minimum* будущей общины и пр. 2. Будущее Рел.-ф. об-ва. Вопрос о председателе поставлен мне Дм. Серг. Мое указание на вопрошающего как на наиболее подходящего председателя. Ответ Мережковского, что он не хочет быть председателем, что это и опасно для Общества, т. к. он «неблагонадежен» с точки зрения русской полиции. Его указание на возможность избрания председателем Об-ва меня и опасение, что это может повредить мне по службе. Мой отказ от этой должности вследствие собственной незначительности и полной неизвестности. Новая комбинация: предс. Д.Вл. Философов – секретарь – я. Мое согласие на принятие этого звания. Приход Ф-ва и совет упросить Андреева номинально оставаться председателем на некоторое время и принятие решения не возобновлять заседания Об-ва до решения дела с еп. Михаилом. Участие Михаила в Обществе – предположение Мережковского прочитать свою статью о «Коне Бледном» в качестве реферата в Об-ве.

24-го сентября.

Всенощное бд. на сегодняшний день я слушал в Сергиевс. всей Артиллерии соборе. Пение прекрасное, но нельзя того же сказать о службе.

Сегодня получил поздравление от Дм.Вл. Знаменского – в стиле конца XVIII века (см. л. 450 об.), Н.М. Максина, А.И. Смоленской и одно анонимное, следующего странного содержания: «Целую и поздравляю милого “сумасшедшего” с днем ангела!!..»? Письмо городское, с загородной маркой, отправлено накануне, написано на «открытке», представляющей снимки с картины «*Lin-diseret Sesil des Estorts Salon*» очень мало приличной.

Вечером пришло того же почерка новое письмо с городской трехкоп. маркой на «открытке» с такой надписью: «Поздравляю милого «сумасшедшего» с Ангелом. Целую!..? Думаю я, что автором этих анонимных писем надо считать Ал.Ив. Яцимицкого,

моего сослуживца по 3-му Р. Училищу, доктора славянской филологии.

ДНЕВНИК 1909 г.

I

Часть VI (с 26 сентября по 31 декабря)

Суббота 26-го сентября.

Свидание с Мережковскими и с еп. Михаилом у Мережковских. Обсуждение и постановка вопросов, имеющих быть предметом рассмотрения съездом в Выборге. Мое расхождение с М-ми по вопросу о переводе богосл. текстов на русский язык и по вопросу о допустимости насилия. Странное представление Зин. Н. нашей «общины» как христианской партии «с.-р.». Вопрос о действии. Вопрос о таинствах, догматическом минимуме и о священстве.

З. Н. дала мне прочесть свое прекрасное стихотворение «Он» с эпигр. из Пушкина: «Люблю тебя, Петра творенье». Тема – Петербург.

Воскресенье 27-го сентября.

Сегодня напечатано в «Речи» стих. З.Н. Гиппиус «Zeppelin III» (см. ее письмо ко мне на лл. 427–428 этой книги).

Октябрь

Четверг 1-го октября.

Помещено стих З. Г. «Оправдание».

Теперь осталась только одна революционная газета, да и та – «Русское Знамя».

С. Каблуков

2.

«У женщин так: если сказано и не доказано, значит – верно, сказано и доказывается – значит сомнительно».

С. Каблуков
«Из моей старой записной книги»

Пятница 2-го октября.

Вчера состоялось у меня совещание по вопросу о нашем съезде в Выборге, в котором приняли участие: еп. Канадский Михаил, Д.С. и З.Н. Мережковские, Д.Вл. Философов, Т.Н. Гиппиус и я. Обсуждался вопрос о предмете занятий Съезда. Постановлено съехаться в Выборге с 21 октября до 23-го, приглашается А.В. Карташёв.

3. Н. принесла мне для прочтения два альбома своих стихов: один – подаренный ей П.И. Вейнбергом («Гейне из Тамбова») с посвящением, другой – роскошный – также с посвящением – Вал. Як. Брюсовым. В последнем пока записано всего два стихотворения, из коих одно уже напечатано в «Речи» 24 сент. (см. л. 453 об.). Привожу на об. этого листа другое, написанное 30 марта 1909 г. Оно было предложено «Речи», но не принято «редакцией».

«Он» («Твой остав прям...»).

Суббота 3-го октября.

День рождения С.В. Смоленского – 3 окт. 1848 г. Упокой, Господи, душу его в обителях Своих! Со святыми упокой!

Записаны стихотворения «С береговых своих громад («Они, кровавые, вскипели...»), «Коростель», «Весенний ветер» (Неудержимый, властный, влажный...»), «Моей Тоске» («Ты ...»).

Понедельник 5-го октября.

Сегодня я был у Мережковских с 4 до 7 час. Разговоры о Брихничеве и еп. Михаиле, Блоке, Вяч. Иванове и о теософах. Выбор для первого собрания Совета Христианской секции. Назначено заседание в пят. 9 октября в 9 ч. вечера у В.И. Иванова. Сегодня мною разосланы извещения гг. членам Совета.

Вторник 6-го октября.

Сегодня узнал, что на вышедшую сегодня в свет книгу В.В. Розанова «Русская Церковь» (стр. 39. СПб. 1909 г., тип. А.С. Суворина, ц. 40 к.) главное Упр. по делам печати наложило арест. Всего напечатано 3600 экз. В. В. чрезвычайно расстроен этим арестом, тем более что и для него, и для меня арест является вполне неожиданным. Только по догадке могу думать, какие именно места книги послужили поводом для ее конфискации. Из прилагаемого здесь экземпляра, предисловия к ней (см. на л. 465) видно, что частью статья эта уже была напечатана в России («Пол. Зв». Струве. 3 февр. 1909 г.) (ошибка – 1906 г. – Е.К.). Во-первых, нецензурным могли признать рассуждение о девстве Богородицы (с. л. 466 об.), несомненно неуместное в дешевой брошюре, ибо это – великая тайна, постигаемая мистически лишь «кому дано». Во-вторых, подчеркнутые мною фразы из последней части статьи, появляющейся впервые... (Запись незакончена. – Е.К.).

Суббота 10-го октября.

Сегодня получены от В.В. Розанова три экземпляра «Русской Церкви». На одном сделана им надпись: «С.П. Каблукову. Ваш вкус, Сергей Платонович, и мое вдохновение родили эту желтую – ныне, увы, арестованную книжицу. В. Розанов». Из этих трех экз. один будет подарен мною другу моему Д.Вл. Знаменскому, которому завтра я посыпаю извещение об этом вместе с окончанием «Бледного коня» Д.С. М. и статьей того же автора, имеющей появиться завтра.

(Переписано стих. З. Гиппиус «Он – ей» «Разве, милая, тебя люблю я как человека человека?»).

Понедельник 12-го октября.

Вчера и сегодня читал новую пьесу в семи картинах Леонида Андреева «Анатэма». (Изд. «Шиповника». Ц. 1 р.). Совсем не интересно и неумно. Не «по Сеньке шапка» – «мировые» вопросы для Л. Андреева. «Анатэма» вполне под пару «Некто в сером» и даже совсем плохому «Царю голоду».

З.Н. Мережковская, прочитав книгу В. Розанова «Русская Церковь», сказала мне сегодня, что эта книга заслуживает ареста: «Какую ужасную книгу написал Розанов». Осуждает она и статью В.В. Розанова «Магическая страница у Гоголя», в которой В. В. не в шутку защищает и даже похваливает кровосмешение («Весы». Август. 09.) Действительно, статья эта довольно беззастенчива по мысли и нескромна по тону и языку.

Четверг 15-го октября.

Вписано стих. З. Г. «Внезапно» («Тяжки иные тропы...»).

Пятница 16-го октября.

Вписаны стихотворения З. Г.: «Шутка» («Не слушайте меня», «Камень» («Камень тела...»), «Мудрость» («Сошли чертовки»)).

Все приведенные здесь мною стихотворения З.Н. Гиппиус переписаны мною из ее рукописного альбома «П. Стихи моего сочинения. Вторая тетрадь. 1901–1902 – 08. З. Гиппиус», подаренного ей П.И. Вейнбергом в 1893 г. с его надписью. Этот альбом был принесен мне Зин. Ник. 1 октября. Прочие стих. из этого альбома были напечатаны в «Весах» и «Золотом Руне», некоторых газетах и в изданиях в 1904 г. «Скорпионом» книге «Собрания стихов».

В альбоме рукою П.И. В. написано:

«Три года прошло, – леденеет уж кровь,
Но к вам точно так же пылает любовь».

1896. 29 янв.

Пётр Вейнберг

Понедельник 19-го октября.

Сегодня получено мною письмо от еп. Михаила с приложением его письма к Антону Влад. Карташёву, которое по желанию преосв. должно быть прочитано и мною. Епископ сообщает, что одновременно им посланы письма Мер. и Ф-ву. Письма эти являются возражением на наши речи Михаилу у меня в субботу 17 октября на совещании об организации новой церковной общины. Вот копия письма к А.В. Карташёву. «Дорогой Ант. Вл. Хочу напи-

сать. В ваших речах у С. П. я вижу тяжкое предательство. Вы – самый близкий в собрании по содержанию своего догмата веры – в окончательном итоге сказали самое преступное.

Вполне понятны и эта любовь к сокровищам вселенской Церкви, и эта влюбленность во внешнюю ее красоту. Более чем понятны. Необходимы. Как отказаться от Церкви, где “прощупаешь Оригена” (вместе с V вс. соб.?) Да! Да!

Но для некоторых необходимо отказаться, уйти внешне, и хотя бы к той пролетарской Церкви (если даже она, может быть, и будет такой голо-пролетарской, голой от Оригена).

Остаться “там” – значит быть идолопоклонником, фетишистом внешней красоты.

Ради Оригена, которого вы можете унести с собой, вы остаетесь вместе, в союзе, в евхаристическом союзе с палачами, даже с палачами того же Оригена.

Во имя этой Церкви с ароматом Оригена и палачами, для нее, вы должны взбунтоваться против нее, даже жертвуя спасением души, ее уютом. И к пролетарской Церкви должны прийти, хотя бы пугали голые стены, потому что и там ждут и хотят ароматов – но откуда их взять.

Около Христа, во гробе лежащего, – ароматов хоть отбавляй – около Воскресшего еще нет. Пусть будут.

И именно потому, что вы лучше других чувствуете огромность прошлой Церкви и потому что Вам трудно от нее уйти – Вы должны уйти прежде всех. Иначе – Вы предаете обе Церкви: и старую и новую.

Любящий Михаил».

Понедельник 26-го октября.

Сегодня я был на литургии по П.И. Чайковскому в лавре. Пел митроп. хор под упр. И.Я. Тернова. Исполнены песнопения из литургии Чайковского (оп. 41), также Херувимская и «Блаженны яже избран» его же. Троицкий собор лавры был переполнен, причем нелепая русская публика порядком шумела и толкалась. Здесь я встретил Н.И. Компанейского, пригласившего меня на завтра к себе вечером для свидания с о. Лисициным и Панченко. Между прочим, К-ий сказал, что настаивал, чтобы на «табунный» концерт Церк. П. об-ва, имеющим быть в Дворянском собр. 6 декабря под

упр. И.Я. Тернова, поставлена была хоть одна пьеса С.В. Смоленского. Об-во отказалось, хотя концерт устраивается в пользу «Временного Комитета для увековечения памяти композиторов Борт^{нянского}, Львова и Турч^{анинова}», председателем коего был покойный Ст. В.

Вторник 27-го октября.

Еп. Михаил, приехавший сюда для свидания с старообрядческим еп. Пермским Евлогием, сказал мне по телефону, что 8 ноября он уезжает в Москву, затем в Симбирск до 15 декабря.

Сегодня беседовал с Зин.Н. Мережковской по телефону. Уп-рекала, что я не говорю с ней и не прихожу к ней. Д. С. захворал – нарыв на десне.

Среда 28-го октября.

Вчера я получил 1-й № нового журн. «Аполлон», ред. Серг. Маковским. Журнал производит хорошее впечатление. Репродукции картин превосходны. Хороши стихи В. Брюсова («Александрийский столп»), Вяч. Иванова, Н. Гумилёва, М. Волошина, Инн. Анненского. Интересна критическая статья последнего о современной поэзии – очень умная. Недурен рассказ Сергея Ауслендера «Ночной приказ» – несколько развратный. Внешность журнала – безукоризненная. Цена 10 руб. в год.

Вчера В.В. Розанов, говоря со мною по телефону, откровенно сказал:

– Вы все еретики, один я православный.

– Вы-то? Да Вы – антихрист!

– Вы все сухи и холодны, а у меня в душе – молитва (sic?!)

Я сказал ему, что арх. Антоний Волынский думает, что онализм лучше совокупления. Последовал ответ В. В.: – Вашего Антония надо оттаскать за длинные волосы.

Суббота 31-го октября.

Сегодня было у меня совещание, в котором приняли участие Д.С. и З.Н. Мережковские, еп. Канадский Михаил, А.В. Карташёв, Д.Вл. Философов и я. Тема: взаимосвязь между старою и новою

Церковью. Еп. Михаил уезжает 7 ноября в Москву, оттуда в Киев, где в Рел.-ф. об-ве прочтет лекцию, оттуда же в Симбирск до 15 декабря.

Ноябрь

Понедельник 2-го ноября.

Вследствие болезни (вторичной) В.А. Карапурова в сегодн. заседании Рел.-ф. об-ва его реферат заменяется рефератом Д.С. Мережковского о книге Вяч. Иванова «По звездам». Сам В. И. болен приступом невралгии, но обещал приехать непременно. Это сообщено мне Зин. Ник. Гиппиус, известившей меня сегодня, что ими принятая моя комбинация об избрании председателем Рел.-ф. об-ва вместо выбывшего И.А. Андреева Дм. Вл. Философова. Должность же секретаря М-скими решено предоставить мне. Я дал согласие. Намереваюсь совместить это дело с секретарством в Секции. Еще в члены Совета приглашаются П.Б. Струве и С.Л. Франк.

Среда 4-го ноября.

Очень интересным вышло вчерашнее заседание Рел.-ф. об-ва, посвященное чтению доклада Д.С. Мережковского «Нисхождение и восхождение» (прим. С. К. – другое его заглавие «Земля во рту», см. л. 499 об. 15 ноября 1909) по поводу статьи-доклада Вяч. Иванова «Русская идея», из кн. его «По звездам». Доклад написан с подъемом, очень красиво и очень резко. «Да что он? О двух головах, что ли?» – спросил меня после чтения Дм. Вл. Знаменский, – «слишком понятно, что значат слова “Россия несет на себе не Христа, а щенка Антихриста”». К.К. Соловьеву доклад не понравился – «фразерство!» Н.М. Максин усмотрел призыв к «бунту» – восстанию.

М-му отвечал Вяч. Иванов, в длинной речи указавший, что Д. С. не совсем правильно понял его мысли о «нисхождении», и выяснивший смысл этого слова, утверждал, что он скорее сходится с Д. С. по рассматриваемому, нежели расходится. За Ивановым говорил синод. мисс. Д.И. Боголюбов против М-ского на тему, что беспорядка «у нас» много, но в общем все благополучно. Речь была наивною, но одушевленною. Синод. ведомство однако вряд ли бы осталось довольно его. ... После этого долго говорил пр. доц.

Е.В. Аничков, просидевший в «Крестах» около 18 мес. по какому-то литерат. делу. Говорил долго и скучно, указал, что М-ский талантлив, что он мыслит антитезами (последнее слово он повторял каждую секунду) и что доклад его есть публицистика, а не религиозная философия. Аничкову ответил Философов и отчасти М-ский, ему возразил С.А. Алексеев старой песенкой славянофильства, что «Запад» идет к Антихристу, мы – ко Христу. М-ский горячо вступился за «Запад». Его краткой речью и закончилось заседание. Членов об-ва приехало много – зал наполнился. Засед. закрыли в 11 $\frac{3}{4}$ ч. Предс. Д.В. Философов – не совсем удачно.

Вторник 10-го ноября.

Сегодня я был у З.Н. Мережковской, желавшей прочитать мне свой рассказ – «Он белый», – только что написанный. Д.С. и Дм.Вл. Философов считают его неуместным. Вот З. Н. и захотелось узнать мое мнение. Она чувствует, что мысль рассказа «еретична», но не знает, насколько... Тема рассказа – дьявол, его происхождение и роль его в жизни мира. Иными словами – происхождение зла, его значение и место в жизни. Дьявол говорит о себе больному студенту Феде Смурину: «– Ты слушаешь? Мы оба – тварь, и я, и ты. Но я был прежде тебя. Создавший создал любовь и свет. Створив людей, он полюбил их. И сказал себе: «Хочу послать им мой высший дар – хочу дать им свободу. Хочу, чтобы каждый из них был воистину моим образом и подобием, чтобы сам, вольно или невольно, шел ко благу и возрастал к свету, а не был, как раб, покорно принимающий доброе, потому что заблагорассудилось это Господину». И позвал он нас, светлых, к себе, и сказал: «Кто из вас вольно ляжет тенью на мою землю, вольно, ради свободы людей, и ради моей любви? Кто захочет быть ненавидимым и гонимым на земле, неизвестным до конца ради сияния света моего? Ибо если не ляжет тень на землю, не будет у людей свободы выбирать между светом и тенью. И не будут они как мы»».

«Так Он сказал. И отделился я, и сказал ему: «Я пойду»».

Федя слушал и смотрел неотрывно в светящийся лик. Говоривший продолжал:

– «Я пойду, и лягу тенью на твою землю, я до конца буду лежать, как пес, на дороге, ведущей к Тебе, и пусть каждый из них

оттолкнет пса, чтобы войти к Тебе, свободный, как Ты. Всю тяжесть проклятий их я беру на себя. Но, Всемогущий, что я знаю? Ты один знаешь силы человеческие! Если начну я одолевать их?»

«Я не смел сказать ему так, но уже была во мне тень и страданье людей. И Он отпустил мне, твари, первое неверие за первое страдание, и сказал: «Я сам сойду помощником к людям, когда ослабеют силы их. Я сам в Сыне Моем сойду к ним на землю стану как один из них, в свободе и любви, и умру, как они, и воскресну, как первый из них. Ты узнаешь Меня, и будешь тенью около Меня. Велико твое страдание, и только Мое и человеческое будет больше твоего. Посылаю тебя, вольно идущего, на землю, в темной одежде. К моему престолу восходи белым, как ты есть. Но для них ты темен до дня оправдания, и о дне этом ты не знаешь. Иди»».

В белой, точно искристый свет, одежде, сидел перед Федей Печальный Ангел.

И Федя вдруг протянул к ним руки, к этим желтеньким, уходящим стенам.

— Ты сказал мне, ты сказал... — шептал Федя. — Ведь это значит... Зачем сказал ты? Открыл оправданье, сжег мою ненависть... Значит, мне больше не надо жить?

Сидящий дьявол склонил голову на руки и заплакал. Но слезы были лучистые, нежные, радостные.

Остро, как меч, прорезало Федину душу знакомое понятие смерти. И скрестилось с другим мечом, — таким же острым понятием жизни...

«Мама! — прошептал Федя, не открывая глаз, и умер».

Такова основная мысль рассказа: Дьявол, как тварь, не зол, но добр, он добровольно стал злым, чтобы люди добровольно и сознательно, достигая, становились добрыми. Эту злую «роль» дьявола мы должны ненавидеть, в этой ненависти — его мука, принятая им на себя добровольно, как жертва любви. (Сравн. Иоаким Дамаск. Точное изложение правосл. веры, гл. 93.) Но этой тайны не следует знать людям при жизни, дабы не перестать ненавидеть.

Потому нельзя не умереть Феде, узнавшему ее, и открыться она может лишь в смерти. В конечном итоге и Дьявол будет оправдан. Сперва рассказ показался соблазнительным и мне, но по размышлении по вторичном его чтении я оставил это мнение и

нахожу желательным его напечатать. Так и скажу З. Н., хотя в срedu советовал скорее не печатать.

Пишу это примеч. 5 янв. 1910 г. Рассказ «Он – белый» напечатан в № 1 журн. «Огонёк» за 1910 г. На об. л. 509 я помещаю его полностью. С. Каблуков.

Другой рассказ ее, мне ею переданный, написан по-французски. Называется он «*Ergeur*». Вот суть его, некая Hilda Dumont, вышедшая замуж вторично за старого художника не любя его, влюбляется в англичанина Edward' Cherry, молодого и изящного. Cherry, которому она признается в любви, решительно отказывает ей в взаимности и долго не соглашается объяснить ей причины отказа. Затем, после долгих молений и угроз покончить с собою он раскрывает H. Dum. ее «ошибку». Он – женщина, носящее мужское платье. Это признание не удовлетворяет Hild'у и она радостно, восторженно и сияя говорит «ему»:

– Вы, женщина? Только-то? Но мне это безразлично! Не полюбил ли я вас? И буду любить всегда.

Этим и кончается рассказ.

Место действия – Таормина.

Воскресенье 15-го ноября.

Сегодня утром от 11–12 час. имел длинный разговор с В.В. Розановым по поводу ст. М-ского «Земля во рту» (см. л. 499 об.). Разговор, конечно, по телефону. Тема: пошлость русского чиновничества в верхних слоях его. Как образцы этой пошлости Т.И. Филиппов, бравший взятки и яйцом, и курицей, и чем угодно, «Афонька» (Афанасий Вас.) Васильев, генерал-контролер, ходящий в поддевке из подражания Ал.Степ. Хомякову. Поведение «Афоньки» у подчиненного своего Ник.Петр. Аксакова, к которому, прия на именины 6 дек. в присутствии Розанова, «Афонька» разлегся на диване и положил ноги на стол (буквально!). А когда пришло время обедать, увел Н.П. А-ва к себе, не пригласив жены его, хотя и были именины мужа. Последний пошел. Вот предел хамства и лакейства! Несравнимость Победоносцева с прочими лицами его круга. Грустность, огорченность Побед-ва от современного ему состояния России. Разговор Поб-ва с Н.Н. Страховым у зубного врача при случайной встрече о Л.Н. Толстом. Замечание

П-ва «всяк человек ложь есть» – по мнению В. В. имеет смысл и некоторого осуждения: «Все мы хороши! Что уж тут!» Порицание В. В. деятельности Вл. Соловьёва: полная искусственность, неискренность и ломание, кривляние как в литературе, так и в обращении с людьми. Поб-в понял это в Соловьёве, почему и сказал, что всякая его деятельность вредна (цитирую из письма Вл. С-ва). Одновременно, благородство П-ва, не преследовавшего С-ва. Между тем низшие чиновники – благородные, часто образованные, порядочные люди. «Я думаю, – говорит В. В., – что чиновники до статского советника – люди как люди, а выше – одна пошлость, мерзость, гадость, гнусность, тупое самодовольство, самомнение, грубость, лакейство, ханжество и потеря всякого “лица” человеческого».

Затем В. В. сказал, что вчера был в гостях у М.А. Суворина, где встретил Елис. Павловну Суворину, с которой говорил почему-то обо мне. Она интересовалась, что я говорю и о ней, но В. В., по его словам, не решился сказать, что, по моему мнению, у нее «пусто под черепом», с чем и он согласен. Однако ему она нравится своей живостью, непосредственностью, наивностью, свежестью и чистотой (последняя в ней для меня сомнительна). Ее он хорошо охарактеризовал словами: «всемирный мамкин», «Флора». «Ее бы перенести в Средневековье: здоровая, свежая, красивая – рожать детей, родила одного и родит еще многих, но – и только. Больше с нее и требовать нечего».

Весь долгий вечер, до 4-х ч. утра он проскучал у Сувориных, ибо разговор состоял в соревновании сказать намеками наивозможного скабрезнейшую сальность. И еще карты...

И ужаснее всего то, что трагизм дела, говорит В.В. Р. в том, что они все не замечают всего ужаса подобного провождения времени. Только упорный, тяжелый, необходимый труд мог бы исцелить их.

Утром сегодня я получил от Дм.Вл. Философова о имеющем быть в субб. 21-го ноября заседании Совета Рел.-ф. об-ва в квартире Д.С. М., а несколько позже З.Н. Мер. прислала мне в подарок автограф своего рассказа «Он белый» с следующей запиской: «Простите, милый друг, прислала бы вчера, как обещала, но переписчик задержал». З. Г. Р.С. Как? Вы значит на Совете у нас 21-го не будете? На таком важном? На это письмо я ответил немедлен-

но, благодаря за дорогой подарок и извиняясь за задержку французского рассказа «Ergeur» и альбома стихотв., которые послал вместе с этим ответом.

Днем с 1 ч. – 4 ч. был я у Ан.Ил. Смоленской, которую не видел уже с месяц. Прочел ей «Земля во рту» Д.С. Мережковского. Понравилось. Говорили о ее и моих делах. Она подарила мне старинный, резаный на меди прекрасной работы «складень» с образом И. Х. в середине и образами Богоматери и крылатого И. Предтечи по сторонам. Такие иконы наз. «Деисус». Покойный Ст. Вас. очень любил этот образ. Думаю, что он дониконовского времени.

Четверг 19-го ноября.

Мои мысли о древности складеня, подаренного А.И. Смоленской (см. л. 516), оказались ошибочными. Мой ученик по Реальному училищу (VII кл.) Ник.Конст. Мерзлоухов, старообрядец-беспоповец «поморского толка», бравший у меня складень для демонстрирования его «знатоку», сказал мне, что это – «складень поморского лития конца XVIII века и древность его от 120 до 140 лет». И то недурно...

Вчера я был у Дм.Вл. Знаменского. Говорили немало, между прочим и об уходящей, умирающей красоте «старого» Петербурга, о безобразии нового, изуродованного нелепыми домами стиля «модерн», трамвайными проволками, столбами, кричащими вывесками реклам и кинематографов, пресловутыми автомобилями и «автобусами». Вспомнили и Москву, ибо порча коснулась и ее... Вот оборотная сторона механической, технической «культуры». Жалко милой, нелепой, легкомысленной старины.

Что осталось от Петербурга Павла I, Петербурга первого десятилетия прошлого века, Петербурга Пушкина, Петербурга «Медного Всадника», «Пиковой дамы», «Домика в Коломне»?..

Как обезобразился Невский! Как хватило духа уничтожить бесследно «Цепной» мост через р. Фонтанку у Летнего сада, который так гармонировал с Михайл. замком и Летним садом. Обезобразили и Марсово поле нелепым «Севастополем». Вообще Петербург увядает скорее Москвы. Напр., лучшая газета в России – «Русское Слово» продается в Москве, «Раннее Утро» – также. А у

нас? Трусливая, кадетски-либеральная «Речь» да безмерно-гнусное и подлое «Новое Время».

Сегодня о том же речь с А.И. Боргманом. Это он чувствует также. Предчувствует «вандализм» «освободителей». Не хочет его, как и я.

Суббота 21-го ноября.

Сегодня вечером состоялось у Д.С. Мережковского собрание Совета Рел.-ф. об-ва, присутствовали, кроме хозяев: Н.О. Лосский, В.И. Иванов, А.А. Мейер, а также приглашаемый в Совет С.Л. Франк. Постановили предс. об-ва провести Дм.Вл. Философова, пригласить в Совет С.Л. Франка, П.Б. Струве и меня, с возложением на меня секретарских обязанностей. Я попытаюсь совместить их с секретарством в Хр. Секции.

По вопросу о реферах наметили мы рефераты Лосского, Франка, Аггеева, Философова, Зенковского (из Киева) и Струве.

Совет Р.-ф. об-ва передал в Хр. секцию для рассмотрения два доклада некоего Дмитриева:

1) О секте «Старый Израиль». 2) «О религиозной транс(?)-формации». Доклады эти рассмотрены мною. Первый – интересен в этнограф. отношении, но нам совершенно не подходит по форме, – второй – одна чепуха. Постановлено отклонить.

Воскресенье 22-го ноября.

Сегодня выдался день очень тяжелый. С 1 до 3 ч. дня пришлось пробыть в гимназии Аглаиды Петровны Никифоровой, где была «репетиция» ученицам 8-го класса по тригонометрии. Из пяти отвечающих учениц троим я поставил высший балл 5, а двум остальным 4. Оценка очень снисходительная и, конечно, относительного характера, принимая во внимание их слабую предыдущую подготовку, непривычку точно выражаться, трудность математики для женской головы. При ответах присутствовала и сама А. П. В 2 $\frac{1}{4}$ ч. репетиция окончилась. До 3-х я побеседовал с Агл. П. сперва о результатах репетиции, затем о материальном положении некоторых учениц и, наконец, о женщинах вообще, об их душевных свойствах и умственной их отсталости?.. Последняя часть беседы была, конечно, спором, но мирным. А. П. очень находчива и внимательна, вдумчива и даже, пожалуй, умна. Из гим-

назии вернулся в начале 4-го часа. Около половины его прибыл ко мне Ник.Моис. Максин, и мы, вместе пообедав, поехали в лавру на всенощную в Соборе по случаю храмового праздника. По дороге завезены повестки на 24-е ноября в Рел.-ф. об-во Ян.Вяч. Голынской.

В лавру прибыли мы задолго до начала всенощной. В 6 ч. пришел м. Антоний. Мы пробыли только до $9\frac{1}{4}$ часа, и когда выходили из полного народом до тесноты Собора – митр. хор запел катафасию 3-й песни. Что касается пения, то Ив.Як. Тернов был на высоте своего дарования. «Хвалите имя Господне» Ф. Иванова, стихиры 1-го гласа Киевск. Росп., Введение из 2-го гласа Алекс. Невск., стихиры стиховные 1-го гласа Ал. Невс., а также ирмосы Рожд. канона на катафасии были исполнены им великолепно. К сожалению, необходимость быть на собрании Христ. секции и усталость непривычного к долгим стояниям Максина лишили меня возможности услышать великолепное славословие (№ 2-й) (для большого хора) А.Д. Кастальского. После мне передавали, что и оно было пропето великолепно. Хороши были и стихиры хвалитные...

Итак, уйдя из Лавры в $9\frac{1}{4}$ ч., направились мы на Гагаринскую у. (д. № 16), где происходило засед. Христианской Секции (см. л. 522 об.). Прибыли во время перерыва. Присутствовало на заседании всего человек 40, и собрано денег 13 р. 25 к. В числе присутствовавших были Д.С. М-ский, Д.Вл. Ф., В.И. Иванов, К.М. Аггеев, С.А. Алексеев, В.В. Розанов, св. П.С. Аксёнов, Инн.Ф. Анненский, св. П.В. Раевский. «мироносицы» Вяч. Иванова и др. Был и новый член секции Мерзлоухов Л.И. Была и милая Аглаида Петровна. Во время перерыва напоил ее чаем и развлек беседой с Максиным и Аксёновым.

В прениях после перерыва (а до перерыва говорил св. К.М. Аггеев) приняли участие И.Ф. Аннинский, В.И. Иванов, неизвестно как попавший на заседание пресловутый Столпнер на тему об эстетизме и его отношении к христианству и морализму. Эта часть прений была наиболее неинтересна. Говоря после Вяч. Иванова, я перевел речь на вопрос о православии Леонтьева. Возражая докладчику против его мысли, что Леонтьев не может считаться православным, я указал, что ложные догматы русско-византийского православия, как-то догмат аскетического мироотрицания и

догмат «царизма» являются краеугольными камнями в мировоззрении Леонтьева. Затем остановились на втором из этих лжедогматов, я доказывал, ссылаясь на положения и факты, установленные в моей статье о «Православии и самодержавии» (по поводу книги «Le Tzar et la Révolution»), что царизм есть мистическая сущность православия.

Мне коротко возразил Аггеев, ссылаясь на то, что православие он понимает иначе, чем я. После меня говорил Д.С. М. и Дм.Вд. Философов. Второй вполне присоединился к моему мнению, сослався на доклад проф. Суворова в Пред. присутствии в 1906 г., где этот православный канонист очень убедительно и хорошо доказывал, что в правосл. Церкви – государь – все, «а» и «о». Д. Серг. горячо и красиво сказал о безбожии и кощунственности этого лжедогмата, который возражавшему нам С.А. Алексееву казался несущественным придатком православия. Заседание закончилось вскоре после полночи. Мы собрали экспромтом заседание Совета уже в начале первого часа. Постановлено: следующее собрание Хр. Секции назначить на воскресенье 29. 11. для продолжения собеседования на тему, бывшую предметом и описываемого заседания.

Я забыл упомянуть, что во время перерыва были произведены выборы: как мы и желали, В.И. И. и С.А. А. поменялись местами.

Вторник 24-го ноября.

Был вчера на лекции Вяч. Иванова «Голубой цветок». Новалис и его творчество. В Соляном городке. Зал был полон. Первую половину лектор говорил довольно вяло; тема его была романтизм, отношение к нему Новалиса: «верховный жрец романтизма» и краткие биогр. сведения о его жизни. Во второй части сказанное гораздо одушевленнее. Вячеслав дал краткий очерк мировоззр. Новалиса, назвав его идеалистическим реализмом и отметив его существенно мистический, религиозный характер. Эти утверждения лектор подкреплял прочтением стихов Новалиса в своем переводе. Были прочитаны девять духовных песен Н-а и многое его «гимнов Ночи». Переводы сделаны великолепно... Зал был полон.

Среда 25-го ноября.

Вчерашнее наше заседание было «из рук вон плохо» для Российской теософического об-ва. На бездарный реферат Анны Алексеевны Каменской возражали весьма убедительно, подробно и сильно Вяч. Иванов и Д.С. Мережковский. Им отвечала теософка г-жа Писарева, которую Д. С. охарактеризовал «божьей коровкой, оседланной дьяволом». Она не поняла возражений обоих своих оппонентов и приписала им много такого, чего они и не то что не говорили, а даже и не помышляли. Даже Вячеслав недоуменно пожимал плечами и, не стерпев, перебил говорившую. А о Д. С. и говорить нечего, он волновался и протестовал многое множество раз. Бедная г-жа Писарева потерпела поражение. Ее защищали не-знакомцы из публики, из коих один, Ладыженский, отставной губернатор, говорит как важный бюрократ, разносящий своего мелочиновного подчиненного. Заключительной речи Каменской я не слушал.

Председательствовавший, тоже теософ, К.Д. Кудрявцев в своем «резюме» взял под защиту теософию и, ссылаясь на пример личной жизни, указал, что в теософии нашел некоторое пристанище для ищущего ума своего.

Заседание окончилось в 12½ ч., при полном зале. Теософок набралось видимо-невидимо... Не потому ли, что теософия есть какая-то глупая и нелепая бабья чепуха? Да еще она, по моему предчувствию и утверждению Иванова, оказывается в некоторых разветвлениях своих явно враждебной христианству.

Четверг 26-го ноября.

Вчера вечером я был у Дм.Вл. Знаменского. Вместе прочли очень интересную и серьезную статью проф. И. Попова «Идея обожения в древней Церкви». («Вопросы филос. и психол» кн. 1909). Вчера же он подарил мне девятитомное собрание сочинений Вл. Соловьёва, и я со своей стороны подарил ему комплект №№ журнала «Старые Годы» за уходящий 1909 г. Эти книги уже стали редкостью.

Суббота 28-го ноября.

Сегодня вечером по просьбе Дм.Вл. Философова был на квартире прис. пов. Н.А. Оппель, на лекции с благотв. целью, про-

читанной Дм. Вл. Лекция эта, озаглавленная «О модернизме», представляет собою статью, представленную Ф-м для «Нового Слова» г-на Ясинского. Написана она очень элементарно. Лектор хотел знать, подходит ли она для чтения в Рел.-ф. об-ве, с какой целью и пригласили меня. Я считаю ее годной и для нас, т. к. среди членов Р.-ф. об-ва немало найдется таких, которые и не слыхивали о «модернизме». Со мною был и К.И. Чуковский, также одобравший чтение. Во время краткого перерыва пришлось знакомиться с женой г-на Опеля. От дорогой обстановки квартиры веяло беспредельной пошлостью. Бесподобен был и состав аудитории: 90% «иерусалимских дворян». К.И. Чуковский сказал после, что ему очень хотелось учинить еврейский погром.

Воскресенье 29-го ноября.

На сегодн. засед. действ. членов Религиозно-философского об-ва прибыли только 11 действительных членов. Около 9½ ч. Мережковский открыл заседание. Начали с выбора действ. членов. Все рекомендуемые советом лица оказались выбранными. В их числе – старообр. епископ Михаил, Андрей Николаевич Римский-Корсаков, М.М. Пришвин, И.М. Трегубов.

Затем происходили выборы предс. Общества и троих членов Совета. Избранными оказались Дм.Вл. Философов – председ. Об-ва; я, П. Струве и С. Франк – членами Совета, причем меня Совет избрал Секретарем Общества.

По п. 4 повестки (Организация новой секции – по изучению истории и философии религии. – Е. К.) общее собрание постановило организовать предлагаемую Советом новую Секцию по изучению истории и философии религии.

Затем – избрание Совета новой Секции, прошел список, выработанный нами, а именно:

Председатель Секции С.П. Каблуков.

Тов. Предс. Ал.Ал. Мейер.

Члены Совета:

1) Д.С. Мережковский;

2) З.Н. Гиппиус;

3) Дм. Вл. Философов.

После заседания д. членов происходило очередное заседание Христианской секции под моим председательством. Собеседова-

ние начал С.А. Алексеев. Ему ответил кратко К.М. Аггеев, что миропомазание государей есть обряд, а не таинство, и Д.С. Мережковский, говоривший вновь о религиозном значении самодержавия. В 10½ ч. я объявил перерыв. После перерыва – опять Алексеев, Мережковский, Философов, Вл. Колачёв, Алексеев, Протейкинский и мое резюме с уклоном в сторону Д.С. М. Заседание закрыто за 10 м. до полуночи.

Декабрь

Вторник 1-го декабря.

Вчера (30 ноября) скоропостижно скончался от разрыва сердца бывший окружной инсп. СПб. уч. Округа Иннокентий Федорович Анненский, с 1 ноября с. г. утвержденный в должности Пред. пед. совета женской гимназии Агл.П. Никифоровой. Он возвращался домой в Царское Село, где жил круглый год. Смерть застала его у Царскосельского вокзала.

Во многих отношениях покойный был личностью выдающейся, а в мире административно-педагогическом он являлся редким, желанным и счастливым исключением. Обладая тонким эстетическим вкусом и широким образованием, он написал два сборника критических статей о литературных явлениях нашего времени (1-я и 2-я кн. «Отражений»), трагедию «Лаодамия» и прекрасный сборник стихов «Тихие песни». Капитальной работой его являются переводы трагедий Эврипида («Театр Эврипида» в 2 т.). В последнее время он был членом редакции журнала «Аполлон» и дал статью о современной поэзии в 1-й и 2-й кн. этого журнала.

В Петерб. он был препод. гимназии Гуревича. Затем был в Киеве директором «Коллегии Павла Галагана», затем – директором Царскос. мужской гимназии. Многие из бывших учеников его (в том числе и Д.А. Черкесов) отзывались мне о нем с уважением и отдавали должное его прямоте, деликатности и добродушию. Среди петербургских педагогов многие понимали и ценили его. Не знаю его отношения к христианству. Он был, однако, действ. чл. Р.-ф. об-ва. Упокой, Господи, душу его в селениях Твоих.

Пятница 4-го декабря.

Письмо З.Н. Гиппиус, здесь помещенное, говорит о пяти рублях, посланных мною вчера ей как плата за билет на вечер у барон. Варв.Ив.Икскуль-Гилленбанд, устраиваемый Мережковским в пользу А.А. Блока, оказавшегося в бедственном положении. Этот вечер состоится 14 декабря. Фраза «Посылаю муравьев». Имеется в виду ее новый рассказ «Лунные муравьи», только что на днях ею оконченный. Рукопись рассказа она переслала мне для прочтения. Рассказ этот интересен, хотя и несправедлив. Передавать его содержание здесь не надо, т. к. он скоро будет напечатан.

Спасибо за «почин»!

Вы – первый прислали деньги, верю, что у вас легкая рука.

Посылаю муравьев!

Ваша З. Гиппиус.

3.12.09.

Суббота 5-го декабря.

Вчера я был на последней репетиции завтрашнего табунного концерта в Двор. собрании. Без перерыва И. Я. провел оба отделения, начав с конца. О программе и исполнении сейчас говорить рано, но здесь могу отметить, что Тернов работал много и требования, им предъявляемые, весьма серьезны. Поэтому я уверен, что концерт будет удачным.

После спевки отправился я к Мережковским на собрание Совета новой Секции, где я состою председателем. Сговорились о заседании 6 декабря.

М-ские передали мне полученное из Егорьевска «воззвание» о новой Церкви. Мысли верны, но изложены плохо. Впрочем, я исповедую то же самое.

Воскресенье 6-го декабря.

Сегодняшний табунный концерт прошел очень удачно. Тернов показал себя прекрасным дирижером масс. Жаль, что публики было очень немного; едва ли набралось $\frac{1}{2}$ зала Дворянского собрания. Программа концерта была весьма интересная. Плохие певцы отсутствовали вовсе. <...>

Воскресенье 13-го декабря.

На освободившуюся вследствие убийства экзарха Никона весною прошл. года Грузинскую кафедру назначен 7 дек. еп. Тамбовский Иннокентий (Беляев) с возвед. в сан архиепископа и со званием члена Синода. Внешние данные его биографии в виде вырезки из «Колокола» я помещаю здесь на об. предыд. стр. Они, конечно, лживы, ибо не рисуют подлинного облика этого человека, мне хорошо знакомого. Он – бессовестный карьерист, ярый черносотенец и обскурант, лживый инон, нарушающий обет целомудрия – имеет любовницу, петербургскую купчиху Пузову, но не глупый и с волею человек. Был когда-то участником Рел.-ф. собраний 1902–1903 гг. Красив собою... Мне напоминает по странной ассоциации Стеньку Разина. Почему? В общем, личность вполне отвратительная.

Вторник 15-го декабря.

Вчера 14-го, в 84-ю годовщину «бунта декабристов» (14 дек. 1825) впервые в России в доме баронессы Варвары Ивановны Икскуль-Гилленбанд были поставлены Вс. Мейерхольдом три сцены из «Павла I» Д.С. Мережковского, а именно, 2-я картина 1-го действия полностью и из 3-го действия сцена Павла I с гр. Паниным (стр. 117–131). Я не люблю, почти ненавижу сценической интерпретации драматических сочинений, видя противоречие между излишней реальностью сцены, не совпадающей, несомненно, с действительно подлинными фактами. Так что самая игра мне не понравилась и теперь, как я вообще не люблю игры актеров. Однако таково теперь время, что фраза Елизаветы «все лучше, чем то, что теперь...» откликнулась в душе больно и сочувственно.

На этом же вечере, устроенном Мережковскими в пользу Алексея Михайловича Ремизова, кроме театрального элемента, были прочитаны: Ал. Ремизовым его новый рассказ «Пасха», довольно невинный и недурной, З.Н. Гиппиус, ее новое стихотворение, посвященное декабристам, написанное в тот же день. Д.С. Мережковским – новонайденные отрывки стихов Пушкина, в которых говорится об Александре I, бунте Семеновцев 1820 г., о Наполеоне, о декабристах, дело которых названо Пушкиным здесь «забавою взрослых шалунов». В разъяснении Мережковского по

поводу этого стихотворения упоминалось, что в жизни Пушкина было две драмы – отношение к женщинам и женщины-жене и отношение к общественности – к декабристам и Николаю I, про которого Пушкин сказал, что «в нем много прaporщика и очень мало Петра Вел.». Первая драма получила главное значение в жизни Пушкина и привела его к трагическому концу. Причина этого – безрелигиозное атеистическое отношение к полу. Вторая драма закончилась еще печальнее – Пушкин как бы раздвоился, как бы служил «и нашим и вашим». С одной стороны – «Клеветникам России», «Бородино», «В надежде славы и добра», «Нет, я не льстец», с другой – «Послание к декабристам».

Причины этого – безрелигиозное отношение к общественности и свободе. А также то, что в Пушкине был «гениальный поэт на среднем человеке».

Вечер закончился чтением Федор. Сологубом какого-то его стихотворения.

Не знаю, сколько было присутствующих, но чистый сбор равен 425 рубл.

Я ушел после чтения З.Н. Гипп.

Сейчас говорил с ней по телефону, все нездоровы после этого вечера. Стихотворение обещала прислать.

(Переписано стихотворение «Годовщина» (14 декабря 1825) «Ужель»...).

Среда 16-го декабря.

Вчера в «Русском Слове» напечатана 1-я ст. Мережковского «Царь-колокол» по поводу кн. Пришвина «У стен града невидимого».

Пятница 18-го декабря.

Прочел сегодня ст. Пимена Карпова (автора «Красных зорь») «Неугасимый пламень», предложенную в Р.-ф. об-ве (Хр. Секции) в виде доклада «О религиозности русского народа». В ней немало любопытных фактов из жизни народа.

Воскресенье 20-го декабря.

В сегодняшн. заседании Христ. Секции вновь пришлось председательствовать мне. Докладчику возражали: Вяч. Иванов «с

пристрастием», С.В. Троицкий, В.В. Бородаевский. Защищали модернистов Д.С. Мережковский, отчасти А.В. Карташёв и даже Троицкий. В своем «резюмэ» я указал на важность рассматривающего вопроса, выяснилось значение доклада Дм.Вл. Ф. как имеющего целью в элем. форме дать понятие о модернизме и просил С.В. Троицкого принять на себя труд более полного и строгого изложения вопроса в Секции. Заседание мною было закрыто в 12 ч. 20 м. пополудни.

Понедельник 21-го декабря.

Сегодня Зин.Ник. Гиппиус сказала мне, что намерена написать стихотворение, посвященное мне, где сильно осуждается мое «увлечение» эстетизмом. Если я соглашусь – оно будет напечатано.

Вторник 22-го декабря.

Вчера удалось уговорить Агл. Петровну Никифорову хлопотать об утверждении ее председательницею педаг. сов. ее гимназии.

NB Стихотв. З. Гиппиус «Он» (см. лл. 459 и 460 об.) напечатано под заглавием «Петербург» в № 10–11 журнала «Весы» за 1909 г., сегодня мною полученном.

Вторник 29-го декабря.

Сегодня состоялось заседание Религ.-ф-ского об-ва под моим председательством. Почти два часа тянул С.И. Гессен свой доклад, и прения начались в 11¼ ч. в. после второго перерыва. В обсуждении доклада приняли участие С.Л. Франк, В.А. Базаров, В.В. Успенский, Г.А. Ландау, казначей рел.-ф. об-ва в Киеве Ал.Брон. Селиханович, а также члены нашего об-ва гг. Болдырев, Трофименко, св. Петров и К.Ф. Жаков, очень обидевшийся на меня за то, что я предоставил ему предпоследнее место. Слепой Нечаев и Столпнер отказались от слова. В заключение отвечал возражателям докладчик. Заседание закрыто мною в 1 ч. 15 м. пополуночи (см. л. 568 об.).

К концу заседания осталось немного публики. Мои приятели Д.В. Зн. и Н.М. М. сбежали задолго до конца. Осталась одна Агл.П. Никифорова, которую мне от души было жалко... Вместе с нею я и отправился домой. Докладом она не очень довольна.

Во время одного из перерывов подошел ко мне П.А. Яковлев, прибывший из Воронежа и попавший к нам по чужой повестке.

Среда 30-го декабря.

Вчера днем с 12 до начала 2-го ч. был с А.П. Никифоровой на выставке «Сатирикона» в «Аполлоне». Много талантливых и интересных рисунков. В 4 ч. пришел ко мне Н.М. Максин, у меня обедавший, в 6 ч. к чаю – Д.В. Знаменский, затем Д.В. Философов.

Поговорили о вступлении Знаменского в Совет Р.-ф. об-ва и принятии им на себя обязанностей казначея. Дело уложено.

В общество уехали около 8 ч.

Четверг 31-го декабря.

Вчера утром получено письмо от И.Е. Репина, извещающего о своем возвращении из Москвы и приглашающего к себе для продолжения сеансов (см. на об этого листа).

Сегодня всенощную с Дм.Вл. Знаменским и Ант.Вл. Карташёвым слушали в Николаевской Единов. Церкви на Никол. ул. Служил св. Петр Серапионович Аксёнов, с которым я познакомился через Н.М. Максина в Рел.-ф. об-ве. Он ради посещения его церкви «некоторыми лицами из передовой интеллигенции» пригласил хор любителей крюкового пения, довольно редко поющий в этой церкви. Они прибыли к «Блажен муж», прекрасно спели это песнопение, а также сугубую экт. «Бог Господь» 1-го гласа, «Хвалите имя Господне», «От юности моей» 4 гл., ирмосы катавасии гл. 2 Знам. росп. и Великое Славословие. Служба продолжалась 3½ ч. Красивы и содержательны уставные поклоны, чинные, одновременные и неспешные. Хорош и «семипоклонный начал» и обряд прощения, после всенощной.

До всенощной я заходил к о. Петру, куда был позван им местный головщик, охотно спевший мне «Предначин. ж.», «Господи возвзвах» 8-го гласа, две стихиры воскр. 1-го и 8-го гласов, а также «Всемирную славу». Большой это артист.

Возвращаясь из церкви, встретил на Невском И.Я. Тернова, радостно сообщившего, что ноты его сумбурного «Славословия» посланы им Государю. Звал завтра к обедне в лавру.

В последний день 1909 г. упомяну здесь о некоторых событиях моей внешней жизни.

Апрель 1909. Назначен депутатом от СПБ. Уч. округа в частн. Р. Уч. А.С. Черняева на 11 экзаменов по математике и космографии.

Март. Избран действит. членом РФ Об-ва и Секретарем но-воучрежд. Христианской Секции. Знакомство и сближение с Мережковскими и А.В. Карташёвым.

Ранее этого – дружба с В.В. Розановым (с конца 1908).

Май. Близкое знакомство с В.И. Ивановым. Назначен депутатом от СПБ. Уч. округа на экзамен физики и космографии в женскую гимназию А.П. Никифоровой.

Знакомство с А.П. Никифоровой.

При моем содействии Д.Вл. Знаменский держит экзамен на атт. зрелости при 7-й гимназии и получает его.

Июнь. Перевод в Териоки. Знакомство с Голынскими и Д.В. Вильканской. Частые свидания с Розановым. Переписка с З.Н. Гиппиус, жившей в это время за границей.

Июль. Смерть С.В. Смоленского (20 июня).

Август. Возвращение в Петербург. Уход из 7-й гимназии вследствие требования директора оной Н.А. Карпова (с 1 авг.), решенный еще в июне. Устроить себе телефона (с 17 авг.). Назначение штатным препод. 3-го Р. Уч-ща (с 1 авг.) при 17 урокам математики и космографии VII кл. 3+2, VI – 6, V – 6.

Сентябрь. Назначен преподавателем женской гимназии А.П. Никифоровой (с 1 сент.) на 7 уроков (4 ч. вкл. и 3 ч. педаг.)

Октябрь. Приглашен давать уроки математики Г.М. Суворину по 5 р. за 1 час, два урока в неделю.

Ноябрь. Сближение и дружба с А.П. Никифоровой. Избрание меня Секретарем Р.-ф. об-ва (29 ноября). Смерть И.Ф. Анненского. Учреждение II Секции при Р.-ф. об-ве под моим председательством.

Декабрь. Усиленная деятельность Христианской секции. Введение туда Н.М. Максина, К.К. Соловьёва, А.П. Никифоровой, П.С. Аксёнова. Невольный и неожиданный разрыв с Талей (перестал ездить к ней еще с 10 ноября). Охлаждение ко мне В.В. Розанова. Лекции ученицам VIII кл. А.П. Никифоровой по теории пределов и иррацион. чисел во время рожд. каникул.

Пропуск: июнь: знакомство с И.Е. Репиным. Репин пишет мой портрет. 30 дек. Суворин отказался заниматься со мною.

Слава Богу за все. Аминь.

Сергей Каблуков

Прилагается список книг, прочитанных С.П. Каблуковым в 1909 г.

Комментарии

В настоящей публикации представлены дневники Сергея Платоновича Каблукова за 1909 г., состоящие из пяти частей. Поскольку первая часть дневника – с 1 января по 16 февраля – не сохранилась, публикация материалов начинается со второй части – с 17 февраля – и заканчивается последней записью автора, сделанной 31 декабря 1909 г. В соответствии с авторской нумерацией это II–VI части. Автографы хранятся в Отделе рукописей РНБ – Ф. 322, ед. хр. 3–7.

При подготовке материалов были опущены церковно-календарные пометы – имена святых, которые упоминаются после обозначения числа, месяца и дня недели, а также материалы, представляющие роспись шахматных партий и решение математических задач.

Тексты печатаются с сохранением авторской лексики и частично орфографии. Все пометы С.П. Каблукова – выделение отдельных слов, фраз, предложений – также сохранены.

См. также нашу публикацию Дневника С.П. Каблукова за 1917 г. (Литературоведческий журнал. 2009. – № 24. – С. 138–234).

17 февраля

...Сегодня исполнилось сто лет со дня основания СПб. Духовной Академии... – История Санкт-Петербургской духовной академии начинается с 1721 г., когда при Александро-Невском монастыре была учреждена Славянская школа для обучения азбуке, письму, арифметике, псалтирию, толкованию евангельских писа-

ний. После многократных преобразований это учебное заведение, к началу 1809 г. называвшееся Александро-Невской академией, в соответствии со всеобщей реформой духовного образования было разделено на три учебных заведения, одним из которых стала Санкт-Петербургская духовная академия. 17 февраля 1809 г. состоялось ее торжественное открытие.

...Ректор академии арх. Феофан назначил еп. Ямбургского 4-ым вик. СПб. Епархии. Его наречение состоится 19-го, хиротония в Лавре 22-го февраля... – Неточность в изложении С. Каблукова. Епископ Феофан (Василий Дмитриевич Быстров) (1872–1943) в 1901 г. возведен в сан архимандрита и назначен инспектором академии. 1 февраля 1909 г. он был назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии, а 22 февраля рукоположен во епископа Ямбургского, четвертого викария Санкт-Петербургской епархии.

18 февраля

...Вчера в № 38-м «Русского Слова» напечатана прекрасная статья В.В. Розанова «Анн. Павл. Философова»... – Анна Павловна Философова (1837–1912) – общественный деятель, активная участница женского движения, одна из создателей Высших женских курсов; жена члена Гос. совета В.Д. Философова (1820–1894), мать публициста и критика Д.В. Философова. В очерке, посвященном А.П. Философовой, В.В. Розанов, еще недавний «враг» и «пересмешник» «женского движения», отдает дань уважения Анне Павловне как талантливой, умной, серьезной «деятельнице» и вместе с тем подчеркивает красоту и обаяние этой необыкновенной женщины. См. о ней: Тыркова А.В. Анна Павловна Философова и ее время. – Пг., 1915; Рабкина Н. Реальная история и словесность: А.П. Философова в большой литературе // Вопросы литературы. – 1991. – № 9–10. – С. 292–298.

Протейкинский Виктор Петрович (?–1915) – математик, родственник Философовых и Дягилевых, участник объединения «Мир Искусства», петербургских Религиозно-философских собраний. По воспоминаниям современников, человек добродушный и

чудаковатый, «ревнитель богословия, пламенно красноречивый спорщик, юродиво-патетичный» (Маковский С.К. Портреты современников. – М., 2000. – С. 273). См. о В.П. Протейкинском: Бенуа А.Н. Мои воспоминания. – М., 1990. – Т. 2. – С. 279–282; Розанов В.В. Уединенное. – М., 1990; Мимолетное. – М., 1994; В.В. Розанов о ближних и дальних: (Пометы к письмам корреспондентов / Вступ. ст., публ. и comment. Ломоносова А.В. // Литературоведческий журнал. – М., 2000. – № 13–14.

...В февр. кн. «Русск. Мысли» читается не без интереса новая драма Н. Минского «Железный доспех»... – Каблуков имел в виду пьесу Н. Минского «Железный призрак» (Русская Мысль. – Кн. 2. – С. 1–73).

Минский Николай Максимович (наст. фам. Виленкин; (1856–1937) – поэт, драматург, публицист, философ, переводчик.

19 февраля

...В известной драме Леонида Андреева «К звездам» астроном Терновский говорит (*sic!*): «Когда я наблюдал комету Бэлу (?!!), открытую Галлеем»... – Неточное воспроизведение слов героя драмы Сергея Николаевича Терновского: «Когда я увидел комету Биелу, предсказанную Галлеем, я заплакал» (Андреев Л.Н. Пьесы. – М., 1991. – С. 62).

Комета Биэлы – комета, открытая чешским астрономом-любителем Вильгельмом Биэлой (1782–1856).

Андромедиды – метеорные дожди.

20 февраля

Сургучёв Илья Дмитриевич (1881–1956) – писатель, драматург, известный в литературных кругах России начала XX в. См.: «Живописец души...»: Русский писатель и драматург И.Д. Сургучёв: Библиографический указатель. – Ставрополь, 2007; Фокин А.А. И.Д. Сургучёв: Творческая биография писателя в свете художественной антропологии. Автореф. дис. ...доктора фил. наук. – Ставрополь, 2008.

En. Михаил – (в миру Павел Васильевич Семёнов; 1873–1916) – архимандрит, духовный писатель, участник петербургских Религиозно-философских собраний, сотрудник журнала «Русский Паломник». Был одним из 32 петербургских священников, публично выступивших за проведение церковных реформ. В 1907 г. переходит в старообрядчество. За это еп. Михаил был лишен Синодом сана архимандрита. С 1908 г. живет в Белоострове, затем в Симбирске. В 1908 г. старообрядческий епископ Иннокентий произвел его в сан епископа Канадского. Активный участник религиозно-общественной деятельности «христиан-голгофцев», один из теоретиков этого учения.

...я доказывал *Талиньке*... – Таля – знакомая С.П. Каблукова.

Брихничёв Иона Пантелеймонович (1879–1968) – священник, публицист, поэт, идеолог «голгофского христианства». В 1907 г. лишен сана за антиправительственную деятельность. Издавал в Москве газету «Новая Земля», после ее закрытия с 1912 г. – журнал «Новое Вино» – орган «христиан-голгофцев». После революции 1917 г. служил в различных советских учреждениях.

...старого, но прекрасного стихотворения «Протопоп Аввакум»... – поэма Д.С. Мережковского (1887), напечатана в его «Собрании стихов» (М., 1904).

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – писатель, публицист, драматург, фельетонист, театральный деятель, книгоиздатель; с 1876 г. – владелец газеты «Новое Время».

Римский-Корсаков Андрей Николаевич (1878–1940) – сын композитора Н.А. Римского-Корсакова, друг С.П. Каблукова, музыковед, доктор философии. Заведовал музыкальным отделом газеты «Русская Молва» (1912–1913) и журнала «Северные записки» (1913–1914); был редактором-издателем журнала «Музыкальный Современник» и приложения к нему «Хроника журнала “Музыкальный Современник”» (1915–1917). В 1918–1940 гг. – зав. нотным отделом и сотрудник отдела рукописей Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

21 февраля

«Салон» С. Маковского – В 1909 г. С. Маковский организовал художественную выставку – «Салон», по образцу парижского Салона. В комнатах дворца Меньшикова на Васильевском острове в Петербурге свои произведения – живопись, графику, скульптуру – выставляли в основном представители «Мира искусства».

«*Terror antiquus*» – «Древний ужас». По поводу этой картины Н. Гумилёв писал: «Отдельно от других стоит громадное полотно Бакста «*Terror antiquus*». Его замысел величественен. Античность понята не как розовая сказка золотого века, а как багряное зарево мировых пожаров. В ней еще слышен грохот бесчисленных орд, кровавые поверья, великие подвиги и преступления людей, одаренных нечеловеческой властью. Но увы! Художник не справился со своей задачей, он не продумал ее до конца и, вместо символа, дал его схему, пусть интересную, но не отвечающую силе замысла. Как бы то ни было, для нашего времени особенно важно найти свое отношение к античности, и картина Бакста напоминает об этом». Статья Н.С. Гумилёва «По поводу «салона» Маковского» опубликована в 6-м номере «Журнала театра литературно-художественного общества» за 1909 г.

22 февраля

Сегодня в г. «Речь» напечатана значительная статья Д.С. Мережковского о Тургеневе... – Очерк Д.С. Мережковского «Тургенев» вошел в состав его книги «Больная Россия» (1910).

Концерт церковно-певческого об-ва под управлением А.А. Архангельского в зале Дв. собрания совсем не удался... – Речь идет о XVII Духовном концерте соединенных Петербургских церковных хоров (в количестве 500 человек) в пользу Церковно-певческого благотворительного общества в Санкт-Петербурге под управлением А.А. Архангельского.

Архангельский Александр Андреевич (1846–1924) – русский хоровой дирижер, композитор. Был регентом в Пензе, затем в Пе-

тербурге. В продолжение 30 лет давал хоровые концерты с собственным хором, состоящим из мужских и женских голосов. См.: Н.Ф. Финдейзен. Дневники. 1902–1909. – СПб., 2010.

Львовский Григорий Фёдорович (1830–1894) – духовный композитор. Был регентом Кишиневского архиерейского хора, с 1858 г. – регент митрополичьего и одновременного хора Исаакиевского собора Санкт-Петербурга. Его духовно-музыкальные сочинения – переложения древних церковных мелодий.

Кастальский Александр Дмитриевич (1856–1926) – композитор, хоровой дирижер, музыкально-общественный деятель, фольклорист. С 1887 г. преподаватель, а с 1910 г. директор Синодального училища. В 1907–1910 – регент синодального хора в Москве.

…как неосторожно называют иногда *Б^{ортнянского}* «итальянцем»… – Бортнянский Дмитрий Степанович (1751–1825) – основоположник русской композиторской школы. С 7-летнего возраста был принят в Придворную певческую капеллу в Санкт-Петербурге. Благодаря рекомендации Бальтараса Галуппи, директора капеллы, 17-летний Бортнянский уезжает в Италию для продолжения своего музыкального образования. В 1779 г. он возвращается в Россию и назначается композитором придворного хора, а в 1796 г. директором придворной певческой капеллы.

Сарти Джузеппе (1729–1802) – итальянский композитор, прославился сочинением опер. В 1784 г. был приглашен в Россию на должность придворного капельмейстера.

Панченко Семен Викторович (1867–1937) – композитор, педагог, симфонический дирижер. Сочинял во многих жанрах как светской, так и церковной музыки. В своем творчестве сочетал новые тенденции в искусстве с народно-церковными традициями.

Тернов Иван Яковлевич (1859–1925) – хоровой дирижер. С 1893 г. регент митрополичьего хора Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге. Был также одним из дирижеров сводного хо-

ра (500 человек) Церковно-певческого общества Санкт-Петербурга. Хор под управлением И.Я. Тернова считался одним из лучших церковных хоров. Поскольку С.П. Каблуков был прихожанином Александро-Невской лавры, он часто общался с И.Я. Терновым; дружеские отношения сохранились вплоть до самой смерти С.П. Каблукова в 1919 г.

«Итальянские впечатления» В.В. Розанова – статьи из этой книги печатались в нескольких номерах газеты «Новое Время» (март – сентябрь 1901, июль 1902) и в журналах «Мир Искусства» (1902, № 2, 5/6, 7); они отражают впечатления Розанова от его посещения Италии (1901), Швейцарии и Германии (1905). Отдельной книгой очерки Розанова вышли в начале мая 1909 г. в типографии А.С. Суворина. Непосредственное участие в публикации этой книги принимал участие С.П. Каблуков, о чем свидетельствуют его дневниковые записи.

«Темные лучи» – имеется в виду подготовительная работа над будущей книгой «В темных религиозных лучах», которая не вышла в 1909 г. вследствие банкротства издателя М.С. Пирожкова. Книга была напечатана в 1910 г., но запрещена цензурой, а тираж (2400 экз.) почти весь уничтожен. Но В.В. Розанов, переработав материал, в следующем году выпустил две отдельные книги – «Тёмный Лик» и «Метафизика христианства».

...«Судебное недоразумение в Берлине» – о книге А. Фореля «Половой вопрос»... – речь идет о статьях Розанова: 1) «Гермес и Афродита (А. Форель. Половой вопрос)», посвященных книге швейцарского невропатолога и психиатра Огюста Анри Фореля (Весы, 1909. – № 5. – С. 44–52); 2) «Нечто из тумана “образов” и “подобий”. Судебное недоразумение в Берлине» (Весы, 1909. – № 3. – С. 56–62).

...Его брат, А.А. С~~увори~~н, говорил мне... – А.А. Суворин – средний сын А.С. Суворина от первого брака с Анной Ивановной Барановой.

Суворин Алексей Алексеевич (1862–1937) – журналист, издатель, сын А.С. Суворина. В 1912–1917 гг. – издатель газ. «Новое Время». В 1920 г. эмигрировал. Умер в Париже.

23 февраля

Сегодня в «Речи» напечатана прекрасная ст. З.Н. Гиппиус «Христианство и казнь», излагающая взгляды В.А. Жуковского на казнь... – В 1848 г. В.А. Жуковский написал статью о необходимости казней в церквях. Л.Н. Толстой пришел в ужас от таких мечтаний.

К положениям, изложенным в этой статье, З. Гиппиус будет возвращаться и в эмиграции. Так, в очерке «Черта непереступимая» (Из современных разговоров) (впервые опубликовано: Последние Новости. – Париж, 1925. – 13 августа. – № 1626. – С. 2–3) она пишет: «Но подождите, это не все: рекомендуется, наконец, самая отвратительная, самая кощунственная из всех статей о смертной казни, – Жуковского: проект – казнить при звоне колоколов, при церковном пении, при благоговейно безмолвствующем народе, чтобы зрелище казни “воспитывало его в христианском духе взаимной любви и совместной молитвы”...»

Сегодня исполнилось 97 лет существованию Публичной б-ки в СПб... – Неточность – датой основания Публичной библиотеки считается 27 (16) мая 1795 г. Торжественное открытие Императорской публичной библиотеки (такое название сохранилось до 1917 г.) состоялось 2 января 1814 г. К настоящему времени – Российская национальная библиотека.

24 февраля

Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – философ и публицист, член Московского религиозно-философского общества; активный участник Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге, где 24 февраля был заслушан и обсужден доклад Н.А. Бердяева «Опыт философского оправдания христианства», посвященный книге В.И. Несмолова «Наука о человеке» (Казань. Т. 1, 1898; Т. 2, 1903). См. доклад Бердяева и прения по нему

в кн.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. – М., 2009. – Т. 1. – С. 478–520.

Несмелов Виктор Иванович (1863–1937) – философ, богослов.

Андреев Иван Дмитриевич (1867–1927) – историк церкви, византрист, переводчик, председатель Религиозно-философского общества (с 30 октября 1908 по 29 ноября 1909 г.).

Карташёв Антон Владимирович (1875–1960) – богослов, историк церкви, профессор Санкт-Петербургской духовной академии. Близкий друг Мережковских. Принимал активное участие в «созидании» Церкви Третьего Завета. Друг и единомышленник С.П. Каблукова. См. запись в дневнике от 11 мая 1909 г. В 1960 г. незадолго до смерти А.В. Карташёв вспоминал: «Друзья познаются в несчастьи. Революция 25 октября 1917 г. Мое заключение в Петропавловской крепости. Мое полусекретное освобождение (25/1 1918 г.) с указанием – не жить у себя дома. Вот тут друзья позабочились. Из тюрьмы (Крестов) везут меня на Васильевский остров к проф. В.Н. Бенешевичу. После четырехдневного проживания у него меня перевозят к Л.П. Карсавину. <...> От Карсавина меня моя сестра-медичка перевезла на три дня к проф. П.Н. Жуковичу. Оттуда я переселился сравнительно надолго (фактически вышло – на три месяца) к С.П. Каблукову» (Карташёв А.В. Лев Платонович Карсавин // Вестник РСХД. 1960, № 58/59. С. 68–76). В том же 1918 г., вспоминает Карташёв, «искусительном году гонений», они решили учредить Всероссийское братство защитников церкви и попросить благословения у митрополита Вениамина: «В назначенный день на Пасхе 1918 г., после литургии, мы явились к митр. Вениамину в его лаврские “покои”, в тот момент еще незакрытые и неразоренные. Кто эти – мы? Это была количественно малая кучка. Кроме меня – Л.П. Карсавин, проф. канонист В.Н. Бенешевич и С.П. Каблуков. Последний, в качестве личного друга лаврских монахов и церковных старост столичных соборов, технически подготовил наше свидание с митрополитом». Дружба

Карташёва и Каблукова продлится до отъезда Антона Владимира-вича из России в январе 1919 г.

Успенский Василий Васильевич (1876–1930) – профессор Петербургской духовной академии, участник Религиозно-философских собраний.

Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949) – поэт, критик, филолог, переводчик, один из теоретиков символизма. Его квартира на Таврической улице в угловой башне дома № 25 на последнем этаже в течение трех лет (с 1905 г.) была известным литературным салоном, именовавшимся «башней Иванова». До отъезда в Италию (1912) Вяч. Иванов играл важную роль в Петербургском религиозном обществе. С.П. Каблукова связывали с Ивановым дружеские отношения с 1909 г. вплоть до самой смерти Каблукова. «Впрочем, участие Каблукова в делах Общества не было значительным; помимо исполнения секретарских обязанностей оно определялось дружбой с Вяч. Ивановым и интересом, граничащим с пиететом, ко всему исходящему от писательской, особенно от поэтической мысли. Недаром он собирал книги поэтов и к ним рукописные добавления, просил их надписывать и каким-то особенным образом переплетал – в бархат и парчу, за что и был удостоен стихотворного послания Вяч. Иванова в сборнике “Нежная тайна” (“Сочувственник и друг! Ты, с нежною заботой, духовным пурпуром и царской позолотой украсил саркофаг моих старинных дум...”») (Морозов А.А. Мандельштам в записях дневника С.П. Каблукова // Литературное обозрение. 1991 – № 1. – С. 78) См. также письма С.П. Каблукова к Вяч. Иванову (Записки Отдела рукописей ГБЛ. 1973. Вып. 34).

...Первый из поставленных на повестке вопросов, решен утвердительно... – Имеется в виду рассмотрение проекта об учреждении специальной секции по изучению вопросов истории, философии и мистики христианства.

25 февраля

Максин Николай Моисеевич – друг С.П. Каблукова.

28 февраля

Ликиардопуло Михаил Фёдорович (наст. фам. Попандопуло, лит. псевд. М. Ричардс; 1883–1925) – журналист, переводчик, критик, секретарь редакции журнала «Весы».

...Письмо это я помещаю здесь на об. л. 112... – «Милостивый Государь Сергей Платонович! Будьте добры передать Вас. Вас. Розанову, что редакция «Весов» охотно напечатает статьи, предлагаемые Вами, но при условии, что 1) размером они не превысят обычные пределы, отводимые статьям в «Весах» и 2) они будут в пределах тех цензурных требований, нарушение которых в наши дни влечет за собой обычные денежные и другие кары. Над нами уже тяготеет одно обвинение по 1001 ст. (порнография. – Е.К.) и нам очень нежелательно вторичное. Считаю необходимым прибавить, что гонорарные условия в «Весах» остаются прежние, т.е. 50 руб. за печатный лист. О решении Вас. Вас. прошу меня уведомить.

Р.С. Ради сбережения труда наборщиков, просим рукописи прислать четко переписанными, желательно на машинке. М. Л.».

1 марта

Дмитрий Владимирович *Знаменский*, Константин Константинович *Соловьёв* – друзья С.П. Каблукова.

Смоленский Степан Васильевич (1848–1909) – музыковед, палеограф, дирижер, педагог, активный сотрудник «Русской музикальной газеты», основатель и директор регентского училища, музыкальной школы и хорового класса в Санкт-Петербурге; председатель временного комитета по увековечению памяти русских композиторов; один из самых близких друзей С.П. Каблукова. Неожиданная и преждевременная смерть С.В. Смоленского очень тяжело переживалась автором дневника. См. запись от 23 июля 1909 г.

Восторгов Иоанн Иоаннович (1864–1918) – протоиерей, проповедник, миссионер, борец с сектантством, редактор «Мос-

ковских Епархиальных Ведомостей», член комитета духовной цензуры; один из создателей «Союза русского народа», после 1905 г. – его председатель; издавал церковно-патриотические газеты «Церковность», «Русская Земля», журнал «Верность». 20 мая (2 июня) 1918 г. был арестован по обвинению в антисемитской пропаганде и заключен в московскую Бутырскую тюрьму, 23 августа (5 сентября) расстрелян.

Лукьянов Сергей Михайлович (1855–1911) – обер-прокурор Св. Синода (1909–1911), по образованию медик, директор Института экспериментальной медицины, товарищ министра народного просвещения (1902–1905). Его отставка с поста обер-прокурора в 1911 г., по мнению С.Л. Фирсова, объясняется тем, что он был ставленником П.А. Столыпина. См.: Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 г.). – М., 2002.

Никольский Николай Константинович (1863–1936) – доктор церковной истории, в 1899–1909 гг. – ординарный профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

Павский Герасим Петрович (1787–1863) – протоиерей, филолог, востоковед, переводчик Библии. В 1826 г. был назначен учителем Закона Божиего наследника Александра Николаевича; в 1835 г. уволен по настоянию Санкт-Петербургского митрополита Серафима и Московского Филарета. Современников Павского смущало, что его перевод Библии содержал расхождения с традиционным толкованием.

2 марта

Крючков Ксенофонт Никифорович (1848–1909) – синодальный миссионер.

3 марта

Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940) – публицист, критик, участник объединения «Мир Искусства», Религиоз-

но-философских собраний в Петербурге; редактор журнала «Новый Путь».

На об. л. 113-го помещено письмо г-на М. Ликиардопуло, сообщившего, что ред. «Весов» согласна напечатать предложенные ей мною статьи В.В. Розанова... – См. прим. 28 февраля.

4 марта

...На память об этой победе четырех друзей я и поместил сюда наше заявление...

«В редакцию газеты “Речь”

М. Г. Г-н Редактор,

Покорнейше просим Вас дать место на страницах Вашей уважаемой газеты следующему нашему заявлению:

Ввиду того что газетой “Новое Время” (№) не напечатаны фамилии лиц педагогического персонала СПб. 7-й гимназии, подписавших и отправивших приветственную телеграмму А.С. Суворину, мы, нижеподписавшиеся, вынуждены заявить в печати, что наших подписей под этой телеграммой не имеется и что мы не приняли никакого участия в ее составлении и отправлении, хотя и были своевременно осведомлены, что таковая телеграмма будет отправлена.

Преподаватели 7-й гимназии

Сергей Каблуков,

Николай Максин,

Константин Соловьев,

А. Римский-Корсаков.

февраля 26-го дня 1909 г.

СПб.

P.S. Просим другие газеты перепечатать это наше письмо.

“Совр. Слово” (зачёркнуто), “Слово”, “Наша Газета”, “Новая Русь”».

Я же вклеиваю на об. лл. 119 и 118 отрывки из пер. ст. г. «Речь» 27-го февраля и из ст. Петра Струве «Физиология одного превращения» («Речь», 27.II.1909). Я вполне разделяю мысли этих статей.

П.Б. Струве: «Нет ничего более яркого и более поучительно-го для характеристики исторической миссии “Нового Времени”, чем статьи этой газеты в мучительные дни русско-японской войны. Вместо трезвого и правдивого слова раздавалась низкая лесть, усыплявшая национальную душу и морочившая власть. <...> Давно уже замечено, что А.С. Суворин лучше “Нового Времени” и что он, по отношению к своей газете, “скорее попуститель, чем творец”. Пусть так, мы даже уверены, что это так – в юбилейное торжество шефа “Нового Времени” это вносит только лишнюю скорбную ноту. Лично г. Суворин скрыт от русского общества облаком “Нового Времени”. А история “Нового Времени” неразрывно сплетена с историей того старого порядка, который отвергнут и проклят русским народом. Никакими юбилейными торжествами этой правды не подрумянить и не скрыть».

В передовой статье г. «Речь» об А.С. Суворине сказано: «Нищета и жалкое убожество его публицистики не могут быть прикрыты никакими цветами красноречия. <...> Если пересмотреть взгляды “Нового Времени” по важнейшим вопросам русской жизни за время его существования, то увидим, что взгляды менялись в зависимости от того, кто был у власти, кому надо было угодить, чьи мнения в ту минуту всего лучше котировались на бюрократическом рынке. В летописях общественной мысли, в истории бесконечных попыток отыскать общественную правду, зажечь людей энтузиазмом и любовью к ней, будить общественную совесть – трудно представить себе роль ничтожнее и мельче, чем эта роль “великого старца”». Суворину ставится в вину «культивирование худших инстинктов националистической ненависти», «глубокое равнодушие к высшим задачам публицистики», которое «характерно как для самого Суворина, так и для целого ряда его соратников, близких ему по духу, начиная от Скальковского и кончая Бурениным и Меньшиковым».

Обращаю также внимание читателя на вырезки, помещенные на л. 109 и об. Они весьма характерны... – Вырезки содержат поздравления А.С. Суворину от митрополита Антония (Вадковского) и тверского архиепископа Алексия:

«Сердечно поздравляю Вас с исполнившимся пятидесятилением вашей литературной деятельности. Со дня появления “Ново-

го Времени” и доселе неизменно читаю вашу газету; помоги вам Господи еще многие годы нести вашу верную службу дорогому нашему отечеству литературными вашими трудами.

Митрополит Антоний».

«Сердечно приветствую Вас с нынешним знаменательным днем. Примите благодарный поклон человека, давно и много вас уважающего, которому слово Ваше в служении на окраинах России дало много светлых мыслей и высоких побуждений в служении родному нашему и бесконечно дорогому русскому народу.

Архиепископ Алексий».

После помещенных вырезок С.П. Каблуков написал: «Господи! Прости сим: не ведают бо, что творят».

Митрополит Антоний (в миру Александр Васильевич Вадковский; 1846–1912) – митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский; придерживался либеральных взглядов; в 1901 г. благожелательно отнесся к замыслу Религиозно-философских собраний.

...Интересно отметить, что через свое приветствие митр-т и арх-т оказались в одной «компании» с знаменитой Линой Кавальери – современной куртизанкой – выражаясь мягко... – Лина Кавальери (1874–1944) – знаменитая красавица 1900-х годов, итальянская оперная певица, известная больше своей красотой, чем музыкальным дарованием; одна из самых фотографируемых звезд своего времени.

7 марта

Алексеев Сергей Алексеевич (псевд. Аскольдов; 1871–1945) – философ, один из учредителей Религиозно-философского общества и его первый председатель.

Аггеев Константин Маркович (1868–1920) – священник, член группы «32-х» петербургских священников (1905), один из учредителей «Братства церковного обновления» (1906) и Петербургского религиозно-философского общества (1907); участник Помест-

ного собора 1917–1918 гг. Расстрелян в Крыму при наступлении Красной армии.

Странден Дмитрий Владимирович – теософ, член Совета Российского теософского общества; автор книг по герметической философии.

Мейер Александр Александрович (1875–1939) – религиозный философ, публицист, теоретик «мистического анархизма». С 1908 г. член Петербургского религиозно-философского общества. Один из организаторов Вольной философской ассоциации (Вольфилы). В 1917–1928 гг. возглавлял религиозно-философский кружок «Воскресенье» (назван в 1923). В 1928 г. арестован и приговорен к расстрелу, замененному десятью годами каторги. Умер в Ленинграде.

Добролюбов Александр Михайлович (1876–1945) – поэт-мистик, один из представителей раннего декадентства, религиозный проповедник, основатель общины «добролюбовцев».

Поляков Сергей Александрович (1874–1942) – переводчик, владелец издательства «Скорпион» и издатель журнала «Весы».

Эллис (Лев Львович Кобылинский; 1879–1947) – поэт, переводчик, один из теоретиков символизма. В 1904–1909 гг. активный сотрудник журнала «Весы».

В изд-ве «Пантеон» вышла книга Д.С. Мережковского «Гоголь» (жизнь, религия, творчество)... К творчеству Н.В. Гоголя Мережковский обращался неоднократно. В 1903 г. в журнале «Новый Путь» была напечатана его лекция «Судьба Гоголя». Через три года эта работа переросла в исследование «Гоголь и чорт» (М., 1906), в которой Мережковский интерпретирует творчество писателя как борьбу против «чорта вечной пошлости», заключающего в себе метафизическое зло. В книге «Гоголь. Жизнь, религия, творчество» писатель продолжает исследовать метафизическую сторону душевной жизни Гоголя.

8 марта

«Союз русских художников» – объединение художников Москвы и Петербурга, возникшее в феврале 1903 г., куда вошли члены двух выставочных групп – «36 художников» и «Мир искусства». Основным направлением деятельности «Союза» была организация ежегодных выставок в Москве и Петербурге. Первая выставка прошла в декабре 1903 – январе 1904 г. в Москве. «Союз русских художников» прекратил свою деятельность в 1924 г. За время его существования состоялось 18 выставок.

С 28 февраля в Петербурге (ул. Мойки, 12) проходила VI выставка «Союза русских художников».

8 марта 1909 г. С.П. Каблуковым было получено письмо из редакции журнала «Весы» по поводу публикации статьи В.В. Розанова: «М. Г.! Редакционный комитет “Весов”, прочитав статью г. Розанова, просит передать Вам, что статью “Судебное недоразумение в Берлине” очень приятно было бы увидеть помещенной на страницах “Весов”, если бы только В. В. согласился выкинуть все те рассуждения об имп. Вильгельме, ибо рассуждения эти переходят в область политики, *не входящей* в программу “Весов”. Кроме того, хотелось бы статье и другое, более отвлеченное заглавие. Если В. В. ничего не будет идти против, мы выкинем те места, которые нам кажутся выходящими за пределы разрешенной программы “Весов”, и пришлем ему на утверждение корректуру. Статья могла бы пойти в мартовский №, поэтому ответ необходим *немедленно*. Вопрос о второй статье, ввиду некоторых разногласий среди членов ред. комитета, может быть разрешен лишь на ближайшем заседании комитета, т.е. 15 марта. Жду скорого ответа. Готовый к услугам Ликиардопуло».

Статья Розанова была напечатана в мартовском номере «Весов» См. запись в дневнике Каблукова от 27 марта.

9 марта

Сегодн. зас. Р.Ф. Об-ва, посвященное реферату г-на В.А. Тернавцева... – В.А. Тернавцев представил доклад «Империя и христианство». Впервые он был прочитан в декабре 1908 г. в Рели-

гиозно-философском обществе памяти Вл. Соловьёва в Москве. См.: Ермичёв А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. – М., 2007. – С. 54–55; Взыскиющие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрна и др. – М., 1997; Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах. В 3 т. – М., 2009. – Т. 1. – С. 521–553.

Тернавцев Валентин Александрович (1866–1940) – религиозно-общественный деятель, публицист, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода, один из активных участников Религиозно-философских собраний и Религиозно-философского общества в Петербурге.

13 марта

…я беседовал с Зинаидой Николаевной Мережковской… – Начиная с 1909 г., когда Каблуков становится секретарем Религиозно-философского общества, имя З.Н. Гиппиус упоминается в его дневнике регулярно. Там же он помещает и копии писем к нему Зинаиды Николаевны и свои ответы ей. Каблуков высоко ценил как личностные качества поэтессы, так и ее литературный талант. С самого начала знакомства он находится под сильным влиянием Гиппиус, разделяя и поддерживая сторонников «нового религиозного сознания». Но уже к началу 1910 г. намечается их расхождение во взглядах, касающихся религиозно-общественных вопросов. Многие стихотворения поэтессы Каблуков переписывал в дневник. Самому Сергею Платоновичу посвящено не одно стихотворение Гиппиус. Так, свою книгу «Собрание стихов», вышедшую в апреле 1910 г., она подарила Каблукову со следующей надписью: «Сергею Платоновичу Каблукову, с верою в его понимание, дружбу и сочувствие, любящий автор. 1 октября Х. СПб. З. Гиппиус» (ОР РНБ, ф. 322, ед. хр. 11, л. 107). По свидетельству С.П. Каблукова, они «не виделись и не беседовали с января 1917 г., т.е. всю революцию» (ОР РНБ, ф. 322, ед. хр. 63, л. 135), но с начала 1919 г., когда Сергей Платонович тяжело заболел, Зинаида Николаевна

часто звонит ему и 23 апреля, за восемь месяцев до смерти Каблукова, навещает его.

14 марта

...Н.Ф. Гейден, известный своим «благочестием» и ...глупостью. И, конечно, «истинно русский» в самом скверном смысле этих слов... – Гейден Николай Фёдорович (1856–1918) – граф, внук русского адмирала, сподвижника Ф.Ф. Ушакова, Л.П. Гейдена, генерал-майор, член Совета Русского Собрания (1900–1917) – общественно-политической организации ярко выраженной право-монархической направленности. В число ее членов входил А.С. Суворин, архиепископ Антоний Волынский (почетный член Собрания). Н.Ф. Гейден занимался широкой общественной деятельностью, был почетным опекуном Николаевского сиротского института и его Малолетнего отделения; хозяином широко известного в Петербурге «правого» салона; с 1915 г. он староста Казанского Собора. По воспоминаниям митрополита Евлогия (Георгиевского), это «был смиренный и добрый человек, глубоко набожный, чуть с оттенком юродства...» См.: Евлогий, митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. – М., 1994.

Антонин (Александр Андреевич Грановский; 1865–1927) – активный участник Религиозно-философских собраний в Петербурге, старший цензор Петербургского духовно-цензурного комитета (1899–1903), епископ Нарвский (1903), викарий Санкт-Петербургской епархии. Был возведен в архиерейский сан по инициативе митрополита Антония, который ценил его за образованность и ученые труды. Придерживался либеральных взглядов. В 1905 г. был членом Комиссии по выработке правил о свободе печати, где высказался за полную, ничем не ограниченную свободу печати с уничтожением всякой фигуры. Отличался незаурядными внешними данными, экстравагантным поведением и крайне неуживчивым характером. По воспоминаниям А. Бенуа, в еп. Антонине «поражал громадный рост, поражало прямо-таки демоническое лицо, пронизывающие глаза и черная, как смоль, очень гус-

тая борода. Но не менее меня поразило и то, что стал изрекать этот иерей с непонятной откровенностью и прямо-таки цинизмом» (Бенуа А.Н. Мои воспоминания. 1980. Т. 2. С. 293). В.В. Розанов, близко знавший еп. Антонина, так характеризовал его: «Любимый викарий митрополита Антония – вполне гениальный по характеру, уму, а главное – по росту совершенно исключительному <...> и силе. <...> Он не понимал дисциплины, правил и порядка. О нем, раз его увидев, сказал А.С. Суворин (мне): “Он может выдвинуться и что-нибудь сделать, если не сломит себе шею”. Он “сломил”» (См.: Розановская энциклопедия. – М., 2008. – С. 84–85). 8 февраля 1908 г. еп. Антонин был уволен, согласно официальной версии «по болезни». С.П. Каблукова и еп. Антонина связывали теплые, дружеские отношения на протяжении всей жизни Сергея Платоновича, которому импонировали сила характера Антонина, его бескомпромиссность, «крамольность», «революционность», «неблагонадежность» – качества, которые, как считал Каблуков, присущи и ему.

15 марта

Сегодня получено письмо из Лондона от Елис. Павл. Сувориной после 40-дневного перерыва... – Суворина Елизавета Павловна – жена Бориса Алексеевича Суворина, младшего сына А.С. Суворина.

...Говорили много об Антонии Волынском... – Антоний (Алексей Павлович Храповицкий; 1863–1936) – церковный и общественный деятель. Принял монашество на последнем курсе учебы в Санкт-Петербургской духовной академии. В 1897 г. рукоположен в епископа. С 1902 по 1914 гг. – архиепископ Волынский и Житомирский. Один из организаторов Союза русского народа. Имел репутацию консерватора, радикала и «черносотенца». Отношение к нему С.П. Каблукова было крайне сложным и неоднозначным. В молодые годы Антоний Волынский был для него «великим архиереем Божия». Его проповедь по поводу Кишиневского погрома Каблуков назвал «золотым словом». В письме от 5 мая 1903 г. он говорит об Антонии Волынском: «Да будет благословенна вовеки веков великая Церковь православная, имеющая таких корчемников, как преосвященный епископ Антоний. С ним она

может не бояться за свою будущность. Спокойно может смотреть она, как век за веком, волна за волной, гроза исторических треволнений, потоки страстей и мыслей человеческих клубятся и мечутся вокруг камня, на котором она утверждается, может смотреть не смущаясь, ибо верит в его несокрушимость. – Камень этот – Христос» (Ф. 322. Ед. хр. 14). К 1909 г. либерально настроенный Каблуков считает Антония Волынского, своего прежнего кумира, идеологическим противником, что неоднократно отражается на страницах дневника.

21 марта

Николов Анастас Николаевич – болгарин по национальности, руководитель хора «Кружка любителей церковного пения при братстве Преподобной Богородицы». Один из самых талантливых учеников С.В. Смоленского по Синодальному училищу, руководитель. По совету учителя А. Николов занялся собиранием и составлением сборника болгарских церковных песнопений. При содействии С.В. Смоленского Николов издал Литургию и вечерню по нотным рукописям XVII–XVIII вв.

Содержание доклада Струве в изложении газет «Речь» и «Слово» читатель найдет... – «Речь» (20 марта. № 77), «Слово» (20 марта. № 742). Сам доклад был опубликован в ж. «Русская Мысль», 1909. Кн. VIII. С. 148–156. См. доклад П.Б. Струве и отклики на него в кн.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). Т. 1. С. 554–566.

22 марта

...В «Новом Времени» напечатано письмо В.В. Розанову еп. Вологодского Никона... – 15 марта 1909 г. в «Новом Времени» В.В. Розанов опубликовал открытое письмо еп. Никону, в котором выступил за сокращение числа религиозных праздников как необходимую меру для «оздоровления народного». См. о Никоне статью В.А. Фатеева в кн.: Розановская энциклопедия. – М., 2008. – С. 648–651.

26 марта

...Упомянутые статьи носят заглавия «Возможный гегемон Европы» и «Дрезденская Мадонна»... – Статьи вошли в книгу «Итальянские впечатления».

30 марта

...Рассказы Сологуба в г. «Речь» и «Н. Газ.»... – См.: Сологуб Ф. Сон утешающий // Речь. 1909. № 86. 29 марта (11 апреля). С. 3; Сологуб Ф. Путь в Еммаус // Наша Газета. – 1909. – № 74. – 29 марта (11 апреля). – С. 3.

31 марта

Компанейский Николай Иванович (1848–1910) – духовный композитор, музыкальный писатель, один из самых активных сотрудников «Русской Музыкальной Газеты». См. о нем: Н.Ф. Финдейzen. Дневники. 1902–1909. – СПб., 2010.

2 апреля

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – политик, публицист, один из организаторов и лидеров партии кадетов, занимал пост товарища председателя кадетского центрального комитета и редактора партийного органа «Вестник партии Народной Свободы»; депутат I Государственной думы.

3 апреля

...«Иисус Назарянин» Ал. Ревиля... – Альбер Ревиль (1826–1906) – французский богослов, историк религии, писатель; относился к натуралистической школе, не признававшей элемент «чудесного» в земной жизни Христа. Именно в таком духе написана его книга «Иисус Назарянин».

5 апреля

Свенцицкий Валентин Павлович (1881–1931) – публицист, прозаик, драматург, проповедник, богослов, религиозный публицист; один из создателей Христианского Братства Борьбы (1905) и

Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва (1905), где был товарищем председателя. Осенью 1908 г. исключен из Религиозно-философского общества, признал справедливость обвинений «в ряде предосудительных действий». В 1917 г. рукоположен в иеряя. Один из деятелей «голгофского христианства».

Новосёлов Михаил Александрович (1864–1938) – богослов, духовный писатель, публицист, издатель, участник Религиозно-философских собраний 1901–1903 гг. В 1902–1917 гг. был издателем «Религиозно-философской библиотеки». В 1905–1918 гг. участвовал в работе Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва. В 1907 г. в Москве организовал «Кружок ищущих христианского просвещения», куда входили о. Павел Флоренский, С.Н. Булгаков, Ф.Д. Самарин.

8 апреля

...Вчера получена от Ликиардопуло телеграмма с вопросом, пришлет ли Розанов статью о Гоголе. Ответить не могу по незнанию... – 1-го апреля 1909 г. Каблуков получил письмо от секретаря журнала «Весы» следующего содержания: «М. Г. Статья В.В. Розанова, по всей вероятности, выйдет в № 5 или 6 “Весов”. Большинству “молодой” редакции она очень нравится, т.е. больших разногласий не будет. Ее пришлось немножко отсрочить ввиду 1) Гоголевского № (4); 2) распространения в Москве слухов, что “Весы” будут привлечены к суду за “Судебное недоразумение”. Большая к Вам просьба от имени редакции “Весов”. Нам очень хотелось бы иметь какую-нибудь статью о Гоголе В.В. Розанова для Гоголевского №, небольшую, страниц в 8–10. Мне кажется, что В. В. мог бы написать для (пропущено. – Е.К.) что-нибудь более интимное, такое, что другие издания не напечатали бы, или в которых он сам не хотел бы печатать. Вообще новая “молодая” редакция очень хотела бы, чтобы В.В. Розанов возобновил свою близость к “Весам”. Гоголевский № выходит в конце апреля, т.е. хотелось бы получить статью о Гоголе не позже середины Фоминой. Устройте, пожалуйста, это дело, буду очень Вам признателен. Кстати, гонорар за “Судеб. недор.” куда прислать? Вам или В. В.?

Искренно уважающий Вас
Мих. Ликиардопуло».

10 апреля

...это говорит К. Чуковский в лекции о Нате Пинкертоне... – В своей книге «Нат Пинкертон и современная литература» (1908) К.И. Чуковский высмеивал мещанско-буржуазную литературу и увлечение людей кинематографом. Впечатления от лекции на эту же тему, прочитанной Чуковским в Соляном городке, В.В. Розанов изложил в статье «К.И. Чуковский о русской жизни и литературе» («Журнал Театра художественно-литературного общества». Вторая половина сезона 1908–1909, № 9. С. 9–12). Мнение Розанова о статье Чуковского не совпадает с мнением Каблукова.

14 апреля

...Это привел А. Блок в докладе «Стихия и культура»... – В своем докладе, прочитанном на заседании Религиозно-философского общества 30 декабря 1908 г., Блок цитирует только «песенку русских бояков-хулиганов». См.: А.А. Блок. Стихия и культура // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). Т. 1. С. 387–395.

16 апреля

...Вчерашинее заседание Христианской Секции... – был заслушан доклад св. К.М. Аггеева «Индивидуализм в христианстве».

Соллертинский Сергей Александрович (1846–1920) – профессор Санкт-Петербургской духовной академии, доктор богословия. В 1888 г. рукоположен в священники.

Колачёв Владимир Яковлевич (1871–1916) – священник Санкт-Петербургского Петропавловского собора, один из участников группы «32-х» петербургских священников.

Раевский Павел Васильевич (1877–1940) – священник, публиковался в журнале «голгофских христиан» «Новая Земля».

21 апреля

На заседании, посвященном сборнику «Вехи», было прочитано два доклада: «Национализм и религия» Д.В. Философова и «Опять о интеллигенции и народе» Д.С. Мережковского (опубликован под названием «Семь смиренных» в г. «Речь» от 26 апр. (№ 112) и в г. «Русские Ведомости» от 25 апреля (№ 94)). О полемике, которая развернулась вокруг статьи Д.М. Мережковского, см.: Вехи: Pro et contra. Антология / Сост., вступ. ст. и примеч. В.В. Сапова. – СПб., 1998; Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). Т. 1. С. 665–670.

24 апреля

Митюрников Иван Иванович – владелец книжного магазина на Литейном пр., 31, в Петербурге.

27 апреля

...Сегодня в «Нов. Времени» напечатана его статья против Д.С. Мережковского... – Статья В.В. Розанова «Д.С. Мережковский против “Вех”: (Последнее религиозно-философское собрание)» опубликована в «Новом Времени» 27 апреля, № 11897. С. 3. Розанов называет выступление Мережковского, «опрокинувшегося на автора “Вех”», «обманчивыми и грустным» зрелищем. «От себя я скажу, – пишет Розанов, – что эта самая грустная и самая благородная книга, какая появлялась за последние годы. Книга, полная героизма и самоотречения». Из всех высказываний о русской революции он приводит то, которое считает «лучшим», «замечание одного нашего маленького декадента, Е.П. Иванова»: «Достоинство русской революции, – сказал он задумчиво, – заключается в том, что она не удалась». Говоря о значении сборника, Розанов пишет: «Раз появились “Вехи” – значит русская интеллигенция жива. Да не только жива, а перед нею лежит громадная будущность, лежит безграничная дорога».

Иванов Евгений Павлович (1879–1942) – детский писатель, религиозный публицист, активный участник работы Религиозно-

философского общества в Петербурге, издатель журнала «Церковно-общественный вестник» (1912–1913), друг А.А. Блока.

Лисицын Михаил Александрович (1871–1918/1919) – про-тоиерей, композитор, сотрудник «Русской музыкальной газеты».

Панченко Семён Викторович (1867–1937) – духовный и светский композитор, хоровой и симфонический дирижер, педагог.

6 мая

Дубровин Александр Иванович (1855–1921) – общественно-политический деятель, основатель и председатель «Союза русского народа» (1905), издатель его печатного органа – газеты «Русское Знамя»; организатор «Всероссийского дубровинского союза русского народа» (1911), сторонник абсолютной монархии.

Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906) – ученый и общественный деятель, член партии кадетов, основной разработчик аграрной программы партии; депутат I Государственной думы. Убит 18 июля 1906 г. в Териоках.

Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – один из организаторов партии кадетов, член ЦК, редактор партийного органа газеты «Речь». Депутат III и IV Государственной думы.

9 мая

Никифорова Аглаида Петровна (1874–?) – начальница женской частной гимназии, впоследствии близкий друг С.П. Каблукова.

10 мая

Статья «Архиепископ Антоний: Открытое письмо авторам сборника “Вехи” 1 мая 1909» опубликована в г. «Слово» 10 мая 1909. № 791.

...Из ответа последнего видно, до чего не умно это выступление моего бывшего сановного доброжелателя и единомышленника... – См. прим. 15 марта.

Арх. Антоний горячо приветствовал выход сборника «Вехи»: «Ваше дело, ваша книга есть событие, событие чистое, христианское, русское!» «Это слова любви, правды, сострадания и веры в людей, в наше общество», – писал он.

П.Б. Струве благодарит арх. Антония за то, что он «признал» в словах авторов «Вех» голос совести и убеждения» (ОР РНБ. Ф. 322, ед. хр. 4, л. 105).

21 мая

Садовской Борис Александрович (наст. фам. Садовский; 1881–1952) – поэт, прозаик, критик, историк литературы.

...как сказал Пушкин в эпиграмме... имеется в виду эпиграмма А.С. Пушкина на стихотворца Н.В. Неведомского: «Неведомский – поэт, не ведомый никем, / Печатает стихи, неведомо зачем».

5 июня

Волынский Аким Львович (нас. фам. Флексер; 1861–1926) – философ, литературный критик, искусствовед.

6 июня

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – государственный деятель, обер-прокурор св. Синода (1880–1905).

9 июня

...На страницах этого дневника должна быть изложена история моих посещений частного реального училища А.С. Черняева... – В дневнике 1909 г. об этом не упоминается.

14 июня

М.О. Гершензон, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк – авторы сборника «Вехи».

16 июня

Тернавцева Мария Адамовна – жена Валентина Александровича Тернавцева (1866–1940).

Соловьёва Поликсена Сергеевна (1867–1924) – поэтесса (псевдоним Allegro), детская писательница, издатель и редактор журнала «Тропинка», сестра Вл. Соловьёва.

...жена *Репина* (*Нордштрем Р.(?)*)... – Нордман Наталья Борисовна (1863–1914) – писательница (псевдоним Северова), гражданская жена И.Е. Репина.

«Стрёмата» Кирилла Ал~~ександр~~ийского – «Строматы» – сочинения Кирилла Александрийского.

...Мы много беседовали о Гр. Петрове... – Петров Григорий Спиридовович (1868–1925) – священник, общественный деятель, популярный публицист и проповедник, одним из почитателей которого был В.В. Розанов. В 1907 г. избран депутатом во II Государственную думу по списку Конституционно-демократической партии. В том же году за критическое письмо митрополиту Антонию запрещен в служении, в 1908 г. лишен сана. К 1909 г. отношение к нему Розанова резко изменилось.

Вл. Азов – Владимир Александрович Ашкинази (1873–1941) – журналист, фельетонист, переводчик; сотрудничал в московской газете «Новости Дня» (под псевд. Пэк), «Русских Ведомостях», «Русском Слове».

18 июня

А.М. Бутусов, Д.А. Черкесов – друзья С.П. Каблукова.

21 июня

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – политический деятель, монархист; один из основателей «Союза русского народа» (1905), после раскола которого возглавил «Союз Михаила Архангела» (1908); депутат II Государственной думы.

26 июня

…на основании одного письма… – См. приложение: Копия письма старого публициста к В.В. Розанову.

…Его статья о Гоголе… – имеется в виду статья В.В. Розанова «Магическая страница у Гоголя» (Весы, 1909. № 8, 9).

3 июля

…я читал «книгу лирики» Вячеслава Иванова «Кормчие звезды», изданную (в 1903 г.) 6 лет назад… – Имеется в виду первая книга Вяч. Иванова, получившая одобрительную оценку Вл. Соловьёва: Кормчие звезды: Кн. лирики. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903.

4 июля

…Вчера вечером окончил чтение «Истории греха» Стеф. Жеромского… – Стефан Жеромский (1864–1925) – польский писатель, драматург, публицист. В его романе «История греха» (1908, русский перевод – 1909), описана история молодой женщины, отвергнутой обществом и оказавшейся на «дне» жизни.

…Завтра в Троице-Сергиевой лавре открывается съезд монахов мужских монастырей под предс. Никона, еп. Вологодского и Тотемского… – На монашеском съезде, открывшемся 5 июля

1909 г. в Троице-Сергиевой лавре, присутствовало около 100 делегатов из разных епархий. С докладом «Нужды современного русского монашества» выступил архиепископ Никон (Рождественский), который остановился на самых наболевших вопросах монастырской жизни. «...С глубокою скорбию приходится наблюдать, — отметил он, — что монашество наше в духовном отношении все более и более опускается. Духовная жизнь гаснет в нем, а без нее и самое монашество теряет смысл». Одной из причин такого положения дел, считает архиепископ Никон, является ослабление внутримонастырской дисциплины. См. об этом: Иером. Серафим (Кузнецов). Всероссийский съезд монашествующих 1909 г.: Воспоминания участника. — М., 1999. — С. 49. С.П. Каблуков напряженно следил за работой съезда вплоть до его закрытия.

5 июля

Фёдоров Михаил Михайлович (1859–1949) – государственный и общественный деятель, управляющий министерством торговли и промышленности; в 1906–1909 гг. издавал газету «Слово».

10 июля

...прошу сообщить мне, где напечатан реф. Д.Вл. Философова «Национализм и религия» и кто есть автор «Коня бледного... — Доклад Д.В. Философова «Национализм и религия» был прочитан на заседании, посвященном сборнику «Вехи», 21 апреля 1909 г. См.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петропраде). Т. 1. С. 665: «Судя по отчетам, Д.В. Философов пересказывал тезисы своей статьи о “Вехах”, напечатанной незадолго до этого, “О любви к отечеству и народной гордости”» (Наша Газета. 1909. 26 марта (8 апреля). № 71. С. 1). Автор романа «Конь бледный», вышедшего в 1909 г. под псевдонимом Б. Ропшин, — Савинков Борис Викторович (1879–1925) – лидер партии социалистов-революционеров, один из руководителей ее «Боевой организации»; организатор и участник многих террористических актов. Название романа придумано З.Н. Гиппиус. См.: Гончарова Е.И. Проза Бориса Савинкова: Общественно-политический и литературный контекст эпохи: диссертация... канд. филол. наук. СПб., 2001; «Рево-

люционное христианство». Письма Мережковских к Борису Савинкову. – СПб., 2009.

...сравниваю с мнением Александра IV (Дубровина)... – см. прим от 6 мая.

...говорю еще о «Ваятеле масок» Кроммелинга... – Кроммелинк Фернан (1886–1970) – бельгийский драматург. В «Весах» (1909. № 5. С. 17–43) была опубликована его пьеса под следующим названием: Кроммелинк Ф. Ваятель масок. Трагический символ в одном действии <Перевод с французского, рифмованным стихом подлинника, и предисловие К. Бальмонта>.

12 июля

Ж.-Б. Северак – французский философ, социолог, знакомый Мережковских по Парижу.

...что за реферат читал Саванаролла-Свенцицкий?.. – З.Н. Гиппиус спрашивает о докладе В.П. Свенцицкого «Мировое значение аскетического христианства», который он прочитал 14 февраля 1908 г. на 7-м заседании Религиозно-философского общества в Петербурге.

...Не попалась ли вам его книжка недавняя – «Антихрист»?.. – Речь идет о книге В.П. Свенцицкого «Антихрист (Записки странного человека)». – СПб., 1908.

...Жаль, что с Татой-Натой раздружились... – З.Н. Гиппиус имеет в виду своих сестер – Татьяну Николаевну Гиппиус (1877–1967) и Наталью Николаевну Гиппиус (1880–1963).

13 июля

...а также письмо к нему о Вл. Соловьеве за подписью «Старый публицист»... – См. приложение: Копия письма Старого публициста к В.В. Розанову.

Спешнев Е.А. – председатель Комиссии по делам несостоятельный должника коллежского советника М.В. Пирожкова.

Карбасников Николай Павлович (1852–1921) – владелец частного издательства, основанного им в 1871 г. в Петербурге. Имел магазины в Петербурге, Москве, Варшаве, Вильно.

17 июля

Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889) – профессор права и публицист.

20 июля

...см. письмо ко мне Розанова, помещенное здесь на л. 321... –
«Дорогой Сергей Платонович! Мы опять позваны на это воскресенье к Репину в Куоккала, в 3 ч. дня, – на оригинальную их затею – “чаепитие с народом по 1 коп. за угощение”, – “со своими стаканами”. Едем в первый раз, берем с собой, – по их приглашению, – кухарку Пашу. Но в письме приписано: “Милости просим и всякого, кто бы с вами ни приехал”, – а как я знаю, что вы любопытствующий о вещах мира человек, да и повидаться с Вами хочется, то не разделите ли Вы с нами компанию? И мы на их “чаепитие” едем в 1-й раз. В таком случае не приедете ли в Куоккала к 3 час., – а я думаю приблизительно и ранее? Или не встретитесь ли с нами, когда мы будем проезжать через Териоки? Или не хотите ли к нам приехать в воскресенье с утра? Выберите удобную для себя комбинацию, – уведомьте, которую, дабы мы “глазели в окна вагона” или стояли на площадке, что, впрочем, будем делать и без письма Вашего, в надежде увидать черные кудри и готовый закричать рот. Жму руку.

Ваш В. Розанов.
Дача Хайкен ср<еда>».

Дурново Петр Николаевич (1845–1915) – государственный деятель, в 1884–1893 гг. директор департамента полиции, в 1900–1905 гг. товарищ министра, в 1905–1906 гг. министр внутренних дел.

Алексеев Евгений Иванович (1843–1918) – адмирал, главно-командующий русской армией во время Русско-японской войны (1904).

Стессель Анатолий Михайлович (1848–1915) – генерал-лейтенант; в 1904 г. сдал Порт-Артур японским войскам.

Иоанн Кронштадский (Иван Ильич Сёргиев; 1829–1908) – священник, настоятель Андреевского собора в Кронштадте, член Св. синода (с 1906), член Союза Русского народа; проповедник, духовный писатель, церковно-общественный деятель, при жизни почитаемый всероссийским пастырем и «святым батюшкой».

...Н.А. Морозова – известного «шиллесельбургца», просидевшего 28 лет в крепости... – Речь идет о Николае Александровиче Морозове (1854–1946), революционере-народнике, участнике покушений на Александра II. В 1882 г. был осужден на пожизненное заключение. До 1884 г. содержался в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, а с 1884 г. – в камерах Шлиссельбургской крепости. В ноябре 1905 г. после 25 лет заключения оказался на свободе. Автор многих научных трудов в области физики и химии. С 1918 г. и до конца жизни – директор Естественно-научного института им. П.Ф. Лесгафта.

21 июля

...по поводу статьи Д. С. «Бес или Бог»... – В июне 1907 г. Д.С. Мережковский прочел лекцию «О насилии», в которой поднял проблему «права на кровь», неизбежную при любом революционном выступлении.

23 июля

...На стран. этого «Дневника» я расскажу впоследствии историю моего знакомства с ним... – История знакомства С.П. Каблукова со С.В. Смоленским в дневнике за 1909 г. отсутствует.

25 июля

...вышла знаменитая «*Psychopatia sexualis*» Крафт-Эббинга, которую я давно хочу прочесть и иметь в своей библиотеке... – Книга немецкого психиатра и невропатолога Р. Крафт-Эббинга, вышедшая в 1886 г., была переведена на русский язык в 1887 г. См.: Крафт-Эббинг Р. фон. Половая психопатия. Для врачей и юристов. Пер. с нем. д-ра С.Б. Оречкина. Харьков: Изд. книжного магазина В. и А. Бирюковых, 1887. Перевод 1909 г. был сделан по двенадцатому и последнему изданию книги Р. Крафт-Эббинга.

Книга пользовалась популярностью в символистских кругах России. Впервые Крафт-Эббинг упоминается Вл. Соловьевым в «Смысле любви». А. Белый в романе «Между двух революций» говорит о том, что З. Гиппиус и Д. Философов читали «*Psychopatia sexualis*» Крафт-Эббинга, а В. Розанов в «Людях лунного света» вынужден признать, что эта книга является единственным источником знаний о современной сексуальной жизни.

30 июля

Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918) – государственный и общественный деятель, министр юстиции (1906–1915), председатель Государственного совета (1917).

13 августа

...и одновременно пришло и письмо Варв. Дм., которое я помещаю на л. 374 этой книги... – Письмо Варвары Дмитриевны Розановой:

«Получено 12 авг.

Сергей Платонович! Я очень рада, что В. В. кабинет будет в ваших руках, и когда он вам будет лишним, как в данный момент он нам мешает, а меня не будет, то может быть останутся дети из них кто-нибудь вы увидите будет чтить отца память, тогда пожалуйста им отдайте, если кто-нибудь захочет его сохранить. Я понимаю, что он попал туда, куда следует и мне с ним радостно расстаться. Только пожалуйста 17 число забудьте и никогда не

вспоминайте это. Кабинет В. В. и пусть он им и остается, только я буду покойна и довольна. Варвара».

16 августа С.П. Каблуков получил письмо от В.В. Розанова следующего содержания:

«Дорогой Сергей> Платонович> !

Дружба – один из лучших цветков в жизни. И если Вы дали мне с Варей “найти в мире этот цветок” в виде Вашего милого к нам отношения, то нам хочется, чтобы и Вы испытывали это удовольствие нашей к Вам дружбы. Письмо Вари не имело того смысла, какой Вы ему придали. Мебель совершенно Ваша, и Вы что хотите, – то и можете с нею делать. Только ради любви ко мне она выразила надежды, что Вы *сами* будете пользоваться, а при счастливом устроении Вашей судьбы, – и Ваши дети и т.д., но вообще не трети лица. Так> что это мебель только “заповедная”, не продаваемая, но абсолютная Ваша собственность.

Ваш В. Розанов».

14 августа

«радотаж» (от франц. Radotage) – вздорная болтовня.

19 августа

Уманов-Каплуновский (нас. фамилия Каплуновский) Владимир Васильевич (1865–1939) – поэт, прозаик, секретарь кружка поэтов «Вечера К.К. Случевского», коллекционер автографов.

Гинцбург Илья Яковлевич (1859–1939) – скульптор, профессор художественных мастерских.

20 августа

Мельников Павел Иванович (псевдоним – Андрей Печерский; 1818–1883) – писатель, историк.

Фарбман Михаил Семёнович (1880–1933) – заведующий редакцией издательства «Пантеон».

...будет такая же, как на монографии Мережковского о Лермонтове... – имеется в виду: Мережковский Д.С. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества. СПб. «Пантеон». 1908.

14 сентября

Бородаевский Валериан Валерианович (1874–1923) – русский поэт. В 1909 г. Вяч. Иванов в собственном издательстве «Оры», со своим предисловием издал сборник Бородаевского «Стихотворения. Элегии, оды, идиллии». См. о нем: Бугров Ю.А. К уединенному долу. Жизнь и творчество поэта Валериана Бородаевского. Курск, 2006.

27 сентября

...Сегодня напечатано в «Речи» стих. З.Н. Гиппиус «Zeppe-lin III» (см. ее письмо ко мне на лл. 427–428 этой книги)... – См. запись С.П. Каблукова от 5 и 13 сентября.

2 октября

Вейнберг Пётр Исаевич (1831–1908) – поэт, переводчик, историк литературы. По окончании Харьковского университета переехал в Тамбов, где служил чиновником особых поручений при губернаторе; редактировал неофициальную часть «Тамбовских губернских новостей», используя шутливый псевдоним «Гейне из Тамбова».

6 октября

...Сегодня узнал, что на вышедшую сегодня в свет книгу В.В. Розанова «Русская Церковь» (с. 39. СПб. 1909 г., тип. А.С. Суворина, ц. 40 к.) главное Упр. по делам печати наложило арест... – См. об этом прим. В.А. Фатеева к статье «С.П. Каблуков. О В.В. Розанове (Из “Дневника” за 1909 г.)»: В.В. Розанов: Pro et contra. В 2 кн. – СПб., 1995. – Кн. 1. – С. 486–487.

10 октября

…и статьей того же автора, имеющей появиться завтра… – С.П. Каблуков говорит о статье Д.С. Мережковского «Царство Глеба» (Речь. 1909. 11 октября).

2 ноября

Караулов Василий Андреевич (1843–1910) – частный поверенный при Красноярском окружном суде; депутат III Государственной думы от партии кадетов; в прошлом народоволец; с 1909 г. действительный член Религиозно-философского общества.

4 ноября

Боголюбов Дмитрий Иванович (1869–1953) – церковно-общественный деятель, миссионер, писатель.

Аничков Евгений Васильевич (1866–1937) – историк литературы, критик, фольклорист, приват-доцент Петербургского университета. В 1907–1908 гг. отбывал 13-месячное одиночное заключение за участие в крестьянском союзе.

15 ноября

…по поводу ст. М-ского «Земля во рту»… – опубликована в г. «Речь» 15 ноября 1909 г.

Васильев Афанасий Васильевич (1851–1929) – государственный и общественный деятель, публицист неославянского направления; с 1889 г. член Совета управления Главного общества российских железных дорог; в 1893–1896 гг. – генерал-контролер Департамента железнодорожной отчетности; в 1904–1917 гг. – член Совета Государственного контроля.

Филиппов Тертий Иванович (1825–1899) – государственный деятель, сенатор, действительный статский советник, Государственный контролер России; публицист, богослов, собиратель, ис-

полнитель и знаток народных песен. По своим взглядам был близок к «славянофилам».

Аксаков Николай Петрович (1853–1909) – публицист, философ, поэт, чиновник Государственного контроля; член созданного Т.И. Филипповым кружка «славянофилов».

19 ноября

...Обезобразили и Марсово поле нелепым «Севастополем»... – в 1909 г. в западной части Марсова поля был построен павильон для показа панорамы «Оборона Севастополя» художника Ф. Рубо. С 1909 по 1911 г. по распоряжению Николая II панорама экспонировалась на Марсовом поле, а затем была возвращена в Севастополь.

Боргман А.И. – друг С.П. Каблукова.

22 ноября

...я доказывал, ссылаясь на положения и факты, установленные в моей статье о «Православии и самодержавии» (по поводу книги «Le Tzar et la Révolution»)... – статья С.П. Каблукова с таким названием не обнаружена.

24 ноября

...Был вчера на лекции Вяч. Иванова «“Голубой цветок”. Новалис и его творчество»... – Лекция Вяч. Иванова «Новалис (Голубой цветок)» напечатана в его Собр. соч. В 4 т. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 739–741; Новалис (наст. имя Фридрих фон Гарденберг; 1772–1801) – немецкий писатель, поэт, мистик, один из представителей немецкого романтизма. «Голубой цветок» – символ романтического томления по невыразимому идеалу героя незаконченного романа Новалиса «Гейнрих фон Офтердинген» (1797–1800).

25 ноября

Каменская Анна Алексеевна (1867–?) – теософка, председатель теософского общества в России, издатель журнала «Вопросы Теософии».

Писарева Елена Фёдоровна – теософка, автор сочинений по теософии, переводчица.

Кудрявцев Константин Дмитриевич – теософ, секретарь Теософского общества, зав. редакцией «Известий Санкт-Петербургской городской думы».

26 ноября

Попов Иван Васильевич (1867–1938) – профессор Московской духовной академии.

29 ноября

Трегубов Иван Михайлович (1858–1931) – представитель толстовского движения, публицист.

4 декабря

...устраиваемый Мережковским в пользу А.А. Блока, оказавшегося в бедственном положении... – Неточность; вечер устраивался в пользу А.М. Ремизова. См. запись от 15 декабря.

Икскуль фон Гильденбрант (Гиллербанд) Варвара Ивановна (1850–1928) – баронесса; прозаик, издательница, общественный деятель.

15 декабря

...З.Н. Гиппиус, ее новое стихотворение, посвященное декабристам, написанное в тот же день... – Имеется в виду стихотворение «14 декабря» («Ужель прошло – и нет возврата?»); вошло

в «Собрание стихов. Книга вторая. 1903–1909» (М.: Изд. «Мусагет». 1910).

...новонайденные отрывки стихов Пушкина... – речь идет о стихах, представляющих десятую главу «Евгения Онегина».

...С одной стороны – «Клеветникам России», «Бородино», «В надежде славы и добра»... – Каблуков, очевидно, имеет в виду стихотворение А.С. Пушкина «Бородинская годовщина» («Великий день Бородина...»), которое было написано 5 сентября 1831 г. после получения известия о взятии Варшавы (этот день – 26 августа – совпал с годовщиной Бородинской битвы). Оно напечатано вместе со стихотворением «Клеветникам России» (Впервые: в брошюре «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина». СПб., 1831. С. 11–15).

18 декабря

Карпов Пимен Иванович (1887–1963) – крестьянский писатель, поэт, прозаик, общественно-политический деятель.

20 декабря

...Защищали модернистов Д.С. Мережковский, отчасти А.В. Карташёв и даже Троицкий... – Троицкий Сергей Викторович (1878–1972) – духовный писатель, переводчик, преподаватель Александро-Невского духовного училища.

21 декабря

...Сегодня Зин. Ник. Гиппиус сказала мне, что намерена написать стихотворение, посвященное мне, где сильно осуждается мое «увлечение» эстетизмом... – Речь идет о стихотворении «Довольно», которое посвящено С.П. Каблукову (Собрание стихов. Книга вторая. 1903–1909. М. Изд. «Мусагет». 1910).

29 декабря

Гессен Сергей Иосифович (1887–1950) – философ-неокантианец, ученик Г. Риккерта, приват-доцент Петербургского университета, один из создателей журнала «Логос» (1910–1914).

Базаров (нас. фам. Руднев) Владимир Александрович (1874–1959) – экономист, публицист, философ-марксист, один из теоретиков «богостроительства».

Ландау Григорий Адольфович (1877–1941) – философ-неокантианец, публицист, сотрудничал с г. «Вестник Европы», «Северные Записки»; член партии кадетов.

Болдырев Дмитрий Васильевич (1885–1920) – философ, общественный деятель, публицист, печатался в журнале «Русская Мысль».

Трофименко Василий Давидович – коллежский секретарь, чиновник администрации Петербургского университета, член Религиозно-философского общества.

Жаков Каллистрат Фалалеевич (1866–1926) – этнограф, фольклорист, лингвист, писатель, философ.

Столпнер Борис Григорьевич (1871–1967) – переводчик философской литературы, участник социал-демократического движения.

Вступит. статья, публикация и комментарии Е.М. Криволаповой

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Голубков Андрей Васильевич (р. 1976), кандидат филол. наук, ст. научный сотрудник Отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН, автор статей по истории французской литературы XVI–XVIII вв.

andreygolubkov@mail.ru

Махов Александр Евгеньевич (р. 1959), доктор филол. наук, профессор РГГУ, вед. научный сотрудник ИИОН РАН. Автор книг: «Ранний романтизм в поисках музыки» (1993), «Hostis antiquus: Категории и образы средневековой демонологии» (2004), «Musica literaria: Идея словесной музыки в европейской поэтике» (2005), «Средневековый образ: Между теологией и риторикой» (2011) и др.

intrada1@yandex.ru

Чекалов Кирилл Александрович (р. 1959), доктор филол. наук, зав. Отделом классических литератур Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН. Автор книг: «Маньерилизм во французской и итальянской литературах» (2001), «Формирование массовой литературы во Франции» (2008), статей по истории французской и итальянской литературу XVI–XIX вв.

ktchekalov@mail.ru

Коровин Владимир Леонидович (р. 1972), кандидат филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова, автор монографии «Семен Сергеевич Бобров. Жизнь и творчество» (2004).

korovinv@yandex.ru

Курилов Александр Сергеевич (р. 1937), доктор филол. наук, гл. научный сотрудник Отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН, автор книг: «Традиции русской критической мысли» (1974), «История русского литературоведения» (1980, в соавт. с П.А. Николаевым и А.Л. Гришуниным), «Литературоведение в России XVIII века» (1981), «Виссарион Белинский» (1985).

Тел. (495) 612 61 36

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2012 – № 31

Художник В.Д. Дольский
Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор И.Б. Пугачева

Свидетельство о регистрации журнала № 003610 от 25.02.2000
Адрес редакции: 117418, Москва, Нахимовский просп., 51/21,
ИНИОН РАН. Отдел литературоведения

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.0.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 14/V-2012 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ л. 21,75 Уч.-изд. л. 17,0
Тираж 400 экз. Заказ № 71

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,**
Нахимовский проспект, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел./Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9